

Ольга Бондырева

БЕЗ АУДИО

Иногда сказка заканчивается. Что делать, если ты превратился из спасителя в пленника? Если тебя предали друзья, приговорив к мучительной смерти; если выжил и стал игрушкой в чужих руках? Но больше нет наивного мальчика, только слуга Бездны. Сможешь ли ты освободиться, не перерезав нить собственной жизни? Как понять, что за роль отвели для тебя в этой нелепой и страшной игре? Тебе придётся заплатить нечеловеческую цену, чтобы получить ещё один шанс: родиться заново, преодолеть боль потерь, не потеряв себя, и отомстить тем, кто обрек тебя на ад. Ведь это так сложно — жить без души.

Они быстро на мне поставили крест.
В первый день, первой пулей в лоб.
Дети любят в кино вскакивать с мест,
А я забыл, что это окоп...
Редьярд Киплинг

Пролог

За магическим куполом шел дождь. Большие капли отскакивали от преграды и продолжали отбивать похоронный марш, лопааясь крупными пузырями на поверхности океана. С рассветом начался шторм. Белая звезда еще не успела подняться над водой, как тяжелые тучи прочно стянули небо. Волны с упорством накатывали на каменистый изрезанный берег, силясь прорваться за барьер. И отступали, проигрывая магии. Мир погрузился в траур. Только разыгравшаяся буря не хотела мириться с тем, что должно было произойти с минуты на минуту, и продолжала посылать высокие волны на штурм острова. И соединившись с ветром, они вновь бились о купол и осыпались пенными брызгами.

Внутри защитного барьера царили уют и покой. Безымянные слуги расставили кресла правильным полукругом так, чтобы никто не пропустил самый важный момент дня и смог насладиться предстоящим зрелищем. Да что дня? Даже не года... Эпохи. О том напишут книги, вспомнят в летописях, расскажут перед сном своим детям, как хорошую сказку со счастливым концом. Ведь на этот день назначили казнь преемника безумной госпожи. Казнь зла, которое удалось вырвать на корню. Молодой темный мастер не успел оставить наследника. Всего через несколько часов со злом будет покончено.

На этот раз — навсегда.

Сам король не побрезговал посетить мрачный остров, взяв с собой молодую жену. Они прибыли совсем недавно в окружении аристократии, также приглашенной на сегодняшнее празднество. И сейчас представители древних родов занимали свои места в ожидании зрелища.

Под бдительным присмотром стражи и магистров заканчивались последние приготовления к предстоящей казни.

Небо продолжало плакать...

А после мясо с размаху швыряли на блюдо,

И пили охотники в честь величайшей победы

Над силой природы, ее тонконогое чудо

Убили люди. Наши отцы и деды...

Андрей Белянин

За куполом шел дождь.

Я не слышал, но представлял мелодию, которую он мерно барабанил по тонкой поверхности. Раньше мне нравилось дремать под этот шелест, завернувшись в одеяло, и думать: как хорошо находиться в тепле, дома, когда за окнами бушует стихия. Всегда любил дождь. Даже сейчас было приятно знать, что он пришел проводить меня в последний путь. Когда-то давно мама сказала мне, что дождь в дорогу — хорошая примета.

Я стоял на краю небольшой круглой площадки, выложенной серым, отполированным до идеальной гладкости камнем, в окружении стражи: лишенных сознания существ, некогда бывших людьми. И наблюдал за приготовлениями к казни: как слуги расставляют кресла для знатных гостей, как заботливо колдуют магистры, натягивая между эшафотом и зрительскими местами тонкую пленку защитных импульсов.

Бежать не имело смысла. Стражи поглощали и магические, и физические силы любого человека. Но нет, не они мне мешали — последний год я не ощущал этих существ. Может, помогло то, что во мне ничего не оставалось: ни сил, ни желаний, ни сомнений. Память превратилась в старую затертую киноленту. Черно-белые кадры из прошлого у в голове не содержали никаких эмоций: ни положительных, ни отрицательных. Или виной этому стала темная магия, отравившая мою кровь и совершенно бесполезная — я не собирался ею пользоваться.

Зачем?

Бежать просто не хотелось.

Чтобы сойти с ума иногда достаточно мгновения. А мне слепая пряжа отвела долгие семь лет.

Наконец, все заняли свои места, и маленький невзрачный человек в сером камзоле и забавной шляпе начал объяснять, в честь какого события достопочтимые господа собрались в столь плохую погоду на острове посередине Ледяного океана. Так подробно и красочно, словно здесь мог находиться кто-то незнающий. Речь человечка переполняли пафосные, громоздкие фразы, отступления и длинные, не несущие смысла, но красивые обороты. Все слушали так, будто бы действительно не знали. Правда, приглашения начали рассылать еще за полгода. Но разве это важно? Мне самому, например, о предстоящей казни сообщили только вчера. Какая ирония. Что бы было, если бы главное действующее лицо не появилось на арене?

Мечты...

Даже столько лет спустя во мне продолжало оставаться что-то от прежнего себя.

Ироничного, наглого, преданного реалиста, который попал в сказку. Преданного... — слишком близко к слову «предательство».

Человечек уже подобрался к самой сути, и вот-вот должно было начаться представление. Но нет, первый номер принадлежал не мне. Так получилось бы слишком быстро и просто, а собравшиеся господа жаждали настоящей драмы. Так что меня наверняка оставили на десерт.

То ли на сцену, то ли на эшафот два стража под руки затащили совсем обессиленного человека. Глядя на грязные спутанные волосы, еще можно было вспомнить волну белоснежных, всегда аккуратно уложенных прядей. Даже в судорожных движениях угадывалась спесь наследника одного из светлых лордов, пусть и незаконнорожденного, который решил отомстить отцу и проиграл.

Руин Авелль. Ему удалось скрываться целых четыре года. Немногие слуги темного мастера могли этим похвастаться. Но Бездне неважно, кто ты: лорд, крестьянин или обычный мальчишка. Я ведь все слышал, соседями были. Руин перестал кричать через месяц после того, как его схватили. Сегодня он перестанет существовать. Как и я.

Когда вчера мне зачитали приговор, я пару мгновений пытался найти опору... ту секунду, на которую сердце сбилось с ритма, пропустив удар. Потом вернулось безразличие. Я давно не боюсь. Только теперь прежнее равнодушие стало каким-то отчаянным. Эти несколько часов до казни я повторял и повторял, что мне все равно, что хуже не будет, что я не боюсь.

Да, я не боюсь!

Вы слышите, боги? Я не боюсь ни смерти, ни вашего несправедливого суда!

А может и боюсь. Страх ведь не грех.

Горько улыбнулся. Сколько помню, всегда любил спорить с собой. Теперь эти странные споры никогда не будут закончены. Так и останутся оборванными фразами в холодном воздухе мрачного острова Бездны. Я ведь много чего любил, еще больше ненавидел. Все исчезнет, уйдет, словно и не было: ни мыслей, ни стремлений, ни памяти. Пустота, где совсем недавно билось чье-то сердце. Так всегда происходит.

Странное ощущение — знать, что через какое-то время меня не станет. Останется пустое тело, а душа уйдет. Впрочем, никто не знает, что случается с человеком после того, как его отдают Бездне. Никто не возвращался, чтобы рассказать. В конце концов, казнь лишь поможет мне освободиться. Наверное, это единственное моё желание, кроме мести.

Руину неспешно зачитывали приговор. Пособничество силам безумной госпожи, принятие темного знака, предательство своего дома и родного мира, убийства, пытки, запрещенные эксперименты, что-то еще. Ради него даже закон изменили, ведь до этого детей старших домов нельзя было подвергать публичному суду или казни. Но учитывая, кем является его отец — ничего удивительного нет.

Только боль.

Невзрачный человечек продолжал зачитывать грехи, но я не вслушивался в предсмертное перечисление преступлений Руина. Мои гораздо интереснее услышать. Что они сочинили?

С Авелля сняли цепи, и человечек, поправив свою забавную шляпу, пискляво спросил о последнем желании приговоренного.

— Смерти... — ветер донес до меня.

Мудро. Я даже ощутил укол зависти: меня такой привилегии лишат. Жаль. Быстрая

безболезненная смерть лучше уготованной мне мучительной агонии.

Выражения лиц гостей говорили о незаслуженно отобранной игрушке, но просьбу Руина выполнили. Стоящий около помоста маг в черной громоздкой хламиде сотворил небольшой импульс остановки сердца и легким пассом кинул в мужчину. Миг — тело моего врага, изогнувшись дугой, упало на деревянные доски помоста. Даже отсюда, сквозь небольшую щель, была видна детская надежда, застывшая в некогда непроницаемых серых глазах. Что ж, еще одно имя можно вычеркнуть из длинного-длинного списка. Теперь моя очередь...

Тело Авелля оттащили в приготовленную загодя яму, наскоро закидали землей и гостям вывели главное блюдо сегодняшнего дня.

— Иномирец Сергей, также известный как светлый лорд Серег. Вы обвиняетесь в служении злу и безумной госпоже, пособничестве темному мастеру, убийстве Видящего князя Шарисса — повелителя старшего народа, короля людей Адриана Завоевателя, главы пятой гильдии Тины... — последовало долгое перечисление имён и титулов убитых мной людей.

— ...В применении пыток и проведении запрещенных ритуалов, экспериментов над мертвой материей... — и снова ни о чем не говорящие мне слова — видимо, названия тех самых ритуалов, о которых я даже не слышал.

Человек продолжал читать, но уже не слушал, опустив голову; исчезла надежда, что может хоть сейчас они не станут лгать. Какая польза от лжи, когда и так уже все решено и правда ничего не изменит? Такое наивное желание оставить этот мир не оболганным рассыпалось. Хотя в чем-то маленький человечек был прав: они все погибли из-за меня.

Перечисление моих грехов растянулось на добрый час. Переборю себя, я с жадностью рассматривал сидящих в своеобразном открытом зале людей. Как много знакомых лиц... слишком много. А я ведь помню, как они улыбались мне, смеялись над моими шутками, как считали меня спасителем. А теперь я вижу лишь презрение и разочарование. Взгляд добрался до первого ряда, и скулы свело из-за гримасы ненависти и отчаянья — не успею даже задеть... нет, не дотянуться. Не отомстить... больно...

Словно откликаясь на мои мысли, человек закончил читать:

— Приговор подписан королем всех людей Даликом первым, — мой бывший друг встал и важно кивнул, разрешая начинать. Правильное лицо осталось каменно спокойным, Далик не позволил себе даже капли эмоций. Когда он успел так измениться? Добрая, заботливая Ларин, сидящая рядом со своим мужем, бросила на меня брезгливый, быстрый взгляд и отвернулась.

Нет.

Не дотянуться...

— Лорд Сергей, ваше последнее слово?

Я усмехнулся. Что можно им сказать? Что не виновен? — я сам в это не верю. Пожелать мучительной смерти? Глупо. Гордо промолчать? Что-то сказать нужно. Возможно, эхо моего голоса предаст сил, чтобы также спокойно шагнуть навстречу Бездне.

— Небо меня оправдает... — я не узнал себя: каркающий еле слышный хрип — вот и все, что осталось от поставленного в музыкальной школе голоса.

Как бы я хотел, чтобы дождь прорвал барьер! Почувствовать, как холодные капли смывают боль и усталость, успокаивают. Ощутить соль слез на своих губах. Одиночество в тюрьме сделало меня пафосным, но это не меняет сути.

Только бы не заплакать.

Стража подвела меня к щели — дороге в Бездну. В ширину тонкий разлом можно было переступить одним шагом, и в длину всего метров пять. Но глубина... Говорят, эта трещина идет до самого центра мира, пробивает его и выходит в пустоту, где обитает Ничто. Может быть, это даже правда. Я давно понял — случается все. Здесь не мой родной мир, подчиняющийся законам природы.

Из трещины поднимался густой туман. Он извивался причудливыми спиралями, и казалось, надо только всмотреться — поймешь, что хочет тебе сказать Бездна. Легкое серебристое сияние стелилось на несколько шагов от трещины по земле, окутывая босые ноги и согревая. Успокаивая. Бездна не любит сопротивления, ей нравится высасывать душу из приговоренного человека медленно, с наслаждением, чтобы жертва успела получить ни с чем несравнимое удовольствие от запредельной боли.

Последним рывком с меня сдернули цепь и толкнули прямо в объятия тумана. И всего на секунду захотелось струсить, закричать, что я невиновен, попытаться вырваться. Но слабость прошла. Я не стану их умолять, не стану... нет, пусть все случится... главное не заплакать...

Холод пронизывал тело до костей, обращая кровь в венах льдом, и в тоже время где-то внутри зарождалось тепло. Туман осторожно поднял меня над трещиной, ласково укутывая и убаюкивая. Похоже, Бездне понравилась новая игрушка. Я ожидал чего-то отвратительного, но сгустившийся воздух заключил в нежные крепкие объятия. И... Бездна поцеловала меня до боли знакомым вкусом губ, вместо того, чтобы вытянуть душу. Она проникла в меня, острыми когтями боли закрепившись у сердца.

Говорят, тихая госпожа приходит в обличье любимого человека. Я поверил в это, услышав похожий на перелив колокольчиков серебряный смех моей Ирэн сквозь пелену пустоты, которая заволакивала сознание. Словно она жива и где-то рядом — только прикоснуться нельзя.

Упал. Тонкие нити между душой и телом со звоном лопнули, и я будто со стороны увидел, как вырвавшись из плена взъярившейся Бездны, радостно она рванула ввысь.

Лети к солнцу! Лети домой, туда, где тебе будет лучше...

Осталась пустота... ни боли, ни страха, ни времени. Только где-то в самой глубине, на самой грани сознания остался, теперь уже бесполезный, разум. Словно со стороны я смотрел, как два стража подняли мое тело на ноги и держали, пока маги проводили диагностику казненного человека — того, что осталось от лорда Серега. Потом осторожно приблизились гости: кто-то потыкал меня пальцем. Я видел это, но не чувствовал. Наконец, подошел Далик. Он приблизил лицо почти вплотную и тихо прошептал, глядя в выцветшие бессмысленные глаза.

— Видишь, Серег, как удобно быть другом героя? Ты уже не нужен, а меня помнят. Помнят, что я помог иномирцу уничтожить мастера, хоть сам спаситель оказался предателем. Весь фарс стоил того, чтобы получить корону и власть. Мой дорогой друг, посмотри, кем я стал благодаря тебе, и что получил ты. Жалкое зрелище.

Как же хотелось плюнуть ему в лицо. Но я не смог даже моргнуть.

Действительно... жалкое зрелище.

Меня отвели в камеру. Нет, не туда, где я коротал последние годы. В камеру смертника.

В таких существовали те, кого слепая пряжа давно вычеркнула из списка живых. Ни удобств, ни нормальных стен. Ничего. Каменный гроб на несколько метров с крошечным окошком под низким потолком, который покрывал темный мох.

Потянулась вечность.

Каждый день казался годом. Изредка приходил старый надсмотрщик и через силу вливал мне в рот пару глотков воды. Умения, чтобы покормить своего подопечного, у него не хватало. Впрочем, потребности в еде я не чувствовал. Тело медленно умирало. Раз в день тот же надсмотрщик убирал за мной. Это было невыносимо стыдно. Я кричал. Кричал как никогда раньше, как не кричал даже первые дни здесь. Ни звука не удавалось выдать, но я продолжал кричать.

За что мне это? Создатель, прошу тебя, ответь. Неужели только за глупость? Я уничтожил все зло этого мира, кроме себя. Но кто мог знать, что, умирая, темный мастер сумеет перенести часть знаний и способностей в своего врага. Что это было? Мечь? Или обычное желание оставить после себя хоть что-то? И в тот миг, когда меч прервал существование Эрика, вся его сила, знания, память — все это стало моим.

Но потом стало хуже. Темный мастер умер. Угрозой стал я.

Кто сказал это — решил, что я опасен? И сумасшедший не мог выдумать подобное. Думаю, им нужен был только повод. Но это уже неважно. Меня заключили в самом страшном месте, какое только можно вообразить. Эта тюрьма — своеобразная застава на пути Бездны. Обитающее в ней Ничто — ненасытная тварь, которая любит чужие страдания и боль. В этой крепости, возносящейся на невообразимые высоты много тех, над кем Бездна может издеваться, контролируя их сознания и посылая заключенным свои видения — самые кошмарные воспоминания, — высасывая из людей чувства и эмоции. Сюда доставляют пленников и из соседних миров. Не просто преступников... нужно совершить что-то по-настоящему ужасное, чтобы попасть на остров в Ледяном океане. Даже убийство не повод обречь провинившееся существо на такие муки. Но пока здесь есть чем поживиться — остальные могут спать спокойно. Ничто не вылезет из своего убежища. Лишь изредка нужно преподносить ему подарки — души заключенных.

Это всегда были души маньяков, насильников, темных магов, служителей безумной госпожи. Я стал исключением из правил. В прошлом герой, сегодня — сломанная кукла. Когда это произошло, все отвернулись от своего спасителя, даже друзья. Хотя нет, не даже. Друзья отвернулись от меня в первую очередь. Осталась только Ирэн. Семь лет, проведенные мной здесь она часто навещала меня, что-то рассказывала. Пару раз получалось пронести книги и мой фотоальбом, который я захватил, когда только-только отправился спасать этот мир.

Ирэн пыталась вытащить меня из тюрьмы. Даже достала какую-то закрытую информацию. А потом надсмотрщик сказал мне, что я стал вдовцом — ее тело нашли в одном из столичных парков: может, столкнулась с последователем мастера, может, с обычным грабителем. Вот только я был абсолютно уверен, что ее убил собственный брат, который не захотел оставлять трон и терять власть.

Все очень просто... за эти года я понял: мастер с простым человеческим именем — Эрик — не был таким уж злом. Даже ему чуть-чуть, но было знакомо слово честь.

В мире без войны — правит подлость.

Размышления... все, что мне осталось. Иногда надсмотрщик, пытаясь меня напоить, рассказывал, что устроился сюда ради того, чтобы хоть немного помочь своей дочери,

которую посадили в тюрьму за убийство беременной наследницы старшего лорда; как девушка умерла здесь, а он остался, ведь с острова просто так не уплывешь и не уволишься. Он рассказывал что-то еще, но я не запоминал, только удивлялся, как он не потерял здесь теплоту сердца.

Тело умирало. Я знал это. Отсчитывал каждую секунду до того, как ненавистный кусок мяса перестанет жить, дышать, мучить меня. Надеялся, что следующий вдох станет последним, что больше не нужно будет пускать слюни, когда тебя пытаются напоить, и делать под себя. Одиночество и пустота рядом с сердцем стали моими спутниками и друзьями, лучшими собеседниками — они не могли предать или перебить, все понимали и принимали. Я переосмысливал свою жизнь, и хотелось смеяться. Так мог потратить драгоценные дни только глупец. Выслушать сказку о злом волшебнике и сломя голову побежать всех спасать. А получилось в итоге? Ну, спас я мир, похоронил многих близких мне людей, даже убил мастера. И что дальше? Ничего... сгнию я заживо в этой камере, и похоронят меня, обернув грязной тряпкой, в яме рядом с другими казненными. Даже имени не напишут. Но мне все равно. Лишь бы скорее уйти.

Прошло чуть больше недели.

Не знаю, как я до сих пор жив. Надсмотрщик тоже качает головой. Он принес мне одеяло, чтобы совсем не околел. Зима не умеет жалеть. Белые месяца редко кто-то из смертников переживает. Один к двадцати — даже меньше. Ничего, значит, совсем чуть-чуть осталось ждать...

«Холод... жуткий холод» — так говорит надсмотрщик. Моему телу должно быть очень холодно. Со стороны я вижу, как судорожно сжимается грудная клетка, и белые губы, селятся вырвать хоть еще один глоток ледяного воздуха. Вижу, как конвульсивно дергается тело, пытаюсь на остатки сил выдавить из заплевываемого одеяла кроху тепла. Вижу, как пар вырываясь изо рта, застывает хрустальным облачком — и это красиво, а давно нестриженные волосы повисли сосульками. Наверное, мне очень плохо... больно. Я даже сочувствую своему телу. Но в то же время каждая судорога — это еще один шаг на пути к свободе.

Тело засыпает, прикрывая глаза заледеневшими ресницами. Несколько часов царит чернота, затем холод заставляет оболочку вырваться из липких объятий ледяной, но такой желанной смерти, чтобы снова провалиться в беспамятство.

Снова и снова.

А потом ко мне пришла тихая госпожа — так здесь называют смерть. Усталая, печально ссутулившаяся девочка в сером, старом балахоне и опухшими от слез глазами. Она шла босиком по холодным склизким камням, не отбрасывая тени и оставляя за собой тонкой дорожкой кровавый след. Ее тонкие руки сжимали песочные часы: в верхней части совсем не осталось драгоценного времени. Я понял, что существую последние мгновения... Песчинка, еще песчинка. Время медленно пересыпалось в нижнюю часть крошечными крупинками. Ну же, чуть-чуть.

Но что-то пошло не так.

Стоило тихой госпоже прикоснуться своими холодными пальчиками к моему лбу, а сердцу радостно замереть, как Бездна капля за каплей начала просачиваться из моей крови, словно только и ждала этого момента. Тонкими нитями пустоты она принялась бережно сшивать тело и разум, заполняя собой сознание. Внутри заструилось тепло, заставляя сердце стучать в сладкой истоме, и я снова почувствовал глухие удары.

Смерть печально улыбнулась и так же медленно пошла к двери. Мне хотелось

закричать, чтобы она остановилась... «Прошу! Вернись! Я не хочу продолжать это существование...». Девочка замерла у порога, по бледной впалой щеке скатилась кровавая слеза. Рука тихой госпожи дрогнула, и песочные часы моей жизни разбились вдребезги о холодный пол камеры. Но я продолжал дышать.

Затем пришла боль. Болели атрофированные конечности, болело внутри, скручивая от голода желудок. Болело все. А Бездна — моя умелая пряжа, восстанавливала тело, все прочнее и прочнее соединяя его с сознанием, словно собирала сложную мозаику.

С утра в камеру зашел Микель — мой надсмотрщик.

— Живой, — безразлично констатировал он.

В его руках как всегда были грязный стакан с водой и плоска с каким-то месивом. Еду мне приносили, потому что так прописали в своде правил. Все равно не съем, а потом ее, наверное, отдадут другим, действительно живым заключенным.

Я дернулся, пытаюсь приоткрыть рот. Боль снова резанула ножом по сердцу, но есть хотелось сильнее. Микель едва не выронил миску с едой. На его лице ясно читались сомнения. Да — труп не мог двигаться, это выглядело противоестественно, и надсмотрщику необходимо было немедленно доложить о том, что казненный человек дернулся. Но Бездна не позволила этому случиться, она вытянула вперед тонкое щупальце, бережно погладив мужчину по седой голове. Взгляд Микеля затуманился, а сам надсмотрщик шагнул ко мне.

— Молодец! Давай маленькую ложечку сначала, чтобы не подавился.

Чистая душа у этого человека, если даже Бездна не смогла лишить его доброты...

Я смог съесть всего три ложки. Каждый глоток напоминал раскаленный свинец, но все-таки это помогло.

Опять потянулись дни...

Сначала я не пробовал даже шевелиться. Знал — пока нельзя. Тело все больше и больше становилось моим. Первые робкие движения пальцами, кивок головы. Глубокий вдох. Несколько раз из-за боли я терял сознание. Но становилось лучше. Я начал медленно разрабатывать руки, начиная с кистей, переходя к локтям и плечевым суставам. Потом ноги. Оказывается, это сложно — сгибать их в коленях, пытаться шевелить пальцами. И все очень осторожно, чтобы никто не заподозрил, что я возвращаюсь к жизни. Ведь если сознание одного старика можно затуманить, то сил на всех надсмотрщиков не хватит. Только ночью, когда даже стражи оставляли коридоры и поиски живых игрушек, я позволял себе заниматься восстановлением. Несколько часов тренировок, а потом снова неподвижное состояние, пока Бездна продолжала исцелять мое тело.

Странно, но я был благодарен за спасение. Бездна подарила мне возможность дотянуться до предателей. Поставить, наконец, точку в этой неправильной истории. Еще через какое-то время занялся магией, осваивая ее с нуля. Бездна оказалась хорошим учителем — за каждую ошибку я платил болью, но так дело шло быстрее.

Кончилась короткая зима. Я остался единственным казненным заключенным: остальные ушли в серость за тихой госпожой: так сказал Микель. Ничего, скоро найдут новых смертников. Холод отступал под натиском весны. И как-то ночью я, наконец, решил сделать несколько пробных шагов. Умение снова ходить, как нормальный человек, мне так же предстояло восстановить. Единственное, что останавливало меня — возможность упасть и не суметь к утру вернуться на узкую доску, заменяющую постель. Медлить было глупо и бессмысленно, а страх с Бездной оказались несовместимыми понятиями. Впрочем, для начала пришлось учиться садиться. Даже настолько простое действие было для меня

невообразимо мучительным: травмы прошлого не давали о себе забывать ни на один вздох. А залечивать их Бездна не сочла нужным.

Возможно, считала, что я должен чувствовать хоть что-то... хотя бы боль.

Пришлось потратить три дня на то, чтобы подняться. Затем осторожная попытка встать, держась за стену, падение... Снова попытка и, конечно, следом неминуемое падение. Сложно. Попытка, падение, боль... и так раз от раза. Но я всегда был прилежным учеником, и не оставлял попыток. Все равно понятия «отчаянье», «лень» и «неуверенность» стали для меня обычным набором звуков. Больше месяца потребовалось, чтобы, встав, не упасть.

Самое важное — маленький шаг.

Это напомнило сказку о русалочке: будто бы сотни острых игл впивались не только в ступни, но и во все тело — пронзали насквозь кости и разрывали сосуды. Я до крови кусал губы, чтобы не потерять сознание или не закричать. Новая боль отрезвляла, заставляя идти дальше.

На восстановление ушло больше двух лет. И за это время никто не захотел узнать судьбу казненного спасителя. Никого не заинтересовал тот факт, что я продолжал дышать, а не упокоился на островном кладбище, где в небольшие ямы скидывали до десятка мертвецов. Неделя, может месяц, и тело без души умирало: так было всегда. Видимо, остальные решили, что так случится и в этот раз — не стоит уделять внимание уже умершему человеку.

Они ошиблись.

Два года я существую без души с Бездной в сердце. И она говорит, что скоро у меня появится шанс отомстить. Или хочу думать, что это Бездна, а не я желаю смерти предателям.

Знаете... это страшно — жить без души. Страшно день ото дня ощущать сосущую пустоту внутри, которую не заполнить ничем, даже кровью. Возможно, я не привыкну к ней никогда. Только вот слово «страшно»: что оно обозначает? Ряд ассоциаций и больше ничего. Я по-прежнему понимаю, но почувствовать не могу.

Что от меня осталось? Кто я? Кем стал? На это находится простой ответ: я всего лишь тень: кусок мяса с заточенным в нем разумом. Настоящий Сергей давно ушел в чертоги тихой госпожи. Наверное, ему стыдно за меня: за то, что делаю и о чем думаю. Теперь, когда я умру, это действительно станет концом. Ведь меня уже нет. И никогда больше не будет. Вместе с предметом исчезает его тень. Все начало уходить еще перед казнью, теперь не осталось ничего. Память о том, что такое любовь, сочувствие, растерянность, радость, обида... — знакомые обозначения, которые я механически продолжал ассоциировать с мыслями. Впрочем, ненависть тоже исчезла. В мести осталась только потребность.

Потом я понял, что время пришло: тело восстановлено, рассудок не излечить — мне нечего делать в этом гробу. День не отличался от своих ветреных собратьев ничем особенным, узкая щель-окно под самым потолком не пропускала сквозь весеннюю хмарь даже намек на солнечный свет, внизу бушевал океан, разбиваясь об острые скалы... монотонный гул волн за это время, казалось, прокрался мне под кожу, навсегда поселив внутри шум волн. Но Бездна внутри ворочалась, давила на ребра и мешала дышать. Она требовала покинуть эти стены, и послушаться было нереально.

Возможно, я отвлекся или просто забыл, что у Микеля вечерняя смена, но стоило мне подняться с доски, как он вошел в камеру. Будто бы сама слепая госпожа провела его по коридору мимо прочих заключенных к двери моей темницы и открыла дверь...

— Но... — надсмотрщик выронил стакан, расплескав по полу мутную воду, и с ужасом посмотрел на свой оживший кошмар. И столько ужаса вызвал в старике вид ожившего

мертвеца, что нити Бездны, до того держащие его под контролем, лопнули.

Да, практики не хватает. Придется долго тренироваться, чтобы нормально взаимодействовать с чудовищной силой, нашедшей приют в моем теле.

Я не стал применять магию, свернув старику шею. Пусть, наконец, встретится со своей дочерью. Потом был недолгий путь мимо пустых камер, провонявших чьим-то отчаяньем, безумием и памятью; мимо этажей, с которых слышались крики еще живых людей, которых давно похоронили. Мимо кошмаров и боли...

Выбравшись из каменных стен, я долго не мог надышаться свежестью и ветреной свободой.

Затем переместился во дворец: оттолкнулся от холодных серых плит, ощутив, как в один момент сам стал частью ветра. А ведь считалось, что подобное могут только маги первого уровня, когда у меня всегда был только пятый — слабые способности к импульсам. Несколько слуг, которые во время моего перемещения оказались в малом зале (из дворцовых комнат именно его я запомнил лучше всего), попытались с испуганными криками разбежаться. Понимаю, отвратительное зрелище.

Впрочем, они не успели.

За несколько мгновений от перепуганных людей не осталось даже пепла. Бездна сама знала, что нужно делать, пока я сканирую просторные залы и роскошно обставленные комнаты. Хватило секунды, чтобы почувствовать их. Две алые точки резко выделялись на фоне смазанного суетой дворца. Еще один глоток воздуха и короткое перемещение к покоям нового короля людей Далика первого.

К покоям предателя.

Мечь была короткой.

Я застал молодого короля с женой в кровати, спящими, хотя слуги уже принесли в сопряженные комнаты блюда с легкими закусками и фруктами. Пришлось разбудить предателей, чтобы они знали, кто их убил. Я даже позволил королю и королеве ненадолго вообразить, что от тихой госпожи можно сбежать... Но все равно мечь закончилась слишком быстро. Посмотрев на спелые яблоки, подумал, что слишком давно не ел нормально, и ничто не мешает мне хотя бы слегка наверстать упущенное. Но сначала помыться. В прошлой жизни я был отвратительно чистолюден и брезглив, и тюрьма, безусловно, исправила этот недостаток, однако, сейчас, необходимость очистить тело казалась очевидной.

Переступив через королеву и небольшую лужу натекшей крови, я направился в ванную комнату, где долго, с ожесточением тер скелет, обтянутый болезненно-белой кожей: то, что осталось от моего тела. Драил мягкой, пахнувшей цветами мочалкой, смывая грязь, которой достаточно скопилось за годы моего заключения. Затем извел половину глиняного кувшина с шампунем на волосы, обнаружив, что они стали седыми, в чем, в общем-то, не нашел ничего удивительного. Посмотрев по шкафам, одолжил у Далика комплект нижнего белья, черную рубашку и черные брюки. Черный... практичный, универсальный цвет: чтобы не выделяться в толпе, чтобы обозначить скорбь, чтобы не подбирать тона и узоры... когда у моего бывшего друга появилась страсть к этому цвету? Когда-то давно он предпочитал синий — цвет своего дома.

После небольшой экскурсии по огромным апартаментам, я вернулся в спальню, забрав с собой поднос с едой и хрустальный графин с соком, кажется, лимонным. Завтракать. Налил чуть-чуть охлажденного напитка, действительно, имеющего лимонный вкус с нотой мяты.

Положил на фарфоровое блюдо пару тонких ломтиков мяса и свежеспеченную булочку. Сел на диван, приютившийся в углу с компанией вышитых золотом подушек и, рассматривая остывающие тела, пытался почувствовать хоть что-нибудь. Целую жизнь назад я считал этих людей лучшими друзьями, о каких можно только мечтать и каких у меня никогда не было в родном мире.

Но нет, единственная ассоциация, возникающая в сознании, была похожа на сожаление о том, что я убил их настолько быстро.

Милосердно. Если так, конечно, можно назвать ошибочную поспешность.

Предложи мне кто-нибудь повернуть время вспять, месье стоило растянуть. Сначала убить Ларин, чтобы Далик ощутил то отчаянное, беспросветное и давящее чувство падения, когда от любимого человека остаются крошечные осколки памяти. Это удивительное чувство, поверьте мне. Я прекрасно его помню, конечно, исключительно разумом, но могу найти подходящие слова. В реальности проходит едва ли мгновение, ты еще не понимаешь до конца весь ужас и боль только ласково гладит сердце изнутри. Но яд потери капля за каплей уже проникает в кровь и шепчет: «больше никогда...» — тысячи тысяч этих никогда (какое это страшное слово!). Никогда не услышишь ее голос, называющий тебя по имени; никогда не почувствуешь, как хрупкие пальчики сжимают ладонь; никогда не ощутишь родного тепла и дыхания; никогда не узнаешь — действительно ли можно прожить всю жизнь вдвоем и вместе состариться. Не позовешь к завтраку; не спросишь о том, как прошел день; не потреплешь по мягким кудрям; не возразишь; не догонишь, не вернешь, нет... нет... нет... более никогда.

Это была бы честная цена, пусть и не заполнила бы пустоту внутри даже на крохотную часть. А может, они и не думали, что предадут меня? Предать можно друга, а меня с самого начала вели, как послушную марионетку.

На лице Далика застыла омерзительная маска страха. Трус... он просто жалок. А вот приглядевшись к молодой королеве, я обнаружил погасшую в ней искорку новой жизни. Да... ассоциация сожаления снова возникла в сознании. Создать лезвие проще просто. Еще проще одолжить маленький ножик для фруктов. И одного точного удара хватило бы, чтобы увидеть боль матери, чувствующей, как умирает ее дитя. Это был бы замечательный дар моей возлюбленной Ирэн — каждая капля чужой крови, как монета за ее слезы. Кровавые слезы по нашей убитой дочери. Минуту понаблюдав, как бордовый цвет расплзается ореолом вокруг головы Ларин, я вернулся к еде, взяв еще несколько полосок мяса.

Разум сухо высчитывал оставшееся время. Конечно, правителя будить никто не осмелится, но к полудню слуги обязательно заглянут в покои: проверить, что случилось с сиятельными персонами. А мне вроде как спешить уже некуда. Пожалуй, стоит дождаться, когда сюда придут.

Конечно, были другие... длинный-длинный список имен тех, кому бы следовало нанести визит вежливости и отправить в великое Ничто. Но они не стоили последних минут.

Взгляд, в беспорядке блуждающий по комнате, остановился на красивом зеркале в тяжелой витой оправе. Словно магнитом меня потянуло к нему. Я давно не видел своего отражения и, возможно, это можно было именовать любопытством... или ассоциацией с ним, если бы ни настойчивые прикосновения Бездны, которой не терпелось прикоснуться к завораживающему предмету. Переступив через тела, я подошел к зеркалу вплотную. Его можно было назвать артефактом: ощущался след чужой магической силы, которую плотно вплели в узор. Перевел взгляд на отражение: волосы, и правда, седые, длинные — кто же

будет смертников подстригать? На лице печать тихой госпожи и глаза... из глубин зазеркалья на меня смотрела Бездна. Расчетливая бездушная тварь.

Признаю, это было омерзительное зрелище.

Сложная оправка зеркала снова привлекла мое внимание. Никогда не считал себя ценителем подобного, но раз выдалась пара минут, и потом что-то показалось в этой оправе странным. Сняв зеркало со стены, я внимательно изучил его, словно занимательный ребус. Неправильное кололо взгляд, заставляя осматривать артефакт еще и еще. После того, я как в десятый раз осмотрел зеркало, наконец, понял, что это: одно из золотых витиеватых украшения чуть-чуть выделялась из орнамента. Возможно, дефект, но скорее — замочек. Несколько раз провел пальцем по узору, пытаюсь понять, не сдвинется ли он от прикосновения. Нет, не получилось. Я не заметил, как зацепился за одну завитушку, оказавшуюся весьма острой. Крошечная капля вязкой, темной крови упала на узор и медленно, словно с неохотой впиталась в металл. По полоске прокатилась еле видимая волна и на завитушке выступили буквы.

Наклонившись ближе, смог прочесть на незнакомом языке: «Ищущий путь всегда найдёт его...» Повторил вслух, как заклинание. Но ничего не произошло — слова вырвались на свободу и растворились. А на какую-то секунду мне показалось: что-то просто обязано случиться. Но нет, сказка давно закончилась, а в реальности чудес не бывает.

Вернул зеркало на его законное место и вернулся к еде.

Устал, если честно, самой обычной физической усталостью, какая часто у людей бывает под вечер. Года в заточении сначала я жил мечтой о мести, после казни (не правда ли, звучит довольно странно — «после»?), о покое. Затем думал, что нужно восстановить себя — дотянуться до предателей, чтобы порвать им глотки. Сейчас же все казалось пустым и бессмысленным. Зачем это, если ничего нельзя вернуть? Ни Ирэн, ни душу, ни тех, кто были мне дороги...

Я даже не могу почувствовать желание вернуть их.

Без души нельзя жить — только существовать. Вечность: без смысла, без боли, без сомнений, нет — это хуже существования...

Мои размышления прервал звонкий детский голос.

— О чем задумался?

С другой стороны зеркала стояла девочка, с короткими неровно-обрезанными волосами всевозможных оттенков: от солнечно-желтого и красного, до черного, абсолютно-белого, каштанового и даже синего. Это было настолько завораживающе и одновременно безвкусно, что я даже не сразу смог обратить внимание на ее лицо. А ведь посмотреть было на что — у странного видения оказались такие же, как и у меня глаза: пустые и мертвые.

Помню, до казни, когда стражи подолгу дежурили у моей камеры, и Бездна просыпалась, начинались галлюцинации. Впрочем, не утаю греха: без чьего-либо присутствия они тоже начинались. Сойти с ума гораздо проще, чем понять то, что потерял рассудок. По крайней мере, с видениями всегда можно было поговорить.

— О разном. Здравствуй, прости, но не знаю твоего имени...

Девочка рассмеялась. Только смех у нее был неживой, поддельный...

— Звал, а не знаешь. Пришел сигнал об опасности, не сам же он сработал? — вот и пришла. Я одна из Поколения — Пресветлая мать Алив... — не увидев понимания на моем лице, она переспросила: — Ты действительно не знаешь, кто я?

Выражение милого детского личика переменилось. Если до того на нем был нарисован

лицемерный интерес, то теперь проступила брезгливость и усталость. Казалось, что старуха, нацепив маску ребенка, не знала, как себя вести.

— Так неудобно говорить. Подожди, — реплика прозвучала, как угроза.

Она ловко перемахнула через раму, даже не заметив зеркальной поверхности. На секунду девочка отпечаталась в зеркале, став двухмерной и несколько карикатурной, а потом вынырнула с моей стороны. Незваная гостья изучила обстановку, мазнув по трупам незаинтересованным взглядом, словно видела столько мертвых людей, что еще несколько тел не вызывали никаких эмоций. Повернувшись к зеркалу, осмотрела его.

— Работа Гэбриэла, — одно движение и осколки стекла полетели в разные стороны, за секунду превращаясь в песок.

Девочка продолжила разговаривать сама с собой:

— Наверное, стоило кого-нибудь позвать, ненавижу пачкать руки. Проще показать работу и проследить за исполнением, даже если всего лишь требуется разбить зеркало. Когда, наконец, будут уничтожены все проходы? — Она оглядел меня с ног до головы. — Теперь придется стирать память самой. Скучно. Только время потеряла.

Она разочарованно покачала головой.

— Извини, — девочка смешно наморщила носик, подходя ко мне.

Отшатнувшись, я переместился в другой угол комнаты, подумав, что лучше бы сразу на другой конец мира. Бездна внутри меня усмехнулась и шепнула, что проще уйти от нее, чем от этой девочки. Я верил ей, но память важна. Она — последнее, что осталось в жизни. Больше ничего нет. Не отдам.

— Пожалуйста... — голос охрип.

Как же надоело бороться. Со всем миром, с собой, с этим непонятным существом. Надоело до тошноты. Почему каждый глоток воздуха я должен вырывать у мироздания, а каждый шаг вперед отвоевывать в бою, а не просто идти по дороге, как это делают остальные люди?

— Я не собирался звать тебя, уходи.

— Ложь, — перебила меня девочка, раздражаясь с каждой секундой все сильнее. Она скрестила руки на маленькой, только начавшей приятно округляться груди, и не сводила с меня тяжелого взгляда, — меня нельзя позвать случайно. И «не случайно» очень и очень сложно, но тебе удалось. За все нужно расплачиваться. Поколение устало объяснять, что золотые рыбки бывают только в сказках, а всемогущие — не игрушка.

Так странно — раньше расплачивался за свою наивность и ошибки, а теперь мне предъявляют счет, даже не объяснив за что. Я осторожно позвал Бездну. Она была во мне. Была мной...

Гостья заинтересованно встрепенулась, когда из сгустившегося вокруг меня марева в ее сторону потянулись гибкие полупрозрачные щупальца. Покачала головой.

— Глупый ребёнок... — лицо девочки исказила судорога, когда одно из щупалец прикоснулось к её руке. — В тебе Ничто. Угроза... вот, что я ощутила, — прошептала она, — Необходимо уничтожить.

По комнате прокатилась волна и ударила меня невидимой плетью, резко и больно. Сила исчезла. Я распластался на полу, не предпринимая попыток подняться.

Устал...

— Но как интересно! Ты беспомощен, словно слепой звереныш! — теперь на лице девочки, назвавшей себя Алив, проступило какое-то дешевое подобие восторга, будто она

разглядывала витрину магазина с чертовски дорогой игрушкой. — Посмотри-ка, кажется, Гэбриэл меня снова обошел, несмотря на свою безвременную кончину. Это поисковик диковинок, а не проход... Видимо, зеркало само притянуло тебя, Гэбриэл всегда был жутким перестраховщиком и паникером. Знал, рано или поздно снова появятся носители пустоты. И когда это произойдет: потребуется привлечь мое внимание, чтобы устранить опасность.

— Интересно... — повторила она и присела рядом на корточки, продолжая бормотать, — Хорошо, что я не позвала Ксанрда. Он послушен и всегда убирает за мной, но наверняка этот упрямец отказался бы тащить домой кусок мяса. Еще и остальным рассказал бы, ко всему прочему. А тогда пришлось идти на жертвы. Нет, не хочу делиться. Такой шанс выпадает раз в вечность.

На какое-то мгновение я подумал, что девочка говорит не с собой, а с невидимым собеседником, и что он даже отвечает — казалось, в комнате раздается эхо чужого голоса. Но различить слова я не мог.

Гостья провела холодным пальчиком по моей щеке.

— Ты ведь не хочешь уходить, мальчик?

— Это неважно, — внутри меня пустота — зачем врать? Когда-то я хотел, но теперь желаний нет. Жить... остаться — за меня решали все время, не спрашивая: куда идти, что делать, когда умирать. Только теперь это не причиняло боль.

Девочка несколько минут пристально в меня вглядывалась, если бы я мог ощущать, а не ассоциировать меня бы обязательно передернуло от отвращения под взглядом странных светло-зелёных глаз с рыжими крапинками.

— Конечно, сразу бы начались разговоры: «Вечно тащишь в чертоги всякую дрянь, Великая мать. Ты ставишь под угрозу существование вселенной, прикармливая пустоту. А он даже дышать вынужден себя заставлять. Только из-за твоей любви к «диковинкам»? Да... коллекция уродцев явно нуждается в пополнении». — Передразнила она кого-то, сделав свой голос тоненьким и надломленным.

Я приподнялся на локтях. Ни гордости, ничего. Столько лет я думал, что будет, когда я окажусь на свободе, а теперь... снова все кувырком. Видимо покой существует только в обители тихой госпожи.

— А что бы было, если бы они не притащили меня? Я первая из Поколения! Голос любого из них против моего не стоит ничего! И что делать «коллекцией», решаю только я. И так заманчиво подчинить себе Ничто... — Сказав это, девочка резко обернулась ко мне. — Что тебе нужно?

— Ты не вернешь мне душу. Не изменишь время. Мне ничего не нужно от тебя, Великая мать, — повторил странное выражение, которое так не шло ее невинному, детскому облику. Неужели моя странная гостья — сумасшедшая? Нет, не похожа, я видел безумный людей.

Поднялся на ноги и отряхнул ладони, смотря, как пухлые губы девочки расползаются в холодной змеиной усмешке, словно она только этого и ждала.

— Душу — нет, не верну. Не хочу портить такую замечательную игрушку. Она будет мешать тебе, — девочка с хозяйским видом села в кресло. Утопая в мягких подушках, она смотрелась на диво беззащитной: маленькой, худенькой.

— Но повернуть время... почему нет? Новая игра — это здорово. И интересно. Мы — поколение зрителей, стражей, хранителей, творцов — названий много. Суть — одна. Нас объединяет отсутствие душ. Впрочем, эту лекцию прочитает твой надзиратель. Потом... Сейчас важно знать лишь то, что мы — всеильны. Я всеильна. И я всегда получаю то, что

хочу. В данный момент мне интересен ты. Вот как мы поступим: заключим сделку. Сыграем несколько раундов восхитительной игры.

— Нет.

Хватит, наигрался.

— Это был риторический вопрос. Все зависит лишь от того, что скажешь, когда я спрошу тебя второй и последний раз: да, нет. Если согласишься добровольно, сделаю небольшой подарок: договорюсь со временем. Поверну его.

Тут гостя сделала театральную паузу. Я молчал. На Земле я не верил в магию, пока мне не доказали, что она существует. Здесь думал, что нет более верных друзей, чем Далик и Ларин... и опять ошибся. Это девочка действительно может быть всеильной. И возможно, ей плевать на мое мнение. Капризные дети, привыкли получать то, что хотят. Но она говорит о шансе вернуться...

Девочка, осознав, что я спорить с ней не намерен, продолжила:

— Ты заново переживёшь свою жизнь, будет память и... сила. Не те обрывки, что сейчас с тобой — сила полноценного творца. Все просто: делай то, что захочешь. Правь своим миром, ничем не ограничиваясь. Нравится такое предложение?

— А что потом? И зачем тебе бесполезная игрушка?

— Знаешь, я просто люблю собирать диковинки. А ты интересен, и даже не представляешь насколько. В любом случае я что-нибудь обязательно придумаю, даже не сомневайся.

— Так просто? Я не верю в благотворительность.

— Не верь. Я уже сказала, что мы заключим сделку...

Алив протянула мне руку.

— Ты проживешь отмеренное судьбой по новому кругу, как посчитаешь нужным. Но когда он замкнется, превратишься в послушную куклу. Мое слово станет для тебя законом и основой миропорядка, мой приказ будет подлежать немедленному исполнению, моя просьба будет приравниваться к приказу. Можешь сопротивляться сколько угодно, если конечно, вернешь себе желание делать это. Строптивые куклы — интересно. После того, как твой мир изменится, а долги будут розданы, ты поступишь в мое полное распоряжение. Правда, просто? Разве что у меня будет право остановить тебя...

Просто? Невыносимо сложно. Смогу ли я? На какой-то момент возникла ассоциация необходимости отказа от этой сделки. Но я смогу исправить ошибки.

Возможно, это неправильное решение...

— Да, согласен.

Я пожал руку девочки, и в этот момент сознание погасло.

— У вас мальчик!

Молодой акушер поднял на руки пронзительно пищавший сморщенный комочек, и на миг ему почудилось, что в детских неосмысленных глазах мелькнул расчетливый кровожадный монстр...

Наваждение исчезло. Ребенок сильнее заплакал. Усталая мать прижала к груди малыша, думая, что он самый лучший и прекрасный сын на свете.

Монстр лениво зевнул. Ему нужно просто подождать.

Глава 1.2 С чистого листа

И движутся люди, под кисточкой тая,

Такие, как есть, а не так, как мечтают.

И черная тушь растекается смело

В сражении вечном меж черным и белым.

Андрей Белянин

Когда-то:

...Зал сверкал сотнями волшебных огней. Высокие куполообразные своды раздвигали пространство, а тонкий аромат цветочных композиций кружил головы, унося мысли в хоровод веселья и беззаботности. Быстрые слуги в белых масках разносили по залу бокалы с искрящимися винами, закусками и десертами в ажурных, сдобных корзиночках.

Все королевство праздновало, до устали оттаптывая ноги в простых гопаках или изящных па дворцовых вальсов. Одетые в дорогие платья с соблазнительными декольте дамы и их кавалеры, щеголяющие вышитыми золотом и серебром камзолами, весело во весь голос смеялись, забыв про манеры и позволяя использовать в своей речи простонародные слова. Краснощекие крестьянские девицы в нарядных сарафанах, устроившись на плечах своих женихов, бесстрашно подглядывали за балом в настежь открытые окна и прихлопывали в такт музыке. А кто-то и вовсе подхватывал подола и, перемахивая через изящные подоконники, присоединялся к высокородному веселью. Их никто не гнал — чуть покружившись, девицы сами уносились к подружкам, прихватив бокал какого-нибудь дорогого вина.

Праздник, праздник, праздник.

Развело могло сегодня хоть где-то случиться горе или несчастье? Радость и только радость! Она разливалась потоком по чистым городским улочкам и заливала вечерними сумерками дворцовый парк, где уже давно раздавались восхитительные песни ночных птиц. Вверху вспыхивали цветы ярких салютов. Маги добросовестно выполняли свою работу, превращая бархатистый небосвод в чудесное видение. Казалось, что в ярких вспышках отражались далекие и прекрасные миры, где сейчас жители также неистово праздновали победу. То мелькал волшебный замок с тонкими золотистыми шпилями, то сказочная фея в развевающихся одеждах мчалась на крылатой колеснице, в которую впряжены единороги. То мерцал темными огнями добродушно прищурившийся дракон...

И люди смеялись, веря в то, что теперь все будет хорошо.

Сейчас:

Яркая вспышка.

Память вернулась. Несколько мгновений мысли стайей испуганных птиц метались

внутри пустого сознания. Затем я начал приходить в себя. Разум пытался мыслить и анализировать. Последнее, что помню — творец протягивает мне руку, предлагая стать ее игрушкой. Что-то про лекции и надзирателя, переродиться, но...

Открыв глаза, я снова зажмурился от непривычно-яркого света. За столько лет в крошечном каменном гробу с небольшим зарешеченным окошком я успел отвыкнуть от солнца. Оно казалось чем-то ненужным, чужеродным. Почти болезненным.

Через несколько минут я повторил попытку. Осторожно приоткрыл глаза, привыкая к ярким лучам. Я лежал на спине на чем-то мягком и смотрел в потолок, обклеенный белыми обоями с небольшим узором из плавных линий.

Обои. Вон тот кусочек наклеен неровно, а там дальше небольшое черное пятно. Я знал, что если повернуться к двери можно увидеть: в дальнем углу один клочок вовсе отсутствует. И шторы мама всегда открывала перед тем, как уйти на работу, поэтому в комнате светло. Сколько себя помню, я всегда просыпался именно так, начиная с того, как весной начинал таять снег и до ранней осени, когда листья на деревьях только-только желтели. Зимой все равно было слишком темно, и шторы оставались задернутыми.

Я вернулся.

Домой.

Но почему-то легче не становилось.

Какое-то время просто лежал, то ни о чем не думая и проваливаясь в Бездну, то начиная вспоминать. Память услужливо подкидывала кадр за кадром моей прошлой жизни. Казалось, давно забытые и никому не нужные фрагменты, ненужные даже мне. Пустые.

Значит, души нет. Сознание, откликаясь на приказ, начало сканировать тело. Да все верно. Память, навыки, знания. Пустота рядом с сердцем — обжигающе холодная Бездна.

На какой-то миг мне показалось, что сейчас я почувствую сожаление, но не смог. Сознание услужливо подкинуло мне ассоциацию, и больше ничего не пришло. Потом я медленно проверил то, что досталось мне от Эрика. Знания выплывали из памяти неохотно, словно говоря, что еще рано тревожить их. В себя бы окончательно придти. Я не стал настаивать.

Просто не мог заставить себя захотеть.

В коридоре раздались тихие шаги. Кто-то, стараясь меня не разбудить, прошел на кухню. Дальше комната Лёши — моего старшего брата. Память, словно преданный пес, подбросила несколько воспоминаний, как мы, маленькими, таскали конфеты, разыскивали по шкафам припрятанные подарки на Новый год. Когда выросли: он делал за меня домашние задания, я его прикрывал, если Лёша приводил в дом компании или своих девушек, а также, обладая умением подделывать под черка, писал записки для учителей, чтобы они отпускали его с занятий.

Брат... И снова ничего. Только Бездна.

Не захотелось броситься на кухню, чтобы обнять его, рассказать, что со мной произошло, и доказать свои слова. Даже сердце чаще не забилося. Вспомнил, когда Лёша разбил любимую чашку отца, я взял на себя вину. А потом он выгораживал меня, после того, как я случайно выбил в классе окно. Какими же хулиганами мы были. Нет, по-прежнему пусто.

Я медленно сел на кровати, осмотрел свои руки, изучая узкие кисти и маленькие ладони с тонкими пальцами: они оказались обезображенными порезами и шрамами. Потом изучил свое тело. Оно было таким легким и маленьким, что на секунду, пока я ощущал свою наготу,

стягивая одеяло, сознание провело ассоциацию с дискомфортом.

Бездна.

Наверное, осматривая себя, я ожидал увидеть высохший скелет. Хотя и обычная внешность всегда вызывала у меня горький смех, заставляя коллекционировать комплексы до встречи с Ирэн, когда я понял, что это не главное.

Помню в прошлой жизни как только меня не обзывали. То, что я видел сейчас — переходило все границы. Болезненная худоба, белая кожа, впалая грудь, неловкие движения, никакого намека на уроки самбо. Даже стопы оказались по-детски маленькими. А ведь тело — навскидку сто шестьдесят сантиметров, не напоминало детское. Но моя будущая госпожа сказала, что я всю жизнь переживу заново. Значит, она солгала. Я опять потерял время. Сила, повинаясь приказу, начала высчитывать мой новый возраст.

Оглядевшись, я осторожно поднялся с кровати. Тело слушалось с неохотой, словно до этого мало двигалось. Для начала стоило одеться. Чуть-чуть потянувшись, я подошел к небрежно брошенным на спинку стула вещам. Мягкие темные джинсы и черная рубашка, чтобы закрыть руки. Память безмолвствовала: в прошлой жизни я не любил этот цвет. Открыв небольшой шкаф, чтобы взять нижнее белье, обнаружил, что вся моя одежда была темных черно-серых тонов. Больше черных.

Знал, что если бы чувства были, испытал удивление. Возможно, память прошлой жизни, пусть и скрытая до этого дня оказала влияние на развивающуюся личность теперь уже ушедшего меня. Разницы нет, но, кажется, я увлекался психологией. Надев джинсы, я стал разбираться с чересчур длинными волосами — они были заплетены в косу, видимо, чтобы не мешали спать, и сразу я их не заметил. Разбирая странно-серые пряди, еще раз огляделся. Увидев в углу знакомый трельяж, медленно подошел к зеркалу, заставляя тело передвигаться. Нужно было узнать, что же произошло со мной. Появилась ассоциация о том, что в такой ситуации мне могло быть неудобно. Но вместо того, чтобы остановиться или зажмуриться я спокойно сделал следующий шаг, приближаясь к зеркальной поверхности.

Ни сомнений, ни томительного предвкушения.

Вгляделся в отражение. Лицо было моим, только изможденным, какое бывает у человека после долгой, тяжелой болезни. Из глубин зазеркалья на меня смотрел худой, бледный, тонкокостный парнишка. Под пустыми серыми глазами темные круги, впалые щеки, губы пытаются изогнуться в горькой улыбке, но в место нее получается что-то безумное.

В этот момент сознание вспыхнули цифры. Память вернулась лишь спустя пятнадцать лет... За это время я смог бы столько сделать. Изменить. Исправить. Но ничего не случилось. Ничего. Наверное, я бы и не смог — мал был. Ведь магия пробуждается после шестнадцати лет. Да и то, потом полгода отводится на адаптацию.

Меня пожалели: позволили не учиться ходить и разговаривать, расти. Как минимум на три года мой разум снова оказался бы отрезан от управления детским телом и абсолютно бессилен, бесполезен. Бессилие, осознание собственной беспомощности — это самое отвратительное ощущение. Человек устроен так, что может пережить и выдержать многое — болевой порог, психическая устойчивость, кажется, люди ещё не смогли узнать их предел. Но снова пережить роль стороннего наблюдателя я, наверное, не смог бы, окончательно повредившись в уме. Зачем моей будущей госпоже тронувшаяся игрушка? Девочка просто решила озаботиться сохранностью «интересной диковинки».

Но тогда почему именно пятнадцать? До того, как за мной придут Далик и Ирэн, целых

два года. Можно сказать, вспомнив выражения из прошлой жизни: ни туда — ни сюда. Не понятно. Впрочем, ещё будет шанс все узнать...

Столько потраченных впустую лет. Снова потраченных. Но злости нет, даже наоборот, неприятно саднит мысль, что и два года это слишком много... будет непросто заставлять себя существовать в ожидании того, когда за мной придут, когда можно будет отомстить. Во второй раз. Хотя даже десятка жизни не хватит, чтобы расплатиться за причинённую боль.

Душа, душа, душа... Где ты?

Я прислонился лбом к холодной поверхности зеркала, пытаюсь привести в порядок мысли. Два года. У меня есть это время, чтобы успеть подготовиться к приходу гостей, чтобы попробовать жить: что-то изменить, что-то оставить, что-то просто понять.

На куне тихонько тренькнула, отключаясь, микроволновка. Снова раздали тихие шаги, потом заработал чайник. Мне тоже не мешало позавтракать, а потом погулять. Или же снова уснуть. На дворе лето, а значит, и каникулы: память безмолвствовала — на сегодня у прежнего меня ничего не запланировано не было.

Бездна!

Я со всей силой ударил кулаками по зеркальной поверхности, надеясь почувствовать хоть что-то. Во все стороны брызнули острые осколки. Один задел плечо, другой вонзился в скулу, ещё в нескольких местах тело резануло болью. Тёплая липкая кровь медленно потекла по пальцам. Дурак...

Я услышал, как на кухне разбилась тарелка и затем быстрые шаги, срывающиеся на бег. Дверь распахнулась, ударившись о стену, и в комнату ворвался Лёша. Бледный, испуганный. Но в тоже время на его лице было что-то такое, что я понял — похожее происходит не в первый раз.

— Ты в порядке? — он замер в дверном проёме, пытаюсь понять, какой ущерб себе и комнате я нанёс. Зрелище и, правда, жалкое: тощий мальчишка весь в мелких порезах с удивлением рассматривающий окровавленные ладони посреди осколков зеркала.

— Я... я... — рассеянно показал руки, не в состоянии понять, что же ещё во взгляде брата меня насторожило. Голос сорвался, связки с непривычки заболели. Похоже, в этом мире я не только не двигался, но и не говорил.

— Глупый, — со странной нежностью протянул Лёша, обратившись ко мне как к маленькому ребенку, — ты же сказал, что больше не будешь бояться! Теперь придётся звонить маме, отрывать её от работы, — печально протянул он. — Пойдём, я вытащу осколки...

— Маме?

— Ну, да, маме. Ты её помнишь? Пойдем.

Он очень осторожно потянул меня на кухню. Рядом с высоким братом — сто девяносто сантиметров, я смотрелся непривычно мелко. Раньше разница не была настолько большой. Так и не понимая происходящего, я послушно зашёл на маленькую кухню в светлокоричневых тонах. Ничего не изменилось. Тот же небольшой телевизор, прямоугольный стол, что-то недовольно бурчащий старенький холодильник, который родители никак не успевали заменить на новый. Только почему-то на нем стояли лишь Лешины фотографии. Его одного, вместе с родителями. Ни одной моей.

— Садись, — брат достал перекись, небольшой пинцет, вату и чистые бинты. Я успел заметить, что в аптечке они лежали самого краю. Значит, ими часто пользуются. И тут же вспомнил порезы на своих руках, — будет немного больно, ты потерпи, не плачь.

Он умело занялся ранками, продолжая что-то успокаивающе бормотать. В то время как я понимал, что же произошло в этой реальности... Вот почему Лёша так себя ведёт: он общается со мной, как с безнадежно больным.

— Сережка, ты почему меня не позвал, как проснулся, глупый? Как ещё одеться сам сумел! Нет, это-то хорошо. Мама обрадуется, вот только ну, чего ты испугался? Зеркала — это совсем не страшно! Помнишь, ты в них смотрел. Помнишь? — Он заглянул в мои пустые глаза и печально покачал головой. — Эх, а мы только обрадовались, тебе для тренировок трельяж поставили.

Потом он заботливо перебинтовал мои ладони. Кожу неприятно щипало, похоже, способности к быстрой регенерации ещё не успели адаптироваться к новому телу. Телу без души. Неужели я пятнадцать лет прожил вот так, «овоцем»... Какого же было родителям... нет, даже ассоциаций нет.

Пока Лёша набирал мамин номер я, встав с табурета, рассматривал фотографии в тяжёлых праздничных рамках. Наконец, на одной всё-таки увидел себя. Бессмысленный расфокусированный взгляд, болезненное лицо маленького ребёнка. Мой четырнадцатый день рождения.

— Да, мама. Серёжа разбил зеркало. Нет, он жив, только испуган. Несколько порезов, но их я обработал, — Лёша покосился на меня — не собираюсь ли я бить посуду или делать что-то ещё опасное в первую очередь для себя. — Он не позвал меня с утра, даже сам оделся. Как он? Вроде нормально, — тут он оторвался от телефона, — братишка, как ты? Нормально? Если да, кивни.

Я медленно кивнул.

— Он кивает, что нормально. Нет, приезжать не обязательно. Я просто сообщил. Да, хорошо, пока, — Лёша положил трубку и ещё раз оглядел меня.

Я продолжал стоять рядом с холодильником и никак не мог придумать, что мне делать. Может заговорить: рассказать, что произошло. Или же притвориться...

— Посиди тут, я пойду, приберу, — он грозно сдвинул брови. И решив, что я его понял, захватив совок и веник, пошёл в мою комнату.

Я опустился на мягкий табурет, глядя вслед брату, продолжая сжимать в руках фотографию. Что же случилось... Почему в этой жизни я пятнадцать лет был таким. Неужели это сделала Алив — моя будущая госпожа? Не понимаю: зачем ей это было нужно. Я подумал, что сейчас неправильно спокоен. Должен что-нибудь ощущать. Должен чувствовать. Хоть чуть-чуть... боль, страх, желание вернуть эти пятнадцать лет. Чувствовать эту чёртову любовь, наконец. Чувствовать, глядя на это фото, а не вытаскивать блеклые и глухие ассоциации...

Но разве без боли хуже? — так наоборот, проще. Нет ни глупых слёз, ни истерик.

А ведь прежнее сознание, пусть и безнадежно больного, ещё должно находиться в теле... Разум дернулся, проверяя меня. Где-то в уголке забился дефектный клочок детского, хрупкого, как яичная скорлупа, сознания ребёнка. Он напомнил мне чем-то загнанного зверька. Избавиться от него? Это несложно... или оставить? Что-то подсказывало мне, что рваный клочок так и останется чужеродным предметом во мне. Ни пользы, ни вреда, только связь с новой жизнью. С новой ужасной ущербной жизнью, точнее, существованием. Пусть будет.

Я снова перевёл взгляд на фотографию. Вот мама — красивая: рыжая, яркая, подвижная. А на этом снимке она была похожа на бледную тень. Заплаканные глаза,

потускневшие волосы. Сухонькая, ссутулившаяся женщина, очень отдалённо похожая на маму. Её обнимает папа — Лёша почти точная его копия. Здесь отец уже седой и безгранично уставший. Братишка вместо меня задувает свечи. А я смотрю куда-то мимо лиц родных на стену.

Мысли текли вяло, я думал о том, что теперь будет. Всё уже изменилось. Если сначала надеялся, что хоть что-то останется прежним, то теперь не было ничего. Не знаю. Алив сказала, что можно делать всё, что угодно: с чистого листа переписать всю историю. Так, как захочется мне. Вот только желания нет. А должно быть. От мыслей меня отвлек шум. Видимо, Лёша что-то опрокинул, может, сам порезался.

Больше не думая, я встал и, продолжая сжимать в руках фото, быстро прошёл в свою комнату, остановившись у порога. Брат с приглушёнными ругательствами пытался поднять опрокинутый стул так, чтобы не задеть осколки, на которые и упал предмет мебели. В витиеватых оборотах он и меня несколько раз помянул. Видимо, Алёше совсем не нравилась роль няньки. Няньки больного, безумного брата, которого он все равно продолжал любить. Неудивительно. Мальчишеское желание все идеализировать подло меня предало, не захотев разделить тюремную камеру. Впрочем, а разве должно быть по-другому? Он ненамного меня старше. Конечно, брату хочется сейчас гулять с друзьями, а не собирать острые осколки большого трельяжа.

Я переступил с ноги на ногу, сомневаясь... Сомнения? Хоть что-то... сомневаясь, стоит ли привлекать к себе внимание, не проще ли вернуться на кухню и что-нибудь съесть... Но Лёша уже обратил на меня внимание. Он долго вглядывался в моё лицо, потом вздрогнул, отвёл взгляд. Я понимаю, пустые глаза — это, наверное, очень страшно...

— Серёжа? — он поднялся с корточек и отложил совок, в который сгребал осколки.

— Да, — прошептал я и ещё сильнее сжал фотографию. Края рамки больно впились в ладони, словно говоря, что я всё решил правильно.

Лёша не заметил моего изменившегося тона. Я не буду притворяться. Не могу причинять брату неудобства, пусть и ничего не чувствую. Только странное знание того, что организму необходим сон. И всё. Возможно, нагрузки возвращения, приход в себя, обновление сознания, постепенно возвращение способностей, которые медленно наполняли меня, и смертельная усталость прошлой жизни забрали все физические силы, требуя детального восстановления тела.

— Ты давно здесь?

— Минут пять, — отозвался я, прислонившись к дверному косяку. Говорить было трудно, каждое слово давалась с невероятным усилием, словно я заново учился говорить. Хотя почему «словно» — действительно в первый раз.

— Сережа? — братишка подскочил на месте, посмотрев на меня как на восьмое чудо света, ассоциативная фраза пришла сама, но улыбнуться я не сумел. Похоже, Лёша подумал, будто ему послышалось.

— Да, брат, это я, — немного помолчал и всё-таки добавил: — Здравствуй.

Он почти подбежал ко мне и вопросительно заглянул в глаза, но теперь уже не испугавшись поселившейся там Бездны, ведь бессмысленная пустота сменилась пустотой осознанной. И убедившись, что это не чья-то злая шутка, братишка крепко меня обнял.

— Но как?! — чувства и эмоции — чужие, настоящие, живые...

Недоступные.

— Я... я как-нибудь потом расскажу. Точнее не как-нибудь, а как можно раньше.

Просто очень хочется есть и спать... прости...

Я старался сделать свой тон нормальным. Таким, каким он был в прошлой жизни. Или хотя бы попробовать говорить, как полноценный человек. Но длинными фразами приходилось давиться, глотая окончания и запинаясь. Семь лет в прошлой жизни, когда я ни с кем не говорил, сидя в холодной крошечной камере. Потом ещё два года, лежа трупом. И это тело тоже не умело нормально разговаривать. Но всё-таки у меня получилось. Леша счастливо засмеялся и закивал головой, не скрываясь слёзы радости.

— Ты, ты сможешь так, когда родители вернуться? Или мне это всё сниться?! Господи, нужно им звонить, чтобы они приехали — посмотрели! Как такое возможно?

Я задумался. Родителям не стоило сейчас возвращаться. Чудес не бывает, а мое «исцеление» можно немного заретушировать. Бездна, уловив мысли, прикоснулась своим холодным щупальцем ко лбу Леша, притупляя эмоции и желания. Я знал, что сейчас она нашептывает ему на ухо успокаивающе слова: нет, не стоит удивляться, не надо звонить родителям, тихо... — все именно так, как и должно быть. Взгляд Леша на миг расфокусировался, а в следующую секунду его сознание поплыло, готовое принять любую правду и адаптировать её для себя.

— Конечно, смогу. Да, — Сложно говорить, будто ничего не произошло. Будто не было этих мучительных лет. Не было того времени, когда мы были не разлей вода...

И невозможно даже улыбнуться.

— А вдруг? — брат потянул меня за руку. — Пойдём, покормлю тебя, горе наше. Чёрт, как же я рад, что ты... ты... вернулся! А уж мама с папой, как обрадуются! И даже рассказывать ничего не надо! И так все прекрасно!

Бездна втянула щупальце, как только сформировала нужное ощущение. Теперь брат радовался моему счастливому «возвращению», но удивляться этому не мог. Похоже, он сам не до конца осознавал происходящее. Но так было лучше для всех.

На кухне меня накормили разогретой в микроволновке гречневой кашей, йогуртом и крепким кофе со сгущёнкой и свежеспеченными кексами. Брат смотрел на меня сияющими глазами и беспрестанно тархтел, говоря обо всем, что только приходило ему на ум. Я, не зная, о чём лучше всего начать спрашивать, попросил пересказать новости мира. Слушал, медленно откусывая кусочки от десерта, и думал, думал, думал... В сон клонило всё сильнее. Моему разуму был нужен отдых. Недолгий. Пятнадцати лет хватило. К тому же ещё по прошлой жизни я запомнил, что новую информацию лучше всего усваиваю во сне, раскладывая её по нужным полочкам и тщательно всё анализируя.

— Серёж, ты пока будешь спать, можно я рядом посижу? А то ты, после сна... — взгляд Лёшки стал виноватым и просительным.

— Ты сам сказал, что теперь всё будет хорошо, — я всё-таки смог улыбнуться. Но улыбка вышла несмешной, словно я скривился от зубной боли.

— Ну-у, да.

— Сиди, если хочешь. Но лучше сходи — выпей чаю.

Войдя в комнату, я, не думая, восстановил трельяж, обернувшись на замершего в дверях брата. Кажется, после моего выздоровления даже магия не произвела на него должного эффекта. Или же Бездна предусмотрела мою рассеянность.

— Я всё расскажу, — повторил...

Алеша устроился у окна на большом стуле, задвинув шторы, взял со стола книжку — видимо, мне раньше читал вслух. Я лег на большую кровать и закрыл глаза, понимая, что сон

где-то близко. Надо только расслабиться.

Сны... Цветные и чёрно-белые. Страшные, липкие, сумбурные, чёткие. Что такое сны? Наши потайные желания? Страхи? Тихий шепот других миров? Чьи-то послания или предостережения? Мы часто забываем их или помним до самой старости. Через несколько лет вспоминаем отрывок сна и тут же его забываем. Лезем за ответами в сонник. И облегченно вздыхаем, когда обещанное не сбывается. Мы делимся снами с близкими людьми или храним их в тайне, лелея, как любимое воспоминание. Иногда хочется смеяться от той глупости, которая приснилась. Или плакать, потому что это случится. Мы видим во снах людей, которые нас покинули, и они улыбаются нам, стоя в облаке света. И после пробуждения мы несколько секунд не можем понять, где реальность.

В древности люди думали, что во сне душа человека оставляет тело и где-то бродит, веселится с другими душами. И если человека резко разбудить — душа не успеет вернуться назад к человеку. Так и останется тихой тенью на земле. Наверное, леса и болота, городские подворотни, затопленные светом луга: весь наш мир полнится такими ничейными душами, одинокими тенями, которые не успели досмотреть свой последний сон. Так что такое сны? Бессмысленные картинки.

Но когда-то давно я верил, что нечто большее.

Мне уже давно не снятся сны. Время и Бездна забрали у меня способность к сновидению. Каждый раз, когда я закрываю глаза, просто оказываюсь в темноте. Нет ни смутных образов, ни безликих теней. Только холод, пустота и разум. Когда меня только арестовали, заключив в тюрьму я боялся спать. Боялся закрыть глаза... Каждый раз причинял себе боль, только чтобы не оказаться в темноте, не чувствовать блуждающую рядом Бездну. Какой-то детский наивный страх... Обычная человеческая глупость. После пяти дней, проведённых без сна, я решил, что лучше страх, чем сумасшествие. Я просто привык. Когда у меня отняли душу, Бездна стала моей верной спутницей и подругой. Я уже не мыслил жизни без неё.

Но сегодня я был не один, в зыбкой яви меня преследовал тихий шёпот. Невозможно было разобрать ни слов, ни даже языка, на котором голоса шептались. Звуки сплетались в какой-то странный узор, который заполнял пустоту знаками, изгибами, цветом. Почему-то было тепло и очень уютно. И сейчас на несколько мгновений я снова стал самим собой. Беззаботным, оптимистичным подростком, верящим в добро и чудеса.

Когда-то:

Долгие годы...

Пусть иногда казалось, будто время навсегда замерло, однажды утром я понял, что оно просто игралось со мной. Как ребенок — зло и невинно, не понимая, что причиняет боль.

Очень холодно.

Почему мне все время холодно? Этот холод не отпускает меня ни в липких кошмарах, ни в ещёболее ужасающей яви — он внутри меня: в мыслях, в сердце... там только покрытый изморозью пепел и память, больше нет ничего. Холодно. Может, так действуют поросшие мхом камни тюрьмы, от которых в любую погоду тянет затхлой сыростью, а может гуляющие по коридорам тюрьмы сквозняки, или постоянное присутствие стражи. Возможно все вместе. За то, чтобы перестать чувствовать этот холод, я многое бы отдал. Только у меня ничего не осталось.

Я хрипло рассмеялся, за что пришлось расплатиться. Смех перешел в болезненный кашель. Казалось, что вместе с темными сгустками крови я вот-вот выкашляю собственные легкие. Перед глазами начали мельтешить мушки, и о себе напомнила температура. Если честно, я наивно полагал, что о здоровье заключенных будут хоть чуть-чуть заботиться. Как глупо с моей стороны. Хотя я о многом думал неправильно — реальность жестока даже в хороших сказках... в них особенно.

Думал.

Почти все, что мне осталось. За эти года я перевероршил всю свою жизнь. Осмыслил столько тем, что уже не знаю о чем еще думать. Слишком многие мысли приносят боль, слишком многие воспоминания притягивают стражу и Бездну. Сначала я так боялся.

А потом сам стал их звать, чтобы они забрали все, вскрыли раны, выпуская гной прошлых дней. Избавляли меня от боли и памяти в спасительной пустоте обморока. Каждый раз после это я лишуюсь какой-то своей части. Чего-то светлого. Но так спокойнее: не надо кричать, разрывая голосовые связки; опухшие от слёз глаза, наконец, смогут отдохнуть. Остаются только сны — моя слабость, унижение...

Холод.

Боль.

Потому что во снах я снова и снова переживаю предательство.

Раз за разом, два крепких стражника волокут меня по узким коридорам узилища. А мне всё кажется, что это чья-то глупая шутка, что этот кошмар вот-вот закончится. Я хочу что-то сказать, закричать, засмеяться, заплакать. Но сил не хватает даже на тихий всхлип. Как давно это было, а каждая секунда острой иглой врезалась в память.

Тихо раскачиваюсь на волнах полуяви, полубреда. Сознание постепенно угасает в паутине холода. Так хорошо. Кашель прошёл, оставив истерзанные лёгкие в покое, головная боль отступила, оставляя лишь легкое и в чём-то приятное головокружение. Ещё бы холод ушёл... и так лежать дальше... вечность.

Больше никогда не открыть глаз. Забыть дышать. Но я не зову тихую госпожу, знаю: она придёт, когда наступит время — ни мгновением раньше или позже.

Может, я сошёл с ума?

Какая разница...

По коридору глухим эхом раздались шаги надсмотрщика. Человек передвигался рывками, делая маленькие шажки, и сильно хромя на ногу. Так я их различаю — по шагам. Перевернулся на другой бок к стене, чтобы нельзя было разглядеть моё лицо. Только один раз я позволил себе показать свои глаза. Больше эта ошибка не повторится.

— Не сдох ещё? — голос отозвался новым приступом боли, а надсмотрщик, будто специально, ещё провёл какой-то палкой по ржавым прутьям решётки, вырывая у меня тихий мучительный стон. — Не сдох, значит, — с каким-то мрачным удовольствием констатировал мужчина.

— Я тут подумал, а что это ты у нас занимаешь целую камеру? Не жирно будет? Может ещё отдельные апартаменты предоставить? Так что после ужина переедешь, голубчик, в другую камеру. Там тебе будет веселее.

После чего по коридору снова раздались столь неприятные на звук шаги. К моей камере опять приблизилась стража, за ней обжигающе ледяное дыхание Бездны. Совсем близко. Казалось, они стояли прямо надо мной.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох...

Как же холодно.

Мучительно хотелось повернуться лицом к решётке и открыть глаза. Мне казалось трусостью — встречать их, спиной, лежа в защитной позе эмбриона. Еще один хриплый вдох и сознание привычно заволакивает пелена воспоминаний.

Родители.

Мои руки в чужой крови.

Перехватывающий предназначающуюся мне стрелу Ферл.

Счастливо улыбающийся Шарисс.

Адриан с перерезанным горлом.

Детская обида в глазах Эрика.

Тихо поскрипывающая колыбель.

Кровь на полу деревенского дома.

Ирэн...

Они смотрят на меня, не осуждающе или ненавидяще. Пока просто смотрят. И это не выносимо. Лучше бы они кричали, обвиняли, проклинали.

Так скоро будет. Совсем скоро.

Шепот.

Иногда я слышу тихий шепот. Они хотят мне что-то сказать, но всё теряется в новой круговерти воспоминаний. В новых приступах боли. Тогда лица превращаются в маски и на них проступает злорадство. Но пока я не верю в это. Только пока. Бесполезное занятие искать истину там, где ее нет. Слишком много времени я потратил на это, что бы понять...

Безумие совсем близко. А может быть я уже давно безумен? Возможно, рассудок повредился настолько, что перестал это замечать? И я смеюсь протяжно, хрипло, но смеюсь... Пока окончательно не проваливаюсь в холодную пустоту.

— Здравствуй, Сергей.

Медленно поворачиваюсь к нему. В серых стенах, пропитанных отчаяньем и страхом, он кажется каким-то неземным существом. Спокойные глаза с капелькой брезгливости. Чистое лицо. Собранные в хвост ухоженные волосы. Безупречная одежда без единой складочки.

Хранитель моих кошмаров.

— Здравствуй, Эрик, — еле слышно говорю ему. Он чуть морщится, но не возражает против такого обращения. — Ты ведь не оставишь меня... продолжишь мучить

— Я всего лишь показываю тебе твои ошибки. Посмотри на себя — и это спаситель? Ты жалок, — он стоит, прислонившись к грязной стене, так расслабленно, словно просто отдыхает. — Скажи, чего ты добился? Ты ведь сделал всё что хотел? Исполнил свои мечты? Ты счастлив, Сергей?

Я снова отворачиваюсь к стенке, в бреду повторяя привычное движение, заставляя околевшее тело двигаться.

— Глупый, наивный мальчик. Я вижу, как ты хочешь плакать, как ты устал, как тебе больно. Во снах ты плачешь и зовешь свою мать... Да, днём ты можешь терпеть боль и холод, но ночь выдает тебя. Преданный мессия. Грязный, выброшенный щёнок. Распятое божество...

Его тихий смех раздаётся совсем близко.

— А знаешь, мне тебя не жаль. Совсем. Наоборот, я искренне наслаждаюсь твоей

болью. Твоим отчаяньем. Я ведь предлагал тебе присоединиться ко мне. У тебя было бы всё. Власть, сила, знания. Любой твой каприз, всё бы исполнялось по мановению мизинца. Но ты выбрал другой путь. Такой красивый, яркий. Вот только финал разочаровал. Не находишь? Скажи, ты счастлив, что остался верен великому свету? Он не слепит тебя? Не выжигает изнутри раскаленной болью предательства? Чем тебе так не понравилась безумная госпожа? Ответь мне...

Снова хрипло смеюсь, мне плевать на боль.

— Ты не переубедишь меня. Я убью тебя снова, если придётся. Всё равно откажусь. Ненавижу.

— О, да! Теперь ты знаешь, что такое ненависть. Я вижу в твоём сердце ее следы.словно раковая опухоль, она расплзается по всему твоему естеству, заполняя собой разум. Сергей, милый мой Сергей... Знай, чтобы ни случилось, ты будешь жить. Ты заслужил эту боль, а я маленькую радость. Я отпущу тебя только тогда, когда сполна наслажусь твоей агонией.

— Ты не сможешь, — так хочется кричать. Так не выносимо слушать этот голос, — ты бессилен, я убил тебя. Тебя нет — это безумие, болезнь. Я сошёл с ума. Тебя нет... нет... нет...

Как же мне холодно.

Он отвечает искренней, почти детской улыбкой.

— Конечно, Сергей, я уже давно умер. Мое тело бросили в грязную яму и забросали землей. То же самое сделают и с тобой после смерти. Мы ведь так похожи. Да, Сергей, я мертв!

Эрик счастлив. Он кричит эту фразу чистым звонким голосом.

— Я мертв! А ты жив, безумен, и сгниешь здесь. Ты прав, меня нет. Я лишь плод твоего больного воображения. Воплощение твоих кошмаров и ошибок. Это ты сам говоришь с собой. Ты сам себя ненавидишь. Ты счастлив, что гниешь заживо. И будешь наслаждаться своей агонией до конца. Ты сошел с ума, но это не отменяет боли...

...В сознание меня привела вспышка резкой боли в боку. Надсмотрщик сдержал обещание и вернулся в тот момент, когда я был в обмороке. А что как не хороший удар лучше всего приводит в чувство?

— Вставай, падаль! — рыкнул он, встряхивая меня.

Потом мне надели наручники, блокирующие магию, и вытолкнули в коридор. Тут волей неволей пришлось открыть глаза, хорошо, что мой провожатый шел позади, ощутимо тыкая меня в спину палкой каждый раз, когда я спотыкался или сбивался с шага. Моя новая камера находилась на четыре этажа выше прежней. Тут было намного холоднее, на лестничных пролётах отсутствовали целые куски стен. Верхние этажи тюрьмы утопали в свинцовых тяжёлых облаках, покрывающих такое прекрасно и недоступное небо.

В детстве я думал, что на облаках живут ангелы. И они смотрят на наши земные дела с такой невообразимой высоты, что проблемы кажутся глупыми, мелочными. Наверное, про меня забыли, или мой хранитель отрёкся от меня, может, он просто такой же неудачник, как и я. Не знаю... неважно.

Из раздумий меня вывел еще один удар в спину.

Если отсюда прыгнуть, можно успеть, не только насладиться полётом и вспомнить всю свою жизнь, но состариться и умереть.

Вот и тюремный коридор.

Вместо решёток камеры были закрыты прочными дверями с мощными засовами и петлями, изрядно объединенными ржой. За бурым мхом практически не было видно каменной кладки, а разряженный воздух казалось, разъедал лёгкие. А ещё тут не было стражи. Надсмотрщик, покряхтев, открыл дверь и резким движением втолкнул меня в камеру.

— Приятно провести время! — раздалось мне в след и дверь, мерзко скрипнув, захлопнулась.

Привыкать к темноте глазам не пришлось. В противоположной от двери стене было сделано забранное решёткой ассиметричное окно. Также камера была намного просторней предыдущей. А ещё место тут было для трёх человек. Два моих соседа с интересом рассматривали новичка, не вставая с кровати, на которой они... перекидывались в карты?

— И кто это к нам пожаловал? — растягивая слова, мне навстречу поднялся мужчина. И я с ужасом понял, что два моих новых соседа это Дрир и Масиб: прислужники Эрика — они были моими мучителями, когда я попал в плен к темному мастеру. В свою очередь они поняли, кто я.

— Забери меня Бездна! Как я давно об этом мечтал!

Похоже, надсмотрщику показалось забавным — бросить бывшего спасителя к слугам мастера. Неужели так хотелось вычеркнуть еще одно имя из списка живых?

Дальше я запомнил очень плохо. Точнее, не запомнил совсем. Кажется, меня били. Мучительно долго. С наслаждением ломая каждый палец и выкручивая суставы. Возможно, я даже кричал или хрипел, проигрывая своей боли...

А очнулся я уже в другой камере. И ничего не болело, точнее, я просто не чувствовал собственного тела. Рядом сидел пожилой мужчина. Морщины вспарывали его лицо, словно шрамы. В выцветших глазах была усталость.

— Очнулся? Зря, — спокойно констатировал он.

— Почему? — еле разлепив губы с засохшей коркой крови, прохрипел в ответ.

Мужчина покачал головой и отвернулся к окну.

— Ты нежилец. А через полчаса перестанет действовать обезболивающее. Лучше быстрая смерть, чем долгая агония.

Как выяснилось, у меня было сломана половина костей и позвоночник, задето легкое, отбиты почки, сотрясение мозга и внутреннее кровоизлияние. Человеку выжить просто невозможно. Но Эрик оказался прав: моя агония растянулась. Что-то решило не отпускать меня, и по истечению получаса я не умер от болевого шока. Нет, я вовсе не мечтал о смерти, как обычно пишут в героических романах, но и не стремился выжить любой ценой. Мне было все равно. Поверьте, когда вас рвет собственной кровью, желания мыслить просто не остается.

Но я снова выжил. Наверное, там наверху просто издевались, делая ставки, сколько еще смогу пережить и вынести. Или Бездна не хотела терять такую игрушку. Надсмотрщик, осознав, что слепая пряжа не спешит обрывать нить моего существования, начал за мной ухаживать. Его звали Микелем, а это крыло тюрьмы отвели для казненных узников, по-другому — живых мертвецов. Стража и сама Бездна редко захаживали сюда, но всё равно я постоянно чувствовал их присутствие.

День сменялся днем, постепенно кости срастались, увы, неправильно, причиняя дикую боль. Благодаря отварам Микеля тело медленно восстанавливалось. А что там с кровоизлиянием, я так и не понял. Как кашлял кровью, так и продолжил.

Жизнь продолжалась, если это, конечно можно было назвать жизнью.

Будь ты проклят, Эрик!

И тихий смех на грани сознания:

— Он мёртв, я — это ты.

Я могу не говорить ничего
Отшумела песен пьяная рать
В светло-розовом сиянье снегов,
Оказалось, так легко умирать...
Андрей Белянин
Сейчас

Проснулся, с трудом выдергивая себя из теплой ласковой Бездны. Несколько секунд никак не мог вспомнить, что же произошло и где я. Была какая-то беспомощность и легкость пустого разума. Мгновение я даже испытывал что-то сродни удовольствию от этой легкости. А потом осколки мёртвой памяти поставили всё на место. Да, я дома. И, кажется, я неправильно начал новую жизнь.

Впрочем...

В этот момент я понял, что в комнате находится кто-то ещё и пристально меня разглядывает. Взгляд не был неприятен, но это внимание... Как же не хочется открывать глаза — просто повернуться на другой бок и снова уснуть. Я слишком долго не мог нормально выспаться, а теперь, когда у меня появилась приятная возможность, снова что-то нарушает мои планы. Приоткрыл глаза, привыкая к царящему в комнате полумраку.

На стуле возле кровати сидел бледный Леша и напряжённо вглядывался в моё лицо. Книга снова лежала на столе и, судя по всему, была уже прочитана. Неужели он действительно сидел всё это время рядом со мной? Увидев, что я проснулся, брат странно дернулся и мотнул головой. Это движение я расценил как вопрос.

— Со мной все в порядке, — сообщил я хриплым ото сна голосом. Потом, подумав, добавил, чтобы не соврать: — Насколько это вообще возможно. Не устал сидеть?

С трудом поднявшись с кровати, сжал пальцами ноющие виски.

— Знаешь, — тихо, словно это было страшной тайной, сообщил брат, — я посидел, почитал, сходил чаю на кухне выпил, только потом до меня дошло, что все-таки случилось. Вернулся и ни на шаг от тебя не отходил. Да и как можно? — воскликнул он, обращаясь неизвестно к кому.

Нет, это надо спрашивать у меня — крошечный импульс, — единственное из магии, чем я владею в совершенстве, и на какое-то время мозг человека подчиняется последней услышанной команде. Мне было не нужным, чтобы у брата затекли все конечности в сидячем положении. Но видимо, что-то я не учёл или забыл, раз Алёша так быстро преодолел воздействие. Об этом я и сообщил брату. Умолчав о небольшом влиянии Бездны на его создание. Да, она действовала куда как изящнее, сначала устранив прямую угрозу, а теперь медленно изменяя его восприятие.

Леша помотал головой и продолжил:

— Если честно, не понимаю, зачем ты это сделал. Как только я пришёл в себя, тут же захотел броситься обратно и разбудить тебя. Потом понял, что сначала надо всё до конца осознать. Так что минут семь я просто просидел на кухне, опасаясь, что это были мои галлюцинации, а ты сейчас один и тебе страшно, потом всё-таки не выдержал и побежал в

комнату. А ты так странно спал — словно бредил. В какой-то момент подумал, что мне всё это привиделось! Вот, сел читать — ждать, когда ты проснёшься, — чуть виновато закончил он, потом добавил: — Ты во сне что-то говорил, слово непонятное, «ирэн».

На какой-то момент я подумал, что сейчас моё сердце болезненно сожмётся, к горлу подступит комок, и я отвечу на этот вопрос хриплым, но уже не из-за сна, голосом, пытаюсь скрыть боль. Но нет, ничего не случилось. Даже пришла ассоциация досады.

— Ирэн — это имя. В прошлой жизни этот человек был мне дорог... очень дорог, — теперь точно придётся всё объяснить. Впрочем, я и так собирался рассказать свою историю. А что соврать родителям, мы придумаем уже вместе.

Брат поступил именно так, как и должен был поступить. Точнее так, как бы поступил в прошлой жизни. Он быстро сходил на кухню и принёс цитрусового сока и оставшиеся бутерброды. Забрался ко мне на кровать, отобрав подушку, и приготовился слушать.

— Всё началось... — тут я задумался, пытаюсь сосчитать, сколько же прошло с этого момента лет, — знаешь, я уже и не могу точно сказать, когда всё началось. Мне было семнадцать с половиной, я удачно поступил на филфак. Увлекался историей и фэнтези, но относился к той группе людей, которая просто читает весёлые лёгкие книжки, но никак не верит в параллельные миры. Потом за мной пришли. Трое. Я тогда гулял по нашему парку. Назначил свидание...

Попробовал вспомнить лицо той девушки, но в моих воспоминаниях оно было смазанным и слишком тусклым, чтобы разобрать черты.

— Не помню кому. Она мне нравилась, но я у девушек популярным не был, — добавил под сочувствующим взглядом Леша. Вот уж кто точно не знал отбоя от девчонок, — она так и не пришла. Я гулял по парку, думал о будущем и никак не мог его себе представить. И вдруг ко мне подошла очень милая девушка. Тёмноволосая, темноглазая, с насмешливой, но доброй улыбкой, красивая... Таких девушек в нашем мире и не найдёшь.

— Ирэн?

— Нет, Ларин, — снова нечего. Я помнил лицо бывшей подруги во всех деталях: родинка на подбородке, выбившаяся из причёски прядка чуть-чуть вьющихся волос, острый носик и внимательный взгляд.

А ещё я помнил, как в этом взгляде появилось то, чего я ожидал увидеть меньше всего — презрение. Как Ларин кричала на меня, что это я предатель и убийца и она ненавидит меня больше тёмного мастера. Помнил тот последний взгляд, брошенный на ободранного заключенного, помнил свою ненависть. Но этого больше не было: ни сжигающего желания превратить её жизнь в ад, ни простого желания убить. Я знал, что отомщу. Но это потом, когда-нибудь.

— Ирэн тоже там была, но я сначала её и не заметил. Она совершенно терялась за красотой подруги и брата. Ларин, Далик и Ирэн... Они рассказали мне, что пришли из другого мира, доказали это, показав портал. Объяснили, что я спаситель и им нужна моя помощь, чтобы убить тёмного мастера.

— Как в книжках! — восхищённо воскликнул брат, дожёвывая бутерброд. — И ты согласился?

— Ещё лучше, чем в книжках, — кивнул. — Не сразу, конечно, но я согласился. Какое-то время ушло на сборы. А потом я совершил ужасное... Мне дали готовое зелье. Пообещали, что если я захочу вернуться, дадут антидот. Я поверил. Подлил его тебе и родителям в чай.

— И что?

— И вы забыли меня, а потом при встрече с вами начинали забывать мальчика Серёжу и все остальные...

Несколько минут мы сидели молча. Каждый думал о своём. Я вспоминал тот вечер: как уходил из дома с огромным рюкзаком, наполненным всякими штуковинами из нашего мира, которые могли пригодиться в параллельной реальности.

Тот вечер врезался в память настолько четко, что я даже вспомнил, как меня кто-то окликнул на входе в парк — кажется, одноклассник, голос показался мне знакомым, но я так и не повернулся, поспешно свернув с аллеи, чтобы никто не увидел моих проводников.

Вспоминал, как вышел из портала и действительно поверил, что уже стою не на своей Земле. Не знаю, как объяснить то чувство. И теперь, и тогда. Просто стоишь и понимаешь, что всё вокруг тебя абсолютно чужое.

А потом поднял голову. И поверил ещё больше. На небе с красноватым отливом сияли два солнца. Одно обжигающее белое и большое-большое, а другое багровое, маленькое. Деревья с красными резными стволами, которые росли вокруг геометрически правильной круглой полянки. А какой там был воздух. Чистый-чистый, удивительно вкусный, бодрящий. Мои проводники даже не могли понять, почему я так всем восхищался, ведь для них это всё казалось обычным.

Леша покачал головой.

— Может быть, тебе стоит написать книгу? Я уверен, что она разойдётся огромным тиражом.

— Книгу... — отвернулся. Ведь когда-то это было моей мечтой — написать книгу. Чтобы как-нибудь зайти в книжный магазин и увидеть: человек покупает её. Разве это не счастье? Не знаю...

Я теперь ничего не знаю. Да, и есть оно, это счастье?

— Знаешь, — подумав, я всё-таки ответил, — может, и напишу. Но только после того, как закончу все дела. Да, непременно напишу книгу о том мире. А знаешь, Леш, ведь у него даже особенного название не было. У стран — да, у народов — обязательно. А весь мир они называли так же, как и мы — Земля. Зачем что-то другое придумывать? Это как раз в книжках авторы любят сочинять длинные, ничего не значащие названия. Напишу хорошую приключенческую фэнтези. И что б обязательно с хорошим концом.

— С хорошим концом? — эхом откликнулся брат, а потом удивленно вскрикнул: — А у вас, что ли, плохой конец получился?! — понимающе оскалился он, — ага, и ты умудрился сделать так, чтобы пережить это заново и всё исправить? Но что-то не так пошло — отсюда и эти пятнадцать лет.

Всегда поражался умению брата делать потрясающе точные выводы. Но стоило мне так подумать, как брат сказал совсем другое.

— И что у вас там случилось? Этот, как его, тёмный мастер, вас убил? Угадал? И ты решил вернуться и спасти друзей?

— Нет. Моя сказка закончилась иначе, — может не надо ему рассказывать — это только моя боль. Зачем ему переставать верить в добрые сказки? Хотя раз уж сказал «а», придётся договаривать до «я».

— Как выяснилось, Эрик оказался меньшим из всех зол, — увидев непонимающий взгляд брата, я пояснил: — Тёмного мастера звали Эрик. Мой ровесник, умный, обладающий невероятной силой. Реформатор, который, в отличие от тогдашнего меня, видел весь мир насквозь. Видел грязь и мерзость, что от меня тщательно скрывали за слащавыми улыбками.

Я продолжил свою исповедь. Рассказывал всё самого начала. Как меня учили сражаться и пользоваться магией, хотя в ней я был полным нулём. Признаться, у меня дара как такого и не было. А мои новые друзья из-за того, что я не хотел, чтобы ко мне обращались полным именем, а они плохо выговаривали букву «ж», придумали другую вариацию — Серег. Мне тогда это очень понравилось, видимо, всё-таки сильно перечитал книжек. Я рассказывал, как со своей командой преодолел половину того мира. Как первый раз убил разбойника, который напал на Ирэн. Как долго из-за этого страдал. Как принёс присягу новому миру, и сам король Адриан посвятил меня в рыцари. Как познакомился со старшим народом. Как прислужники мастера напали на светлый дворец. Как мне не хватило доли мгновения, чтобы спасти князя Шарисса, к тому времени ставшего мне лучшим другом и наставником... Как потом я встретился с мастером. Рассказывал про наши долгие споры и странные разговоры, пока я сидел в его подземельях и во время пыток. Вспомнил его ясные синие глаза ребёнка без плёнки безумия или жестокости. Как потом меня предали лучшие друзья, прямо на балу, посвященному великому освобождению. Как меня изгнали, а в одиночку и без антидота я не мог вернуться домой. Как со мной осталась только моя милая Ирэн.

И уже тихо я добавил, будто необходимое дополнение:

— Мы любили друг друга. У нас родилась дочь. Три года, живя на окраине крошечной деревушки, мы были почти счастливы.

Потом рассказал, как Эллин убили. Отлучились из дома совсем ненадолго, но опоздали. Как потом началось сумасшествие, — меня посадили в тюрьму Бездны, обвинив в заговоре и служении безумной госпоже. Как семь лет я провел в крошечной камере, а безумие медленно поглощало меня. Рассказывал, что Ирэн пыталась меня вытащить; что её убил собственный брат, который не захотел отказываться от короны. Что меня приговорили к казни, и я лишился души...

Вдруг что-то внутри оборвалось, — я стал говорить обо всём. О том, как мне было плохо, как я считал каждую секунду и ненавидел само понятие — «жизнь». Как разум метался в тесной клетке сознания, как тело умирало. Рассказывал, как невыносимо стыдно делать всё под себя. О своём надсмотрщике. О том, как Бездна, поселившаяся во мне, на грани смерти вырвавшись на свободу, восстановила меня, как это было больно. Как день за днём я учился сидеть и ходить, но сначала просто шевелить пальцами и открывать рот. Как я понял, что навсегда лишился чувств. Как убил Микеля. О том, как отомстил и как познакомился со своей будущей госпожой и согласился на странную сделку. Как пришёл в себя сегодня утром.

О том, что я ничего и не могу почувствовать... О том, как это — жить без души...

Закончив рассказ, я просто замолчал. Добрый час исповеди не дал мне никакого облегчения. Закрыв глаза, попытался внушить себе, что на самом деле стало гораздо лучше. Просто я боюсь поверить, что разделённая ноша становится легче. Мои самовнушения прервал судорожный вздох брата. На какой-то момент мне показалось, что, посмотрев в его глаза, я увижу ненависть, презрение или страх. Но нет. Леша, пересилив себя, сочувствующе хмыкнул и задумчиво укусил последний оставшийся на тарелке бутерброд. Несколько минут я смотрел, как он медленно пережевывает копчёную колбасу, а потом пробует мне улыбнуться с набитым ртом. Я даже не мог надеяться на такую реакцию. Спасибо...

— Знаешь, — наконец, проглотив здоровущий кусок, сказал он, — ты же мстить собираешься? Возьми меня с собой, ты-то удовольствия получить не сможешь, зато, глядя на мою счастливую физиономию, когда я сам хорошенько попинаю их трупы, ты поймёшь, что

всё прошло на «ура»!

— Ты невыносим. А кто за родителями будет присматривать? Я собираюсь через два года уйти, и уйти надолго. Но на тот раз стирать воспоминания не собираюсь. И говорить правду не буду. Им лучше не знать этого...

Леша мрачно кивнул. Обманывать родителей ему категорически не хотелось, но он прекрасно понимал, почему это придётся сделать.

Посмотрев на пустую тарелку, мы, не сговариваясь, отправились на кухню обедать. Правда, перед этим я прошёлся по комнатам, вспоминая прошлую жизнь. Понадеялся, что память, обрушившись лавиной, вернёт хоть какие-то ощущения. Но нет. Открыл книжные шкафы в комнате родителей. Полюбовался на компьютер Лёши и заставленные фантастикой полки, а ведь в прошлом это у меня была самая большая в семье и классе коллекция книг. После небольшой экскурсии, поняв, что так просто чувства не вернуть, я устроился с братом на кухне.

За обедом мы и обговорили наш план. В общем-то, Лёша рассудил довольно здраво, что, если сразу придумать логическое объяснение — это будет выглядеть странно. Надо сделать всё так, будто и сами страшно удивлены случившимся. Ну, или не понимаем, что и как произошло. Я ковырялся вилкой в салате, пытаюсь понять, зачем всё сразу рассказал Леше, и не было ли это опрометчивым поступком. В конце концов, в этой жизни брат не может быть копией прежнего себя. И насколько он изменился, ещё предстояло узнать.

— Скажи, а вся эта магия, для того... ну, чтобы делать эти трюки, нужно обладать способностями? Или можно и так научиться? — Леша посмотрел на меня с надеждой.

Мне разрешили перестроить мир под себя... Вот с брата и начну. Только если пойму, как это сделать. Сейчас надо ответить.

— В каждом мире свои законы. Магия, природа, время, жизнь, всё индивидуально. Там где был я, дар необходим не всегда. Только обычным людям, лишенным дара, колдовство — заметь, именно колдовство, а не магия, — давалась намного труднее и имела довольно жёсткие ограничения.

Деланно пожал плечами.

— Я вообще-то очень мало смыслю в магии. Мой дар в прошлой жизни был настолько мал, что мне давались только самые простейшие импульсы. Искра, ментальное воздействие, ускорение реакции... что ещё? Мог отвести глаза — совсем чуть-чуть. До полноценных заклятий мне было как до луны. Потом появились другие способности. Но, увы, в данный момент моё тело не может вместить эту силу и возможности, которые были у взрослого натренированного человека. Сейчас мой дар должен увеличиться, во всяком случае, это входило в условия сделки, но я пока не знаю, как проверить и воспользоваться. Но уверен, как только пойму — смогу научить тебя колдовать. А может дар есть и так...

— Но ты восстановил зеркало... — Леша прожигал меня недоверчивым взглядом, я почти видел, как ему не терпится что-нибудь сотворить и получить новые возможности.

Собрав со стола посуду, я перенес её в раковину и начал медленно мыть. Несколько пряжей, мешаясь, упали на лоб, словно напоминая о себе.

— Эй, ты не ответил!

— Это Бездна. Она использует меня, как носителя, но существует практически независимо от сознания. Так что я не могу на неё полагаться. Нет, с одной стороны знаю, что если моей жизни будет угрожать что-то по-настоящему страшное, она вступится, даже если для этого придётся полностью подчинить меня. Но что она сочтёт угрозой, или чего ей

захочется...

Но я обязательно научусь с ней контактировать. И использовать её в своих целях...

— Ты не боишься, что заключил сделку с дьяволом? — братишка покосился на меня с тревогой, а потом перевёл взгляд в уголок кухни, где на небольшой полочке стояли мамины иконки.

В этой жизни и полка была больше, и количество икон тоже изменилось. Кажется, я даже знаю, почему. На секунду оторвался от своего занятия, сжимая в руках немытую тарелку. Святой с иконы смотрел с понимающей добротой. Я сжал тарелку с такой силой, что она треснула в моих руках, развалившись на части.

— Леш, я тебе скажу одну вещь. Но ты мне не верь, пожалуйста. Я побывал только в двух мирах, этом и том, и успел понять, что мы одни во всех реальностях. Все существа населяющие миры, даже эти странные творцы — все мы совершенно одни.

Взгляд святого был печальным, осуждение читалось в каждой чёрточке, но я всё-таки продолжил свою речь, продолжая разглядывать икону.

— И боги — это всего лишь очень могущественная раса. В разных мирах может быть всё: путешествия во времени, пришельцы с других планет, магия, жизнь после смерти. Но мы совершенно одни. Точнее нет того, кого мы подразумеваем под понятием Бога — благообразного старца со строгим взглядом и всепрощающей улыбкой. Он создал вселенную, заселил её и ушёл. Ему наплевать на нас. Наплевать на нашу боль и страдания. Ему наплевать на то, какую сторону мы выбираем, наплевать, что души загнивают и свет становится грязным и потасканным, а Тьма сереет, теряя что-то очень важное. Ему не нужны наши молитвы — он их просто не слышит. Наверное, у него другие дела. А может, он просто спит. Он вовсе не милосерден и всепрощающ, не жесток — он никакой. Мы рождаемся, живём и уходим. Кто-то затем, чтобы потом вернуться, кто-то просто, чтобы уйти. Кто-то вечно скитается по мирам, что бы найти его. Но он встретит только его копии, причём копии не капельки не похожие на оригинал. А если Бога нет, нет и дьявола. Точнее того существа, кого принято подразумевать под этим понятием. У каждого он свой. Вот, что я понял, братишка.

Я, не задумываясь над тем, что делаю, восстановил разбитую тарелку и отвернулся от икон. У каждого свой, но для кого-то дьявол это он сам.

Леша покачал головой.

— Пожалуй, я тебе действительно не поверю. Не хочу даже думать, что такое возможно. Нет, мне такая правда не нужна. Ты только это при родителях не скажи... И что мы будем делать?

Я задумался: действительно, что? Для начала стоит разобраться со своими способностями... — новыми, ведь моя будущая госпожа сказала, что даст мне силу. Да, именно так, а уже потом решать, что я буду делать эти два года. Наверное, попробую жить, а не существовать. Хотя я не могу поверить, что смогу это, что решу столь сложную задачу. Просто жить после всего, что было? После того, что я пережил? Ходить в кино... учиться, гулять по нашему лесу... Бездна, я даже улыбнуться нормально не могу.

— Ничего. Сейчас мне требуется отдых. Сон и медитация, как можно больше сна, тишины и покоя. Нужно быстрее адаптировать свои способности к этой реальности и новому телу. Понять, на что я способен... подумать. Этим я и займусь. До прихода родителей мне нужно хоть в чём-то определиться. Во сколько они возвращаются?

— В девять. Могут раньше или позже. Но, поскольку я звонил... Кстати, что мы скажем

по поводу зеркала? Ты ведь его собрал...

— Ты не сказал, какое я разбил зеркало. Разбей какое-нибудь маленькое. Скажи, что вчера случайно оставил его в моей комнате. Они будут так рады моему исцелению, что забудут тебя отчитать.

— Как же, забудут они... ха. Что требуется от меня, пока ты будешь медитировать?

— Разбуди хотя бы за пять минут до их прихода и приготовь ужин. Смотреть на мою медитацию скучно, лучше уж включи телевизор.

— Ну, вот... только пришёл в себя и тут же начал раздавать указания, — брат покачал головой и хлопнул меня по плечу. — Почему у меня такое чувство, будто я знаю тебя и общаюсь с тобой всю жизнь?

— Во-первых: я старше. Не по рождению, конечно. А во-вторых: так и должно быть. Именно так.

Ведь Бездна знает, что делать. Умеет изменять людям. Быть может это подло, но сейчас мне необходим кто-то, то может мне выслушать, ничего не удивляясь. И брат подходил на эту роль лучше всего.

Мы зашли в мою комнату, брат на несколько минут отлучился за небольшим овальным зеркальцем в ажурной рамке и аккуратно разбил его. Посмотрев на осколки любимого маминого зеркала, оставшегося ей от бабушки, я ничего не сказал.

Люди такие же хрупкие создания... нет, ещё слабее: зеркало, разбиваясь, способно ранить в ответ, но когда разбивают жизнь, человеку слишком сложно заставить себя встать и отомстить. Да, на словах это звучит просто — фильмы так ярко показывают нам ту сторону жизни, когда герой, с минуту повздыхав над телом любимой женщины, поднимается и идет вершить суд над убийцами. Слишком просто. Те, кто это придумывали — никого не теряли. А я знаю другую сторону, когда кажется, что мстить уже незачем... И нужно время. Много-много времени, пока раз за разом пытаешься подняться на ноги, собрать себя по осколкам, чтобы хоть как-то склеить свою личность, понять, что всё равно дышишь, мыслишь: пусть любимых людей уже давно нет. Пока наконец-то не осознаешь — да, это правда: ты больше не услышишь смех дочери, она не протянет к тебе свои маленькие ручки, жена не обнимет тебя, ты не сможешь увидеть даже могилы своих родителей... ты — никто. И ничего не сможешь вернуть. И когда ты понимаешь это, так просто сказать: и что? Всё равно отомщу.

У меня было время. Не хочу ничего возвращать, мне это не нужно. Я уже не смогу быть примерным семьянином и отцом, мне не нужна старость с поскрипывающим креслом-качалкой и пледом в окружении играющих правнуков и любящих внуков и детей. Только смерть тех, кто сделал из меня бездушное чудовище.

Всё.

Как давно я не медитировал. Помню эту незабываемую легкость и ощущение полной свободы. Я устроился на полу в позе лотоса, и осторожно позвал Бездну. Нам надо о многом поговорить...

Алеша с удивлением смотрел, как меня окутала лёгкая серая дымка, приподнимая над полом сантиметров на двадцать. Постепенно эта дымка оплела меня плотным коконом. Покой... как я давно мечтал об этом. Глаза медленно закрылись, и я погрузился в Бездну, обжигающее холодное Ничто.

А ведь когда-то я не принимал её...

— И теперь жалеешь об этом... — тихое еле слышное шипение раздалось где-то внутри

пустого сознания.

— Нет, ты же знаешь, что я не могу сожалеть. И если бы мог — не стал.

Бездна ласково улыбнулась.

— И не боишься сообщить это? Впрочем, ты знаешь, что от меня нельзя ничего скрыть. И не пытаешься... — это похвально. Но я всё равно накажу тебя за дерзость! Ты хотел поговорить? В следующий раз, а пока — смотри!

Когда-то

...Тишина ночи и легкий, еле слышный шелест не успевшей опасть листвы, в которой запутался сонный ветер. Хрупкая фигурка, закутанная в плащ, пытается как можно быстрее преодолеть отрезок пути, пролегающий через опустевший, покрытый мраком дворцовый парк. Тусклое мигание магических фонарей, кажется, сводит с ума. Последняя аллея. Осталось совсем немного, нужно только свернуть вон у того дуба, что бы срезать. Ах! — лучше бы она попыталась прокрасться по самому дворцу! Фигурка пугливо оборачивается на тревожно мигающий фонарь. Надо лишь положить найденные документы на стол, и все будет хорошо. Марис справедлив, он сможет помочь.

И тут на пути появляется другой человек. Она испуганно отступает и свет одной из ламп на секунду освещает лицо ночной гостьи парка. Ирэн... Женщина пытается разглядеть преградившего ей дорогу человека и, отшатываясь назад.

— Далик... — обреченный выдох обращается морозным облачком, — это ты... знаешь, я почти не удивлена.

— Прости, что тебя.

Тихий голос тревожит ночную птицу и та с пронзительным криком срывается с ветки и уносится прочь, в черное небо. Мужчина растягивает гласные буквы, медленно смакуя каждое слово. Кажется, что человек говорит давно отрететированную и очень любимую речь.

— Ты ведь нашла то, что искала? И теперь... как это низко, подставить собственного брата. Не находишь, что ты не справедлива ко мне?

— Откуда ты... Несправедлива?! — терять больше нечего, голос срывается на хрип. — Ты монстр, не мой брат. Мой брат мертв! Нет, я не отдам тебе их! Это ты несправедливо его туда посадил!

— Не спорю. Знаешь, сестрица, — человек с удовольствием выделяет это слово, — справедливости сейчас нигде нет. Прощай.

Небольшой импульс. Она падает практически без звука. Палые листья заглушают тихий удар. Далик быстро обыскивает тело, вынимая из карманов уменьшенные заклиниванием листья бумаги. На секунду капюшон спадает и выглянувшая из-за плотных дождевых облаков одна из лун очерчивает мертвым белым светом изменившееся до неузнаваемости лицо мужчины. Он резко скрывает его и всаживает в уже оставленное жизнью тело нож.

— Знаешь ли, — обращается он к миниатюрной женщине с искореженным предсмертной мукой лицом, заглядывая в застывшие глаза, — так надежнее.

Его фигура неспешно удаляется, не оборачиваясь на тело сестры.

Глава 1.4 Не вернулся...

Я забываю адреса...

И те, кто где-то ждут упрямо

Письма иль строчки телеграммы,

Уже не верят в чудеса.

Андрей Белянин

Сейчас:

В замке осторожно повернулся ключ, жалобно скрипнула дверь. Я замер, не донеся вилку до рта, и заботливо подцепленный кусочек котлеты упал обратно на тарелку. Леша дёрнулся и, чтобы как-то заглушить волнение, начал стремительно уничтожать свою порцию. В прихожей щелкнул выключатель, зажегся свет и раздались быстрые шаги.

— Ох... мальчишки, ну и напугали вы нас! — мама нежно потрепала меня по голове и повернулась к Лёше, — что разбили? Как самочувствие? Ужин приготовил, молодец, но за то, что не уследил ещё...

— Всё в порядке. Не нужно его ругать, — я сказал это так тихо, как только смог, и быстро опустил взгляд в тарелку. Но всё равно мой шёпот прозвучал на кухне куда громче, чем я предполагал.

Брат испуганно втянул голову в плечи и отодвинулся на другой конец стола. На кухне воцарилась тишина, не предвещающая ничего хорошего. Вообще ничего не предвещающая, ничем не наполненная тишина, совершенно обычная и известная всем людям. Сквозь неё просачивались уличный шум, тиканье часов, смешное потрескивание подгорающих на сковородке и плюющихся оливковым маслом котлет. Подождав несколько мгновений, я всё же решил поднять взгляд на маму. В её глазах застыла отчаянная надежда. Словно со стороны я видел, как она мечтала, как представляла себе, что я прихожу в себя, какими изумительно-волшебными были её сны, в которых я говорил ей: «Привет! Я вернулся...». И как больно ей было просыпаться. И сейчас она панически боялась, что вот-вот мерзко зазвенит будильник, ей придётся открыть глаза, и всё останется по-старому.

— Игорь... — позвала отца, — Игорь! — прокричала она, и словно стесняясь своего громкого голоса, поспешно зажала себе рот ладонью.

В прихожей со звоном упали ключи, и на кухню ворвался не на шутку испуганный папа. Он остановился в дверях, переводя взгляд с мамы на меня и на Лешу.

— Что?

— Серёжа... он...

Я кашлянул и, переглянувшись с Лешей, который напряженно ждал моего выступления, встав со стула, поднял голову.

— Мама, папа, здравствуйте. Я... я... вернулся...

Как же было сложно произнести эти слова — почти невыносимо, уже потому, что сердце так и не сжалось. Я знал, что именно так всё и случится, что ничего не вернётся. Мне мало воспоминаний о чувствах. Кажется, я вспомнил, как это называется — фантомные боли. Души уже нет, но мне всё время мерещится, что она болит. Как кому-то может

казаться, что у него спустя годы ноет ампутированная рука, как он шевелит пальцами. Так реально и правильно, словно она просто стала невидимой.

Я зажмурился, представив, что сделал это только потому, что пытаюсь сдержать слёзы, сжал кулаки. Лучше притворяться, чтобы не терять связь с миром. Иначе стану тем самым овощем, которым был прошлый Сергей.

— Серёжа? — осторожно позвал отец, и мне пришлось заставить себя открыть глаза, иначе я бы так и остался в этой темноте. Родители стояли напротив меня. Бледные, не верящие случившемуся, но желающие поверить.

— Да, папа? — и тут я улыбнулся. Пусть всё той же мертвой, страшной улыбкой, но улыбнулся. Мама задрожала, отец попытался улыбнуться в ответ. С вздохом-всхлипом они кинулись ко мне.

Дальше были целые полчаса, пока они обнимали меня, трепали по голове, хлопали по спине, заглядывали в глаза, совершенно не боясь пустоты, целовали как маленького. Папа постоянно охал. Мама плакала, шепча только одно слово: «вернулся...». Леша стоял чуть в стороне и, глядя на нас, счастливо улыбался. Только где-то в глубине его глаз затаилось непонятное мне чувство. Не зависть, нет что-то другое... незнакомое, чего я никогда раньше не видел во взгляде моего брата.

Да. Одинаковыми эти жизни не будут уже никогда. А в этом случае нужно ли что-то перестраивать? Я и так не прожил свою жизнь, чтобы изменять её. Не лучше ли просто довериться течению, как я уже сделал когда-то. Эта мысль отрезвила меня. Если я снова позволю кому-то управлять мной, то никогда не смогу жить по-настоящему. Никогда не пойму и не узнаю полной свободы, которую мне пообещали.

Но можно ли жить с Бездной внутри? «Нас объединит отсутствие душ» — это слова творца. Только её смех был искренен, а в пустоте глаз мелькали и удивление, и интерес, и брезгливость. Ненастоящие, в чем-то отвратительные в своей поддельности, но они были. Неужели они могут заставлять себя чувствовать? Значит, такое возможно и без души? Снова научиться любить и ненавидеть...

Так вот зачем я здесь. Главное не сделка. Она сказали, что если есть потенциал, а у меня он есть. Получается, я нужен ей не только как игрушка. Или как игрушка, но с чувствами. Неужели это всё только для этого? Чтобы я смог снова ощутить тоску, радость, удовольствие. Это и есть то, что скрылось от меня в разговоре с творцом. Но с чего начать? Я не знаю.

Вот только нужна ли мне «настоящая» жизнь, нужны ли чувства? Нет, сейчас я не смогу ответить на этот вопрос.

Из раздумий меня вывел вопрос отца:

— Серёжа, но как?

Я снова переглянулся с Лешёй. Пора приводить наш план в действие. Мы с братом усадили родителей за стол. Алеша налил всем свежо-заваренную смесь чёрного и зелёного чая с яблочным привкусом, поставил огромное блюдо с ватрушками и лимонными пирогами. Как мне объяснил брат, это хобби у него появилось в то время, когда он сидел со мной. Играть в компьютер нельзя — Леша предпочитал стрелялки или те новинки, где были сражения, убийства и кровь, а прежнему мне на такое смотреть не рекомендовалось. Интернет? Если хорошенько подумать, у нас он, для обычных пользователей, появился не так уж давно. Всё время читать вслух? Не выход. Поэтому брат заказывал родителям определенные продукты, брал книгу с рецептами и, усаживая меня на кухне на стул и

комментируя каждое своё действие, пытался что-нибудь приготовить. А потом то, что получалось, давал пробовать мне. На этом месте я подумал, что стоит возмущёно воскликнуть, но факт оставался фактом — за несколько лет брат достиг значительных высот в кулинарии.

— Так как? — мама, уже чуть-чуть придя в себя после первой волны чувств, осторожно отпила горячего чая и строго посмотрела на меня и Лешу.

— Если честно, не знаю, — пожал плечами и укусил ватрушку, после чего взял с блюда пирог — укусил и его, — я всё время всё видел и понимал. Помню себя хорошо лет с трех, как то странно ни прозвучит.

Начал свой рассказ, повторяя то, что мы сочинили с братом. Леша, чтобы ничего не выдать, слушал меня с крайне заинтересованным выражением лица и прятал взгляд, чтобы никто не мог понять его истинных чувств.

— Но я не мог управлять своим телом, будто смотрел на всё со стороны. Слушал, хорошо понимал и запоминал, но, ни сказать, ни показать не мог. Пытался, но каждый раз выходило что-то не членораздельное, — я дожевал вторую ватрушку и успел забрать прямо из-под Лешинового носа следующую, самую румяную из оставшихся вкусок.

— Сначала это было страшно. Я пытался кричать, звал вас, надеялся, что услышите. Но ничего не происходило. Доктора, лечение... сложно всё это описать — ощущения, одиночество, безнадёжность. День за днём...

Я уже не понимал, говорю ли отрететированные с Лешей фразы нашей легенды, или то, что по-настоящему происходило. Кажется, это было так давно. Словно и не со мной. Нет того шрама, что оставила стрела Руина. Нет рабской татуировки восточных кочевников. Нет отметин от издевательств палачей тёмного мастера.

Где все доказательства того, что это правда было? Возможно, мой больной рассудок, запертый в этом теле, просто увидел интересный сон прежде, чем очнулся? Причудливый страшный сон, в котором ушла вся моя боль, все надежды, всё. Бездна, это глупо. Неужели мне легче забыть, чем научиться жить с этим? Как же я слаб...

— Прости, что мы не слышали... — мама крепко сжала мою ладонь. Из блёклых зелёных глаз снова катились слёзы, — но он, — тут она кивнула на икону, — он услышал... Это чудо. Случилось самое настоящее чудо!

Брат покачал головой, словно пытаюсь сказать: «Говори мне, что хочешь: что он глух к нашим мольбам, но не смей повторять такое при маме. Если ей необходимо чудо, пусть оно случится». Я кивнул Леше, что всё понимаю.

Бездна осторожно прикоснулась своими холодными щупальцами к родителям, начиная воздействие. И тут же отдернула их, словно сомневалась в том, что что-то нужно корректировать. Или же просто хотела досмотреть этот спектакль.

— И что ты теперь думаешь делать? — папа покрутил в руках чайную ложку, а потом зачем-то постучал ей по краям чашки, — точнее, что мы теперь будем делать?

— Для начала покажем Серёженьку врачам. Пусть его хорошо осмотрят, скажут, как такое возможно, — мама отставила свою чашку и серьёзно оглядела меня, — ты только не подумай ничего такого. Просто должно быть какое-то объяснение твоему выздоровлению. Или же это действительно чудо. Потом, после врачей, мы отвезём тебя к отцу Павлу. Ты его помнишь?

— Да, — Лёша мне уже успел рассказать про этого щуплого маленького человечка с бесконечно доброй улыбкой. Хотя я его и по прошлой жизни помню. Мама изредка водила

нас в ближайшую церквушку, — хорошо, мам. Конечно.

Почему же Бездна медлит?

— Если совсем честно, я бы хотел пойти учиться. Не знаю, с чего придётся начать, но уровень у меня такой же, как и у Леша. Всё-таки не зря все уроки он делал вслух.

Я рассказал родителям, что всегда наблюдал за тем, как брат читает учебники и сам изредка мог полистать их, что, когда у Алёши что-то не получалось с алгеброй, он начинал размышлять в слух, а чтобы закрепить материал — объяснял его мне, учил наизусть правила по физике или стихи по литературе.

Врать было не сложно, но на грани сознания мешалась ассоциация дискомфорта. Я думал, что Бездна сразу же сгладит все удивление и счастье, позволил мне влиться в их жизнь, будто я всегда был таким.

Знаний из этого мира у меня осталось очень мало. Общие — да, есть чуть-чуть. Какие-то обрывки из разговоров, вопросы из кроссвордов и передач. И всё. В прошлой жизни в школе я учился так себе, перебиваясь тройками и четвёрками. Мог наизусть заучить все формулы и правила, но применять всё равно не умел, очень плохо запоминал даты. Пятёрка была только одна — по литературе. Не зря потом поступил на филфак. Однако мне даже первый курс отучиться не дали — забрали в другой мир. Только и от туда знаний у меня осталось не так много. Несколько способов заточки мечей. Создание несложных импульсов, основы врачевания. Три-четыре боевых приёмов. Уход за конём. И избранность, которая в итоге все и решила. Наверное, это звучит глупо, но в той жизни всегда всё делали за меня. Здесь я ещё не вышел из того возраста, когда о человеке заботятся родители. Там были верные друзья, которые во всем мне помогали. А убить тёмного мастера позволила случайность.

Та битва могла бы стать замечательным завершением какой-нибудь глупой сказки. Я пытался бежать... всего лишь спасти свою шкуру. Он ждал меня внизу лестницы, которая обладала почти вертикальным уклоном. Это был единственный выход из огромного замка, который занимал мыс Ледяного океана. Я споткнулся и, падая, задел Эрика. А тот как в плохом анекдоте упал на свой собственный меч. И всё. Никакого особого мастерства или геройства.

Потом?

Обычная деревенская работа. Наколоть дров, прополоть огород, сходить за водой, починить прохудившуюся крышу. Тогда со мной была моя Ирэн. Светлая, добрая Ирэн, которая любила меня и, зная как мне плохо, тянула на себе почти всё хозяйство. Я же часами мог сидеть на скрипучем крыльце старенького покосившегося дома и не отрываясь смотреть вдаль, пытаясь что-то понять. Часто уходил гулять по лесу или на реку встречать рассветы. Через какое-то время, достав немного бумаги, решил написать что-то вроде дневника о том, что было на самом деле. И даже принялся воплощать эту идею, пока не понял — на русском мои записи никто не сможет разобрать. Заклятье, которое за три золотых создал для меня маг, учило только говорить и читать на языке того мира. Но, увы, не писать.

Потом, сидя в тюрьме, я узнал только глубину своего сумасшествия.

Вот такой неуч. Правда, смешно?

— Серёжа? — мама осторожно дотронулась до моего плеча.

— Простите, я, кажется, задумался. Ещё не привык общаться вот так. Столько лет слушал и представлял, как это самому с кем-то говорить, а теперь очень сложно привыкнуть.

Мой маленький экспромт получился удачным. Родители виновато переглянулись, а

Леша грустно вздохнул, с неохотой принимая мою ложь. Наверное, будет глупо, если я сейчас начну размышлять, что это ложь во благо?

— Серёжа...

— Мам, не надо. Я знаю, что ты сейчас попытаешь извиниться. Тебе не за что просить прощения. Так что...

— Сын, но мы всё равно будем чувствовать себя виноватыми, — разумно заметил отец. — Так что, конечно, спасибо, но... Нам пока тоже сложно привыкнуть. Сейчас вроде нормально, но, видимо, это какая-то защитная реакция сознания на чудо. А потом... будет эйфория, крики, слёзы... А мы-то столько представляли с мамой себе такие семейные ужины. Нам ведь надо будет теперь познакомиться с тобой, узнать, что ты любишь, что тебя интересует.

— Месть, — я сказал это, не задумываясь, снова погрузившись в воспоминания. Слишком много всего поднялось из глубины сознания. Я ведь помню, сколько в прошлой жизни было таких и ужинов, и обедов, и завтраков, и пикников... Понял, что допустил оплошность, я только после того, как глаза мамы расширились от удивления, а отец привстал с табуретки.

— О, Бездна! — умение совершать ошибки не оставит меня никогда...

— Позволь мне помочь тебе... — неожиданно в мой разум юркой змейкой проникла Бездна. Она ласково пощекотала сознание и расплылась в соблазнительной улыбке. — Всего крошечное вмешательство... такое же, как у твоего брата. Но это будет не слепое воздействие, которое не мог контролировать, а короткий укол под твоим контролем.

Сложно было понять, почему Бездна не захотела в этот раз сделать все сама, а дождалась моей ошибки, чтобы спросить разрешение на вмешательство.

Согласен. Но только родители, сознание брата уже достаточно изменено.

— Вот и умница...

Я провел рукой перед лицами родителей и их глаза остекленели, а сами они замерли. Леша несколько секунд переводил ничего не понимающий взгляд с них на меня, а потом вскочил с места.

— Что ты сделал?

— Успокойся, — я глотнул успевший остыть чай и скривился. — Я стёр им в памяти последнюю реплику и заморозил, чтобы выбрать подходящий ответ. Бездна, мне точно пора сочинять сказки.

— Немедленно разморозь их! Как так можно?! — брат потряс отца за плечо, пытаясь привести в себя, но ничего не вышло. С каждой секундой изумление в его лазах сменялось испугом. — Серёж... верни их, пожалуйста.

— Зачем?

— Это мама с папой! Ты вообще не должен так с ними поступать! Никакой магии! Не смей применять её на родителях, понял? — испуг сменился нешуточной злостью, а я никак не мог понять его слов. Мама с папой... к ним нельзя, но почему?

— Я снова совершил ошибку, разыграв этот спектакль. Подумал, что нужно начать новую жизнь, сделать её нормальной. Учеба, вечерние чаепития. Но мне это не нужно. Проще стереть все, чудес не бывает. Неужели ты не понял? Я не вернулся... нет... Леша, твой брат никогда не вернётся.

И тут случилось неожиданное: Леша сделал один большой шаг и со всей силы ударил меня кулаком в нос. Что-то хрустнуло, и на столешницу закапала кровь.

— Очнись! — Леша глядел на меня с таким вызовом, что я заставил себя рассмеяться. Бездна и безумие! Это был восхитительный абсурд: кухня, опутанные нитями пустоты родители, воинственный брат, сам же испугавшийся своего порыва, и я, бездушная сволочь, готовая стереть память родителям, и оправдаться тем, что это безвредно. Я даже не представлял, что ещё могу смеяться. — Они должны знать, что ты вернулся! Не мучай их... пусть это не нужно тебе, но необходимо им. Дай нам хотя бы шанс, попробуй пожить. Пожалуйста.

— Братишка... — отсмеявшись, я повернулся к смертельно бледному Лёше, — Что же ты так побледнел? Я не кусаюсь...

— Серёж, не смейся больше так... — он сказал это так тихо и чётко, что я даже не попытался усомниться в его серьёзности, — мне страшно.

— Не буду. Садись, сейчас я разморожу родителей. Хорошо, время у нас есть, можно попробовать.

Я сосредоточился, восстанавливая нос. Брат круглыми глазами следил, как кровь медленно впиталась в мою кожу, а те капли, которые оказались на столе, просто исчезли. Я послал небольшой импульс, и папа непонимающе оглянулся, пытаюсь вспомнить, о чём мы говорили. Помогая ему, я ответил:

— Люблю фэнтези, а впрочем, мне ещё предстоит узнать, что я люблю и чем увлекаюсь... Мам, пап, вы извините, но я очень хочу спать. Сегодня получился сложный день. Да и вам надо о многом подумать, — и чтобы меня не стали удерживать, тут же поднялся из-за стола. — А я в душ.

Родители и брат поспешно поднялись за мной. Леша смотрел на меня настороженно, пытаюсь понять, что я могу ещё натворить.

— Конечно, тебе помочь?

— Нет, спасибо. Теперь я всё сам.

Пока я мылся, родители отпросились на завтра с работы, чтобы свозить меня к врачам. Я пытался себе представить, какой произведу фурор в сфере медицины, и уже заранее кривился от ассоциации скуки. Мне было необходимо действовать. Нельзя было останавливаться и замирать ни на секунду. Два года в этом мире. И столько нужно успеть сделать. Главное заставить себя. Иначе я не смогу отличить реальность от бреда и, закрыв глаза, останусь в холодной темноте.

Куда сложнее было осознать, что несмотря на испытания, на годы заключения, на другую жизнь, в которой был отмерен не один десяток лет, я так и остался подростком. Мне просто не дали возможности повзрослеть. Маленький ребёнок, переживший нечеловеческую боль, разучится улыбаться и перестанет доверять взрослым, но он останется ребёнком, и полученная психическая травма остановит развитие его личности. Я замер на пороге совершеннолетия, когда сделал тот роковой шаг в другой мир... Самоанализ, сомнения — да, это есть, но теперь я никогда не смогу повзрослеть: фразы, жесты, мотивация... — все это осталось от того Серёжи, который давно сгнил в тюремной камере. Кто же я? В чем-то подросток, в чем-то старик.

Всего лишь вместилище Бездны, её слуга.

Я повернулся на другой бок, посмотрев, как из-за неплотно прикрытых штор в комнату просачиваются бледные лунные лучи, и погрузился в сон без сновидений. Вот только шёпот продолжал меня преследовать. Казалось, ещё чуть-чуть, и я смогу разобрать слова.

Потом была улыбающаяся Бездна.

Когда-то:

Мартин Тепранс сегодня вышел из двухнедельного отпуска. Грузный мужчина лет пятидесяти, несмотря ни на что, любил свою работу. Ему доставляло несравнимое ни с чем удовольствие чувство превосходства. Все они — заключённые: насильники, маньяки, убийцы, извращенцы, невиновные, которые просто не угодили власти, — все они раньше походили на расфуфыренных павлинов, но здесь превращались в грязь под его ногами. Здесь он был господином: кого хотел — сажал на одну воду, кого хотел — оставлял без неё, заставляя выпрашивать хоть маленький глоточек. Но больше всего ему нравилось унижать новеньких заключённых, показывая, что теперь они никто, и имеют меньше прав, чем их тени.

Зарплата, конечно, оставляла желать лучшего. Да и здоровью Бездна не очень помогала. Но всё-таки Мартин ни за что бы не променял эту работу на другую.

И вот сегодня, вернувшись в тюрьму, он увидел новое досье. Новенький не успел пробыть здесь и одной недели. Уже предвкушая веселье, Тепранс мельком глянул на номер камеры, не смотря ни на имя, ни на обвинение.

Камера номер 2112 ничем не отличалась от таких же похожих камер. На этом этаже двери заменяли решетки, через которые можно было всё видеть. Мартин считал это прекрасной пыткой — быть всё время на виду у других. Кого-то он, правда, отправлял по другим камерам — зачем ему безумцы, портящие весь вид? А заключенные в таких камерах сходили с ума быстрее всего: прямой контакт с Бездной, всё-таки. Поэтому этаж почти пустовал. Только в конце длинного коридора слышалось чьё-то невнятное бормотание.

Тепранс, дождавшись, когда стража покинет свой пост, неспешно подошел к камере. За решёткой, на полу, прислонившись к замшелой стене, сидел молодой мужчина едва ли старше двадцати пяти лет. Спутанные, неровно подстриженные волосы неаккуратными прядями падали на лоб, пытаясь прикрыть закрытые глаза узника. Дыхание заключённого было прерывистым, хриплым, а тонкие бледные пальцы с силой впивались в виски. Казалось, что он не слышал шум шагов. С минуту Мартин рассматривал заключённого. Было видно, что и до знакомства с Бездной жизнь неплохо потрепала мужчину.

— Ну и кто тут у нас? — растягивая слова Тепранс начал свою обычную речь. — Вижу, ты уже познакомился со стражей. И как, понравилось? Если хочешь, я могу попросить их чаще подходить к тебе. А там и Бездна станет заглядывать, она таких молодых смертников страсть как любит.

Мужчина никак не отреагировал на его слова. Даже не дёрнулся от резкого звука голоса. И не открыл глаза.

— Ты у нас глухой? Или уже сошёл с ума? — Мартин начал раздражаться. — Знаешь ли, я тут главный и могу устроить тебе настоящий ад. Ты этого так хочешь, парень?

Заклучённый чуть повернул голову в его сторону.

— Итак, вижу, ты упрям как осёл. Может быть, ваша милость, скажете мне хотя бы своё имя и род? — после этого обычно происходило самое интересное. Заключенные реагировали на этот вопрос слишком резко, цепляясь за звук имени, как за нить, ведущую к спасению. Они кричали, надеясь вызвать сочувствие, и выли от стыда, когда Мартин вкрадчивым шёпотом начинал говорить, что, наверное, род отрёкся от жалкой грязи, что

сейчас валяется под ногами надсмотрщика.

Мужчина равнодушно пожал плечами и убрал от лица пряди. Мартин увидел гноящуюся метку восточных кочевников. Насколько он помнил, только один человек спасся из их рабства живым. Значит, это светлый спаситель Серег? Но почему он здесь? И тут, словно услышав его мысли, заключённый открыл глаза. Пустые, словно слепые, глаза, казалось, впивались в душу Мартина, желая её вырвать. Это длилось всего несколько секунд, и мужчина тут же отвернулся.

Тепранс не помнил, как он ушел с этажа и оказался в комнатах, где жили работающие здесь люди. Его била крупная дрожь, а сердце колотилось в бешеном ритме, словно пытаясь вырваться из грудной клетки. Несколько недель во снах его преследовал этот взгляд, заставляя просыпаться в холодном поту. Мартин старался свести до минимума маршруты, проходящие через этаж с камерой 2112. Но когда ему всё-таки приходилось бывать на этом этаже, он видел, что узник практически всё время лежит спиной к решётке.

Заключенный не кричал даже во сне. Ни с кем не разговаривал, не выходил на редкие прогулки. Только иногда надсмотрщики говорили, что слышали тихий шёпот: заключённый повторял: "я — не он". И так день ото дня. Иногда шёпот прекращался. Но стоило страже вновь приблизиться к его камере, как бормотание возобновлялось. Изредка невозможно было даже разобрать слов. Может быть, мужчина уже давно сошёл с ума. Но никто не хотел это проверять.

Сейчас:

Утром я открыл глаза, без перехода возвращаясь от сна к реальности.

Иногда по ощущениям я пытаюсь вспомнить это: сладкую негу, когда с утра тебя будит солнечный луч, неизвестно как прокраившийся в спальню. Он тихо скользит по тёмному балдахину, резвится на сине-золотых тонах королевской семьи, потом осторожно пробирается на лицо, пытаясь проникнуть под опущенные ресницы.

Я вздрагиваю, но, не открывая глаза, переворачиваюсь на другой бок. Изумительное предвкушение охватывает сознание. Новый день! Вы только вслушайтесь в эту фразу, сколько всего скрыто в двух незамысловатых словах. Новый день. Новые знания, приключения, шутки, какие-то моменты, неожиданные повороты, быть может, ссоры или неудачи. Ожидание охватывает весь разум... еще чуть-чуть и веки вздрагивают. Последние крохи неуловимо мелькнувшего сна. Я просыпаюсь.

...Воспоминания, как затёртые кадры из старой киноплёнки. Черно-белые маски, лицемерный смех. Нет ни запахов, ни вкусов.

Помню.

Я знаю свою прошлую жизнь наизусть. Моменты, фразы, образы. Могу практически дословно пересказать какой-нибудь фрагмент. Но просто вы зубрить формулы — не значит понять их. Слова так и останутся словами, мертвым грузом. Нужны ассоциации. Мысленное представление того, как именно эта формула работает.

Так и я — выучил понятия: ненависть, любовь, боль, но они безвкусны. Да, ассоциации приходят, но иногда мне кажется, что они делают только хуже. Подумайте: например, я произнесу словосочетание «детская обида». Вы сразу что-нибудь вспомните. Сестра разбила чашку, а наказали вас. Поссорились с другом, потому что он вас обозвал. Но с кадром из вашей жизни придёт не только картинка, как это было. Ещё будет вкус... слёз, или желание

обидеть в ответ, с лёгкой горчинкой детской злости, металлический привкус крови от прокушенной губы: их бесчисленное множество. А для меня — это просто отзвучавшая пустота.

Осталось только прогнать навязчивую мысль, что возможно, так даже лучше.

Леша отвернулся от окна. Сегодня он так и не мог уснуть и, смотря, как солнце лениво выбивается из-за скучных зелёных девятиэтажек, чувствовал себя опустошенным и запутавшимся в жизни маленьким мальчиком.

Вчера, когда брат только-только пришёл в себя, Алёша был так счастлив, что не замечал ничего вокруг. Только Лёша и счастье. Ну, и младший братишка. После той истории, которую ему рассказал Серёжа, он понял многое. Например: оказывается, Алексей умеет ненавидеть. И не важно, что он никогда не видел тех людей. Наверное, не увидит и не узнает, но всё равно желает им смерти так сильно, что даже не понимает, откуда взялось столько злости. Как они посмели предать? Сотворить с его младшим братом такое?

И только за ужином он осознал, что не понял самого главного. Пережив такое, невозможно остаться прежним — тем, кем был в прошлой жизни. Невозможно остаться добрым, когда видишь и знаешь одно только зло. И его брат исключением не был.

Впрочем, это уже не он.

Когда Леша услышал тот смех, понял — Серёжа действительно не вернулся. Место брата занял монстр. Безумный, кровожадный монстр, который не остановится ни перед чем, чтобы отомстить. Всем. Пусть пока он сам этого не понимает. И тогда Лешё стало страшно. Как же ему стало страшно! Страх скручивал внутри все, заставив Лешу тихо поскуливать от ужаса. До тех пор пока, сидя у окна и вырисовывая на стекле невидимые знаки, Алексей не понял ещё одну вещь. Ему было всё равно, что это кровожадный или бездушный монстр. Если понадобится его, Лешина, помощь, он сделает всё, что возможно. Даже убьёт.

Только потому, что этого монстра зовут Серёжа, и он называет его своим братом.

Глава 1.5 Если в глазах отражается память

И твой наивный белый цвет
Не защитит на злой планете
От мелкой сети липких бед
И сочных пятен грязных сплетен.
Андрей Белянин

Несколько последующих недель Лёша запомнил плохо. Все образы, разговоры, действия, события — всё-всё-всё смешалось в одну пеструю громкую круговерть. И понять, что откуда и, главное, «где», он уже не мог. Ему надо было готовиться к выпускным экзаменам. Ему надо было готовиться к вступительным экзаменам. Ему надо было сопровождать родителей в их походах по многочисленным врачам и лекарям, шарлатанам, профессорам и просто знакомым. Мама с папой вцепились в него, как в спасательный жилет, пытаясь выбраться из образовавшегося порочного круга. Ему надо было о многом поразмыслить. И, наконец, уж совсем было бы хорошо хоть чуть-чуть времени уделить самому себе, не забывая про такие мелочи, как еда, сон и хоть какой-нибудь отдых.

А уж про то, как, наверное, было «здорово» его брату, он старался не думать. Серёжа, кажется, вообще впал в какую-то разновидность анабиоза. В том смысле, что покорно ходил за родителями. Спокойно отвечал на многочисленные вопросы врачей. Не жаловался на то, что каждый следующий доктор заставлял его проходить все обследования и сдавать анализы по новому кругу. В перерывах между поездками читал какие-нибудь книги или лениво лазил по сайтам Интернета. Мало говорил, много спал и ел, вечерами сидел на балконе в позе лотоса с плеером и громкой тяжелой музыкой. Рисовал. В основном простым карандашом или тушью на больших листах А3. Расплывчатые фигуры, длинные коридоры с закрытыми дверями, удивительные дворцы. Все это было изображено карикатурно и страшно. Иногда он рисовал лица. Начиная, медленно смакуя каждый штрих, но на глазах срывался, разрывая портреты.

— Их глаза отражают боль, — говорил он.

Леша был уверен, что если бы брат чувствовал, он бы кричал от отчаянья.

— Их глаза отражают боль, — повторял Сережа, — они предали меня. Это мне было больно, а не им. В их глазах должны быть страх и отвращение. Почему они смотрят на меня с упрёком? Почему им больно?

Алеша только качал головой. Лица были прекрасны. Человек, не умеющий рисовать и не использующий для этого магию, настолько четко передавал каждую черточку и так оживлял портреты, что становилось страшно. Родители не видели этих рисунков. Сережа сжигал их сразу после того, как показывал брату. Одним взглядом заставляя листы бумаги превращаться в пепел, а потом и вовсе исчезать в неизвестность.

Иногда Сержа пытался плакать. Не получалось. Пытался заново научиться чувствовать. И каждый раз на вопрос брата спокойно отвечал, что, возможно, получится в следующий раз. Во снах он метался по мокрой от пота постели и выкрикивал слова на незнакомом языке. Кого-то звал, убегал, спасался, холодно и мёртво смеялся. Но утром, если что-то и помнил из снов, то не рассказывал.

Он просто дал им шанс, но так и не мог научиться жить, все сильнее уходя в себя. Иногда казалось, что ещё немного, и Серёжа не проснётся, не сможет заставить себя вырваться из плена Бездны, но он возвращался...

Леша... а что Леша? Как мог, развлекал брата. Или же приходил в комнату, устраивался на кресле и позволял ему говорить. Всё, что угодно. Главное, чтобы Сергей не молчал и не оставался наедине с самим собой. Когда в памяти всплывало слово «экзамены», Алеша перетаскивал учебники в комнату брата и вслух учил формулы и определения, пока тот рисовал или читал. На пятый день зудения это так Серёже надоело, что он легким импульсом загрузил в голову старшего брата весь объём знаний по нужным предметам. Переборщил, и ещё два дня Алексей мучился дикими головными болями. Зато потом почувствовал себя профессором и о поступлении волноваться перестал. Даже поменял свой выбор на один из лучших университетов, пошутив, что если надо — он и за границу поступит. Мог, конечно, но не тащить же брата с собой?

Серёжа пожимал плечами, говоря, что и так обойдётся, признавался, что физически устал ездить по врачам. Если бы мог — он бы и душевное равновесие потерял, выдохшись подчистую. Но это было невозможно. И на следующий день с непроницаемым лицом в сотые разы Серёжа отвечал, что нет, он не знает, как все это произошло и почему сейчас он ничем не уступает в развитии своим сверстникам, а в чем-то и превосходит их.

Однако уже через несколько недель стало ясно, что никто ничего не узнает. А если исходить из этого, то случай братца могли признать уникальным и, учитывая, что Леша за свою жизнь превысил допустимую норму просмотра американских фильмов, то ему уже начинало казаться — ещё немного и Серёжу заберут на опыты. А тот не выдержит и применит магию.

В попытках брата контролировать силу пока побеждала сила. Не раз Леше доводилось видеть, как Серёжа совершает генеральную уборку, по кусочкам собирая разваленную квартиру. Или стирает память соседям, которые увидели летающий стул, пробивший стену.

Пару дней брат пытался научить его простейшим импульсам, но ничего не выходило.

Так что с подачи Лешы после десятка сумасшедших дней, наконец-то, в один из вечеров было решено собрать семейный совет.

Последние дни весны выдались неправильно жаркими. Не люблю, когда на градуснике выше двадцати пяти градусов. И холод не люблю. Особенно холод. Но сидеть в машине, которая больше напоминает маленький ад из-за сломавшегося кондиционера, в разгар дня, посередине вонючей пробки — хуже не придумаешь. Ведь тело-то чувствительность не теряло, в отличие от моего сознания. Ещё немного и я смогу убрать из восприятия ощущения физического дискомфорта и боли, но не сейчас... пот заливал глаза, стекая со лба большими каплями, но при этом я все равно не могу согреться. Как это глупо не прозвучит, но, несмотря на жару, внутри царит холод. Он прочно закрепился в костях и мыслях.

Мы с Лешей поделили пачку влажных салфеток и теперь пытались уснуть. Точнее, он спал, а я, откинувшись на сиденье и прикрыв глаза, думал.

О чём? О том, как опасно строить планы на длительный период, если не отвечаешь и за несколько дней. Я представлял себе все не так. Новая жизнь, планы. Месть? В первую очередь жизнь. За несколько вечеров я понял, что что-то внутри сломалось. Сначала думал,

что обживусь тут, устрою родителей, позабочусь о будущем брата. Раздам долги. Знакомым, учителям, друзьям и недругам. Каждому своё. По заслугам. Ведь я для этого и вернулся. Отблагодарить тех, кто вопреки всему помогал мне, и отомстить тем, кто отвернулись. И почему бы не начать с этого мира? Помочь нашей учительнице по истории — у её сына рак. Показать моднице Юльке, что не стоит издеваться над другими менее красивыми девочками. Сказать спасибо дяде Косте. Но на каждую идею ответом была пустота. Я знал, что так нужно делать, но не мог себя заставить захотеть. Все побуждения разбивались о грубое и некрасивое «зачем?», что мне с этого? Самое интересное ждёт меня впереди, а это всего лишь промежуточная станция — нужно только пережить два года.

И конечно, не обошлось без такого глупого вопроса: а вправе ли я? Кто дал мне разрешение вмешиваться в чужие судьбы и жизни? Какая-то странная девочка? Стоит ли её слушать? Ломать или наоборот восстанавливать... Вдруг за каждым действием скрывается какая-то более высокая, чем мои прихоти, цель, и все уже давно расписано? Но постойте, получается, что тогда и моя казнь, мои мучения тоже были частью чьего-то великого плана? Да, этот кто-то — наверное, действительно всемогущ и велик, раз для достижения цели легко обрекает других на страдания...

Для достижения цели...

Но ведь я собираюсь поступить именно так. Ни Ларин, ни Далик в этой жизни ещё не совершали своего предательства. Они даже не знают меня. Наверное, искренне верят в спасителя и радуются, что именно им выпала честь привести его в свой мир. Я собираюсь раздавить их, заставить до дна выпить чашу отчаянья, которая в прошлой жизни принадлежала мне.

Могу ли я так поступить? И если поступлю, чем тогда буду отличаться от предателей? Я ведь один раз уже отомстил... Тогда мне казалось, что то, что они сделали, не отплатить простой смертью. Но ведь своя боль всегда ближе и понятнее.

Как же все сложно.

Знаете, если вы решили сделать что-то, что может натолкнуть вас на муки совести, делайте это сразу, а не раздумывайте. Иначе чем больше у вас будет времени, тем сильнее сомненья подточат вашу решимость, и в результате вы просто перегорите. Я лишен чувств: жалости, прощения, — это недоступно для меня. И муки совести мне не страшны. Теперь я даже не могу назвать себя человеком. Но ведь когда-то я был им. Ещё помню, как это. Не могу не задаваться этими глупыми и пафосными на первый взгляд вопросами. Ведь и до меня, кто-то спорил сам собой на эти темы. И после меня будут другие. Каждый выберет свой ответ. Возможно, что-то мне подскажет, как поступить?

В их глазах я вижу боль. День за днем я пытаюсь нарисовать друзей такими, какими я их запомнил в тот, последний день. Страх, паника, злость, искривленные ужасом отвратительные лица. Не получается. Я хочу почувствовать ту ненависть, что сжигала меня, то отчаянье, но не выходит. Или хотя бы сделать их какими увидел в первый раз. Прекрасными видениями, словно сошедшими со страниц сказки. Вспомнить их улыбки, морщинки искренней радости вокруг ярких глаз. Но всё равно, раз за разом с плотных листов на меня смотрит боль. И боль не моя. В ней нет той загнанности, которую я видел в отраженье грязных луж на каменных плитах пола. В ней нет безумия. Эта боль раскаянья и понимания. Словно они просят у меня прощения за то, что сделали. Словно хотят, чтобы им отомстили.

Но я не могу их простить. Только думать. Снова задать себе эти дурацкие вопросы. Да, я

лишен чувств, но сомнение пытается подточить мою решимость. И первое, что я заставляю себя сделать — избавлюсь от него, чтобы не забивать голову нытьём... у меня найдутся дела важнее этой глупости.

Когда мы, наконец, вернулись домой, точнее, возвратились только мы с братом, мама с папой, закинув нас в квартиру, умчались в супермаркет за едой, в первую очередь у нас завязался небольшой спор на тему «кто первый в душ?». Победил я, отправив брата на кухню делать прохладительные коктейли. Странно, но рядом с семьей я чувствую себя почти живым. Когда меня оставляют одного в пустой квартире, я медленно начинаю погружаться в Бездну. Знакомое холодное безумие. Я знаю, что оттуда выхода уже не будет. Но рядом с братцем я заставляю себя язвить, вспоминать старые шутки. Рядом с родителями учусь улыбаться, чтобы они верили, что все теперь замечательно. Это хорошо. Я дал им шанс и пытаюсь подарить шанс себе. Хотя не уверен, что он мне нужен.

Ради того, чтобы освежиться, пришлось включить холодную воду. Тело свело судорогой, как только я вспомнил, что надсмотрщики, издеваясь, на коротких прогулках сталкивали заключенных с берега в воды Ледяного океана. Тех, кто выдерживал в воде, которая не замерзала только из-за магии, больше пяти минут, спасали. Остальных так и оставляли в объятьях холодных волн.

Я продержался.

И как же потом об этом жалел!

Когда-то:

— Смотрите-ка, эта тварь ещё жива! — довольный гогот, и тут же бок пронзает острая боль: бить надсмотрщики умеют прекрасно.

— Может быть, мы снова его туда кинем? — визгливый высокий голос перекрывает грубый смех остальных.

— Зачем? — равнодушный ответ. — Посмотри, у него кровь носом пошла. Закинем обратно в камеру. Интересно, как он долго протянет?

— Но ведь, — визгливый голос снова пытается что-то досказать, но тихий успевает закончить фразу:

— А лекарю об этом ублюдке знать не обязательно, — снова удар. Внутри что-то отвратительно хрустит, и кровь идёт уже горлом...

Сейчас:

— Серёж! Ты решил утопиться?! — взволнованный голос брата заставил помотать головой. С трудом выбрался из липких, холодных мыслей. Я свернулся в ванной в позе эмбриона и мелко дрожал, словно только что не просто вспомнил тот жуткий день, но и снова все пережил. Дотянувшись рукой до переключателей, с силой дернул горячую воду и только ошпарившись, понял, что всё-таки смогу встать.

— Конечно, всегда мечтал именно так закончить свою жизнь. Хочешь побыть зрителем?

— Вот ещё.

— Тогда принеси полотенце.

Потом мы снова устроились на кухне. Леша сел прямо на стол, болтая ногами, как маленький. Его бокал был уже ополовинен. Видимо, ожидая меня, времени даром брат не терял. Я плотнул из своего бокала и поморщился. Напиток был удивительно вкусным, но холод снова заставил дремлющую внутри Бездну очнуться от воспоминаний. Но коктейль я всё-таки допил. И даже спросил — нет ли добавки. Так проще всего — заставлять себя делать именно то, что не хочешь. Точнее, в моём исполнении, что не хотел бы.

Однако, что же решить? Сегодня вечером я должен дать точный и четко сформулированный ответ на вопрос, как я собираюсь прожить эти два года. Я не пойду учиться. Мне нечего там делать. Я не стану супергероем, не примерю заново шкуру спасителя. И тратить драгоценные крупицы времени на то, чтобы попробовать просто жить — бессмысленно и нерационально. Спасибо за шанс, но нет. Хватит. Когда-то я уже был добрым мальчиком Серёжей, достаточно.

Покачав головой, я вырвался из плена мыслей. Брата на кухне не было, зато в душе слышался плеск воды. Отлично. Я налил простой воды в опустевший бокал, который продолжал сжимать все это время, и подошел к окну. Как давно я любил наблюдать отсюда за разными, такими маленькими и смешными людьми? И всё мне казалось красивым и правильным. Живым. Но теперь...

Пыльная улица. Тошнотворная вонь палёного мусора, скалящиеся улыбками лица прохожих, радующихся хорошему дню. Отвратительно... Над огромной столицей завис купол выхлопных газов. Мы сами уничтожаем нашу жизнь, капля за каплей выпивая соки из планеты, словно комары, облепившие тучей тело жертвы и сосущие её кровь. Паразиты. И самое страшное, что этого не осознаём. Человек — царь природы? А теперь пойдите и расскажите об этом ей. Человек — ошибка природы. И за такие ошибки обычно расплачиваются жизнью. А мы всё убиваем и убиваем самих себя, мотыльки-однодневки, летящие на пламя.

И, Бездна, как же страшно знать, что я один из них. Крошечная искра, чей пожар длиться лишь мгновение. Невольно захочешь стать маньяком, чтобы очистить мир от всякой погани. Хотя вряд ли Эрик преследовал именно эту идею. А чем не вполне обоснованное объяснение для массовых убийств? «Господин судья, я убил их лишь потому, что эти люди были тварями»...

Если вам в голову начинают приходиться такие мысли, знайте, что вы ничем теперь не лучше всех прочих безумцев. Тоже начинаете судить других, решая, кому жить, а кому нет. Вот только кто дал вам это право? Господь? Благодарите все силы, что это пока лишь мысли, не воплощенные в реальность.

Но моя реальность заключалась в том, что право распоряжаться жизнью и смертью у меня было. Осталось им только воспользоваться.

Моё внимание привлекла небольшая сценка, разыгравшаяся у нашего подъезда. На лавочке сидела подозрительно знакомая девчонка, прячущая лицо в ладонях, словно плача. Рядом были прислонены костыли, присмотревшись, я понял, что у девочки не хватает правой ступни. Для многих людей лучше умереть, чем потерять часть себя, но очень редко, когда кто-то прислушивается к этому мнению.

Вокруг девочки кружили три парня моего возраста. Не нужно было обладать блестящей логикой, чтобы понять: три шакала нашли свою жертву и теперь с наслаждением издеваются над ней. Сложно найти более жестоких людей, чем подростки. Если дети причиняют боль

по незнанию, то подростки могут наслаждаться необоснованной жестокостью, как дорогим лакомством.

Что же с вами случилось, ребята?

Отведя взгляд от окна, я обнаружил, что с силой сжал бокал, раздавил его, и осколки впились мне в ладонь. Боли не было. Сила почти стабилизировалась, способности пришли, впитавшись в меня до последней крохи. Слизнув пару вязких невкусных капель, я привел себя в порядок, и попытался отвернуться от окна. Но не получилось, как раз брат закончил с водными процедурами и поспешил узнать, что меня заинтересовало настолько, если опять пришлось применять силу.

— Ах... это... да, неприятно... — лицо Леши исказила гримаса отвращения, — уже три месяца, а никак не поумнеют, идиоты. Видимо, Валентина опять отлучилась в магазин, а Аньку оставила подышать свежим воздухом.

Сколько помню, и в прошлой жизни Валентину Егоровну — маму нашего лучшего друга, именно друга, а не подруги — Ани, мы всегда называли по имени. Почему так, никто толком не знал. Но всё были довольны. Видимо это не изменилось и теперь. Но что произошло?

Последний вопрос я задал вслух, и брат с ответом не замедлил.

— Странно, неужели в прошлой жизни этого не было? В общем, они ехали с крестной с дачи, и попали в аварию. Нина Игоревна до сих пор в больнице. Месяц вообще в реанимации лежала, сейчас вроде более-менее возвращается к нормальной жизни. А вот Аньке пришлось ступню ампутировать. Точнее, в аварии её отрезало...

Я покачала головой. В прошлой жизни случилось по-другому. Хотя не все. Та же страшная авария. Пьяный водитель, выехавший на встречную полосу. Часы долгого ожидания. Заплаканная Валентина, судорожно набирающая мобильный мужа — он был в командировке. И две новости: Анька выжила, отделавшись несколькими ушибами и царапинами, Нина Игоревна погибла. Вот так и узнаешь цену жизни. Чтобы получить одно, надо пожертвовать другим. Своим уродством в этой жизни Аня спасла жизнь своей крестной, хоть наверняка и не догадывалась, что нужно радоваться небольшой цене, которую запросили там, наверху.

Внимание снова переключилось на лавочку у подъезда. Анька, попытавшись встать на костылях, чтобы скрыться от мальчишек в подъезде, от волнения, или скорее непривычки, споткнулась, упав на асфальт. Андрей — мой одноклассник из прошлой жизни, вырвав у неё костыль, принялся прыгать вокруг беспомощной девушки.

— Серёжа! — предостережение брата опоздало.

Бездна, повинуюсь, уже высвободилась из плена моего сознания. Я знал, что потом, за эти минуты власти над ней, мне придётся многим заплатить, но сейчас цена не была важной или значимой деталью той силы, что я ощутил.

Вниз! К подъезду! Только так, чтобы не напугать их...

— Как скажешь...

Усмешка Бездны была жуткой. Черноглазая красавица с алебастровой кожей, закутанная в полупрозрачные ткани, окружила меня плотным коконом своих объятий, перемещая на площадку перед лифтами первого этажа.

Несколько ступенек до железной двери я преодолел, даже не заметив этого. Новое тело было лёгким и быстрым. Толкнув плечом дверь на улицу, замер на невысоком крыльце. Мокрые после душа волосы, заплетённые в тугую косу, больно хлестнули меня по плечу.

Только теперь я осознал, чтобы почти не одет: брат так подгонял меня, что я забыл про полотенце, сразу перейдя к одежде, а пуговицы на рубашке так и не застегнул. Наверное, в моём теперешнем виде это смотрится даже красиво. Какая разница? Я отвлек внимание на себя — и это уже хорошо.

Вот только вместо того, чтобы улыбнуться старому другу, Андрей презрительно скривился, оглядев меня и, работая на своих знакомых, брезгливо протянул:

— Только посмотрите, кто сбежал от мамочки! Наш даунишка решил заступиться за хромоножку? Отличная пара! Анька, смотри, какой у тебя жених выискался. Просто конфетка...

В глазах Ани, где до этого царило отчаянье, промелькнуло совершенно непонятное мне выражение. Снисхождение? Усталость? Раздражение? Похоже, чувства медленно начинали стираться в моём восприятии, чтобы окончательно утопить меня в серости и бездушии.

— Серёж... — тут из подъезда выскочил Алеша, как раз во время монолога Андрея, и замер, не понимая, что сейчас тут будет происходить — просто он видел окружающее меня серое марево, а остальные нет. И сама Бездна, кружившая по небольшой площадке, предвкушающе улыбалась.

— О, а вот и наша мамочка! Что же ты своего братца-дебила без присмотра оставил, Леш? Расслабился? Девочку в гости пригласил, небось...

— Молчал бы, сам-то странные наклонности проявляешь, — тут же ответил брат. Видно, ему не в первый раз отвечать на подобные колкости как в мой, так и в свой адрес.

— Мамочка что-то пропела? — насмешливо уточнил Андрей.

Что же с тобой сделала эта жизнь. Где тот добрый парнишка, вместе с которым мы как-то раз прятали котят, которых дворник собирался утопить, вместе ухлёстывали за одной девчонкой, пока та не влюбилась в Лёшу... Впрочем, новая жизнь отыгралась на всех нас...

Позвал Бездну, спрашивая: поможет ли она мне. Сила, подаренная мне госпожой Алив, не проверенна, не стоит рисковать, но пустота... ей не нужно уметь управлять, только спросить разрешения.

— Конечно, а потом мы поиграем. Да? — она легко коснулась моего виска своими холодными губами. — Ты боишься меня?

Усмешка искривила моё лицо, заставив парней отступить на несколько шагов. Я не могу испытывать чувство страха. И Бездна это прекрасно знает.

— Андрей, ты не считаешь, что это принижает тебя — издеваться над слабой девушкой? Как ты опустился... — я наклонил голову набок, смотря прямо в расширившиеся от ужаса карие глаза бывшего одноклассника. Андрей вздрогнул, не выдержав натиска пустоты, и, попытавшись сделать ещё один шаг назад, оступившись, упал.

— Ты...

Два парня, которых я когда-то знал, попробовали напасть, решив сбить меня с ног. Что ж... добавим чуть-чуть спецэффектов, но только так, чтобы больше никто не заметил...

От клубящегося вокруг меня серого марева, которое теперь было прекрасно видно всем действующим лицам, в стороны парней потянулись извивающиеся щупальца. Они скрутили их почти нежно, приподнимая на полметра над землёй. Леша с Аней потрясенно на это смотрели. Да, всегда мечтал так выступить. В прошлой жизни не удалось — ведь я был верным слугой света. Так почему бы теперь не покрасоваться? Путь это и не сможет мне доставить удовольствия.

— Андрей, неужели ты никогда не слышал, что рано или поздно за всё приходится

платить... Какое наказание мне придумать для тебя?

— Я...я...

Взглянув в его глаза, я понял, что перестарался. Во взгляде Андрея не было ни грамма разума. Слишком велико было потрясение от увиденного. Преображение из идеального предмета для шуток в непонятное, пугающее существо слишком сильно ударило по подростковой психике. Можно сказать, что теперь мы поменялись с ним местами. Это уже достойное наказание для того, кто издевался над больным мальчиком и девушкой-калекой. Только жаль, что уже не вспомнит об этом.

— Я не люблю, когда игрушки ломаются так быстро... — красавица разочарованно повела плечиком. — Отправь их куда-нибудь, сотри сознание... нужно разобраться с остальными зрителями... — её улыбка стала лукавой.

Небольшой импульс, и вот на площадке перед подъездом находимся только мы с братом и Аней. Алеша трясет головой, пытаюсь выгнать из памяти недавние картины. Аня тихо плачет.

Фиговый из меня герой получается.

Я подобрал валяющийся на асфальте костыль и подал его дрожащей девушке. Та попыталась отшатнуться от меня, но в её и так плачевном состоянии это выглядело жалко. Осознав это, Аня закусил губу и все-таки взяла эту чертову железку, но вставать не стала.

Слезы очень подходили её глубоким серым глазам. А вокруг чуть вздернутого носа россыпь веснушек заставляла вспоминать о ласковом весеннем солнце, также как и непослушные рыжие пряди с золотым отливом. Чем-то она была похожа на мою Ирэн. Только Аня была куда красивее. Она обладала правильным овалом лица, полными губами, которые сейчас предательски дрожали, высоким лбом и красиво очерченными скулами. Только в красоте ли дело?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Кто ты? — осторожно уточнила она.

— Серёжа. Живу на три этажа ниже. Разве мы незнакомы? — почти весело уточнил я. Бездна недовольно скривилась — так просто накладывать иллюзию чувств и эмоций, оставляя под ней всю ту же равнодушную серость...

— Но ты... — девушка нервно оглянулась на Лешу, но тот стоял в стороне, скрестив руки на груди, и вмешиваться в странный разговор не собирался. Потом снова перевела взгляд на меня. Теперь в нем читалась дикая, неправильная зависть: сумасшедший мальчик вылечился, а она нет. Аня... если бы ты знала цену этому исцелению, предпочла бы остаться калекой на всю оставшуюся жизнь.

— Да, иногда случаются чудеса, — наклонил голову, закрывая глаза. Память подсказывала обратное. Случаются ошибки, случайности, но никак не чудеса.

— Чудес не бывает... — грубо ответила девушка, повторяя тихие слова Бездны. Про участь своих мучителей она спрашивать не собиралась. Их найдут в нашем лесопарке, в невменяемом состоянии, которое, может быть, когда-нибудь и пройдёт. Но только не в этот год.

— Не бывает... — упрямо повторила она.

Так случается, когда все становится неинтересным, а маленький комочек в груди облачается в латы замкнутости и ненависти. Чудеса ведь близко — верит она, но они снова проходят мимо... Может это и не чудеса вовсе? И если так: стоит ли в них верить? И не будет ли это только иллюзией веры?

Чудеса ведь больше никому не нужны. Старая мать, которая похоронила единственного сына, вряд ли будет надеяться на чудо. Может быть, если он находится в больнице и врачи пытаются его спасти... Но стоит только присмотреться и станет ясно — ей не нужно чудо, ей нужна его жизнь.

Фокусы шарлатанов могут развлечь, магия поможет в быту. А случайные чудеса уже устарели. Кто-то перед кабинетом, в котором через несколько минут начнётся экзамен, может воскликнуть: «Хоть бы случилось чудо, и мне поставили отлично!». Это чудо называется хорошей подготовкой, и на самом деле вовсе не является чудом. Но оно всё равно никому не нужно, все надеются на какую-то созданную в своём воображении иллюзию. Правда, глупо?

— Чудеса есть... — сказал я, наклоняясь к изувеченной ноге, и обращаясь к Бездне. И совсем неважно то, что я подумал то, что есть в жизни — правда. Пусть именно сегодня, сейчас чудеса окажутся реальностью. Хотя бы на одну минуту.

Наверное, Ане было больно, но она ничем этого не выдала. Только в расширившихся зрачках я видел смешение всех чувств, от счастья до отчаянья — вдруг ей это только видится, а потом она проснется и все останется по-прежнему?

Но нет. Красивая маленькая ступня была точной копией потерянной конечности и прочно занимала своё место. Девушка пошевелила аккуратными пальчиками, протянув руку, дотронулась до щиколотки, провела пальцем по пятке и смешно поморщилась. Стянула босоножку со здоровой ноги и вскочила босиком на асфальт, все ещё не веря, но испытывая бесконечное счастье. Поддела новой ножкой ставший бесполезным костыль и рассмеялась, так звонко, что даже пустота внутри меня недовольно отупила, ослепленная искренним чувством. Но только на миг. Бездна, обняв меня за плечи, дотронулась губами до мочки уха и прошептала:

— Ты помог ей... и даже неважно, как она распорядится этим бесценным даром — полноценной жизнью. Но скажи, ты наказал обидчиков, но так и не выяснил, какой эта красавица была до аварии. Хочешь, покажу?

Нет, не нужно... Аня же не могла...

Нет...

Бездна расхохоталась.

— Значит это и будет платой за мое послушание — правда! Нет ничего лучше правды! Ты не согласен? Что ж, смотри!

Я понимал, что Бездна в любом случае заставила бы меня это увидеть... Что ж, правда — это прекрасно...

Когда-то:

«Непонятно... — первое, что я ассоциировал, оказавшись в темноте. Это моё тело? Почему-то я не чувствовал даже тактильных ощущений, словно незваный гость, который заглянул на пять минут. Потом что-то ярко вспыхнуло, пытаюсь меня ослепить. Нет, это просто солнце, оно светит прямо в глаза, но тело почему-то смотрит на него, и зажмуриваться не собирается.

Я сижу на той самой лавочке перед нашим подъездом. Мне надо так сидеть. Дома закончился хлеб, и Леша ушёл к ближайшему киоску. А мне нельзя оставаться дома одному. Там слишком много страшных вещей, которые могут причинить боль. Поэтому меня привели

сюда, строго сказали никуда не уходить. Леша скоро вернётся. Мы опять пойдём домой, где мне прочитают сказку.

Я отвлекаюсь на внешний раздражитель. Две фигуры. Настоящий я — гость воспоминаний — сразу узнаю здоровую довольную Аньку и высокого Андрея — он придерживает девушку за талию и громко смеётся. Она вторит ему своим тонким мелодичным голосочком. Тому мне, что сидит на лавочке, приятно слушать переливы её голоса. Тот я просто не понимает смысл фраз, которые парочка бросает в мою сторону.

Зато настоящий я понимаю.

— Что ты так смотришь, даунишка? Я тебе нравлюсь, да? — Анька поворачивается вокруг себя и выпячивает вполне сформировавшуюся грудь, которую облегает короткий топик.

— Конечно, ты нравишься этому идиоту!

Смех...

Тот я не реагирует, но смеющаяся девушка ему действительно нравится. Она яркая как солнышко. Тот я любит солнышко...

— Эй, я с тобой разговариваю! И прекрати смотреть на мою девушку, дебил!

Сильный удар в плечо, и тот я, сжавшись в комочек на лавочке, начинает плакать. «Где же Леша? Он сильный и большой, он обязательно защитит! Почему эти двое бьют меня, ведь я не сделал ничего плохого?!» — мелькают перепуганными бабочками обрывки мыслей.

На грани сознания я успеваю услышать сердитый голос брата, и пустота тесно прижимается ко мне, унося сознание в настоящее...»

Сейчас:

— Ну как, милый, ты не жалеешь о том, что помог ей? — Бездна ласково касается моих волос, проводит тонким пальчиком по шее и ключице, дотрагивается губ холодным поцелуем и исчезает, довольная тем, что показала мне правду.

Я не могу сожалеть. Теперь я лишен этого. Алеша, чтобы я снова не натворил глупостей, приблизился большими резкими шагами и положил мне на плечо ладонь.

— Что-то случилось? — его вопрос был тихим.

— Просто я вспомнил, что невозможно понять человека, пока сам не окажешься на его месте.

Девушка поняла, что я имел в виду, и прижала узкие ладони к лицу. Прощения она не просила. Наверное, если бы мог чувствовать, меня захлестывала злоба и безнадежность...

Почему, Ань? Мы же всегда были хорошими друзьями. Это все жизнь, да? Другая жизнь, другие обстоятельства, другая судьба. Ведь там, раньше, ты меня не предавала? Не сплетничала за моей спиной? Наверное, хорошо, что ты не помнишь, и не сможешь ответить на эти вопросы. Я не хочу услышать ещё одну правду.

— Знаешь, тогда ты мне действительно нравилась...

Легким движением руки посылаю в её сторону импульс, который сотрет ненужные воспоминания. Отворачиваюсь, скидывая ладонь брата с моего плеча. Я не должен здесь находиться.

— Забери меня, я понял, что даже за чудеса надо платить. Нет. За них — особенно.

Бездна промолчала, соткав за моей спиной большие тёмные крылья. Раньше я мечтал научиться летать, забыв про земные законы. Миг и, оторвавшись от серого асфальта, я взмыл

вверх, едва не запутавшись в электрических проводах. Кажется, Леша что-то прокричал мне в след. Я не услышал.

Выше. Выше. Выше! Как можно дальше...

И не думать ни о чем.

Приходя в неё, мы плачем,
и горьки с ней расставанья
поневоле.

Путь наш муками оплачен,
долгий век — одно названье
долгой боли.

Хорхе Манрике

Внизу медленно разлагалась туша огромного города, отравляя все вокруг трупным ядом и вонью. А вместе с городом так же медленно разлагались ещё живые люди. И я видел их души, обросшие черными липкими мыслями и делами, почти незаметные за жиром пороков и лжи. И душа города, спустя столько веков по-прежнему молодая и чистая, ещё пыталась светить сквозь заплёванный асфальт и кучи мусора.

Я смотрел на этих людей и не понимал. Почему... Почему? Почему у них есть души? Почему несмотря на то, что они превращали самих себя в грязь, кто-то свыше всё равно оставлял им такую драгоценность? Последний шанс на прощение...

Ведь я был не хуже их... Так почему меня лишили этого шанса? Да, я убивал... Но только когда смерть грозила тем, кто был дорог мне. И не получал никакого удовольствия. Только сожаление, что слепая пряжа не оставила других выходов. Да, я не был образцом добродетели... Но отсюда, сверху, мне было видно, что по улицам города ходили сотни убийц, насильников, воров — вся мразь рода людского спешила по своим делам, не ведая о том, что есть и другая сторона жизни — моё существование. У них были души. Чувства, мечты, надежды. Если бы я мог испытывать зависть, наверное, захлебнулся бы в этом ощущении.

А парней я всё-таки убил. Нашел то место, куда переместил их, и убил. Даже силу применять не стал — перочинного ножа хватило, всё равно они сопротивляться не могли, наверное, даже не поняли, что умерли. Тела оставил, не стал ни прятать, ни уничтожать.

Возможно, я бы смог накрыть всю эту мразь разом. Тонкими ниточками пустоты дотронуться до сердца каждого из них, чтобы в один момент остановить пульс, прервав жизнь. В одну секунду очистить этот город, чтобы по улицам ходили другие люди. Нормальные... Которые умеют ценить свою жизнь.

Бездна, обвиваясь вокруг меня, не вмешивалась в мысли, хотя хотела. Я читал её желание в блеске тёмных глаз, в страшной усмешке. Она опять хотела показать мне, что я не прав.

Хорошо, показывай...

— Зачем? — её удивление было отвратительно наигранно. — Ладно, давай начнём с самого простого. Кого в этом городе ты считаешь мразью? Как ты разделишь грехи на те, с которыми можно жить и на те, кара за которые — смерть. Расскажи?

— Это просто. Безвинны только младенцы. На душах остальных если не обман, то воровство конфет точно есть. Тяжесть греха не должна скрывать душу за плёнкой грязи. Вот простая мерка.

— Да? И тут души... Тебе не кажется, Сергей, что это сдвиг?

Ирония Бездны дотронулась до сердца и растворилась в пустоте.

— Нет... не кажется, сдвиг действительно есть... Однако в нём понимание того, какие же люди животные... Как они не ценят даров свыше. Я ведь тоже не ценил.

— И теперь хочешь уберечь их от своих ошибок?

— Нет, всего лишь наказать по заслугам.

Бездна покачала головой, у неё явно было что-то в запасе. Что-то такое, чтобы за один удар в очередной раз показать мою неправоту. И теперь она раздумывала, стоит ли снова доказывать своё превосходство, или всё-таки оставить с иллюзией победы. Сложная дилемма. В прошлом я не любил иллюзии.

Она прикрыла глаза, соглашаясь с моим решением. Потом отвернулась к городу, внимательно всмотревшись в крошечные точки чужих жизней, словно выбирала достойный пример для своих слов. Выбрав, робко, словно девчонка-школьница прижалась ко мне своим телом, обвив холодными руками.

— Вот он. Смотри...

Шепот коснулся прерывистым дыханием виска, и тут же зрение против воли сфокусировалось на приземистом мужчине. Он, прикрыв глаза, ждал трамвая рядом с метро «Преображенская площадь». Если смотреть обычным зрением, он был ничем не примечателен. Простое лицо, подтянутая фигура, хорошая футболка и потертые модные джинсы, обрезанные у колен. Сразу понятно — человек не самый бедный, но в тоже время ещё чувствует вкус жизни. Если мимо вас пройдёт такой гражданин — в толпе вы его даже не заметите. Или мазнёте одним взглядом и тут же займётесь более интересными или яркими прохожими.

Но если бы вы могли взглянуть в его душу — сразу бы перешли на другую сторону улицы. Обманы, измены, отвратительные мысли, наркотики и даже убийство... по пьяни, в далёком прошлом, которое списали на несчастный случай.

— Увидел? Таким, как он, не место в твоём мире... Да? — Бездна прижалась ко мне ещё сильнее, превратив изначально целомудренное объятие в интимное, проводя тонкими холодными пальчиками по моему позвоночнику. Сквозь тонкую рубашку прикосновения были почти неприятными. Раньше мне казалось, что Ничто бесплотно. А возможно эти прикосновения — игра моего повреждённого рассудка, когда невообразимо нужно ощутить рядом хоть чьё-нибудь присутствие.

— Да, таким не место... — согласился я, — говори, в чём подвох. Что-то стандартное? Вроде больной мамы... Все эти споры никогда не приводили ни к чему хорошему. Надо просто действовать так, как кажется правильным. А дальше... что будет, то будет. Сделать счастливыми всех не возможно.

— Ты почти угадал... — Бездна улыбнулась. — Тогда я не буду их тебе показывать. Или всё-таки..? Нет, просто расскажу. У него жена и трое очаровательных детишек. Добрые, светлые. И жена... молодая, чистая. Она даже не подозревает о его изменах и делах, просто

любит. Дома он самый лучший муж и отец на свете — всё для семьи. Что же с ней будет, если ты его убьёшь?

— Подарю встречу с достойным человеком, который будет любить её и детей по-настоящему, а не играя.

— И этим отнимешь счастье у другой женщины? Как просто дарить и отнимать... — ещё проще вообразить себя Единым творцом.

— Но ведь можно всё уравновесить... Привести к ней того человека, половинка которого недостойна существовать на земле. Соединить лучшее.

Бездна покачала головой.

Теперь она не обвивалась вокруг меня, а парила рядом, внимательно рассматривая мужчину. Вот подошёл трамвай, заставив собравшихся людей всколыхнуться небольшой волной, которая разделилась на два потока. Кто-то остался стоять на остановке, чуть-чуть отступив назад, кто-то, наоборот, стал продвигаться вперёд, чтобы извернуться и пролезть первым в трамвай. Желание занять лучшее место — это так естественно.

Мужчина же не стал толкаться. Он спокойно пропустил перед собой тоненькую девушку и женщину с тростью. После чего пробрался в конец вагона, чтобы не мешать другим людям проходить. Даже та девушка, на душе которой была только одна измена и несколько обманов, вела себя агрессивнее и, оттеснив старушку, сама уселась на свободное сиденье.

— Встань! — приказ прозвучал сам собой, и послушная марионетка поднялась с места, извинившись перед пожилой женщиной.

Прикрыв глаза, я отпустил сознание девчонки. В уходящем трамвае девушка пугливо озиралась по сторонам. Только что она сидела, чувствовала себя довольной. И вдруг провал. А ещё казалось, что в душе на миг поселился кто-то отвратительно-страшный... Но чувство страха отступило. Девушка брезгливо наморщила носик, жалея потерянное место, и углубилась в свои мысли.

Я проводил трамвай взглядом, ожидая выводов этой беседы. Как просто забыть, что нельзя всё мерить по себе, что окружающему миру намного важнее такой ты, каким он сам видит тебя. А тот, что находится внутри — интересен лишь самому человеку. У каждого есть выбор. Даже если на одной чаше весов смерть, все равно ты можешь сам решить, что лучше и для тебя, и для окружающих людей. Ведь иногда тихая госпожа куда добрее и милосерднее плетельщицы судеб, которая играет с нашими жизнями. Нет... не с «нашими» — теперь «вашими». Надо мной старая пряжа больше не властна. А значит, узор моей судьбы будет таким, каким захочу я.

И я не собираюсь учиться быть объективным. Вообще не собираюсь учиться. Я выстрадал своё право делать то, что захочу. И получил весь этот мир в своё пользование. Авансом за служение капризной госпоже Алив. Могу развязать войны, могу выполнить своё желание — уничтожить всех недостойных или же просто всех, могу раскрыть магию и повернуть с привычной оси истории. А могу... оставить всё, как оно есть.

Ведь мне всё равно...

Я сделал несколько ленивых взмахов крыльями, поднимаясь выше. Очертания города смазались, теряя грани, а сам город превратился в некрасивое пятно на теле планеты. И таких язв было слишком много. Легкие перехватило от недостатка воздуха. Не страшно. Я не могу умереть так. Сомневаюсь, что теперь я вообще могу умереть.

— Это можно проверить... — Бездна появилась как всегда неожиданно. Ещё минуту

назад она просто исчезла, растворившись в разряженной атмосфере. А теперь вновь кружила вокруг меня, как хищник выжидая, когда жертва совершит ошибку. Неужели в её глазах я добыча?

— Ты — игрушка. Очень интересная и увлекательная игрушка, жаль только, не моя... — неожиданно её голос изменился, избавившись от привычных капризно-повелительных ноток. И чувства превосходства в нём тоже не было. Сейчас она просто говорила со мной, а не играла. — У меня не так много детей... — неожиданно пожаловалась Бездна, — истинно моих созданий. Рано или поздно обособившаяся часть меня изменяется под воздействием окружающего мира. Она не отрекается от меня, нет, но перестаёт понимать родство. Учиться жить, ощущать. Она наполняет себя воспоминаниями и впечатлениями и перестаёт быть пустотой. Прикрывает это речами, что и Бездне знакомы чувства, что и она может любить... Но ведь эта часть уже не я... Значит, слова неправильны... Мне много лет, Сергей, но я до сих пор не могу ни опровергнуть эти слова, ни доказать. Зачем? Хочу показать, что я лучше порядка, что во мне есть покой. Люди мечтают научиться летать — ни Единый создатель, ни творцы не дадут им крылья. Я могу предложить альтернативу — подарить этой измученной вселенной бесконечное падение. Ты слишком необходим мне, чтобы исполнить это. Я не могу отдать тебя вздорной девчонке. И сейчас ты допустил маленькую ошибку, помог мне.

Я не успел спросить, что она имеет в виду, как Бездна, смерив меня странным взглядом, продолжила:

— Ты отрекаешься от своей природы. Отвергаешь то, что тебе дали вопреки миропорядку, нарушив серьёзные законы вселенной. А ты не оценил это. Серег, ты стал слепым и глухим. Так замкнулся в себе, так привык жалеть себя. Лелеять рану всё равно, что постоянно раздирать её, не давая возможности зажить. Так и ты вместо того, чтобы пытаться жить, постараться измениться, научиться чувствовать: бежишь в пустоту. Сдался после нескольких жалких попыток. И ты считаешь себя всемогущим? — казалось, Бездна сейчас закричит, но она перешла на вкрадчивый шёпот. — Нет, ты глупый ребёнок. Она подарила тебе силу — сделала все, чтобы ты смог начать жизнь заново. Но ты сказал «всё равно», отрёкся от этого дара. Ты мой, Серег. Теперь ты только мой.

Холодным пальчиком она дотронулась до моей груди, улыбнулась. А спустя секунду сила, которую дала мне творец, растворилась, словно её никогда не было. Ушла в пустоту. А я даже не попытался её изучить.

Значит, шанс был... Но я просто не смог его использовать.

Крылья исчезли.

Началось падение...

И тихий голос напевал мне странную песню

Кто ты? Странная игрушка...

Просто кукла без души.

И цена тебе полущка,

И судьба твоя — гроши.*

Я падал.

Казалось, тело сейчас не выдержит и сломается, сплющится ещё до соприкосновения с твёрдой землёй. Сам себе я напоминал тряпичную куклу, которую воздушные потоки надеялись разорвать на части. Воздух выбило из лёгких ещё на первых секундах падения.

Мне было удивительно хорошо...

Вам когда-нибудь снилось быстрое падение в никуда? Когда резко просыпаешься, не понимая где и почему, испытывая недавний страх, и в тоже время чувствуя странное удовольствие внизу живота. Эмоции и физические ощущения при этом так причудливо перемешиваются, что ещё несколько минут можно лежать, уткнувшись носом в подушку, пытаюсь вернуть их.

Сейчас чувство физического удовольствия захлёстывало меня с головой, переполняя тело, прокатываясь внутри упругими волнами. Заставляя наслаждаться каждой секундой стремительного падения и притупляя всё остальное. Ещё чуть-чуть и, наверное, я бы рассмеялся. Но нужно было обнять воздух, нужно было сосредоточиться на каждой клеточке тела, которые просто кричали, от яркого неземного удовольствия и полностью отдать себя в его власть. Оно того стоит... несколько коротких секунд полёта, миг боли и вечный покой в чертогах тихой госпожи.

Мысли становились всё более и более отрывочными и односложными. Я разобьюсь, наконец, освобожусь от этой пустоты, перестану зависеть от памяти... только не останавливать падения... продлить это наслаждение... хоть чуть-чуть свободы.

А потом земля резко приблизилась, дома увеличились, я не успел зажмуриться и серый грязный асфальт, подпрыгнув, ударил в лицо, свернув мне шею и изломав тело.

Спешащая уединиться парочка остановилась, с ужасом смотря на небольшую площадку перед подъездом девятиэтажки. На минуту им показалось, что на асфальте в луже крови лежит подросток, точнее то, что недавно им было. Но в момент укрывшая тело темнота стерла ужасное видение. Площадка оказалась пуста. Молодой человек сильнее обнял задрожавшую девушку и поспешил увести прочь, нашептывая на ушко разные глупости.

Тот, кто сказал, что сначала был свет — дурак. Сначала была боль. Не знаю, как одновременно можно вообще не ощущать своего тела, и в тоже время испытывать адскую дробящую боль, но в этот момент я ассоциировал себя именно так. Хуже всего стало, когда до сознания всё-таки добралось понимание этого.

Я не чувствую тела...

Одна эта фраза перенесла меня в крошечную холодную камеру, навалилась память и отчаянье. Я дернулся, понимая, что окончательно сойду с ума, если мне придётся перенести это ещё раз, пусть только по памяти. Что-то хрустнуло — я не смог опереться на вывернутую из сустава руку. Голова завалилась на бок, словно у мёртвой курицы. Глаза закрывала мутная плёнка, а всё лицо было в чем-то липком.

— Лежи, идиот! — прошелестело рядом, и сильные ладони попытались придавить меня к асфальту. Сопротивляться не удалось — теперь что-то хрустнуло в пояснице, и только что обрётённые ощущения отключились — ног я больше не чувствовал.

— Зачем? Ты ведь собиралась меня убить, — хорошо хоть зубы каким-то невероятным образом остались на своих местах. Бездна была рядом, и снова, как тогда, пыталась восстановить меня, выправляя тело.

Над ухом раздалось шипение, честно, в тот момент мне совершенно искренне захотелось расхохотаться.

— Нет! Почему ты не остановился? — Бездна дотронулась ладонью до век, стёрла с лица уже начавшую сворачиваться кровь. — Тебе бы все равно не дали умереть! Ты ещё не понял, что творцы так просто не расстаются с игрушками, даже если они больше не принадлежат им?

— Ради того, что я смог ощутить, падая — можно вытерпеть очень многое. К тому же, ты сама меня отпустила... — я убрал с лица растрепавшиеся волосы и оттолкнул Бездну, которая крутилась вокруг меня как лиса около курятника. — Мне не нужна твоя помощь, так заживёт.

Сил не было, но способность к регенерации осталась.

Вставал я долго: сломанный позвоночник даже для меня серьёзное повреждение, а кроме него было переломано и вывихнуто все, что только можно было переломать и вывихнуть. Бездна, оскорблённая таким поведением, устроилась на лавочке и наблюдала за моими потугами. Для начала я зарастил позвонки — криво, конечно, но хоть как-то. Потом настала очередь ног — на правой кость сломалась так неудачно, что пропорол и кожу, и джинсы. Выглядело это отвратительно.

Мимо проходили люди, но в мою сторону никто даже не думал смотреть, словно я был пустым местом. Пустым... да. Окончательно мои подозрения подтвердились, когда из подъезда вышла полная дама с крошечной собачкой на руках. Брезгливо оглядела двор, мазнула по мне взглядом как по детали обстановки и направилась к своей машине. При этом даже поскользнулась на луже моей крови, но лишь удивленно осмотрелась вокруг, словно надеялась увидеть шкурку от банана.

— Естественно я навела морок, а то не хватало тут толпы любопытных... — прошипела Бездна со своего места.

Всё теперь ясно — повязаны мы с ней надолго. И никуда от меня Бездна не денется, пока я не помогу исполнить её мечту, суть которой так и не понял. Привязала слепая пряжа. Ничто к герою-неудачнику, придётся терпеть друг друга, пока тот же случай не разделит дорожки-пути. А может и так оставит.

— Может быть, всё же разрешишь помочь тебе?

— Сначала калечишь, потом лечишь... что дальше?

— Тебе действительно, интересно?

Пожал плечами, по спине, словно электрический разряд, прокатилась волна боли.

— Нет.

Очертания женской фигуры смазались, превращаясь в тень. Она подошла ко мне, ступая на сантиметр над землёй, чтобы не испачкаться в крови. Наклонила голову набок, вглядываясь внутрь меня, потом прикрыла глаза и дотронулась до моей щеки ладошкой.

— Глупый... В тебе ещё осталось слишком много от человека. Всегда кажется, что если шанс упущен, второго не будет. Но ведь если ты опоздал на один автобус, это не значит, что не будет другого.

— Ты знаешь, сколько я уже таких упустил? Даже сосчитать не могу. Следующего не будет. Рано или поздно автопарк опустеет...

— Но ведь можно попробовать дойти до дома пешком? Да, так труднее, но это реально. Плетельщица судеб — настырная особа, и если она взялась за тебя всерьёз: просто так не отступится, даст ещё один шанс. Ты больше не подвластен ей, но она мечтает снова

получить власть над тобой. Слишком уникален и необычен приз, Сергей. Очень многие сущности будут пытаться подчинить тебя.

— А кто сказал, что я смогу воспользоваться этим шансом? У меня больше нет дома — есть место, куда я вернусь, но это уже не дом. Только память. И это падение.

— Наверное, мне стоит извиниться? Даже подобные мне могут ошибаться и упускать из памяти мелочи, которые на самом деле дорого стоят. Я не подумала о том, что физическое удовольствие может так сильно затуманить твоё сознание. Оно теперь для тебя станет наркотиком. Будет ненадолго заполнять эту пустоту... — она убрала узкую ладошку от щеки, и прикоснулась к левой стороне груди, где ровно билось моё сердце. — Не сорвись... Раз, может быть два, но потом исчезнет и это, тогда станет только хуже.

— Извинения приняты, — боль начала медленно, с неохотой оставлять меня. Кость с хрустом вернулась на место, рану затянул неопрятный толстый шрам, который должен был со временем исчезнуть. — Не думал, что ты умеешь признавать свои ошибки. Значит, это станет появляться каждый раз, когда я буду ощущать физическое удовольствие?

Бездна задумалась на секунду, словно не была уверена в правильности ответа.

— Нет. Скорее это исключение. Второй раз, возможно, ты сможешь ощутить подобное. Дальше — нет. Обычный человек может контролировать себя — ведь ему известны и, главное, доступны другие грани наслаждения. А ты отчаянно пытаешься что-то ощутить... — это падение было заменой. Случайностью, которую я не успела растворить в пустоте. Больше такого не повторится.

Встать всё-таки получилось. Оглядев себя, я захохотал: громко, с надрывом. По-другому просто не получилось. Босой — тапочки слетели ещё до этого, испачканный кровью, одежда изорвалась, волосы растрепались.

— Что ж я за тварь такая, что не подох после этого паденья...

Вопрос так и остался без ответа.

— Ты забрала то, что подарила мне творец. А после спросила — почему я не использовал силу. Но ведь у меня её больше нет.

— Нет, конечно же. Ты просто не посмотрел по сторонам. Зачем тебе бы пригодились жалкие обрывки чужого всеислия, когда есть пустота? Она вся твоя — до последней капли. Пользуйся. А ты теперь мой — пусть рыжая девчонка надеется, все уже решилось.

Я переплёл косу, стараясь очистить волосы от крови. Пустота была обжигающе холодной и другой, непривычной. Откуда-то я знал, что будет куда проще ей управлять, прорвись Бездна в этот мир, но всё вокруг было заполнено материей и жизнью. Приходилось вытягивать новую силу из себя, из своего сердца. Физическая боль быстро стирала те странные ощущения недавнего удовольствия. Сложно. Но что-то ещё оставалось. Подумал, что мне придётся очень долго тренироваться, прежде чем я смогу воспользоваться даром Бездны по-настоящему. Так, чтобы не она выполняла то, что я говорю, а самому зачерпывать пригоршни пустоты и направлять их. Думаю, пока не освою это, можно ожидать неприятных инцидентов.

В нескольких местах на одежде и волосах осталась засохшая кровь. Не капает — и хорошо. Мне ещё домой вернуться надо — переместиться не смогу, полететь тем более. Придётся на несколько часов вспомнить, как быть обычным человеком и, добравшись до метро, сориентироваться, где я нахожусь.

— Я ощущаю... Не только ассоциирую, но внутри что-то есть.

Бездна заботливо растворяла мою кровь с асфальта и не отвечала достаточно долго.

Потом, совсем как простая девчонка откинув за спину тяжелые тёмные локоны, повернулась.

— То, что ты сейчас «ощущаешь»: подъём, отголоски эмоций, перемену настроения — это остаточные эффекты падения. Наркотик. Скоро время истечет и все вернётся на круги своя. Возможно, станет хуже, чем прежде... Тебе лучше успеть домой...

Спрашивать, почему она не сказала этого раньше, не стал. Надо, значит — надо. Подчиняться намного проще, чем заставлять решать и делать выбор себя. Ещё раз отряхнул джинсы и ладони, после чего, хромая, пошёл к просвету между домами.

Наверное, мне просто повезло, но к метро я вышел через пятнадцать минут. Прохожие, спешившие укрыться по квартирам от вечерней духоты, удивленно оборачивались мне вслед, но вопросов не задавали, и останавливать меня не спешили. Какой-то беззубый карапуз потыкал в меня пальцем, рассмеявшись. Молодая мать, взглянув мне в глаза, пугливо пискнула и, схватив сына на руки, поспешила уйти в сторону. Кто-то из подростков, курящих у входа в подземный переход, громко прокомментировал мой вид. Бездне хватило одно легкого движения рукой в его сторону, чтобы укоротить срок его жизни, оставив часа два, не больше.

И название станции тоже пришлось кстати: «Новогиреево», значит, всего одну пересадку делать. Мысли были удивительно-обрывочными: просто фиксировали всё происходящее, не отвлекаясь на привычные размышления. Под подозрительным взглядом вахтёрши, приложив ладонь к жёлтому кругу на турникете, прошёл на платформу. Расположение станций на карте я знал хорошо, как и весь метрополитен — ещё в прошлой жизни, покачиваясь в вагоне, от скуки заучивал карту подземки. Столько времени прошло, но помню...

«Новогиреевская» принадлежала разряду именно тех станций, которые в прошлой жизни мне нравились больше всего — нет огромных колонн, когда со всех сторон давят мраморные глыбы, отсутствует покатый свод, наводящий на мысли о скором крушении потолка. Милая аккуратная станция со статными светлыми колоннами, по верху которых шёл красивый орнамент, он же украшал серые стены.

Я прошёл до середины платформы и заскочил в подъехавший поезд. Если на самой станции быстрое передвижение не позволяло людям пристально осматривать меня, то вот в вагоне на меня смотрели все, словно я был редким музейным экспонатом. Бездна спросила, не стоит ли поднять кого-нибудь с места, чтобы я мог сесть.

— Не развалюсь... — я прошёл в конец вагона и, прислонившись к двери, закрыл глаза, вслушиваясь в шум, от которого давно успел отвыкнуть. Тело продолжало болеть.

— Ты уверен, что не развалишься? Внешность себе подправил, а что будешь делать с внутренними органами? Ты хоть понимаешь, что сейчас у тебя там полная каша? Хорошо, тебе нужно было идти тогда, но сейчас ты можешь позволить телу расслабиться. Человек и секунды бы не протянул.

— Ты правильно сказала — человек, я так давно не могу себе назвать, пусть и сказала, что во мне многое осталось от смертного племени. Успокойся. К тому же, вон тот мужчина собирается выходить по собственной воле. Подойдём поближе.

После того, как я сел, настроив сознание на то, чтобы оно не пропустило переход, уснул, разрешив организму самому себя залечивать так, как он считает нужным. Бездна невесомой тенью устроилась у меня на коленях и рисовала на рваной рубашке тонким пальчиком какие-то узоры.

Когда-то уже пережил нечто похожее на это падение, даже несмотря на то, что тогда

был обычным человеком. Я уже вспоминал, как это было. Всё пройдёт... понял, что я такая тварь, которая не сдохнет никогда. Такому как мне, не место в чёртогах тихой госпожи, и недоступен покой, а значит, придётся гнить здесь.

Так что никуда игрушка-Серег не денется, ни от Бездны, ни от творца...

Перешел на Третьяковскую, бессмысленно переставляя ноги в толпе уставших граждан. На меня не обращали внимания. В вагоне, как ни странно, место отыскалось сразу. Наверное, потому, что между сидящих тёток отрезок пустого сиденья был слишком маленьким — как раз для меня, худого, какого-то дефективного паренька. Тело почти восстановилось, только хромота никак не хотела исчезать — видимо, повреждение было слишком сильным.

Я погрузился в воспоминания, прокручивал в голове кадры, замедляя время и анализируя своё поведение, фразы и слова. Бездна, снова устроившись на коленях, прижалась к моей груди и тихо мурлыкала вытасченную из моих воспоминаний песню, которую я как-то услышал в трактире столицы, когда ещё был спасителем — весёлым пареньком, живущим одним днём.

— Я никак не пойму, почему же я жив.

По осколкам иду — без мечты, без души...

Кто тут прав, кто не прав? Как найти мне ответ?

За спиной только прах, горький пепел побед...

Кто назначил, скажи, эту цену сполна?

Как мне жить без души? Как сгореть не дотла?

Как пройти эту грань? Как мне снова понять

Эту боль? Эту дань снова миру отдать?

— Замолчи, — просьба для пассажиров осталась неслышной. — Зачем? Я сам не помнил этой песни, пока ты не выдернула ее... Что ты хочешь этим сказать?

— Серег, неужели ты не понял, что всё было решено ещё до твоего рождения. Если не твои «друзья», то кто-то равно или поздно повторил бы их поступок. Неважно: как, когда, почему, но ты прошёл бы через всё это... снова и снова. Есть такие люди — они умеют видеть и пытаются как-то сообщить человеку о его судьбе. Жаль только напрямую сказать не могут — запрет. Вся твоя жизнь: всего лишь партия в чьей-то игре. Но даже если бы ты понял того слепого менестреля, не смог бы ничего изменить. Хватит думать об этом. И чем раз за разом спрашивать: «За что?!», лучше спроси — кто именно, а у него ты узнаешь все интересующие тебя ответы. А потом оставишь, наконец, прошлое прошлому.

— Нет... не оставлю.

— Дурак, — Бездна замолчала, а через несколько секунд исчезла, слившись с моей тенью.

Когда я вышел из метро, город охватили сумерки. Родители, наверное, места себе не находят от волнения, Лёша во всём себя винит. Только стоит ли мне возвращаться? Что я стану там делать. «Просто жить» — уже не подходит. Зачем уподобляться ребёнку в песочнице?

Количество людей на троллейбусной остановке говорило о том, что транспорта не было давно. Старушки с авоськами перебрасывались раздражёнными фразами и горевали о пропущенных сериалах. Мужчины с тревогой поглядывали на часы, кто-то мерил пяточки свободного пространства маленькими шагами. Нет, общественным транспортом

пользоваться не стоит — могу встретить кого-нибудь из знакомых. Конечно, Бездна со мной, но ей, как любой капризной даме, требуется время позлиться на меня. Не стоит нарывать на неприятности. До дома можно добраться и пешком — минут за двадцать. Раньше мы с другом так часто гуляли.

Посмотрев по сторонам, я направился от грязного рынка в сторону ТЭЦа и автобусного парка. И на дороге меня накрыл откат. На мгновение показалось, что меня заново лишили души. Не знаю, сколько прошло времени, но очнулся я распластанным на грязном асфальте. Глаза не открывались. Вдох — выдох, нужно заставить себя хотя бы подняться. Один раз смог — значит, получится и сейчас. С трудом приподнялся на трясущихся руках, не пытаюсь встать на ноги и ощущая, как меня затягивает в чёрную дыру пустоты, которая сильнее расширилась. Неожиданным отголоском полёта меня накрыло жуткое желание завывать раненым зверем — несколько секунд внутри всё скручивали и раздирали два полюса — бездушие и поддельное чувство, а потом всё поглотила пустота.

Стёр с лица капельки пота, убрал оборванные пряди волос, зажмурился, снова привыкая к своему состоянию. Заставив себя открыть глаза, огляделся: вдруг, кто меня увидел таким. И только сейчас понял, что нахожусь уже не на дороге, а в арке какого-то шестнадцатипятиэтажного дома. И за мной пристально наблюдают несколько человек.

Они не сообщили, что им понадобилось от тощего мальчишки в рваной одежде. Пока остальные смотрели, один схватил меня за волосы, попытавшись поставить на ноги. Дальнейшее развитие сценария пришлось изменить. Зачерпнув из сердца пустоту, я дернулся вбок, оставляя в руках мужчины несколько пепельных прядей. Перекатился к стене, постаравшись уйти на максимальное расстояние от людей. Вместо вопроса о том, что потребовалось незнакомцам, из горла вырвалось глухое рычание.

Они не отступили, рискнули напасть, не сумев разглядеть во мне угрозу. Но стоило тускло блеснуть лезвию небольшого ножа, как я отпустил пустоту, сосредоточившуюся на кончиках моих пальцев. Сил, чтобы удержать её, у меня не осталось, я даже не мог проконтролировать её.

Первым умер тот, кто схватил меня за волосы: невидимая волна разрежала его на две неровные половинки. Через секунду она добралась и до остальных. Последний из нападавших людей успел пригнуться, но убежать не смог. Ещё одна вспышка боли, в которую я успел сформировать маленький шар ничего, и тело мужчины разлетелось кусками, словно его взорвали изнутри.

Мерзко.

У Бездны получалось действовать куда красивее.

Пахло кровью. Небольшое пространство в арке превратилось в декорацию к фильму ужасов, разве что здесь все было настоящим. Наверное, я должен был ассоциировать отвращение. Но в пустоте появлялись мысли о том, что нужно будет учиться не только доставать капли пустоты, но и узнавать: как правильно с ними обращаться. Ведь Бездна как-то растворяла предметы. Значит и я мог делать подобное... — осталось только потренироваться. Иначе этот инцидент станет лишь верхушкой айсберга. Стоило прибраться, но, переступив через раскуроченные тела, я просто пошел дальше к дому.

Больше вокруг не было ни единой живой души. Все люди давно разбрелись по домам или устроились по дворовым лавочкам под яркими фонарями в компаниях друзей, девушек и бутылок пива, как можно дальше вот от таких тёмных арок. Остывший асфальт неприятно холодил ступни, мелькнула мысль снова взлететь, чтобы не касаться босыми ногами

заплеванного покрытия. Снова выйдя на дорогу, несколько минут постоял, пытаюсь очистить себя от крови — только теперь чужой, — потом продолжил движение.

Мимо проплыли два автомобильных центра, здесь люди всё-таки были. На меня по-прежнему не обращали внимания. Чтобы срезать дорогу, свернул между домами, в сторону моей бывшей школы. Всё такой же знакомый двор. Вокруг высокого забора искривленные деревья и тропинка. Тишина, память — теперь уже светлая, — еле слышный шелест листвы. Столько здесь всего было, образы так странно перемешиваются в голове.

В спину ударило ощущение опасности. Бездна сама вытащила его из моего подсознания, превратив блеклую ассоциацию в яркую, болезненную вспышку. Это оказалось настолько диким, что я резко повернулся к неизвестному противнику, тут же уходя с линии удара. Подобное ощущение не могло появиться, если бы мне угрожал простой человек, который не в силах причинить мне вред. Тогда кто?

— Тренироваться определенно нужно больше... — задумчиво протянул скрытый вуалью тени мужчина. Роста он был огромного: два метра точно, — и в плечах, если не метр, то близко к нему. Лицо под тенью разглядеть сложно, но черты правильные, больше характерные для других реальностей, где смешения пород не сильно приветствуются.

В следующую секунду тонкие нити пустоты обвили его запястья и шею, мягко намекая, что снисходительный тон лучше оставить в стороне и не пытаться что-либо предпринимать. Бездна, накрыв мои руки своими холодными ладонями, бережно удерживала под контролем узор силы, чтобы я раньше времени не убил незнакомца.

— Кто ты?

— Хорошо. К делу, так к делу, раз настаиваешь... — ответил так, словно это он удерживал меня в смертельных объятиях Бездны.

Вот только глаза его выдавали. Чужак знал, насколько тонка та грань, за которой пустота, обретая свободу, перережет и растворит хрупкую преграду из живой плоти. Ощущение опасности притупилось, словно Бездна вызвала его специально: посмотреть на мою реакцию.

— Моё имя — Девеан, я надзиратель. Меня приставила к тебе Пресветлая Алевтина.

Да, в разговоре с рыжей девицей что-то подобное было: «Впрочем, эту лекцию прочитает твой надзиратель. Потом...» Кажется, она сказала это. Значит так? Приставить смотрителя, чтобы вещь не натворила глупостей?

— Мне не нужна ни нянька, ни надсмотрщик. Передай это своей госпоже.

— В твоём состоянии? Естественно не нужна... — только я наставник и здесь твоё мнение не будет учитываться. Я наделён полномочиями прервать твою жизнь в этом мире, чтобы ты приступил к служению своей госпоже. Но это произойдёт лишь при условии, если ты будешь себя вести некорректно. Боюсь, нам придётся познакомиться поближе, Сергей? — если я не ошибаюсь.

— Сергей... — поправил я мужчину, — ты уверен, Девеан, что угрозы подействуют? — я обратился к Бездне, но та только покачала головой.

— Нет, не стоит показывать ему, что в тебе нет дара творца. Пока не стоит. Мы просто подождём. Недолго, а потом ты покажешь, что твоя госпожа — отнюдь не рыжая Алевтина. Так что отступи, Сергей, поддайся. Игра в поддавки — это так забавно, пусть даже ты не сможешь почувствовать её вкус. Да?

Как скажешь.

Мужчина, неожиданно рассмеялся.

— Твоя сила не сможет причинить мне вреда. Не стоит даже пробовать — только время потратишь. Это осколок дара Пресветлой матери — он не ранит её слугу. Это не угрозы, это всего лишь условия сделки. Сейчас этот мир твой. И не важно, сделаешь ты что-либо с подаренными тебе живыми игрушками, или нет, — всё равно в назначенное время ты станешь слугой Алевтины.

— Хорошо, говори.

— Всё просто. Мне приказано наблюдать за тобой и направлять, если потребуется. Объяснить твои будущие обязанности, рассказать про жизнь творцов и обычаи. И да, самое главное...

Девеан выступил из тени. Странные, двуцветные глаза — черные с желтым ободком, волосы до плеч, с бордовым отсветом, узкая линия губ. Усталость, как печать на лице.

— Главное... мне приказано научить тебя контролировать это бездушие, чтобы твоя сила — всемогущество — не превратило тебя в очередного безумного Убийцу. И контроль может быть только один — новые чувства и ощущения. Заманчиво? Я помогу тебе найти смысл.

Я не ответил. Бездна улыбалась, словно это её, а не меня надзиратель пытался соблазнить желанным плодом знаний.

— Пойдём, я провожу тебя до дома, и завтра приду с самого утра. Пойдём, Сергей...

В голове у меня медленно, словно под неслышимую музыку, всплывали последние строчки той самой песни...

Всемогущество мне, как проклятье дано.

Как же жить на земле, если мне всё равно?

Если память солжет, если правда горчит,

Кто, скажи мне, поймет? Кто, скажи мне, простит?

Равнодушно смотря в этот мир без границ,

Вдруг увидеть себя в равнодушие лиц.

И узреть в пустоте лишь две чаши весов...

Как мне жить в темноте без основы основ?

Два крыла за спиной, а внутри пустота.

Я живу? Я живой? Без души? Тишина...

Смертным потом и слезами

достаются наши крохи

утешенья.

Но всегда приходят сами,

и до гроба с ними вздохи

и лишенья...

Хорхе Манрике

Я проснулся среди ночи в липком, холодном поту и, рывком сев на постели, судорожно вздохнул. Меня била крупная дрожь. Снова бред. С трудом продираясь через вязкую пелену, что вновь заволокла моё сознание, я пытался вспомнить сон — очередное видение. Пока ассоциация была только одна — сон был до тошноты омерзителен. Обхватил голову руками, пытаюсь сосредоточиться. Но разум ускользал, казалось, невозможно найти опору в склизком мареве. Боль стучала в висках, наполняя рот густой кровью, я сплюнул на пол красные сгустки. Всё тело ломило, каждый вздох отзывался резкой болью. А разум все быстрее исчезал в тумане безумия.

Нужно позвать на помощь. Мысль погасла, еле успев проникнуть в сознание. Из последних сил я перекатился на кровати и упал на пол, стараясь создать больше шума. Ни звука не раздалось в кромешной темноте.

Пустота... вместо моей комнаты была пустота. Прохладная, завораживающая, такая манящая... желанная. Волшебное ощущение стремительного падения на дно. Бьющий в лицо ветер, наслаждение... только бы подойти к краю. Ближе. Бездна... что это? Сознание конвульсивно дернулось в последний раз, пытаюсь вернуть меня в реальность.

Я открыл глаза. Лежу на спине, на кровати. Поднёс к лицу белое пятно ладони: рука тряслась. Через минуту настолько осмелел, что сел на кровати. Крови не было. Что это? Кошмар — прощальный подарок тюрьмы. Я уже давно понял, что мой рассудок пострадал слишком сильно. Сумасшествие — это не повод метаться из-за каждого кошмара. В конце концов, я привык ко многому, привыкну и к этим снам. Только сердце, не откликаясь на доводы, продолжало яростно биться о грудную клетку.

Устало откинулся на подушку, привычным движением дотронулся до левой стороны груди. Так иногда люди проверяют старые раны, уже давно ставшие белёсыми шрамами. Всегда считал, что рядом с сердцем у человека находится душа. Я чувствовал его глухие удары, но души не было. И это замечательно.

Возможно, когда-то:

Ларин спокойно смотрела, как темное облако медленно и торжественно, словно делая одолжение, меняет свою форму. Женщине очень хотелось спать, закрыть глаза и больше ни о чём не думать, но она всё смотрела. Ещё совсем недавно это был серый ватный кусок с размытыми очертаниями, а теперь он походил на её дом. А яркая ирреально-красная звезда, подсвечивая его со всех сторон, создавала ощущения чего-то неотвратимого, ужасного, что вот-вот должно было произойти.

Или уже произошло...

Ларин с искренней улыбкой наблюдала, как в уже начавшем темнеть небе вырисовываются знакомые шпили. Казалось, если приглядеться лучше, можно разглядеть витражи, которые она так любила и помнила до мельчайших деталей. Пусть тревожный, пусть ужасный, главное — что ей дали шанс ещё раз увидеть дом.

А время медленно вытекало большими липкими каплями на пожухлую, уже покрытую вечерней росой траву. Ларин лежала на спине, продолжая сжимать в руке бесполезный кинжал, и смотрела в небо. Облако проплыло ещё немного и также медленно и торжественно распалось рваными грязными кусками. Цвет звезды сменил благородный пурпур, а Ларин всё лежала. Изредка грудь женщины тяжело вздымалась, и из побелевших губ вырывался ещё один вдох. Ей было страшно и очень хотелось плакать. Как тогда, в детстве. В мертвой тишине небольшой поляны ей слышались крики, плач и громкий голос, перекрывающий панику: «Беги!». «Прости, отец, я больше не могу. Мне так хочется спать...».

Сначала Ларин никак не могла поверить в то, что это случилось. В мыслях постоянно всплывало улыбающееся личико недавно родившегося сына, и тогда крики перекрывал счастливый детский смех. Как же он будет? Потом какое-то время оставалась надежда. Что их найдут, спасут... ведь они совсем близко. Хватит и пяти минут, чтобы прийти за ними.

Но теперь надежда лежала рядом, изрешеченная стрелами и растерянно смотрела куда-то вдаль мертвыми глазами её любимого — Далика. Если бы Ларин хватило сил, чтобы повернуться, она бы, наверное, смогла сжать его холодную ладонь, чтобы поверить в то, что он всё равно рядом... Ферла они потеряли, пытаюсь бежать. Она до сих пор помнила обиженное выражение лица мага. Ирэн задержалась у выхода из бункера... Далик...

Далик просто закрыл Ларин собой. Впрочем, теперь это было неважно. Всего немного до небольшой деревеньки, где они остановились. Как глупо. И невероятно обидно.

Злые слёзы превращали и так смазанную картинку реальности в блекнувшее пятно.

— Не правда ли жизнь получилась до зубной боли прозаичной?

Сделав усилие, Ларин вырвала своё сознание из липких объятий желанного сна.

Он склонился над ней, улыбаясь, но глаза всё равно оставались печальными — именно такими, какими она их запомнила. Даже склонившийся он был слишком высок и закрывал собой заходящую звезду.

— Я люблю, когда по-настоящему, чтобы не пафосно, а обычно... — тихо прошептала Ларин, не понимая, откуда берутся силы, чтобы говорить, — так лучше.

— Греться лучше у настоящего огня, а не нарисованного.

Сергей осторожно убрал с её лица растрепавшиеся пряди чёлки, заправив за уши, и с удивлением посмотрел на испачканные в крови пальцы.

— Но иногда греет и нарисованный огонь, — улыбнулась женщина.

— Когда ничего больше не остаётся...

Ларин попыталась кивнуть, но, кажется, он и так всё понял.

— Расскажи мне о чём-нибудь хорошем, прошу. Мне так хочется спать, но я боюсь уснуть. Боюсь, что если засну, то больше не очнусь. Хотя знаю это и так. Ты говори. Говори, чтобы я поверила, что умерла не зря. Ври, но только так, чтобы я поверила. Прошу...

Сергей опустился рядом с ней на промокшую от крови траву и, взяв Ларин за руку, принялся тихо рассказывать.

— Через несколько месяцев маги найдут лечение от чумы мастера. И оно пройдёт даже лучше, чем можно было вообразить. Вы станете побеждать. Раз за разом, сначала один успех, затем ещё один выигранный бой, а потом вы выйдете к Ледяному океану как победители. Конечно, останутся те, кто будут помогать мастеру, но тихая госпожа поможет. Уже через несколько лет война закончится. Сначала будет непросто, но и это пройдёт. Твой сын вырастет в мире без войны и угроз. В честь тебя и твоих друзей будут называть улицы, города, детей. Вы станете бессмертными в тысячах сердец. А меня забудут. Сотрут из всех книг упоминания о последнем тёмном мастере. И быть может, так правда будет лучше для всех. Вы убили меня — я отомстил и проиграл. А ещё...

Мужчина повернулся к Ларин, но она его уже не слышала. На лице женщины застыла счастливая улыбка. Слишком счастливая. Возможно, единственный раз в жизни она по-настоящему поверила ему. Глаза начали медленно закрываться, но женщина, пересилив себя, распахнула их, чтобы продолжать смотреть в небо вечность.

— Спи спокойно.

Он медленно поднялся на ноги, не отрывая взгляда от расслабленного лица бывшей подруги. И пошёл куда-то в направлении закатного солнца, от которого над горизонтом оставалась лишь крошечная полоска. И шаг за шагом красные лучи стирали его, унося в покой.

В этот момент на поляну ворвались воины объединённых земель, спеша на помощь своим спасителям.

Сейчас:

...Оставались только сны. Изредка меня посещали видения странных реальностей. Они были не связаны с прошлым или настоящим, но то, что я видел, заставляло меня просыпаться в поту и, подолгу сидя на кровати, убеждать, что именно здесь и сейчас моя реальность, а не те зыбкие непонятные видения. О чем? О других вероятностях, которые где-то, когда-то... Были? Наверное...

И чувства: боль потерь, грусть, надежда, безысходность... всё, но там, не здесь. Казалось, они пытались прокрасться в моё сердце, раздирая его стальными когтями. Шёпот щекотал нервы, они говорили со мной. Кто? Я не знал. Тихие голоса волнами прокатывались в пустоте, убеждая меня, что если я хочу снова почувствовать любовь, радость, даже простой интерес, надо в первую очередь впустить в себя боль.

Это было подобно искушению... только захоти: спелый плод сам упадёт в руки. Но я не мог испытывать желание. Пытка, замкнутый круг. Бессилие. Вкус крови, прокушенная губа, сжатые кулаки, обжигающий холод Бездны. И тихий вкрадчивый шёпот, который начинал слышаться мне и наяву.

Голоса смеялись, зная о том, что мне не вырваться из порочного круга. Они посылали самые ужасные воспоминания, самые обидные, отвратительные, самые горькие.словно

издеваясь, они водили у меня перед носом чувствами и резко отдергивали, стоило только протянуть руку. «Дотянись, и всё закончится, — шептали они. Только дотянись, и брѣд пройдёт»... И я отчётливо слышал насмешку. Они знали точно: не дотянусь, не осмелюсь, не смогу почувствовать, заново понять какво это — быть человеком. Просто не захочу. Мне не нужна боль, не нужна тоска.

Осталось только убедить в этом самого себя.

Я не мог смотреть в зеркала, потому что видел суть. Вместо странного мальчика отражение показывало высохшего узника в обрывках одежды с седыми волосами и пустым взглядом, в котором багровыми искрами отсвечивало безумие. Но стоило на несколько секунд прикрыть глаза, как наваждение исчезало. Первый раз это увидев, я снова разбил зеркало и стоял, глядя на почти перерезанные острыми осколками вены и чёрную кровь, которая заливала мягкий ковер, пока не прибежал испуганный Леша.

Эти сны начались с приходом надзирателя, который, кажется, в самом деле верил, что сможет научить меня контролировать пустоту и пользоваться силой, которую подарила мне Алевтина. Я молчал, подчиняясь Бездне, и не говорил, что этот дар давно ушел в Ничто. Мужчина готовил какой-то странно-кислый настой, после которого меня рвало, а по ночам преследовали странные видения, как в том сне с Ирэн. Я переносился в те места, где раньше никогда не бывал и наблюдал за людьми, вынужденный бестелесным признаком становиться свидетелем их горя и неудач. Смотрел разные вероятности своего прошлого, и везде было падение, ложь, ненависть, словно чья-то воля в последний момент заставляла марионеток сворачивать с пути, бросаясь в бездну. Впрочем, там не было этой холодной бездушности. Ярость, крики, страсть — все это переплеталось, окружая меня, пытаюсь проникнуть внутрь, но раз за разом растворяясь в пустоте.

И иногда я пытался поверить, что это может помочь...

А почему нет? Ведь это и было главным заданием Девеана — сделать будущую игрушку своей госпожи интересной. Мужчину тяготила роль няньки и тюремного надсмотрщика. До этого он выполнял более понятные задания: пойти туда, принести то, убить этого. Девеан оказался крайне молчаливым, и если что-нибудь говорил, то с раздражением, быстро и отрывисто, проглатывая окончания и сминая фразы.

А ещё мне было приказано не пытаться возвращать чувства самостоятельно.

Словно я собирался это делать, или же знал верный способ.

— Ты не знаешь, какими они придут, насколько будут изменены и изломаны. Можешь сделать только хуже, всем... — сказал Девеан, после чего перестал со мной разговаривать.

И приходил лишь для того, чтобы дать очередной термос с настоем, но я постоянно ощущал присутствие своего надзирателя. Мужчина наблюдал, не вмешиваясь, но оценивая каждое моё действие и каждый шаг.

В моей новой жизни в распорядке дня произошли изменения. Если сравнить с тем медленным потоком времени, который окружал меня последние годы, то эти перемены можно было назвать большими. Нет, я не ушёл из семьи. Куда мне идти? Один я сразу же провалюсь в Бездну, и выхода уже не будет — только бесконечно-долгое падение в пустоту.

Несмотря на Лешину реакцию, я изменил восприятие родителей одним небольшим импульсом. Они продолжали ездить на работу, покупать продукты, смотреть восьмичасовые новости по второму каналу и любимые сериалы, тормошить брата, чтобы тот готовился к экзаменам, улыбаться и быть счастливыми, веря в случайные чудеса. Но в тоже время теперь для них все покрывал белѣсый туман, приглушающий вопросы и действия, которые могли

быть направлены в мою сторону. Словно у них никогда не было второго сына. Родителей не волновало, где я пропадаю целыми днями, что собираюсь делать в будущем, мои странные фразы и слова, чудесное возвращение. За то, что я сделал, Алёша опять ударил меня, назвав монстром. Я согласился, что да — монстр, тварь, — и исправлять ничего не стал. Два дня брат обходил меня стороной, но видимо осознав, что ничего сделать или изменить не сможет, сменил гнев на милость.

Теперь каждое утро я распахивал окна на лоджии и расправлял крылья. Полёт стал моей единственной радостью, которую я мог себе позволить. Станный ряд ассоциаций, бьющий в лицо ветер — все это подступало слишком близко к удовольствию, но грань я не переходил, закутываясь в пустоту. Я смотрел с высоты птичьего полёта на людей и их муравьиную суету, на сверкающие торговые центры, длинные пробки, играющих на площадках детей: моя Земля. Какой она бы не стала, всё равно останется родным миром и домом.

Нужно было как-то прожить эти два года — последний порог на пути к свободе. Несколько раз возникала идея занять себя единственным делом, которым я овладел в совершенстве — спасением. Нет, роль героя не на меня была шита, но отсюда сверху были видны и пожары, и ограбления, и изнасилования... в такие минуты, когда, зависнув над городом, я натыкался взглядом на очередное бесчинство, ассоциировал подобие облегчения, что лишён души и могу спокойно лететь дальше.

Лето постепенно шло на убыль. Брат блестяще поступил в педагогический вуз, куда его в четыре руки запихивали родители. Дела папиной компании резко пошли в гору, мама получила повышение. Неожиданно выздоровела её сестра, живущая в Петербурге, которая одна воспитывала маленькую дочь.

А я начинал медленно терять смысл своего существования. Если сначала появившиеся сны вырывали меня из объятий Бездны, то теперь и они не заполняли пустоту даже поверхностно. Всё больше и больше в сознание стала проскальзывать знакомая каждому человеку мысль: «нужно ли мне это?» — только в моём случае это приобретало несколько иной смысл: перестать дышать, заставить сердце остановиться. Если не поможет: проще отдать себя Бездне, чем заставлять существовать изо дня в день ради непонятной сделки и мести. Вечное падение в никуда... Как же иногда хотелось подняться как можно выше над Землёй и убрать крылья. Повторить тот короткий полёт, чтобы больше не прийти в себя. Что-то мешало. Может быть сама Бездна, а может крошечная часть прошлого меня, которая ещё существовала в памяти — всё-таки побег от проблем это подлость и трусость.

А побег от самого себя?

В любом случае это было только игрой, в которую нужно было поверить саму, чтобы и другие посчитали ложь правдой.

Ведь оставался ещё один козырь. Да... — сюрприз, припасенный на черный день. И я бережно скрывал его ото всех, стараясь, чтобы и в мыслях не проскальзывали напоминания о нём, ведь Бездна не могла контролировать меня полностью, а значит, должны были оставаться укромные уголки, не доступные для неё.

И это было прекрасно.

Оставалось только постоянно поддерживать иллюзию того, что я потерял последние ниточки с реальностью. Играть роль бездушной куклы, утратившей смысл, чтобы, с помощью Девеана найдя нужные слова, выдать их за правду.

Чтобы каждый из моих надсмотрщиков был уверен, что все идет именно по его плану.

В один из вечеров я привычно стоял на крыше своего дома, разглядывая улицу. Большое оранжевое солнце не спешило покидать небосвод, с неохотой опускаясь за соседние дома и создавая иллюзию огня, который медленно поглощал жилые строения. И ветер был таким же ленивым. Он вяло гонял по крыше изодранную газету, неизвестно как занесённую сюда. Потом дунул мне в спину, словно спрашивая, о чём же я задумался. Поиграл распущенными волосами, подтолкнул к широкому парапету и, будто демонстрируя то, что предлагал повторить, швырнул газету вниз с крыши. Она медленно закружилась в непонятном танце, теряя ключья бумаги, а потом начала торжественно опускаться на землю. Так медленно, словно что-то тянуло её назад в небо. Я проследил взглядом её полёт, пока он не закончился на козырьке подъезда, где ей тут же занялся другой ветерок, превращая в обрывки ненужных новостей.

— Хочешь последовать за ней?

Наверное, стоило вздрогнуть или отойти в сторону — встреча с надзирателем не сулила мне ничего хорошего, и подсознательно каждый раз я ожидал удара в спину. Мужчина был и оставался для меня неизвестной величиной, и я мог ждать чего угодно — от нападения до попытки развоплощения, которым он пригрозил в первую встречу. Девеан был хищником, а чтобы понять хищника, нужно досконально изучить его повадки.

— Хочу... — попробовал на вкус это слово, — нет... Не так.

— Мальчишка! — прошипели за спиной, а потом он резко схватил меня за плечи и развернул к себе лицом. — Скажи, тебе не надоело самому создавать себе препятствия, а потом мучиться, преодолевая их? Разве ты не знаешь, что не стоит искать сложных путей, если нужная дверь открыта? Я трачу на тебя своё время впустую!

«Какой же он всё-таки высокий...», — мелькнула мысль, когда мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть мужчине в глаза.

— Меня никто не учил отличать нужную дверь от ненужной...

— Этому человек должен научиться сам, что, конечно же, невозможно, если целыми днями только жалеть себя и стенать из-за подлой судьбы. — Девеан передёрнул плечами, потом уже примирительнее добавил: — У каждого в жизни бывают трудности. Готов согласиться что то, что произошло с тобой выходит за рамки обычного, но это не повод ставить себя выше остальных и думать, что чужие печали ничто по сравнению с твоим горем. К тому же, можно сказать, тебе ещё повезло...

Последняя фраза заставила меня вырвать руку из его захвата.

— Бездна, да что может быть хуже? — воскликнул я, понимая, что Девеан только что заставил меня ассоциировать нечто похожее на возмущение.

Надзиратель обвёл взглядом крышу, словно это «хуже» должно было находиться где-то здесь. Потом устроился на парапете.

— Хорошо, не буду предлагать напрямь фантазию, с этим у тебя проблемы — просто расскажу, — он похлопал рукой рядом с собой, предлагая сесть. Подождав, пока я устроюсь, поджав колени, он начал рассказ. Говорил медленно, взвешивая каждое слово, чтобы не сказать что-нибудь лишнее.

— Представь, что души тебя лишили не в один момент, а медленно, по маленьким кускам вытягивали раскалёнными щипцами. День за днём, год за годом — бесконечная пытка, чувствовать, как внутри тебя медленно образовывается пустота, терять связь с миром, по минуте забывать чувства.

Память вернула меня в день казни, попытавшись физически передать те ощущения.

Если то, о чём говорит Девеан, возможно, мне действительно повезло...

Мужчина усмехнулся, будто проследил за моими мыслями и продолжил.

— Ты не заметил, как похож на творцов? Человека, лишённого души, можно узнать всегда, под любой маской и иллюзией: ведь никакая личина не сокроет мёртвые глаза. Душа — великий дар и самое великое проклятие, данное Единым создателем своим детям. Она позволяет человеку чувствовать, делая одновременно всемогущим и безумно уязвимым, ибо с чувствами приходит субъективность, свой взгляд на миры, на привычные вещи, слова. Существа, подобные творцам, должны уметь видеть реальность объективно, у них не может быть чувств или эмоций. Только холод и разум. Говорят, самое первое поколение было создано без душ — это был подарок создателя им. Что случилось с этим поколением, сейчас не скажет никто, наверное, творцы что-то знают, но правда ли это? Последующие хранители набирались в смертных мирах и были наделены душами: это поставило множественную вселенную на грань исчезновения. Тогда кто-то из творцов придумал небольшое заклинание, которое лишало человека души. А чтобы он мог сохранять дееспособность и разум, оно должно было действовать очень медленно, постепенно адаптируя творца к такому существованию. Как всегда мироздание не оценило благих намерений. Идеальный план в мечтах на деле сделал только хуже: нечеловеческая боль и пустота медленно свели с ума поколение за поколением. Ты видел — отвратительное зрелище. Каждый из них, из-за одной ошибки прошлого прошёл через ад, который мог длиться столетиями. Они безумны и всесильны. А ещё они станут люто ненавидеть тебя, за то, что ты слишком просто получил их возможности, которые они выстрадали, потеряв всё, что было им дорого.

— Просто? Ты думаешь, я не потерял всё, что было мне дорого...

— Поверь мне, Сергей, они потеряли куда больше тебя. Однако не буду спорить. Не мне оценивать и судить другие жизни. Ты можешь спросить: зачем же тогда Алив заключать с тобой договор? Отвечу — не знаю. Их безумие принимает самые разные формы. Алевтина любит находить странных людей — считает их интересными диковинками, которые можно поставить на полку и любоваться осенними вечерами, а так же хвастаться перед другими творцами. Но это лишь одна сторона правды. Когда-то я слышал, что она страстно мечтает найти того, что мог бы стать новым творцом — освободить своё поколение. Но никто не подходит. Это цена за ещё одну ошибку. Знаешь, когда ты придёшь к нам, услышишь множество страшных сказок. Не верь им. Проще думать о творцах, как о жестоких детях, чем верить, что они выстрадали своё право ломать жизни другим людям, проводить ужасающие эксперименты. Право быть тварями.

Потом мы долго молчали. Я думал о том, что узнал. Все оказалось куда сложнее, чем виделось сначала. Что такое проблемы одно человека в огромном мире? А что такое проблемы того же человека во множественной вселенной, где нельзя назвать даже приблизительное число существующих реальностей? Если творцы действительно такие, какими их описал мой надзиратель, то мне не хочется представлять те миры, которые они создают.

— Не создают... Могут, но не хотят, понимая, что сотворят недееспособных уродов, которые захлебнутся в боли. Разве что копировать уже существующие реальности, внося лишь небольшие корректировки. Они сами себя называли творцами, впрочем, имен у них хватает. Сначала они должны были просто следить за уже существующими мирами, но когда Единый исчез...

— Почему ты согласился служить Алевтине? Какую цену она предложила тебе? —

вопросов оказалось предостаточно. И пока Девеан был в благодушном настроении — таким я его не видел — стоило использовать время с пользой.

— Ценой оказалась моя глупость, которую я почему-то называл тягой к запретным знаниям. Алевтина умеет выбирать моменты, когда отчаявшийся человек принимает условия с радостью и благодарностью — ведь ничего другого не остается. Вот, служу ей, выполняю поручения, стараюсь быть послушной игрушкой. Теперь, можно сказать, докатился — надо же! Приказали быть нянькой мальчишки, который может случайно свалить полвселенной в Бездну. Могу открыть тебе секрет — есть целая группа профессиональных надзирателей, уж они-то своё дело на зубок знают. А я кто? Наёмник.

Девеан грустно вздохнул, переводя дыхание.

— Но если бы Алевтина обратилась к ним — о тебе обязательно бы узнали и остальные творцы. Ксанрд-то скорее всего будет молчать, он другой — почти всегда выступает на стороне Алив и согласен убирать за ней пока она не выходит за рамки. Правда не знаю, впишется ли в них Бездна в сердце множественной вселенной. Но остальные творцы — нет, им не нужно знать, что у Великой матери появилась настолько интересная игрушка. Так что придётся нам с тобой как-то уживаться. Однако если пообещаешь больше не ныть, попробую из тебя слепить что-нибудь достойное.

— Обещаю...

— Тогда начнём с самого простого... У меня как раз есть для тебя небольшое задание. Алевтина передала, чтобы ты не скучал эти два года.

На небольшое кладбище опустилась ночь, укрыла тёмными крыльями унылые ряды чьих-то утрат, прошуршала сухим травоцветом с налётом изморози, которая украшала старые плиты. Густые сумерки заполняли все серым и липким туманом. Голые ветви искорежённых болью деревьев наклонились к самой тропе, которая проходила через погост, извиваясь пыльной змеёй. Кладбище находилось на поросшем сухим вереском возвышении, откуда открывался вид на примостившееся в уютной ложбинке поселение. Надо было лишь пройти склон, к которому подступал старый лес — не больше двадцати минут. А дальше тропа, петляя, уходила в рощицу молодых ещё не изломанных деревьев, чтобы выйти как раз около поселения. Палая листва укрыла собой замшелые, потрескавшиеся надгробия. И в её шелесте слышался плач, горе чьих-то потерянных душ. Скорбь стелилась по земле вместе с туманом. Несмотря на то, что холод не причинял мне неудобств, я зябко поёжился. Несколько минут жадно вдыхал аромат пряной листвы и свежесть ночи.

Почему я тут? Поднял к лицу и рассмотрел просвечивающие руки. Что я должен увидеть в этот раз? Вряд ли мне доставят такое удовольствие — любоваться пейзажем этого мира.

Словно откликаясь на мои мысли, невдалеке послышалось шарканье шагов. Кто-то медленно шёл через кладбище, ненадолго останавливаясь и снова продолжая путь. Потом до меня донесся тихий плач ребёнка. Не думая, я присел на каменное надгробие и стал ждать ночного кладбищенского гостя. Наконец, из тумана показалась женская фигура, прижимающая к груди сверток с младенцем. Складки плаща тихо шуршали по листве, с одного краю подол был пропитан кровью.

Женщина была ранена, и ранена смертельно. Невозможно представить, что заставляло её двигаться, делая механические движения. Нет, возможно — это материнский инстинкт,

безграничная любовь к своему дитя.

Шаг... шаг, маленькая передышка. Снова шаг. Воздух хрипло вырывается из неплотно сжатых губ, на которых лопаются кровавые пузырьки.

— Ещё немного... чуть-чуть... да, да... совсем немного. Ты только не плачь... Скоро всё будет хорошо. Вот пройдем ещё чуть-чуть, и ты будешь в безопасности.

Потрескавшиеся губы продолжали что-то шептать. Бессмысленный взгляд блуждал по кладбищу, будто бы женщина ещё надеялась на чудо. Несколько шагов, и снова передышка.

— Не плачь, я понимаю... Ты устал, я тоже... — сквозь силу она проталкивала через себя слова. — Но спать нельзя... Нужно идти, идти дальше. Тут совсем немного... чуть-чуть. Я тебя смогу к кому-нибудь пристроить, ты будешь жить. Да, да, именно жить, только держись.

Женщина прошла мимо, не заметив меня. А я, словно замороженный, слушал её шёпот. На склоне она несколько раз споткнулась и закашлялась. Ребёнок заплакал сильнее. На миг мне удалось оторвать взгляд от женщины, и я заметил, что за ней кто-то идёт. Худенькая девочка в бесформенном балахоне шла босиком, бесшумно ступая след в след. Она сама была похожа на призрака, видимая только мной.

Здравствуй, тихая госпожа...

— Стой, — я встал у неё на пути. Смерть подняла на меня опухшие от слез глаза. По щеке скатилась капля крови, — тонкий след на скорбной тропе. Худое осунувшееся лицо не выражало ничего, кроме бесконечной тоски. — Что она тебе? Дай дойти женщине до поселения.

— Зачем? — тихий голос подобный сухому шелесту ветра. — Что ты знаешь о ней и о ребёнке?

— Ничего, но прошу, дай ей дойти.

Госпожа улыбнулась, провела холодным пальцем по моим губам.

— Ты не можешь мне помешать. Скольких я забрала у тебя, Сергей? А жизнь чужого человека — ничто. Я никогда не прихожу без приглашения. Только за теми, кому пора. Хотя могу заключить с тобой договор. Искренне захоти, чтобы она осталась жива, и я разрешу дойти.

Мы рука об руку пошли вслед за женщиной, и каждый шаг на палую листву падала капля крови — ещё одна её слёза. Так Смерть оплакивает всех...

— Ты немилосердна, знаешь же, что я не могу захотеть или почувствовать, — покачал головой. — Но всё равно не понимаю.

— А хочешь? — на минуту, остановившись, она подняла к небу глаза.

— Возможно.

— Что ж... тогда увидимся. Жди в гости. А сейчас, прости.

Подарив мне на прощанье ещё одну странную улыбку, она пошла вперёд. Поравняться с женщиной не стоило никакого труда. Одно лёгкое прикосновение и шёпот оборвался, а тело упало на землю, до последней секунды пытаясь сохранить жизнь ребёнку.

Смерть обернулась и, посмотрев мне в глаза, растворилась, рассыпавшись желтыми листьями.

Я не спеша подошёл к телу. Она не дошла совсем чуть-чуть, не успела. Но ребёнок был жив, и я точно знал, что завтра он обретёт новую семью. Осталось только переждать эту бесконечно длинную ночь.

... «жди в гости» — что же я наделал?

Глава 1.8 Когда-нибудь...

О чем печаль? Твоя душа мертва.

Любой герой есть нравственный калека.

Зачем твоя шальная голова

Так льнет щекой к щербатой плахе века?

Андрей Белянин

За столом сидел тощий мужчина чуть старше тридцати лет.

Бледный. Поседевшие до срока волосы обвисли грязными прядями. Старая керосиновая лампа освещала деревянную крышку стола в подпалинах, плоску с недоеденной похлёбкой, в которой плавала дохлая муха, руки — подрагивающие с пигментными пятнами, и листья: исписанные, желтые, сваленные неопрятной стопкой. Мужчина обхватил голову непропорциональными высохшими руками, надавливая пальцами на виски, словно в надежде выгнать оттуда боль, и безумным взглядом блуждал по чернильным неровным строчкам. Стены жалкой лачуги насквозь провоняли таким знакомым мне запахом. Он опутывал мужчину тонкими ниточками, превращая в послушную марионетку своих кошмаров.

Густой, перебродивший запах отчаянья...

— Добрый вечер, — я вежливо поздоровался, выходя из плотной и такой уютной тени, которая с неохотой выпустила меня из своих объятий.

Теперь я всегда стараюсь быть вежливым и корректным. Что-то вроде правил, которые я сам для себя установил и теперь соблюдаю, как покладистый первоклассник выводит в тонкой тетради закорючки, что только в будущем превратятся в буквы, а затем в предложения.

И обязательно улыбка. Смерть должна уметь улыбаться — пусть это и получается страшно и отвратительно.

Безумец дернулся, но вскакивать на ноги не стал. Только повернул голову в мою сторону. Выцветшие глаза, на скуле грубый шрам. Губы сжаты в узкую полоску. На них виднелись капельки крови — видимо, часто прикусывал, борясь с приступами страха и безумия.

— Да... вечер... — согласился он, просто повторяя слова, пытаюсь вспомнить: как это — говорить. Казалось, он даже не понимал, кто я и зачем пришёл сюда.

— А кто ты? — словно мысли прочитал...

Теперь голос его звучал совсем по-другому: ровно, снисходительно.

— Я не знаю ответа на этот вопрос, — наверное, стоило пожать плечами, но я запретил себе это глупое движение, которое может выдать слишком многое, что нужно уметь скрывать. Стараюсь контролировать то, что я говорю, как при этом жестикулирую.

Медленно отучаю себя от человеческих привычек. Ведь я давно перестал быть человеком, только начал это по-настоящему осознавать совсем недавно.

И скрывать своё незнание больше не имеет смысла — теперь никто не осмелится осудить меня за него.

— Тогда спрашивать не нужно. Все равно ответа не будет. Смотришь? Интересно? — он обвёл взглядом свою лачугу.

— Интерес мне недоступен. Просто смотрю. Считаешь, мне лучше поторопиться с исполнением приговора?

— Как хочешь. Не боишься, что промедление поселит сомнение в твоём сердце? Говорят, если смотреть жертве в глаза — рука может дрогнуть.

— Может быть... Такое говорят, — эхом откликнулся я — Только мне всё равно.

Минуту мы молчали. Мне было безразлично — убить безумца сейчас, через пять минут, или же вернуться за ним через год. Он, как и любой смертный, не спешил на встречу к тихой госпоже. Может, именно поэтому я всё-таки не стал медлить с вынесением приговора.

Они другие... Теперь я могу это понять. Осознать. И это отчаянье совсем незнакомо. Никакое не знакомо. Все в прошлом. В далёком никогда. Год или минута не имеют значения для меня. Но зачем давать отсрочку тому, кто не может оценить красоту вечности?

— Ты сказал, что творцы не всеильны. Ты назвал их избалованными детьми. Прилюдно обвинил в том, что они присвоили себе заслуги истинного Создателя. Что они лгут, стравливают людей.

Заученные фразы звучали так, как и всегда. Ничего нового — набор букв, соединённых в определённой последовательности. И, по сути, он не несёт в себе ничего. Этот мужчина уже мертв. Он умер в тот момент, когда, зачеркнув очередную выполненную работу, я перевёл взгляд на строчку вниз и прочёл его имя. И от того, скажу я, за что он уже убит или нет — ничего не изменится.

— Ты сказал, что творцы — опухоль на теле множественной вселенной, их руки по локоть в крови, а души — черная гниль. Подтверждаешь ли ты свои слова?

— Подтверждаю.

— Ты посеял смуту в сердцах смертных существ. Ты осквернил их грязной ложью. Ты ошибся, безумец, и за это приговариваешься к смерти. Последнее слово?

Это было обязательным условием исполнения приговора. Фанатики, вроде этого мужчины, не умели уходить просто так. Могли растягивать пафосные речи на долгие минуты, захлёбываясь своими идеями и доводами. Может, надеясь переубедить меня, может, не понимая, что воздух не сохранит слова, а время крохами секунд сотрёт отзвуки из ткани мира. Это было единственным, что действительно утомляло.

— Послушный пёс творцов... неужели ты не понимаешь, что они делают из тебя бездушное животное? Неужели веришь, что они святы, а их жестокость оправданна какой-то великой целью?! Ответь.

— Я слуга. И если честно, мне всё равно — оправданы их поступки или нет. Они не пытаются сделать из меня кого-то. Потому что я и так бездушное животное... Тварь, мразь... — как меня только не называли... Выбирай любое проклятье, безумец.

Достал из воздуха тонкий кинжал Алевтины, пристально изучив лезвие, чтобы не дай Бездна он не затупился. Посмотрел в глаза мужчине. Он вздрогнул и отшатнулся, всё-таки вскочив из-за стола.

Как привычно. И эти расширившиеся зрачки, и мечущийся по стенам взгляд,

цепляющийся за все предметы в попытке не видеть пустоты. Они боятся. Так сильно, что забывают про все. Даже про то, что глупо испытывать страх перед неизбежным. Ещё глупее — перед неизвестным. Это так естественно и в тоже время смешно. Лучший выход — это глубоко вдохнуть, как перед прыжком в ледяную воду. Именно ледяную... Обжигающий своим холодом омут — Бездна именно такая. Кому как не мне это знать?

— Приговор вынесен и обжалованию не подлежит. Знаешь, смотря в глаза, я буду думать, что это приятно — убивать тебя.

Одно короткое мгновение и тонкая игла лезвия пробила горло мужчины, пришилив его к тёмным доскам стены. Ещё одна редкая бабочка в коллекцию. Безумец захрипел, пытаясь протолкнуть воздух. Из открытого рта вместо крика вытекла густая кровь. Тоненькая струйка. Чтобы получилось красиво, а не отвратительно.

Худые руки с длинными грязными пальцами ещё тянулись к кинжалу, чтобы выдернуть его, но блеклые глаза уже лишились последних частичек жизни. Он ещё слышал и понимал, чувствовал... Боль.

— Ты ошибся, и я даже скажу в чём. Души творцов не черная гниль, потому что у них нет душ...

Я так и оставил его с кинжалом в горле у стены. Тело уже начало оседать вниз. Несмотря на небольшой вес, давление на иглу усилилось, и лезвие медленно рисовало тонкую линию на шее мужчины. Сильнее закапала кровь, покрывая грязный пол красивыми узорами больших капель. Утром безумца найдут люди — тогда игла вспыхнет ярким светом и все станут свидетелями могущества творцов. Того, что они никогда не прощают виновных. Просто всему выделяют своё время.

И своего палача.

Задание Пресветлой матери, которое передал мне Девеан, оказалось простым. Заключалось оно в том, чтобы согласно составленному Алевтиной списку совершать казни тех, кто посмел клеветать на творцов. Тонкий свиток с именами приговорённых также являлся порталом, который переносил меня к ним. Дальше, после короткого разговора, оставалось только достать ритуальный кинжал Алив и привести в исполнение приговор. Убить человека за правду, которая для творцов была костью в горле.

Потом я возвращался в свой мир, где Девеан пытался превратить дефективного паренька в более-менее нормального человека, не напоминающего высохший скелет. Вечером медитация, ночью очередной кошмар. Но утром ко мне возвращался тонкий кинжал Алевтины, и я дотрагивался до очередного имени в длинном списке.

Жизнь пыталась набирать темп, удерживая четкий ритм верного слуги Пресветлой Алевтины. Бездна затаилась, лишь изредка корректируя мою роль в странной, пугающей игре. Я подчинялся, стараясь продумать свой сценарий, учитывая то, что Бездна объяснила мне: зачем вечной сущности понадобился смертный носитель.

Нехорошо лгать приговорённым, но я утаил ещё одну маленькую деталь от убитого мной безумца. Творцы действительно опухоль. Только злокачественная. И метастазы давно проникли в плоть множественной вселенной. Давно и слишком глубоко. Лечение уже не поможет — смерть творцов ничего не изменит.

А Единый создатель спит и ему всё равно, что зараженные болезнью один за другим гниют миры и разрушаются реальности. Но он обязательно проснётся, если его любимое детище будет уничтожено. Проснётся и создаст новый мир — лучший.

В котором не будет места тварям, подобным мне.

Бездна улыбалась, рассказывая это. Манила сладким плодом.

Пустота не может просто так проникнуть в материальную реальность — его удел междумирье и ярость бессилия. Единый постарался, передав творцам способ запечатывать Бездну, когда ей удаётся прорываться внутрь миров.

Ничто нашло способ обойти все печати и запреты, отомстив Единому.

Крошечная Бездна в сердце обычного человека. Он сохранит её в себе, пропустив в реальность, возрастит. А потом пустота, разорвав телесную оболочку, вырвется в мир, проводя за собой всю мощь великого Ничто. И множественная вселенная перестанет существовать.

Значит, я разбужу Создателя, какой бы не оказалась цена.

Обязательно разбужу.

Возможно, когда-то:

Они собрались на открытой площадке главной башни за несколько минут до рассвета. Сергей перевернул последний лист пухлого тома и, быстро просмотрев, отодвинул прочитанную [книгу](#) на край стола.

— Опять не спал? — поставив поднос, Эрик ещё несколько мгновений стоял, тревожно всматриваясь в тёмно-синюю даль, которая только начинала светлеть.

— Не могу, — пожаловался он и, откинувшись на спинку стула, устало прикрыл глаза.

Несколько минут они молчали, дожидаясь Ирэн и Далика. Эрик медленно ел, Сергей рассматривал обложку книги.

— Как думаешь, — первым нарушил тишину Сергей, — сколько мне понадобится времени, чтобы выучить её наизусть?

Мастер ничего не ответил, Сергей не стал переспрашивать.

Открытая площадка башни снова погрузилась в тишину. Спокойную, сонную. Внизу мягко шелестел Ледяной океан. При ярком свете белой звезды вид, открывающийся мужчине, был прекрасен. И тонкие шпили башен огромного замка и мирно играющийся, как ласковый котёнок, у подножий башен холодный океан, и тонкая еле заметная полоска горизонта. В такой тишине Сергей любил слушать, как волны разбиваются о пирс. Потом раздались мягкие шаги. Ирэн опустила стул и, так же как Сергей, устало улыбнулась.

— Неужели и ты не спала? — он ещё раз вздохнул и, снова придвинув к себе книгу, открыл на первой странице.

— Нет, как раз спала я хорошо. Мне даже приснилось что-то... — женщина нахмурилась, пытаясь вспомнить, что ей виделось ночью, — что-то важное, что я никак не могу вспомнить...

— Брось, — буркнул как всегда чем-то недовольный Далик, присаживаясь рядом с Эриком и уже что-то аппетитно жуя, — так всегда бывает: снится что-то, а потом забывается. У меня такое постоянно. Вот сегодня привиделась — женщина вроде знакомая. Точнее тень, похожая на женщину. Она плакала. Стояла в моей комнате, будто призрак, такая... — Далик замялся, подбирая слово, — родная... Стояла в дверях, смотрела прямо на меня и плакала, но при этом я знал, что она меня не видит. Бред?

— Сон...

— Скажите, а почему мы стали вот так собираться перед рассветом? — Ирэн зябко

поежилась, словно от резкого порыва ветра, и повернулась к восходу.

— Мы всегда так встречаемся, — Сергей поднял взгляд от книги и тоже стал смотреть, как белая звезда с неохотой выбирается из-за горизонта, окрашивая воду в кроваво-красный цвет. — А никто никогда не задумывался, почему мы здесь одни, где другие люди? И вообще, где мы? — вопрос прозвучал так, будто мужчина уже не раз задавал его, по крайней мере, себе в мыслях.

— Другие? — Далик непонимающе просмотрел на друга, нахмутив брови.

— А зачем? — эхом откликнулся Эрик. — Здесь так спокойно...

— Какая разница... — Ирэн равнодушно пожала плечами, жадно смотря на почти поднявшееся светило.

Потом они разбрелись кто куда. Далик остался в столовой и, застыв подобно каменному изваянию, не отрываясь, всматривался в линию горизонта. Ирэн пошла в свою комнату. Она считала, что скорее вспомнит то, что забыла, именно там. Эрик, как всегда, побежал в большой зал. Хотя, нет... Бегал он только первые дни, пока не понял, что времени у него теперь предостаточно и спешить ненужно. Скорее по привычке он недовольно ворчал и кривил лицо при виде друзей, словно с трудом принимая их, а так же ходил, ссутулившись и делая короткие быстрые шаги. Серег...

Сергей просто гулял по городу-замку, который был создан прямо в огромной скале, остро выдающейся в ледяные воды. Мужчина сворачивал, где ему хотелось, исследуя каждый поворот и комнату. Иногда он останавливался на небольших балкончиках, чтобы послушать океан.

Ему нравилось наблюдать за теньями. Их можно было встретить почти везде. Смазанные образы, похожие на людей спешили по своим делам, о чём-то разговаривали, появлялись из ниоткуда, иногда проходя сквозь Сергея, и исчезали туда, откуда появились. Иногда ему казалось, что ещё чуть-чуть, и он услышит их или сможет вспомнить. Что вспомнить? Сергей не знал, только догадывался, что что-то очень важное.

А ещё в пустых тёмных коридорах ему слышался детский плач. Иногда — смех. Но смех очень редко. В такие минуты ему становилось страшно. Детский ирреально звонкий голосок, разрезая сонную тишину пустого замка, звал свою маму. Серег не понимал, почему мама не слышит своё дитя, и всегда отчаянно спешил на голос, раз за разом останавливаясь у комнат Ирэн.

Далик тоже слышал голоса, другие. Но не так часто.

Вот и сейчас ноги сами привели Серега к комнате, в которой жила его любимая. Ирэн сидела на кровати и, наклонив голову на бок, рассматривала дальний угол.

— Мне кажется, что здесь чего-то не хватает, — призналась она, — комната кажется неправильной, пустой. Особенно тот угол. Я иногда вижу в нём контур детской колыбели и женщину, что не спеша её раскачивает. Но каждый раз, когда подхожу, чтобы взглянуть на младенца, понимаю, что колыбель пуста.

— Ты вспомнишь, — Серег обнял Ирэн, — Ты обязательно всё вспомнишь. Времени у нас хватает.

— Да, конечно... — женщина рассеянно улыбнулась, словно не услышала слов любимого. Ирэн, не отрываясь, продолжала смотреть в угол, где видела призрачную колыбель и силуэт печальной женщины, что напевала неслышную ей песню. Она с напряжением смотрела, как шевелятся губы незнакомки, и пыталась понять слова.

Иногда по ночам Ирэн снилась эта жуткая песенка, которую напевал детский голос. В

этих снах её окружала вязкая темнота, и где-то на самой грани слышался тихий скрип пустой колыбели.

В такие ночи она просыпалась в слезах и несколько мгновений, находясь ещё по ту сторону сна, помнила...

Но потом...

— Конечно, Сергей, вспомню...

Потом он навестил Эрика, который что-то записывал мелким почерком в тетрадь. Изредка мастер останавливался и даже отбрасывал её в сторону, но потом всё равно вставал, подбирал и снова начинал писать.

— Не знаю, — он жалобно посмотрел на Сергея, — скажи, зачем я пишу всё это? Всё равно никто не прочтает, не узнает. Я никогда раньше не задумывался, что станет с моими знаниями потом, когда... — он замялся и, пожевав кончик пера, записал ещё несколько строк, — когда... Впрочем, неважно. Но зачем я записываю?! Я, наконец, смогу узнать всё! Понимаешь?! Ответы на все волнующие меня вопросы. Но зачем?

— Мне расскажешь, если захочешь, — Сергей пролистал тетрадь, читая непонятные ему определения и обороты. — Вот выучу наизусть книгу, обследую весь замок, и нечего мне будет делать. Тогда приду к тебе. А ты расскажешь всё, что знаешь. Идёт?

— Спасибо, — улыбнулся мастер.

Потом они собрались вместе вечером. Смотреть на закат. Так же, как и всегда. Далик за всё это время даже не пошевелился, он по-прежнему с ожиданием всматривался в небо. Он только кивнул, когда Серег поставил перед ним ужин, и чуть поморщился, пока друг с душераздирающим скрежетом сдвигал два стола, чтобы улечься на них. Остальные пока не пришли, впрочем, до заката оставалось совсем чуть-чуть, и к нему никто никогда не опаздывал.

— Всё ждёшь? — спросил Сергей.

— Жду. Нападения, тревоги... хоть чего-нибудь. — Далик, наконец, повернулся к Серегу. — Я не могу так, без дела. Мне нужно сражаться, двигаться. Никогда не думал, что покой может быть настолько утомительным. Не хочу признаваться, но мне страшно. Я боюсь этого пустого тёмного замка. Мне кажется, что всё должно быть по-другому. Что отовсюду должны слышаться разговоры. Спешить куда-то люди. И мы тоже должны...

— Привыкнешь. Все привыкнем. — Мужчина по привычке сделал глоток из кружки.

— Знаешь, я услышал её.

— Что? — Серег обернулся к другу.

— Она завёт меня. Эта женщина... я смог расслышать её голос, — Далик серьёзно смотрел на Сергея. — Я её знаю, только имя не могу вспомнить, а она плачет и завёт меня. Ты тоже видишь тени?

— Да, много теней. Только не могу даже лиц разобрать. Впрочем, это неважно. Меня никто не зовёт.

— Наверное, это грустно.

— Нет. Нормально...

Ирэн пришла последней, когда все уже доедали ужин.

— Знаете, я всегда хотел написать книгу, — Сергей, ни сколько не рассердившись на смешок Далика, мечтательно улыбнулся. — А что? Спешить всё равно некуда. Так что я успею и книгу написать, и даже вспомнить... Наверное, нам будет не хватать того темпа, что был... был... — он запнулся так и не договорив.

Мимо их столика быстро прошла тень молодой женщины с родинкой на подбородке. На секунду она замерла, смотря на них, перевела взгляд на Далика. Потом резко помотала головой, отгоняя наваждение, вытерла тыльной стороной руки выступившие слёзы. Снова посмотрев в их сторону, вздохнула, и поспешила дальше по своим делам.

Сейчас:

— Остановись!

Женщина успела пригнуться, и кинжал лишь оцарапал её щеку. В следующую секунду она проскользнула мне за спину и точным ударом выбила оружие из руки. Кинжал, соприкоснувшись с полом, исчез в яркой вспышке. Снова вызывать его я не стал, окунувшись в прохладную пустоту. И зачерпнув в горсти, расплескал силу вокруг себя.

Она застонала от боли, упав на пол — пустота повредила ей ноги. Но страха в её глазах я все равно не видел, даже когда взгляды пересеклись, и жизнь столкнулась с Бездной. Женщина первая из всех приговорённых людей попыталась оказать сопротивление. Остальные говорили, просили, кричали, но не пытались действовать силой.

— Подожди, пес Пресветлой матери. Ты успеешь убить меня, дай лучше рассказать. Это не отнимет много времени, даже если ты спешишь.

Приговорённая женщина не была стара — отмерила лишь чуть больше тридцати лет. Возможно красивая, сложно сказать. Она даже смогла укрыться от безумия... вот только перебежала дорожку творцам. И за это умерла.

Но мне некуда спешить.

— Говори.

— Скажи, Алевтина объяснила тебе, чем же её так привлек странный подросток — ты? Или же рыжая лгунья решила переиграть саму себя?

Отвечать смысла не было, и так все понятно.

Женщина улыбнулась.

— Я верно служила своей госпоже... Я знаю, что ей нужно, поэтому скажу тебе, ведь ты её носитель. Да... Алевтина надеется, что — это прощение, которое она так давно искала. Что ты можешь стать полноценным творцом, а не очередной бесполезной игрушкой. О-оо... мальчик, если бы знал, как она надеется и мечтает. Знаешь, почему рыжая лгунья так подумала? Ты — обратное времени. Ничто и Все — слишком близко, чтобы не использовать такой шанс, и она не смогла упустить его. Я увидела, а Пресветлая мать снова ошиблась, вписав моё имя именно в твой список. Попробуй преломить Время. Отразить его, пропустив через призму Бездны. Да... должно получиться. Отомсти за нас, мальчик...

Женщина расхохоталась, прокричав последние строчки:

Боги забыли или не знали,

Как мы любили, и как умирали...

Не дослушав, я вызвал кинжал и оборвал живой, настоящий смех. Бездна уже появилась, кружа рядом со мной, довольно поглядывая на приштиленное к стене тело. Она улыбалась.

— Идеальная смерть. Вот с этого мы и начнём. Да, Сергей? Ты должен поблагодарить эту женщину за восхитительную подсказку, за столь драгоценный подарок. Мои жрицы всегда отличались хорошим умом.

— Думаешь, у меня получится управлять временем? Не слишком ли большая сила для обычного мальчишки?

— Давно необычного... Очень давно.

— Разве что небольшая проблема — где взять информацию, как именно изменять его течение? Не идти же к творцу... Нет, я не смогу.

— Сможешь, Сергей. Конечно же, сможешь. У тебя просто нет выбора. Или ты забыл что только починаешься? Мы сможем обыграть это. Ты ведь устал ждать того дня, когда за тобой придут, бедный ребёнок. Тогда прокрути время... случайно, не желая этого. Попробуй. Но дня начала мы немного подождём. Возвращайся в свой мир, Сергей.

И снова вечер... Августовский, тёплый, живой. По улицам района продолжают гулять весёлые компании, с дворовых лавочек слышится громкий смех, скрипят широкие качели. Люди кажутся лучше и светлее. Город не отпускает, не позволяет погрузить в себя, а заставляет прислушиваться к разговорам, смотреть на жизнь, словно сам являешься частью этого огромного странного существа.

Я устроился на парапете крыши. За пролетевшие недели это вошло в привычку: приходиться сюда вечерами и так сидеть. Разглядывал детскую площадку, с которой заботливые мамы уже утянули своих детей по домам, а громкие компании ещё не собрались пить пиво и слушать музыку, мешая жителям окрестных домов.

Воздух был одуряюще свеж, а гуляющий по крыше ветер забирался под тонкую футболку. Нагретая за день жарким солнцем крыша ещё не остыла, и босые ступни наслаждались собранным теплом. На шестнадцатом этаже громко заработал телевизор, и ветер, оставив меня, тут же принёс обрывки фраз из какого-то боевика. В самую пору перевернуться на спину и начать напевать под нос какой-нибудь мотив. Я обещал надзирателю жить, и стараюсь придерживаться выбранной роли.

Открыл глаза, вглядываясь в темнеющее небо. Если повернуть голову, можно было увидеть, что над небольшим лесом уже расцветала звездами ночь, но над крышей моего дома ещё властвовала глубокая синь с рогатым маленьким месяцем, а на западе и вовсе алела тонкая полоска заката.

Девеан сидел рядом, свесив ноги вниз и, сощурившись, вглядывался, как полоска медленно истаивала, теряя насыщенные краски под напором ночной серости. Насторожился, когда протяжно скрипнули внизу качели, неприятно поморщился.

Я пихнул его ногой, чуть не потеряв равновесие на парапете. Спина у меня неширокая, но и парапет большими размерами не отличается. Бояться нечего, успеет подхватить ветер, и маскировка сама собой закроет от взглядов людей этот досадный инцидент. Но всё равно не нужно портить такой момент.

Мужчина сначала сделал вид, что не обратил внимания на эту выходку, продолжая думать о своём, а потом резко схватил меня за ногу и начал щекотать ступню.

— Я не боюсь щекотки... — это договоренность: не погружаться в себя. Говорить то, что говорил бы в прошлой жизни, не отвлекаясь на раздумья, учиться улыбаться и дышать полной грудью.

И иногда это получается. Особенно, когда я возвращаюсь из очередного мира и вычеркиваю в списке ещё одно имя. Словно чужая смерть позволяет мне жить, ломает внутри преграду, сквозь которую капля по капле просачиваются эмоции — слабые, блеклые, слишком чужие и похожие на уже привычный ассоциативный ряд, но всё-таки. Похоже, мне недолго удастся удерживать в рукаве козырь.

Это значит, что нужно устроить шоу как можно эффектнее.

А кроме этого надзиратель стал делиться своими мыслями и памятью. Видимо смирившись с ролью няньки, Девеан воспринял работу, как внеплановый отпуск. Станный он. Насколько старше меня, а любит ребячиться. Веселится, подбадривает, шутит, рассказывает анекдоты тех миров, где успел побывать, истории про творцов. Иногда, кажется, что это мой срок растянулся на долгие столетия, заставив забыть вкус жизни, а Девеан молодой подопечный, но вместо этого: мальчишка без души, с разумом старца и повреждённым рассудком, и взрослый мужчина, который пытается быть подростком, отвергая как свой возраст, так и опыт.

— Тогда придётся придумать что-нибудь другое... — Девеан отпустил мою ногу и вздохнул. — Вот зачем ты меня пихнул? Такие мысли были... Лежал, вот и лежи, а то ещё упадёшь. Сейчас ещё немного побудем так, а потом тренироваться — сколько я тебя не гоняю, никак не можешь хоть чуть-чуть мясом обрасти. Ничего, вот отрежу твою дурацкую косу, хоть на человека станешь похож.

Надо признать, что Девеан за это время помог мне создать замечательную маску подростка. Он научил подделывать улыбку, смех, выражение лица. Всё это было тщательно отрепетированной ролью, с продуманными до мелочей действиями и фразами. Балансируя на грани, я прекрасно осознавал всю опасность своего положения. И мои губы сами расплзались в довольной ухмылке, которую я так долго пытался скопировать, сидя перед зеркалом. Искуснейшая работа. Моя маска не знала изъянов за исключением одного — глаз. Я прекрасно знал, что не нужно обладать тонким нюхом, чтобы уловить фальшь, но пока никто не мог сложить все кусочки мозаики в цельный рисунок.

— Не отрежешь — поймать не сможешь, — Бездна одобрительно кивнула головой, пока всё шло именно так, как и было должно.

Девеан улыбнулся. Моя персональная нянька, учитель и надсмотрщик. Друг? Нет. Нельзя мне больше друзей находить, привыкать к чьему-то присутствию, поддержке. Для Девеана я кто? — всего лишь новая игрушка госпожи Алевтины, которую ему поручили опекать и обучить всему, что и должна знать хорошая вещь, принадлежащая творцу. Что Девеан и делает, передавая свой опыт. Рассказывает про вкусы и предпочтения Пресветлой матери, про жизнь, которая идёт там, за гранью, про законы множественной веселенной. Кажется, за несколько веков все это не выучить и не понять, но память сохраняла всю информацию по принципу: «может пригодиться». Пока меня ждёт месть.

Тот я, каким меня заставили стать ещё до заключения в тюрьму, сделал бы именно так. Нужна цель, ясная и простая, чтобы маяком вывести меня из этой серости, когда дальнейшее существование может потерять всякий смысл. И одному с этим мне не справиться, а Девеан говорит — нужен толчок, сильное потрясение.

Бездна кивнула, проникая внутрь памяти и отыскивая нужное ей воспоминание, изменяя его, подстраивая. Осторожно поднявшись, сел на парапет, плотно прижав руки к горячему покрытию. Так, может быть, удержусь, не упаду. Кольнуло болью где-то в области сердца. Сейчас!

Потрясение...

Боль...

Память...

...Она стояла на автобусной остановке. Живая и улыбающаяся. В легком платье со смешными красными цветами и вышивкой. Рыжие волосы были аккуратно подстрижены и взгляд... другой, не тот, который я успел запомнить. Я видел каждую черточку её лица,

родинку около носа, изгиб бровей, пятнышки веснушек... Словно почувствовав мой взгляд, она обернулась. Миг и лицо искривила гримаса торжества, морок рассеялся... Эрик? Пыльная газель всего на секунду закрыла его от меня, а спустя секунду на остановке никого не было.

Пока Девеан не заметил изменений, я, вдохнув как можно больше воздуха, нырнул вслед за Бездной. Туда, в пустоту... через боль, через память забрать как можно больше, сосредоточившись на том воспоминании. Держаться, не забывать. Холодно... Ещё чуть-чуть. Сложно... Главное не отпускать это видение, только оно. Совсем немного. И наполнив каждую клеточку тела льдом пустоты, я сделал последний рывок, выпуская Ничто в мир. Больно...

Бездна расхохоталась.

Все закончилось. Подкравшаяся ночь, одним резким движением накинута на небосвод черную траурную вуаль. И куда-то исчезли звёзды. Ветер ледяным порывом заставил поджать ноги и обхватить руками плечи в защитном жесте. Сколько это будет длиться? Но вопрос уже смывал напор памяти. А пустота медленно растекалась по воздуху.

Холодно... Но нужно доиграть эту партию до конца, не вызвать подозрений.

— Нет! — перекувырнувшись, я упал на ледяную крышу, которая словно боялась теперь делиться со мной теплом. Надзиратель вскочил на ноги, бросившись ко мне: он что-то кричал, просил, тормозил меня.

...Цепляюсь за крошечный выступ на отвесной скале последних крох разума, но Бездна приближается, ещё чуть-чуть... Я вижу её улыбку, кажется, она довольна мной. Из носа вытекает тонкая струйка крови, но я не могу её стереть. Ещё один рывок. Боль туманит рассудок, мысли становятся обрывочными и резкими. Рот наполняется металлическим привкусом. Плохо, это очень плохо. Знаю... знание пробирается в голову ядовитой змеей. Ещё чуть-чуть, еще последняя пара рывков, и тело выгибается дугой, меня рвёт темной кровью. Пустота останавливается, ожидая последнего приказа, подтверждения, что можно начинать.

— Что здесь происходит? — чужой писклявый голос становится ниточкой из реальности, за которую я хватаюсь из последних сил. Мужчина, какой-то работник — спецодежда, ящик с инструментами, на лице удивление. Нет, не ухватиться... Бездна кивает, пора. Снова погружаясь в себя, пробуждаю то, что бережно хранил в своей крови — ещё одно напоминание о прошлой жизни. И чужая сила медленно просачивается в меня вместе со странными видениями.

И я больше не сдерживаю пустоту...

Все получилось.

Я не видел, как перекоилось лицо Девеана, как он, выставив вперёд ладони, обратил работника в горстку пепла. Не видел, как надзиратель в последнем рывке прикрыл меня собой. Не видел ничего... Только ласковая Бездна и пустота.

А потом мир разлетелся на осколки...

Глава 1.9 Единый

Весь смысл игры — не в выборе ферзя.

На дисбаланс меж черным и меж белым.

Поставить жизнь, как правило, нельзя.

Свою нельзя.

Твою — поставят смело!

Андрей Белянин

Не знаю, кем я стал, чем был. Всё моё существо наполняла непонятная лёгкость и эйфория. С отстраненностью я наблюдал за суетой людей, которые ещё не поняли, что их мир рушится, бежать больше некуда и незачем молиться. Они казались такими глупыми, пытаюсь спастись. Но скоро мне надоело смотреть на них. Осталось лишь чувство удивительной свободы. Не было никаких обязательств, дел, даже время услужливо отошло на другой план.

Я носился ветерком над городом, заглядывая в окна разрушенных домов. Купался в нежных солнечных лучах умирающего светила и забавлялся с другими ветрами. Смеялся, наблюдая, за агонией реальности. Играл какую-то мелодию в листве деревьев парка, которую медленно пожирало пламя.словно все проблемы разом стали мелочными и ненужными. И не было преград между мирами.

Ни предательства, ни боли. Только какая-то непонятная горечь и грусть. Переместившись на вторую, прошлую Землю, я навестил могилы своих друзей, принеся в своей круговерти лепестки полевых цветов. А потом пролился маленьким дождем. И не казалось страшным или отвратительным то, что у меня не было души. Ведь у ветров её не может быть. Всё казалось таким простым: никаких заумных истин, только эта свобода с привкусом неба.

В какой-то момент мне захотелось проведать своё тело. Оно лежало, раскинув изломанные руки, на крыше дома, и выглядело таким хрупким и болезненным, что мне стало жаль этого тоненького мальчика. Я понял, что Серёжа и я — два разных человека. Он был таким чистым и невинным. И этот светящийся взгляд, и звонкий смех — все было наполнено жизнью, пусть она и не была безоблачной. Теперь я лишил его и этого. Действительно — бездушная тварь. И никогда этот мальчик не сможет жить счастливо. Прости меня, Серёжа.

Я не хочу возвращаться...

Всё, что было — неважно. Всё что будет — тем более. Моя пустота — этого достаточно. Ни чего больше не имеет значения. Мне теперь всё равно...

Возможно, когда-то:

Связь перестала действовать неожиданно.

Секунду назад Серег ещё был одним целым с древним городом, и тут его выбросило волной на берег, в реальность. На мгновение он ослеп и оглох от ярких вспышек и грома взрывных импульсов. Казалось, он попал в небольшой, очень уютный ад, в который превратилась резиденция князя Шарисса — последняя крепость на пути орд тёмного мастера. На фоне салютов взрывов, криков и воя так непривычно странно смазывалась суэта ещё верящих в победу людей.

— Спаситель! Лорд Серег! — прокричал кто-то в его сознании — Серёжа не помнил когда голос незнакомого лорда сменил тихие приказы князя. Хлопок, несколько возгласов, короткое, такое некрасивое «прощай», и вот уже друг не спешит убедить его, что все будет хорошо. — Нам нужна помощь! Почему вы не используете силу? — продолжал незнакомый голос.

У Серега больше не было сил — он просто перегорел. Поднялся из кресла, огляделся по сторонам, словно видел маленький зал в первый раз. Впрочем, именно таким — в первый. Часть стены была разрушена, в потолке зияли дыры, в которые так неправильно падал красноватый свет младшей звезды. «А ведь сейчас вечер...» — мелькнула ленивая мысль где-то на самой грани слишком ясного сознания. Они собирались взять лошадей и поехать в столицу, праздновать день рождение Эллин. Повара князя даже испекли большой-пребольшой шоколадный торт...

Не понимая, что он делает, молодой мужчина переступил через тело стража, который должен был охранять спасителя. Рядом снова прогремел взрыв, отбросив Серега к стене. Мимо пробежала пара слуг только для того, чтобы попасть под луч смертельного импульса.

Серёжа поднялся на ноги, ему необходимо было дойти до зала, подобно капитану тонущего корабля, который до последнего остается на капитанском мостике. Он прошел лазарет, где бледная целительница, прижимая к груди руку, в которой застрял осколок, ещё боролась за угасающую жизнь Ларин: у неё был бред, и она, не переставая, звала Далика. А потом замерла, словно почувствовала что-то такое, что позволило ей уйти.

Потом было отчаянное сражение с тремя слугами мастера, которые, оставив тело Далика, добивали незнакомую женщину. Кажется, она что-то просила у него, но Серег, выкинув теперь бесполезный, словно игрушечный, кинжал пошел дальше. Эмоции остались где-то далеко. Наверное, в городе, где они праздновали день рождения их с Ирэн дочери, все были живы...

Все...

Серег шел к залу, только потому, что ему необходимо было находиться там в последние минуты. Мимо пробегали последние выжившие стражи, кто-то пытался, вцепившись в его рубашку, что-то кричать спасителю. Он не слышал. Он перестал слышать взрывы импульсов. Возможно, они просто прекратились? Действительно, зачем бессмысленный обстрел, если резиденция уже захвачена. Эрик победил. Теперь уже бесповоротно.

По пути в зал живых становилось все меньше и меньше. Будто куклы, то тут, тот там лежали тела знакомых и друзей со стеклянными пуговками глаз.

В зале их стало чересчур много. Сереже даже пришлось на несколько мгновений остановиться и зажмуриться. Это было неправильным... ведь они сейчас там, празднуют... Конечно, именно там.

Всё так просто...

Наклонившись, он погладил растрепавшиеся волосы Ирэн. Прижатая в последнем

порыве к груди Эллин больше не плакала. Рядом, не защитив их, лежал Ферл. В нескольких шагах от него продолжал сжимать не помогший меч Адриан. Но почему Эллин не плачет? Серег дотронулся до холодной руки своей дочери, которая, вцепившись в мамин воротник, так и не разжала кулачок.

— Знаешь, Сергей, Ирэн ведь сама её убила, не захотев оставлять в моём мире, — в голосе, что раздался за спиной спасителя, не было торжества — только усталость.

— Я бы тоже так поступил, — поднимался Серег медленно-медленно, и так же поворачивался, не желая смотреть в глаза победителю.

— Будем считать это прощальным подарком: я не стану тревожить мертвых, — Эрик почти зашел в нарисованную на полу фигуру перехода, но, остановившись на черте, посмотрел прямо в глаза спасителю, скрестив на груди руки.

— Будешь мстить? Попытаешься всех опять спасти? — и снова ни следа сарказма, только усталость.

— Нет. Сегодня очень красивый закат. Не хочу его пропускать... только вот выйду на балкон... — слова давались с трудом, а голос стал совсем чужим, — надо проводить звезду...

Эрик наклонил голову на бок, промолчав. Потом кивнул двум задержавшимся слугам, чтобы они не трогали Серега. Он продолжал стоять в зале, среди смешно раскиданных тел и думал, что, наверное, Ларин опять пережарила мясо, а Далик как всегда не поймёт ни одного земного анекдота. И его любимая Ирэн волнуется, почему любимый муж так долго не возвращается...

— Хорошо, у тебя есть ещё как раз пять минут до конца. Закат сегодня и, правда, восхитителен, — всё-таки сказал мастер. Потом, подумав, добавил: — Прощай, спаситель-Сергей. Я не ожидал, что прощаться будет так странно... Но, тем не менее, рад, что всё закончилось, — усталый голос прозвучал откуда-то из перехода, и Эрик исчез.

Серег вышел на чудом уцелевший балкон, подставив лицо сухим прикосновениям ветра. Маленькая красная звезда почти утонула в тёмной громаде леса. Он наслаждался каждой секундой, пока небольшой кусочек светила погружался за горизонт. Глубоко вздохнул, думая, что действительно, никогда не видел настолько красивых закатов. Прикрыл глаза, отправляясь к друзьям, что уже давно ждали его прихода... Раз — сердце глухо ударило внутри. Два... Ну же, ещё чуть-чуть: он уже видит, как Ирэн машет ему рукой. Сверкнул последний лучик, отражаясь от полуразваленной башни, и над дивным лесом расцвела удивительно-яркая, почти белая вспышка.

...- Привет, Серег! Где же ты был? Далик успел съесть без тебя половину торта...

Сейчас:

Сознание толчком выбросило меня в реальность, услышав зов Бездны. Пора было возвращаться. Открыв глаза, понял, что попал в ад. Я лежал на крыше, застеленной покрывалом крови. Повсюду были осколки, и с багрового неба капала... капала... капала кровь. Кто-то кричал — далеко и глухо, словно я накрыл голову подушкой. А потом я увидел себя сверху так, будто какая-то часть ещё не перестала быть ветром: ни боли, ни страха — серые глаза отражали покой и умиротворение, а из горла торчал острый отколок какой-то железки. Кровь красивыми каплями застыла на лице. Попытавшись вернуться обратно в тело, я понял, что совершил ошибку. Нереальную тишину резко вспороли чьи-то крики.

Слишком громкие, просто разрывающие барабанные перепонки, они доносились отовсюду. Мольбы о помощи или просто вырвавшийся на свободу ужас. В этот момент на меня обрушилось всё. Наконец-то я полностью осознал, что лежу, пришибленный к земле большим обломком стекла — пройдя сквозь тело, он не давал мне пошевелиться.

Боль... боль... боль...

Ко мне вернулись чувства. За одну секунду я ощутил всё. Те два года в тюрьме без души: мои самые страшные кошмары. Ненависть, желание, месть, одиночество, горечь, потеря, страх, отчаянье. Казалось, что тонкая ниточка жизни сейчас оборвётся. То, что я должен был чувствовать годами, то, после чего самые сильные и выносливые люди сходили с ума, всё обрушилось на меня в один момент. Это я должен был испытывать, умирая в холодной камере. Ужас того, что я видел во снах, смерть, которая окружала меня, невыплаканные слёзы, возвращение и столкновение с прошлым. Не могу объяснить это... Передать даже и десятой доли.

Боль... только боль там, где недавно была пустота. Мой крик, полный отчаянья и ненависти загнанного зверя, слился с агонией родного мира и безумным смехом Бездны. Я практически не чувствовал физической боли. Просто больше не было сил вглядываться в сочащееся кровью небо, но не получалось даже пошевелиться. Проклятый осколок! Где же моя пустота? Почему Бездна медлит? Неужели того, что я уже сделал, недостаточно для неё? Только бы суметь пошевелиться, надо... просто...

А по осколкам босиком шла тихая госпожа. Всё такая же печальная и уставшая. Я видел со стороны, как она наклонялась, ласково дотрагиваясь до плачущих людей, и всхлипы обрывались

— Опять... — короткий миг кончился, всё уходило: и боль, и горечь, и страх.

— Нет... Я не забираю за дела или ошибки. Просто время решило так. Пойми, Серег, я лишь слуга и честно выполняю свою работу.

— Ты знала... Когда встретила со мной, уже всё знала...

— Да, — она присела рядом и провела ладонью по моей голове. Такое успокаивающее прикосновение, словно я снова стал маленьким мальчиком, и рядом была мама...

— Тогда забери и меня.

— Не могу. Поверь, мне жаль, но ты сам хотел понять... Могущество — это не всесилие. Это только боль, когда не хватает лишь мгновения спасти любимого человека. Я не знаю, когда придёт твоё время. И никто не знает, кто и когда решает, что пора уходить. Время? Нет... иногда оно бессильно даже против человеческой памяти. Тебе предстоит ещё многое узнать и понять. Но мы ещё встретимся... Ведь я ещё не рассказала тебе одну сказку.

Наверно, я вновь погрузился в забытье, или только подумал об этом, но казалось, не успела тихая госпожа исчезнуть, как кто-то резко выдернул осколок из моего тела и, схватив, поставил на ноги.

— Ты слышишь?! — Девеан...

Он словно безумный тряс меня, как тряпичную куклу, что-то крича так, что капельки слюны попадали мне на лицо. Из горла текла кровь, пачкая мою и его одежду, но надзиратель, казалось, не замечал моей раны. Я бессмысленно смотрел в его вытаращенные глаза: отраженье бешенства и отчаянья. Огромный, если захочет, одним ударом расплющит все кости. Неправильный Девеан. Я привык видеть его ироничным и спокойным. Но что ему надо? Неужели нельзя просто подождать эти несколько минут, пока мир окончательно не

умрёт. Разве мой надзиратель не чувствует, как напряглись нити, связывающие нашу реальность с множественной вселенной, как они трещат, готовые вот-вот разорваться? Зачем кричать... всего несколько мгновений, и придёт долгожданный покой. Спешка не нужна. Только ожидание конца. Но что ты хочешь, Девеан?

— Сергей! Бездна, да сосредоточься ты на моих словах, наконец! Ты должен всё исправить, я не смогу удержать этот мир, даже три минуты больше не продержусь. Ты слышишь? О, Единый создатель!

Я с трудом разлепил губы, покрытые коркой крови, и улыбнулся.

— Думаешь, что-то можно исправить? — поднял глаза к небу.

Красный дождь почти закончился. Значит, время истекло. Странно, но нас с надзирателем не задела ни одна капля.

— Можно исправить всё, если ты сможешь придти в себя!

Всё... — какое жестокое слово. Если бы это действительно было так. Но нет. Спасти этот мир, после того, как я же его разрушил — что может быть забавнее. Хорошо... почему бы не попытаться выиграть этот раунд у тихой госпожи. Только вот как?

— Не ищи сложных путей... — наконец, вспомнив про меня, Бездна спустилась на крышу, на секунду оставив растерзанный мир в покое. — Все правильно. Или ты забыл, зачем мы затеяли это? Ну же Серег, не заставляй меня ждать.

Неужели ты уничтожила мой мир только для того, чтобы я попытался воздействовать на время?

— Нет, чтобы никто не заметил этого воздействия — только глупую случайность, допущенную неумелым мальчишкой, который попытался исправить то, что натворил. Давай, мальчик. Начинай. Все просто.

Куда уж проще? Чувства — уродливые их подобию, которые я ощущал первые секунды, после того, как пришёл в сознание, исчезли — Бездна позаботилась, растворив их в себе, чтобы самой не допустить досадную случайность, которая может отобрать у неё игрушку. А что, если повернуть в другую сторону?

И я бережно забрал у Девеана истончившиеся нити мира. Всё будет хорошо, хотя и опять не для меня. Покою снова придётся подождать за гранью.

Существование продолжается...

Время было мягким и горячим, я ощущал его неспешный поток, который уже начал огибать умирающую реальность, оставляя её в безвременье. Подожди. Смотри, я держу нити, и они не рвутся. Может быть, ты вернёшься?

У Времени оказалось человеческое лицо и серые глаза. Мужчина с удивлением смотрел на меня и улыбался. А потом протянул руку, забирая нити. Спасибо... только нельзя ли хоть немного ускорить твой бег? Позволь этому миру переступить через один год. Он нахмурился, опустив голову, несколько секунд разглядывал тонкое кружево чужих судеб. Кивнул...

А потом с небес хлынул дождь. Настоящий чистый дождь, который смывал кровь и боль, залечивая нанесённые реальности раны, возвращая все обратно... в мир живых.

— У меня получилось.

Девеан улыбнулся, Бездна несколько раз хлопнула в ладоши, изображая аплодисменты. Каждый из них подумал о своём.

Я вернулся домой поздно ночью. Моросил неприятный грязный дождик — остаток того

ливня, который словно в игрушечных часах вернул стрелки назад, до катастрофы, а потом прокрутил события вперёд на целый год. Так просто. Девеан даже не успел отпустить меня, как мир изменился, вернувшись к своему нормальному состоянию, будто ничего и не происходило. Только теперь в глубине глаз надзирателя появилось уважение. Он всё-таки смог понять, что случилось, почувствовать небольшой сдвиг. И теперь ему нужно было вернуться к своей госпоже, чтобы рассказать о произошедшей ошибке. Поселить в сердце Великой матери надежду — бесплодную, которая никогда не станет реальностью. Но об этом ему знать было совсем не обязательно. Надзиратель поклонился и растворился в воздухе, а я, прихрамывая на больную ногу, которая так до конца после падения и не восстановилась, медленно побрёл прочь с крыши. Не мог слушать торжествующий смех Бездны — она искреннее считала, что репетиция конца света удалась, и теперь оставалось лишь выждать нужный момент, чтобы ударить.

Весь город выглядел мрачной картонной декорацией. Хотя людей на улице оставалось достаточно, даже несмотря на дождь: видимо, сами не понимая, что они ощущают, люди чувствовали странную эйфорию вернувшейся жизни и счастливо смеялись, понимая, что им дали второй шанс.

Я поднялся в комнату и, забравшись с ногами на кровать, стал смотреть через стекло на безликую массу, именуемую — толпа. Такую же серую, как это низкое небо, стены угрюмых домов, и весь мир. Непонятное время — то ли позднее лето, то ли Бездна знает что.

Произошедший сдвиг невольно всколыхнул те воспоминания, которые я с таким трудом пытался спрятать как можно дальше, в самые тёмные закоулки сознания. Давно стало понятно, что эти кадры никогда не сотрутся. То, что со мной случилось, станет напоминанием об ошибках, которые допускать нельзя. О том, что наивность — это вторая глупость, и конечно, мир не раскрашен только в черно-белые цвета. Есть много оттенков. И в них надо уметь разбираться.

Отвернулся от окна. В прошлой жизни никогда за собой не замечал любви к созерцанию. Куда-то спешить, кого-то спасать — вот и всё, что мне оставалось. Моя жизнь не замедляла бег, чтобы я мог просто что-то переосмыслить, да я и не хотел этого.

Мелкий дождик опять перешёл в ливень, словно небо плакало вместо меня, поминая мою жизнь. Я открыл настежь окно, позволяя большим каплям, врываясь в комнату, падать мне на лицо. Будто тоже плачу. У дождя был великолепный горьковатый вкус. Ветер сквозняком прошёлся по комнате, выгоняя из неё усталость и боль прошлого, выдувая горькие, как этот дождь, воспоминания.

Память. Жестокая и милосердная, неуловимая, как само время — его постоянная спутница. Они неразделимы: оно, не замедляя свой бег, оставляет нам как утешение маленькие клочки себя — воспоминания. Память — все, что у нас остаётся. Она уходит вместе с нами, унося в небытие наши сокровенные мечты, страхи, детские надежды, радости и печали, ошибки и победы, сотни кадров, миллиарды разговоров, первый поцелуй и последний вздох. Пусть иногда в ней больше разочарования, чем счастья, — без неё мы уже не люди.

Я так до сих пор и не понял, когда меня предал Далик, порвал нашу дружбу. Когда не успел придти на помощь, и я попал в плен к Эрику? Когда приревновал меня к своей невесте? Когда понял, что из тени древнего рода стал тенью спасителя? Или когда протянул мне руку, представляясь тогда, в первый день, в парке? А Ларин? Бездна. Наверное, в позапрошлой жизни я был очень плохим человеком. И это наказание. Или дали шанс стать

счастливым, а я его не использовал. Чтобы было, если я не замешкался тогда на лестнице и сразу выдернул из Эрика меч, разрушив связь? Возможно, у меня всё-таки сложилась бы счастливая жизнь, вопреки мнению Бездны. Она сама сказала, что даже великая сущность может ошибаться. Или они всё равно предали бы меня? Я могу лишь гадать, проверить уже не смогу.

И это к лучшему.

Всего год — совсем немного. Осталось лишь дождаться, хорошо, что есть чем занять себя. А потом отомстить. Теперь по-настоящему показав им обратную сторону боли и предательства. Да... той цены, что предложила мне прошлая жизнь, оказалось мало. Теперь я уничтожу их до конца, не оставив ничего.

...Шут, палач, хранитель сути

Раб, а может господин?

Ты опять на перепутье

Пред создателем один.

Я уже слышал этот мотив...

Он снова звучал так близко, что казалось — певец неслышно подошёл, соткавшись из теней, наклонился ко мне и дышит в затылок, но в тоже время далекое эхо на самой грани восприятия, смеясь, накладывало иллюзию того, что все это мне просто мерещится.

— Кто здесь? Кто ты?

Резко обернувшись, я не увидел ничего. Моя комната исчезла.

В темноте звучала только эта странная песня. Детский голос спрашивал меня, обращался ко мне, смеялся надо мной. «Кто ты?» — эхом отдавалось в пространстве заполненном вязкой тьмой... Казалось, я находился в большом зале, который всего лишь задрапировали черной тканью. Ни на что непохожая ассоциация целостности, возможно, я не ощущал такой даже в прошлой жизни, с душой. Но вокруг не было ни стен, ни потолка, ни пола... ничего. Только черный цвет и детский голос, продолжающий спрашивать одно и то же.

— Я не знаю... — собственный голос показался чужим, словно это ответил не я, а всего лишь эхо повторило обрывки моих мыслей, так глухо и безжизненно он прозвучал.

— Даже имени? — усмехнулось эхо.

— Сергей...

— Я рад приветствовать тебя в своей обители, Сергей.

Передо мной появился обнаженный ребёнок не старше пяти лет. Светлые вьющиеся волосы, синие глаза. Мальчик сиял, и странный свет, исходящий от его кожи, не разгонял тьму, он словно был её продолжением. Ребёнок печально улыбнулся и наклонил голову в знак приветствия. А потом заговорил. Не размыкая губ, и голос звучал отовсюду, будто его породила сама тьма.

— Я не могу назвать тебе своего имени... — его просто нет. В разные времена разные народы меня называли многими именами, но разве дитя может дать имя своему отцу? Только ласковое прозвище... Ты можешь называть так, как меня зовут мои старшие дети — Единый. Ты уже встречался с ними, они также именуют себя творцами и даже верят, что это соответствует действительности. Тебе не придётся меня будить, мальчик Сергей.

— Я не верю, что ты — бог... — он не мог быть таким обычным и близким.

Нет.

— Не верь... не бог — Единый создатель...

Стушающаяся тьма, переплетаясь с нитями света, играла, наползала, мешала, путая верх и низ, ожидание и веру. И лицо создателя плыло, перетекало, изменялось. Миг — вместо ребёнка старец в белых одеяниях.

— Тебе не по нраву мой облик? Но как, по-твоему, должен выглядеть Единый творец?

Миг — черноволосая женщина со странным медальоном на шее. Ещё миг — юноша с белоснежными крыльями и ярким нимбом, плачущий младенец, худенькая девочка с испуганными глазами прижимает к груди потрепанную школьную тетрадь, огромный черный пес, мужчина в тяжелых доспехах опирается на двуручный меч, большая птица бьётся в путях тьмы, невидимый ветер треплет тонкие ивовые листики огромного дерева. Лица сменялись, перемешиваясь, образы наползали друг на друга, стекая к ногам светом и превращаясь в чернильные нити тьмы.

— Может быть так? — кокон образов распался, оставляя передо мной Ирэн, — или же так? — лицо девушки медленно истаяло, упав к босым ногам обрывками кожи. Теперь на меня смотрел Далик. Предатель усмехнулся, отвесив шутовской поклон, но, когда он выпрямился, мой взгляд столкнулся с Бездной собственных глаз. Сейчас я казался себе каким-то диковинный уродцем. То же, что и было, но только со стороны — отвратительное зрелище. Короткий вздох и образ распался, оставляя меня одного во тьме.

— Я Един, но во всех, в каждом... Капля крови, слеза, морская волна, колос на поле пшеницы, ветка клена в саду, только народившийся ребёнок, умирающая старуха — они это я. У меня нет ни облика, ни голоса — но я могу выбрать любое из своих творений.

Миг и передо мной снова появился синеглазый мальчик.

— Ты можешь не верить мне, не надо. Это просто небольшой разговор.

— Единый... — я попробовал на вкус имя создателя. Только почему молчит Бездна, неужели ей не интересен её главный оппонент?

— Её нет здесь. Только твоё сознание. Это продлится доли мгновения, после чего ты вернёшься в себя. И ничего ей не скажешь. Не сможешь даже подумать о нашей встрече и этом разговоре...

— Тоже хочешь вмешаться в игру? Именно в тот момент, когда Бездна решила, что выиграла, получив на руки все козыри. Скажешь, что не позволишь разрушить твоё любимое творение? — я не мог обращаться к нему на вы, словно внутри меня был заложен какой-то странный запрет — часть моего естества, что не была доступна даже Бездне.

— О, нет... — он даже поднял руки в жесте примирения, — меня совершенно не интересуют ваши игры и все равно, кто выиграет эту партию: ты, моя дочь или Бездна, а может быть тот, кто изначально затеял все это и создал тебя... Разрушай, если сможешь, пожалуйста, я не стану ограничивать тебя. Ведь ты для этого и предназначен. Мне просто интересно. Спрашивай. Я отвечу на твои вопросы.

— Но создатель ты... Как им может быть кто-то другой? Тогда откуда я? Результат череды случайностей?

— Да. Создатель, но я вдохнул дар творения во множество своих поделок. Мои старшие дети думают, что я сплю, что меня давно нет с ними. И они правы. Я есть здесь... — часть меня, но истинный разум затерялся в одном из миров в теле смертного, который раз от раза перерождается, и этот круг не разомкнуть никому. Ни тебе, мальчик Сергей, ни Бездне, ни кому-либо другому. Разрушить множественную вселенную? Она слишком велика — пустоты не хватит на все реальности, Время успеет сохранить хоть одну вероятность. Убить поколение? На их место придут новые... Этот сон будет вечным — один маленький просчет

из множества похожих глупостей. Только совершив ошибку, можно узнать её цену. А я наблюдаю, но не могу уследить за всеми. Ведь дети рождаются без моего вмешательства... — не нужно участвовать в творении каждого существа: запустив процесс единожды, жизнь сама продолжает крутить это колесо. Строгая цепь случайностей — это осознанное вмешательство в структуру множественной вселенной. Тебя создал кто-то, такой же несовершенный, как и ты сам. Одно несовершенство порождает другое, происходят сбои и ошибки, маленькие недочеты, из-за которых на свет появляются уроды и твари. Иногда очень забавные. Ты, Сергей, самая забавная тварь из тех, что мне довелось видеть за несколько тысячелетий. Когда-то я мечтал создать абсолютное оружие с заключенной в нем пустотой и в тебе вижу реализацию подобия этих планов. Но даже не подозревал, что кто-то ещё сможет вообразить такое.

Несколько вдохов я пытался построить в уме свои вопросы, но их было слишком много. Проще было сказать, что это все — больше спрашивать нечего, пусть разговор закончится и как можно скорее, но, уцепившись за последнюю мысль, я сказал совсем другое.

— Ты хотел создать оружие, чтобы уничтожить своё творение?

— Только подстраховаться... — улыбка Единого стала лукавой, — сейчас ты задашь вопрос, который повторяют тысячи людей во многих мирах. Ну же...

— Почему ты не прервёшь агонию своего творения, если любишь его? Оно прогнило насквозь... неужели это твой замысел — обречь на страдания миллиарды жизней?

— Самое тёмное время суток перед рассветом. Это катарсис... — чтобы очиститься, они должны пройти через боль. Уже сейчас в твоём мире рождаются удивительные дети, которые умеют видеть суть через грязь и гниль, в их душах горит совсем другой огонь... — они предвестники новой эпохи, чуть-чуть обманувшиеся временем. Общество не принимает этих детей, топчет, пытаясь вогнать в привычные рамки, но это уже не остановить. Люди устают от грехов, перенасыщаются ими. Согласись, осознанный отказ лучше слепого запрета. Да... то, что для меня одно мгновение, там обернётся ещё не одним столетием хаоса и боли, но что значит несколько веков для череды тысячелетий? Осталось только пройти по тонкой грани...

— Но так легко сорваться — достаточно одного неверного шага и все падет в Бездну.

— Я знаю. Хватит и неверного вдоха, чтобы не суметь пройти через игольное ушко. И тогда я создам тварь, подобную тебе, мальчик Сергей. Кто это будет? Случайный подросток, может быть, ребёнок... наивный и невинный. В погоне за своим местом он потеряет все, чтобы, падая на дно, утянуть за собой вселенную. Но ты этого не увидишь. Ты ошибка. Может быть, ошибка удачная — не я создал тебя, не для своих целей и не мне судить твою пригодность. Я только изучаю, смотрю. Мне интересна эта игра, которую вы затеяли. Настоящий карнавал лжи, где все, спрятавшись за страшными масками, обманывают друг друга, судьбу и себя. Жаль только, что разорвать этот круг можно лишь одним способом.

— Её затеяла творец — одна их тех существ, которых ты наделил всесилием. Жестокая, странная. Зачем ты создал себе таких наместников? Ей неважна твоя цель... Им все равно — они играют, ломают чужие жизни, переворачивают миры. Почему ты позволяешь им это?

Единый вздохнул.

— Они всего лишь дети... да, жестокие, бессердечные, но дети... Глупые маленькие дети. Один раз я уже наказал их, больше не смогу. Мне больно смотреть на то, что я сделал с ними. Пусть... Когда-нибудь они научатся ценить чужие жизни и поймут ценность собственных. Они смогут, сделают, вырастут. Необходимо просто подождать. Немного

потерпеть. А пока детям нужны игрушки. Прости, мальчик Сергей, но я слишком люблю их. Так проще...

Только две ассоциации — горечь, тоска... словно мне сказали, что я опоздал на последнюю электричку до дома, а следующая не придёт никогда. Я всего лишь слуга Бездны и мне совсем не больно, но другие люди, у которых ещё есть души... оказывается, они виновны лишь в том, что родились позже старшего поколения. И жестокие творцы на правах любимых детей получили все — в том числе и право распоряжаться чужими судьбами.

— У меня больше нет вопросов.

Единый наклонил голову.

— Что ж, я ещё приду, когда останется несколько секунд, чтобы рассказать конец этой сказки. И, Сергей... Наверное, это странная просьба, но не осуждай меня — ведь это так полюдски выделять кого-то в обход остальных... не зря же говорят: по образу и подобию своему... Я всего лишь мечтал сделать, как лучше...

Из тьмы медленно проступил образ комнаты. Тихо шуршал дождь. В груди так привычно свернулась клубком Бездна. Прошла всего секунда... и уже на памяти лежит запрет.

Только окончательно промокнув под дождём, я закрыл окно, высушив себя и кровать. Теперь обращаться к пустоте было куда проще, боль притупилась. Сон быстро завладел моим разумом, оставив меня в пустоте без видений. Теперь они были не нужны. Только осколки мертвой памяти больно резали босые ступни.

А потом снова потянулось время.

Жизнь оставалась где-то там, внизу. А здесь, на крыше моего дома, она замирала, превращаясь в островок покоя. Что я делал? Наблюдал, разговаривал со своим надзирателем — чаще рассказывал про своё прошлое, а он слушал. Продолжал выполнять задание Алевтины, убивая людей до того, как они успевали что-либо говорить. Изредка я вмешивался в события своего мира. Нет, не потому, что понимал — если не вмешаюсь, стану кем-то хуже той твари, которую я вижу в глубинах зеркал. Нет, просто Бездна заставляла тренироваться меня, маскируя пустоту под обычную силу. В такие дни тварь отступала, освобождая место для нового меня: пережившего слишком многое для человека, который делал первые робкие шаги в другую жизнь. За этой маской скрывалась все та же бездушная тварь, терпеливо дожидаящаяся в засаде своей жертвы.

Бездна продолжала вести свою партию, все сильнее запутывая клубок нитей чужих жизней. Да, она забрала у меня те странные изломанные чувства, но ей очень хотелось посмотреть на реакцию надзирателя. Поэтому пустота создала иллюзии, которые мне не давали ничего, но со стороны выглядели так, словно ко мне медленно возвращались ощущения. И первым шагом Девеан начал учить меня контролировать их. Но тяжелый взгляд снова выдавал его. Недаром говорят: глаза — зеркало души, в них можно прочесть все: тайны, страхи, намеренья. И сейчас надзиратель готовился к какому-то важному шагу, который не хотел делать, но был вынужден подчиниться.

Но сначала Девеан ввёл для меня трехчасовые тренировки. Нет, это вовсе не было медитацией или погружением в себя — как раз наши разговоры и стали тренировками. Надзиратель просил рассказывать о самых унижительных и горьких моментах моей прошлой жизни. Приходилось заставлять себя играть, что я еле-еле удерживаюсь от новых разрушений. Потом я понял, как медленно, с каждым новым рассказом мужчина возводит

между сознанием и ненастоящими чувствами тонкий непроницаемый барьер. Он все сильнее и сильнее укреплял его, выдавая за барьер контроля. Пока окончательно не отрезал иллюзию от сознания, сказав, что так будет лучше.

Я видел чувство вины, но так сказала Алевтина. И слуга Пресветлой матери не посмел послушаться. Может быть, кто-то и считал меня надеждой Алив, но видимо сама она не собиралась отпускать поводок ни на сантиметр. Только творец не знала о том, что уже проиграла эту партию.

Помогал, как мог, семье. И на работе, и в учебе, и просто в жизни. Всем известно, что счастливый человек может взлететь, даже несмотря на десять килограммов продуктов, которые он тащит из магазина. Сидя на кухне за столом, пытался вспомнить: почему же семья это так важно, что, несмотря ни на что, заставляю себя что-то делать для этих людей. Я даже книгу всё-таки написал... точнее, не так. Сам я напечатал только первые пять глав, потом понял: так не справлюсь и за год. Каждый абзац мне приходилось выдерживать схватку с самим собой, перебарывая что-то внутри, переступая через высокие пороги пустоты. Как оказалось, что, когда знаешь развитие сюжета до самого конца, писать становится неинтересно. Поэтому я просто переместил из памяти свою историю на флеш-карту. Изменил имена и... конец. Зачем портить красивую сказку болью? Только вот финал всё никак не придумывался, последняя фраза «И все было хорошо» так и висела посреди пустого листа, между последней схваткой и словом «конец». Но теперь история казалась лживой и уродливой, словно, убрав то, что было, я превратил историю не в сказку, а в фарс. Несколько дней я смотрел на ровные строчки четырнадцатого шрифта — моя жизнь уместилась в двести тридцать страниц. «Все было хорошо»... нет, так нельзя. Я стёр глупую строчку и вернул на белоснежные листы и настоящие имена, и предательство, и боль, и казнь. После чего отдал рукопись брату.

Леша уже давно голодным волком бродил вокруг компьютера, бормоча, что не дело это — добру пропадать, точнее, лежать в папке. Так что я передал свою прошлую жизнь в руки родного человека и разрешил делать с ней всё что угодно. Алеша несколько дней явно сомневался в том, правильно ли он собирается поступить. Потом, уточнив, что всё равно я скоро уйду в другой мир и не буду наблюдать за его делами, организовал бурную деятельность.

Так пролетела осень.

В воздухе танцевали вальс огромные пушистые снежинки. И всё, от тёмных крыш и нахохлившихся прохожих до веток деревьев, покрываясь снегом, становилось похожим на декорации к сказке. Мороз давно разрисовал узором из искрящихся ломких линий окна домов, фигуры людей, которые готовились к празднику, причудливо расплываясь за стёклами, а яркие огни с ёлок, казалось, могли заполнить цветным светом всю улицу. В комнате было тепло и уютно, тихо потрескивал совсем не дымящий камин, который я создал с приходом первых холодов. Я настолько привык к завораживающему танцу пламени, у которого мы с Ирэн коротали деревенские вечера, что только ждал повода изменить обстановку своего жилища. Леша был в восторге — говорил, что у камина ему проще готовиться к зачётам и экзаменам. Знания словно сами по себе отпечатывались в памяти. Родители же новой детали комнаты просто не видели.

По разлапистым обоям прыгали причудливые тени от языков пламени. Хотелось укутаться по самый нос в пуховое одеяло и всю ночь смотреть на причудливый танец пламени, так непохожий, и в тоже время чем-то напоминающий неспешную круговерть

снежинок, в которой мне все слышались тихие слова:

Кто ты? Странная игрушка

У капризной госпожи.

Или дикая зверушка...

Кто ты? Кто ты же? Скажи?

За окном продолжался снегопад. В лучах фонарей вспыхивали яркими искрами пушистые комочки снега. Можно сравнить с людскими судьбами. Мы также торжественно спускаемся с небес только для того, чтобы растаять в грязи. Кто-то — самый удачливый — падает не на землю, а на крыши домов и одежду прохожих, продлевая себе жизнь на несколько слепящих мгновений, а кто-то тает ещё в полёте, не тронутый грязью или чьей-то рукой. Миллиарды белоснежных душ. Где-то в этой круговерти танцует и моя душа, верившая в чудеса и добро, до последнего мгновения чего-то ждущая, вырвавшаяся из плена Бездны, чтобы чистой искрой рвануть к стальному небу в дождь, который оплакивал мою жизнь. Помню, что как-то сам мечтал стать дождём, или ветром. Чтобы без магических импульсов посмотреть на эту землю с высоты птичьего полёта. Чтобы научиться прощать, стирая грязь и ненависть — просто стать беззаботным. Красивая мечта, достойная какого-нибудь романтика. Достойная стать песней, такой же грустной, как и падающий в грязь снег. С тихими гитарными переборами и напевной мелодией. И не простыми рифмами с четким ритмом, а смыслом, где слова льются сами, и также быстро забываются, становясь слезами...

Кто ты? Сломанная кукла,

Без мечты и без души

Мальчик мой, как это глупо

К смерти и к творцам в пажи.

Вдоволь насладившись дурманящей картиной ночи и плотнее закутавшись в одеяло, я снова погрузился в сон. Пустота молчала.

Где, ответь, твоя улыбка? -

Отгорела, как свеча.

И вокруг среди мари зыбкой

Нет родимого плеча.

Как-то тихо и незаметно наступила весна, время мчалось на ветреных конях, обгоняя само себя. Я смог выдержать этот год. Просуществовать ровно столько, чтобы обрести хоть смысл существования — подобие жизни. Слово месть так пошло и некрасиво. На вкус просто отвратительно, и сразу представляется темный переулочек и удар в спину дешевым перочинным ножиком. Нет... это не для меня. Но вот слово отмщение... оно куда приятнее.

Не находите?

Она, привстав на цыпочки, взгляделась в компанию странно одетых подростков. Они шумели, перекрикивая друг друга и, кажется, каждой клеточкой наслаждались изумительным летним днём. Если бы не серьёзность всего происходящего, девушка с удовольствием сама бы присоединилась к компании или устроилась в тени одного из этих странных деревьев. Нежный ветер перебросил выбившиеся из причёски пряди ей на лоб, и она, улыбнувшись, повернулась, подставив лицо его прикосновениям.

Изумительный мир. Такой живой, яркий, многогранный. Наверняка эта многогранность и необычность передалась их спасителю. В таком мире просто не мог появиться кто-то другой... Но где же он? Как девушке не терпелось заглянуть в глаза их надежды. Какие они? Теплые-теплые и родные? Лукавые, словно он хранит какую-то очень важную тайну и вот-вот собирается ею поделиться? Или же её встретит пронизательный взгляд, словно он знает Ларин целую вечность? Как выглядит их спаситель и... друг? Да! Она делает всё возможное, чтобы стать ему самым верным другом, чтобы оказаться достойной его дружбы...

Ларин растерянно оглянулась, испугавшись своей мысли, что князь Шарисс мог ошибиться и сегодня спаситель не появится в этом парке. Потом она посмотрела в сторону, где стояли Далик и Ирэн. Её возлюбленный прикусывал губу, лоб расклевала неприятная морщинка, ожидание угнетало и его. Вот он поднял глаза на девушку и вымученно улыбнулся. Ларин покачала головой. Они очень переживали, именно им выпала эта честь и они должны были любой ценой выполнить свой долг. Неудивительно, что Далик боялся оказаться хуже... недостойнее их надежды. А вот рыжая Ирэн светилась счастьем: на неё указала одна из жриц госпожи пряжи, а служительницы судьбы ещё никогда не ошибались. Девочка помахала рукой подруге и снова принялась вертеть головой по сторонам.

Ларин же снова вернулась к наблюдению и видимо именно из-за своего волнения пропустила появление спасителя. Не нужно было думать или гадать — только он. Почему? Ларин не могла ответить на этот вопрос. Его нельзя было назвать красивым, даже наоборот: худенький, низкий мальчик — ровесник Ирэн. Он был одет во все ослепительно-белое, словно небесный хранитель спустился в этот цветущий парк, медленно шагая по одной из аллей. Странные серо-серые волосы, пожалуй, слишком длинные, заплетены в тугую косу. Спокойно-отрешённое лицо. Впечатление портило и то, что спаситель слегка хромал, опираясь на резную трость. А за спиной этого странного существа возвышался мрачный мужчина с отвратительно-скучным выражением лица. Но на спутника спасителя Ларин потратила лишь один взгляд, снова вернувшись к созерцанию их надежды.

Он сразу же направился к ней, словно давно знал об их приходе и о своей миссии. Не мог не знать. А потом у девушки чуть не остановилось сердце — ведь из серых глаз на Ларин взглянула сама Бездна: разум расчетливого и жестокого Зверя. Уж не ошиблись ли они? Но тут тонкие губы тронула легкая усмешка и, не встречая сопротивления, юноша взял посланницу за руку, коснувшись мимолётным поцелуем её запястья.

— Леди Ларин Лирье, извините, что заставил вас ждать. Можете позвать своих спутников. Не пристало наследнику высокого рода и его сестре томиться в ожидании.

И голос у него был глубоким и приятным, именно таким, какой и должен был быть у спасителя, только вот странно... показалось, что в парке похолодало, и ветер стал грубым и резким. Или это просто ледяные ноты в голосе надежды? Не задумываясь, Ларин выполнила просьбу странного мальчика.

— Что ж, все собрались, чему я рад. Вам представляться нет нужды, моё же имя — Сергей. Этот господин за спиной Девеан, мой... друг, — тут сквозь мертвую усмешку, снова взглянула Бездна. Ларин почувствовала, как рядом вздрогнул Далик, отводя взгляд.

— Итак, я предлагаю нам прогуляться по одной из этих восхитительных аллей и поговорить о проблемах и путях их решения... Прошу, господа и дамы.

Когда-то:

— Будет шторм...

Проигнорировав кровать, я сидел прямо на полу. С этого места лучше видно проглядывающее в крошечное окошко тёмно-синее небо с яркими большими звёздами. Моя последняя ночь. Как же я был рад, что она выдалась такой красивой! Мягкой, не по-осеннему теплой, с таким небом.

Сегодня моё сознание было слишком ясным. Туман безумия, который последние месяцы меня не отпускал ни на минуту, рассеялся, позволяя насладиться оставшимися на жизнь часами.

Вчера мне зачитали приговор. Как странно, ещё недавно мне казалось, что сердце выскочит, пробив грудную клетку, насколько быстрым стал его ритм. А теперь пришло спокойствие, и было изумительно хорошо. Даже слишком. Интересно, это страшно быть отданным Бездне? Наверное, должно... — все бояться, но я больше не могу. Недолго мне пришлось жить вдовцом. А завтра снова увижусь с моей милой Ирэн и Эллин.

— Ты же её разлюбил? Вспомни, как в последнюю встречу накричал на бедную женщину... Сколько всего нехорошего наговорил, — ухмыльнулся Эрик, потом вздохнул и снова повторил:

— Будет шторм.

Он сидел рядом со мной на каменном полу и также пристально вглядывался в небо, словно надеясь отыскать там какой-то только ему ведомый знак.

— Нет, я разлюбил именно эту женщину, а не мою Ирэн, — покачал головой, улыбнувшись Эрику. — А там, на небе будет именно она, моя любимая... и дочка. И никакого предательства. А что шторм? Казнь начнётся с рассветом, так что я ещё успею посмотреть на спокойное море.

— То есть ты не хочешь отомстить убийце? — он повернул ко мне голову и тоже улыбнулся.

— Хочу, но вряд ли получится. Мы потом с Даликом поговорим, когда встретимся в чертогах тихой госпожи. Знаешь, Эрик, а ведь ты проиграл. Помнишь слова, что ты отпустишь меня только тогда, когда насладишься агонией? — теперь я рассмеялся. — Тебе не удастся меня удержать! Завтра я стану по настоящему свободным! Слышишь?! Свободным!

— Конечно, именно там. А ты в этом уверен? Что именно Далик — убийца? — он легко поднялся на ноги и подошел к двери, прислушиваясь. — Кстати, за тобой уже идут.

— Что ты имеешь в виду?! Как это?! А кто ещё? — я тоже вскочил на ноги, желая ударить наглеца.

— А так... Ведь его не было в том отряде. Да, он отдал приказ сжечь деревню, да, его солдаты убивали людей, но вдруг это не они разучили тебя с дочерью? Хочешь, я скажу тебе имя настоящего убийцы? Ну же... будет интересно услышать это.

— Говори, — властно приказал я, с волнением чувствуя, как время утекает, словно вода из трещины на боку графина. И никак нельзя её удержать даже на несколько мгновений.

— А как же "пожалуйста"?

— Эрик, пожалуйста, только быстрее.

— Ну что ж, твою дочь убил...

— Эй, с кем этот ты разговариваешь, парень?! — дверь противно закрипела, и на секунду я потерял мастера из вида, оглянувшись на надсмотрщиков. Когда снова повернулся, моего кошмара уже не было.

— Оставь, его, — Микель бросил сочувствующий взгляд, как бросают тощему псу обглоданную кость. — Видишь же, он уже давно не с нами.

— Только что слюни не пускает! — загоготал плотный краснолицый мужчина. — Пошли, падаль, Бездна уже заждалась! И не смотри своими глазенками, нас этим не напугаешь!

Я позволил надеть на себя цепи и, хромая, медленно вышел из камеры вслед за Микелем.

Отделившаяся от стены тень приобрела очертания молодого красивого мужчины с синими глазами и змеиной усмешкой на тонкой линии губ.

— Ошибаешься, Сергей, я вовсе не собираюсь тебя отпускать. Свобода подождет.

От него осталась

жажда быть собой,

медленная старость,

замкнутая боль.

Неживая сила.

Блики на воде...

А еще — могила.

(Он не знает, где).

Роберт Рождественский

Сейчас:

— Шарисс? — мужчина повертел в руках пустой бокал и, посмотрев на изящный столик, который был заставлен хрустальными графинами, налил чуть-чуть из крайнего. Изучил густую жидкость черного цвета, и, наконец, отпил. Прикрыл глаза, наслаждаясь дивным вкусом, и сообщил:

— Вот нечего вам, старшим лордам, больше делать, как издеваться над благородными напитками! У нас, людей, как? Белое — красное, молодое — выдержанное. Ну, из разных ягод-плодов делаем, травы используем... Но вот это что? Явно магией несёт — только организм травить! Но вкусно...

Мужчина звучно захохотал — уж действительно Адриан был последним человеком, который бы стал заботиться о своём здоровье. Пускай лекари над ним трясутся, стыдно мужчине, подобно девице, о себе переживать. Однако его речь и смех были оставлены без должного внимания. Несколько минут, пока он допивал вино, не стесняясь наполнить бокал до краёв, в небольшой комнате царила тишина. Наконец король всех людей снова не выдержал.

— Да сколько же можно? Уснул, что ли?

Ответом ему стал тихий вздох. Сидящий в соседнем кресле князь вздрогнул и схватился руками за голову. Тонкие пальцы помассировали виски и привычно коснулись черной повязки, которая закрывала его глаза. Потом Шарисс осторожно повернулся на голос Адриана, чуть-чуть ошибся, остановившись слепым взглядом на уровне двери.

— Ты знаешь, что нужно время... иногда меня поражает смертное нетерпение. Ты не мог бы налить вина и мне? Не хочется звать слуг, — губы седого, как лунь, молодого

мужчины тронула рассеянная улыбка, — нужно придти в себя, а потом расскажу, что видел.

Адриан пожал плечами, наполнив второй бокал всё тем же черным вином, и бережно вложил тонкую ножку в протянутую руку князя. Тот поднёс его к губам и сделал крошечный глоток. Красивое лицо расслабилось, недавняя боль медленно стиралась, оставляя после себя серебристое свечение — магия всегда окружала Шарисса легким облаком света, чтобы никто не мог усомниться, что перед ним Видящий.

Они рождались крайне редко. Седому младенцу сразу же прочно закрывали глаза черной лентой, чтобы он ни на секунду не успел увидеть окружающий мир. Иначе дар мог обратиться в проклятье — тогда новорожденного убивали, проводя круг ритуалов во имя слепой пряхи. Как только появлялся новый Видящий, старый князь спускался в чертоги госпожи Судьбы. Ни любви, ни родной крови, ни надежды оставить детей. Только боль — плата за взгляд: возможность пользоваться слепыми глазами пряхи, чтобы видеть тонкие нити чужих судеб. Только одиночество, а ещё фанатичное поклонение.

Шарисс наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то, но нет, всё, что госпожа хотела, уже показала своему сыну. Он отпил ещё чуть-чуть и попытался поставить бокал на столик. Адриан в последний момент успел перехватить тонкую руку, чтобы напиток не расплескался по белоснежному длинноворсному ковру.

— Извини, кажется, я никогда к этому не привыкну, — и снова рассеянная улыбка, так не подходящая древнему существу.

Король всех людей молчал, понимая, что князю нужно сосредоточиться, чтобы объяснить то, что он увидел. Но в тот раз молчание не затянулось.

— Знаешь, мой друг... это так странно — увидеть свою смерть.

— Что? Но это невозможно — Видящий зрит все, кроме своей смерти.

— Да, ты, конечно же, знаешь о возможностях Видящих куда больше меня, — ирония была тёплой, — Но ты прав, не могу. Только вот то, что я видел — абсолютный конец, и глупо думать, что я смогу это пережить, — князь покачал головой.

— Мастер?

— О, нет! — смех, — Эрик бесспорно опасен, иначе мы бы не послали за мальчиком, но в тоже время он, даже если продаст свою душу безумной госпоже, не будет способен на такое. Не знаю, как тебе это описать. Я видел Бездну... обладающую холодным расчетливым разумом Зверя, — он странно улыбнулся, — и сохрани нас тихая госпожа...

Когда-то:

...Девять шагов на шесть. Маленькое зарешеченное окошко под самым потолком и ведро для нужд в углу. Таков каждый мой день, моя жизнь.

Девять шагов — не много, не мало. Моя камера... девять на шесть шагов. Но я не мечусь по ней. Нет сил, нет желания. Я сижу в углу, обхватив руками голову, сдавливая пальцами виски, пытаюсь прогнать оттуда голоса... вкрадчивый шепот, истеричные крики, мольбы, угрозы. Голоса перебивают друг друга, перемешиваются, наслаиваются, и дурнота подкатывает к горлу плотным комком, перекрывая доступ в легкие затхлому воздуху.

Холодно.

Они умирают снова и снова в моей памяти.

Внутри головы пусто, только большой экран, на котором кто-то раз за разом прокручивает черно-белый фильм, до краев наполненный моими кошмарами. Тихо шуршит

и потрескивает старая пленка, то и дело пробегают по выцветшей действительности темные полосы, зигзаги. Я, не отрываясь, смотрю в их глаза и спокойные, застывшие восковыми масками лица. Их нет... никого. Уже давно тела съели черви, и жизнь сменила боль... для других, не для меня.

Мой ад, моя пытка раз за разом видеть их смерть, слышать крики. Смотреть, как в замедленной съемке они оставляют меня. Тихо шуршит пленка, отматываясь назад, заставляя снова и снова вспоминать, умирать вместе с ними. Кричать. День ото дня, ночь от ночи. Другие воспоминания блекнут, оставляют меня. Одного со своими страхами и кошмарами. Так же, как оставили другие. Это не сумасшествие... Я уже забыл как это — улыбаться. Скулы сводит судорогой, еще одна попытка — нет, бесполезно.

Больно. Боль не оставляет меня ни на секунду: выедавая душу, плавя кости, заставляя сплевывать на обрывки одежды крупные сгустки крови. Сворачиваюсь на холодном полу в позе эмбриона, подтягивая колени к животу.

Мама, мамочка, как же мне больно... Где же ты? Помоги, пожалуйста, спаси меня. Я не знаю, что сделал, чем провинился перед тобою, что ты не приходишь, но прошу — не сердись на меня, прости. Просто вернись. Я так хочу услышать твой голос. Мне так плохо, так не хватает тепла. Забери меня отсюда. Забери. Я обещаю больше никогда не уходить из дома, я обещаю... мама. Пожалуйста...

Мама, почему мне так больно?

Я слышу у входа в камеру сиплое дыхание стражей и затыкаю уши, когда крики становятся совсем невыносимыми, но это не помогает... они внутри черепа, внутри моего мозга... Хочется высверлить их оттуда, вытянуть, выбить, стереть. Забыть спокойные лица с печатью смерти. Не знаю, как передать мой кошмар, ставший явью — здесь не помогут ни слова, ни сравнения. Как объяснить, что мои руки в грубой сетке неровных шрамов? Что это я сам раздираю себя до крови, чтобы заглушить одну боль другой? И все чаще и чаще думаю о том, что можно удариться виском об острый выступ в каменной стене, заставив голоса заткнуться раз и навсегда.

Эта позорная мысль становится все более навязчивой с каждым днем.

А еще ко мне приходят они. С бледных костей свешиваются куски плоти, обрывки одежды тащатся по полу, а глаза давно вытекли. Они обвиняют меня в своей смерти. Говорят, что это мое наказание. Что так надо. Что я не достоин ничего другого. Они говорят что-то еще, и я практически слышу вкрадчивый смех за спиной.

Девять шагов на шесть — грани моего бреда...

Сильнее и сильнее надавливаю пальцами на виски и зажмуриваюсь. Нет, нет! Нет... Это не правда! Я не виноват... не виновен. Я сделал все, что смог... я не хотел их смерти...

Я не хотел...

Господи, я не хотел!

Но им все равно. Они смеются, и синие губы расползаются в гримасах улыбок — они счастливы, что я здесь, что боль мучает меня.

А еще мне снятся дети. В лабиринтах своих кошмаров я слышу детские голоса, звонкий смех. Зыбкие тени скользят за порогом реальности, они играют со мной в прятки. Дети же любят играть? Я пытаюсь их отыскать, зову. Бегу. А стены давят, сужаясь плотным кольцом безликой серой массы, и в переливах звонких колокольчиков я все чаще слышу торжество.

Они тоже счастливы, что я здесь.

В одном из снов я увидел маленькую девочку, она стояла спиной ко мне, и рыжие кудри

красным золотом стекали по плечикам. Казалось, она не двигалась, но я никак не мог ее догнать. В конце сна, сделав последнее усилие, я прикоснулся к ней, заставляя повернуться. У девочки не было лица — рыжие пряди обрамляли пустоту. Кажется, именно тогда я понял, что означает слово ужас...

Мне плохо...

Как же мне плохо. Но они не разрешают кончать жизнь самоубийством. Говорят, я заслужил эту боль. И лишь раз в полгода, но ее улыбка возвращает мне надежду. Это слово — оно что-то означает? Не помню... Но ничего, она придёт, и эти голоса ненадолго оставят меня.

Господи, сколько я здесь? Когда же ты заберешь меня к себе... когда же ты отпустишь мою душу на свободу.

Девять на шесть шагов: не много — не мало. Но я не мечусь по своей клетке. У меня просто не хватает сил...

Сейчас:

— Ты уверен, что на меня эта гадость не подействует? — Леша с сомнением посмотрел на крошечный пузырёк из тёмного стекла.

— Уверен. Или ты думаешь, я стану разбрасываться словами? Просто добавь им «эту гадость» в чай, дальше пойдёт цепная реакция — все, кто будут с ними встречаться, станут забывать меня. Исчезнут все документы, фотографии, напоминания. Всё. Это лучший выход. У меня слишком много неоконченных дел, чтобы возвращаться сюда.

— Ты обещал провести как-нибудь к себе, — протянул брат, все ещё сомневаясь, а не проще ли после моего ухода разбить это чертово зелье как можно дальше от дома.

— Проведу, только обустроюсь. Пришлю за тобой Девеана, — я усмехнулся, наблюдая, как скривился мой надзиратель.

— Только сделай это раньше, чем превратишь там все в руины и пепел, — брат сунул флакончик в карман джинсов и посмотрел мне за спину, где на длинной лавочке сидели мои проводники. Сощурил глаза, — ты уверен, что не стоит сейчас...

Я рассмеялся.

— Лёша, ты неподражаем в своём милосердии. Вот сразу и все. Нет, конечно, я затягивать агонию не буду — чуть-чуть только поиграю в спасителя, а уже потом закончу, — скулы свело судорогой, но я удержал на лице спокойное выражение. Бездна знает, чего мне стоило удерживать тонкий контур вокруг пустоты, которая стремилась размыть барьеры Девеана. Да, они отрезали подставную иллюзию, но доставляли некоторый дискомфорт.

Бывают такие моменты, когда моё уродство приходится очень кстати.

Иногда мне даже нравится быть монстром.

— Я приглашу тебя до этого.

— Хорошо, ладно. Я добавлю им это в чай, — брат поджал губы, видимо борясь внутри себя между тем, что правильно и что приятно, — только ты это, всё-таки попытайся потом вернуться, да?

— Конечно, если выпадет шанс, я не буду колебаться ни секунды. Счастья тебе, Леша. Прощай.

...Я оглянулся. Проход медленно стирался за моей спиной, разрывая связь между двумя

мирами. Тонкая красная полоса несколько секунд, словно в раздумье, украшала ствол большого дерева, а потом исчезла. Жарко. Над головой Тол-тарисс: огромная белая звезда, подарившая жизнь эту миру. Её младшая сестра: Рилл-ано — пока лишь медленно поднималась из-за горизонта. На самом деле крошечное багровое солнце — очень далекий красный гигант.

И воздух: чистый, пьянящий. Сколько лет я провёл здесь, в этой реальности, ненавидя сами основы мироздания, но воздух всегда оставался для меня чудом. И сразу вспоминаю, как когда-то стоял здесь, вертя головой в разные стороны, и глубоко-глубоко дышал, наслаждаясь этим вкусом, так глубоко, что у меня закружилась голова, и появилось странное чувство опьянения.

Прищурившись, я долго смотрел на слепящий шар светила.

Прости, братишка, но я обманул тебя. Не позволю тебе увидеть того монстра, которым собираюсь стать. Нет никакого импульса — ты тоже забудешь всё: и меня, и ту странную сказку... Только книга, которую отдал тебе. Её я окружил пустотой, чтобы оставить хоть что-то. Скоро ты найдешь файл с текстом, решив, что сам сочинил эту историю. И может быть, ещё увидишь сны, где у тебя будет младший брат.

Не хочу, чтобы оставались пути к отступлению, слишком многое мне нужно сделать и понять. Когда есть куда вернуться, чувствуешь себя защищенным — а это слабость.

Девеан тенью замер за моей спиной, показывая выучку хорошего слуги. Надзиратель согласился на эту роль так быстро и легко, словно ему приказали согласиться. Немногословный защитник-слуга странного спасителя — и никаких лишних вопросов. Похоже, Пресветлая мать решила защитить свою игрушку всеми возможными способами. Свобода слишком растяжимое понятие, чтобы разбрасываться интересными диковинками.

Мои спутники переминались рядом. Ларин рассматривала свои ладони, не зная с чего начать разговор. Далик хмуро смотрел под ноги. Только Ирэн улыбалась открыто, так же как и в первый раз — тогда она долго отказывалась верить, что я обычный человек. Сейчас же у неё не было даже тени сомнения в моём неземном происхождении. Зачем мне понадобилась эта маска? Наверное, что-то из пережитков прошлого, когда мне действительно хотелось стать ради её взгляда божеством...

Разве что этот странный прищур, который слишком хорошо знаком мне... только декорации не подходят.

Ирэн... моя родная, светлая Ирэн. Ты ведь умерла. Давным-давно, ещё до того, как встретила в дворцовом парке своего брата. И сейчас на меня смотрит очень похожая на тебя девочка. У неё твоя улыбка, родинка над правой бровью и твои золотисто-рыжие кудри, но это не ты.

Или ты? Этот внимательный взгляд, который старательно прячется за искренним восхищением, эта улыбка. Кулон на длинной цепочке — капля янтаря. Ты осторожно касаешься безымянного пальца, кажется, сама не замечая этого. Да, правда. Не хватает того обручального кольца, что я когда-то давно подарил тебе.

Нет, наверное, я просто обманываю себя. Вижу то, что хочу видеть.

— Милорд Сергей, — первым заговорил Далик. Новые правила игры заставляли проводников пересматривать зазубренный сценарий, на ходу импровизируя, — наш отряд остановился в селении у леса в доме старосты. Там вы сможете немного привыкнуть к новому миру перед дорогой в старшее княжество. Нужно идти — тут совсем немного. Тёмный мастер знает о вашем приходе и постарается устранить угрозу. Быть может не сразу,

но рисковать не стоит.

Я улыбнулся краешком губ. Та же речь, только из уст его драгоценной невесты Ларин, звучала куда как убаюкивающе. Я помню и ответы, и объяснения, которые они приготовили для меня, но всё равно спрошу ещё раз:

— Почему же вы не открыли переход в другой более удобной точке? Неужели ваши маги не способны сами создавать порталы? И приходится рисковать людьми — не последними, чтобы князь подтвердил, что вы привели нужного человека...

— Князь — Видящий! — Ларин Лирье встряхнула тёмными волосами. — Он скажет что нужно делать!

— К сожалению, наши маги не могут создавать удобные для перемещения точки, милорд, — Далик толкнул девушку, напоминая, что она разговаривает со спасителем.

— Простите, спаситель.

— Ничего страшного, леди. Девеан, думаю, ты успеешь почувствовать опасность? — дождавшись кивка своего надзирателя я, поигрывая тростью, направился в сторону красных деревьев, меж стволов которых вилась тонкая тропка к большому селенью, где первый раз я встретил Эрика.

Оказалось, что это так просто — говорить с предателями и не обращать внимания на рыжую девочку. Теперь не нужно было прилагать особых усилий для поддержания барьера. Я смотрел в их глаза и не видел ничего, кроме надежды и интереса. Их отталкивало моё поведение и холод, они боялись Бездны, которая обитала в моих глазах, но... ни ненависти, ни зависти, ни лжи я не видел. Что же заставило сделать их тот шаг? — ведь сначала они действительно желали стать мне друзьями...

Не понимаю...

Когда-то:

У Мастера были удивительные руки. Наверное, именно поэтому ему удавалось сплести столь сложные импульсы, которые наделяли Эрика страшной силой. Каждое прикосновение — боль. Его палачам никогда не сравниться в умении пытать со своим господином. Он знает это, и приходит редко, чтобы я не успевал привыкнуть к этому.

Что он добивается? Сначала думал, моего перехода на сторону безумной госпожи... Потом, что каких-то сведений о старшем княжестве. Нет, ошибся. Эрику просто нравилось причинять мне боль.

А ещё заводить странные разговоры.

— Доброго дня, Сергей, как твоё самочувствие? — мой ровесник. В отличие от остальных людей, мастер единственный не скрывал свой истинный возраст — ему действительно семнадцать человеческих лет. В синих глазах искреннее сочувствие. А ещё только он называет меня настоящим, данным при рождении именем.

— Здравствуй, Эрик... Думаю, все видно, — кричал я только в первые дни. Дальше отказывался говорить с убийцей и монстром — мастером. Теперь понял, что ничего страшного не случится, если я заговорю с преемником безумной госпожи. Никакой трусости или предательства в этом не будет. И небо на землю не упадет, и реки не побегут вспять. Всего лишь нужно выиграть время, а там подспеют друзья. Спасут, излечат и тело, и душу. С ними я смогу забыть этот кошмар.

— Видно... я принёс тебе мазь. Масиб, как всегда, был крайне неаккуратен, — да, этот

двухметровый громила доводит меня до состояния отбивной.

Эрик прошёл сквозь решётку — не любит дверей. И камера у меня странная. Скорее комната: с низким столиком, узкой, но мягкой кроватью, и даже небольшим отгороженным закутком с вполне приличными удобствами. Только вот вместо двери решётка. Разве так должны держать в плену врагов? Хотя какой из меня враг, спаситель недоделанный. С какой стороны за меч надо браться буду думать пять минут. Впрочем, сомневаюсь, что смогу понять этого нечеловека. Не так я представлял себе ужас целого мира.

Эрик сел рядом со мной на кровать. Исполосованной плетью спины коснулась узкая ладонь. Мазь приятно пахла мятой и холодила воспалённую кожу.

— Я отпустил Мирту, к тому же, она почему-то очень не любит тебя. Говорит, чтобы я был с тобой осторожнее. Бойтся...

— Что я смогу тебя убить? Смешно...

— Действительно, смешно, — мастер смеётся.

Смех у него замечательный. Сдержанный, искренний, звонкий. Я так не умею. Да и из моих знакомых никто так не умеет. Далик смеется хрипло, грубо и очень коротко. Ларин чересчур громко, продолжает даже тогда, когда уже никому не смешно. У Ирэн тоненький надрывный смех и очень испуганный, словно она боится смеяться. Шарисс, кажется, вообще никогда в своей жизни не смеялся... — только умер со странной улыбкой на губах.

— Скажи, Сергей, что ты хочешь? Почему ты стал спасителем?

Несколько секунд я просто наслаждаюсь тем, что боль медленно отступает куда-то вглубь сознания. Раскачиваюсь на мягких волнах полузабытья. Он всегда лечит меня... Помню, после самой первой попытки, когда я не мог сдерживать слез и сдавленных криков от боли, он сидел со мной на полу комнаты, держал за руку и успокаивал. Даже принёс какой-то настой. Говорил, что всё будет замечательно, что меня обязательно спасут друзья, что все закончится хорошо.

А потом достал кинжал и пронзил мою ладонь насквозь...

— Знаешь, Эрик, я просто хотел сделать этот мир лучше, чтобы...

— Зачем? — вопрос мастера заставил меня замолчать, оставив маленькое «чтобы» повиснуть в воздухе.

— Как «зачем»? Ты ломаешь этот мир, приносишь в него боль и слёзы, страх. Это должно закончиться.

— Почему ты думаешь, что что-то новое будет лучше? Знаешь, что случится, если это произойдёт? Если ты убьёшь меня? Почему ты думаешь, что другие окажутся гуманнее, попади к ним в руки такая власть? Даже ты не сможешь удержаться от соблазнов, а чем остальные лучше. У тебя есть ещё какие-то доводы?

— При чем тут доводы? Ты — тёмный мастер. Не знаю, зачем тебе нужна власть над миром, зачем тебе вообще весь этот фарс: покушения, игры, но ты — зло. Без тебя этот мир вздохнёт спокойно. Конечно, люди продолжают умирать и ссориться, болеть, но перестанут бояться, что мастер отнимет у них самое дорогое. Только вот одного не понимаю — почему тебя до сих пор не развоплотили творцы. Почему они позволяют тебе это?

— Пока я не стремлюсь за границы этого мира — никому из них не мешаю. Меня не тронут. Они не вмешаются, даже если я решу уничтожить здесь всё. У них свои игры и заботы. Неужели ты до сих пор думаешь, что они справедливы и милосердны? О, нет! Впрочем, не буду рассказывать — это должен понять каждый сам и по-своему. К тому же всех этих борцов развелось слишком много: ничего страшного не случится, если кто-нибудь

проредит их ряды. Эта война только наше дело. Остальным нет никакой выгоды — вмешиваться в её ход. Иногда общий враг необходим, как воздух, чтобы эти светлые и добрые почитатели тихой девчонки не перегрызли друг другу глотки. Вы любите играть в дружбу, выбирать себе героя, который должен повести всех в бой. Только это весьма шаткая опора — сегодня ты любим и почитаем, а завтра — предадут, и лучший друг первым бросит в тебя камень. Вы любите такую бесполезную вещь — благородство: «Я пойду и приму смерть первым!», «О, нет, что вы, это я первым умру», «Уступите эту честь мне!» — спародировал Эрик диалог издевательским тоном. После чего продолжил:

— А мы смеемся, делая ставки, на какой взаимной уступке начнётся драка. Вы специально придумали все эти титулы, вроде «спасителя». Если просто выбрать из общего стада самого умного, смелого и сильного, так сразу найдётся тот, кто возмутится: «Почему это он умнее и лучше меня? Я тоже хочу быть героем!» И вместо того, чтобы истребить зло, вы начнёте воевать между собой. Нам — представителям якобы тёмной стороны — только и останется прибрать трупы да сесть на трон. Но вот если ткнуть в кого-нибудь пальцем и сказать, что он выбран слепой паучихой, то все будут тихо молчать — завидовать, но молчать, следуя за несчастным, который оказался не в то время, не в том месте. Не то, что мы, как ты сказал — зло. Посмотри, Сергей, как у нас всё просто и красиво. Разве меня кто-то избрал? Или я подошёл под какое-то пророчество? Считаешь, безумная госпожа отметила меня одного? Были и другие претенденты. И я сам завоевал право... сила, хитрость, иногда подлость. Ты думаешь, все мои слуги считают, что я достоин быть тёмным мастером? Половина ненавидит меня и мечтает прирезать, чтобы занять это место. Но как все притворяются! Строгая иерархия, пусть жестокая, намного лучше лицемерия и лизоблюдства, которые развели у себя люди и старшие, прикрыв это мифической честью и прогнившим благородством. Подобный мне мастер необходим здесь, как воздух. Даже сейчас, живя в постоянном страхе, твои беленькие друзья грызутся за право занять более мягкое и удобное место. И они, там наверху, прекрасно осознают, что без света не будет тени, без жестокости и насилия — слова «милосердие», «доброта» потеряют свой вкус. Да — как можно сильнее ослабить противника, да — нанести серьёзный удар, но ни в коем случае не добивать. Даже в самой тёмной комнате должен быть хоть слабый лучик света...

— Я слышал все это много раз ещё у себя в мире. Ты действительно веришь, что необходим этому миру? Ошибаешься, мы не перегрызем друг другу глотки. Это просто тебе нужно оправдание для своего существования. Неужели ты не смог придумать ничего умнее? Я знаю, что нельзя всех сделать счастливыми и свободными, что всё равно останутся недовольные, но не могу понимать и любить всех. Я эгоист. И для меня ты — зло, как в книжках — тёмная сторона. И для многих лучше что-то новое, пусть и не идеальное, чем старое и бесперспективное.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Эрик несколько минут сидел, молча, явно что-то обдумывая, продолжая втирать целебную мазь в израненную спину. Знаю, что эти составы он готовит сам. Из него мог бы получиться замечательный лекарь, только вот не сложилось. Я почувствовал, как он провёл пальцем по одной из полос, которые оставила плеть. Больно, но лучше промолчать. Мастер медленно начал говорить, обдумывая каждое слово:

— Ты когда-нибудь задумывался, почему сейчас принято говорить, что тьма это не зло? Так же как свет вовсе не означает добро? Конечно, задумывался, и не раз. Столько книг, наверное, твои любимые как раз такие, где есть прекрасные воины света и мерзкие тёмные

создания. Столько мнений, столько всяких споров. И что же из них истина? Вот и я задумался, раз уж никто не смог определиться, тьма или же зло. У каждого должно быть свое мнение? Говорят свет — не добро, потому что он бывает слишком ярким и больно жжёт. А тьма наоборот может успокаивать. Но ведь, если ты — зло, это не значит, что ты не можешь подать нищему, пусть и со своим умыслом. А если добро — всё равно можешь спокойно пройти мимо умирающего ребёнка, чтобы потом придумать сто отговорок, что так должно быть.

Он усмехнулся...

— Знаешь, всего лишь слова. Добро — это нормы морали. Правила, обязанности перед обществом, исполнение которых приводит к миру во всём мире. Или хотя бы чему-то похожему на мир. Зло — не принятие этих норм, извращение морали и неисполнение обязательств перед обществом. Конечно, это набор определений, соединённых в предложения, но суть такова: добро есть добровольное рабство, зло — принудительная свобода. Почему принудительная? Каждому дорога своя шкура. И он старается сохранить её в целостности и сохранности. Но сама шкура, избалованная таким отношением к себе, начинает требовать большего. Мягкой кровати, вкусных деликатесов, удобной одежды, отдыха. При неисполнении желаний шкура, и всё, что под ней, начинает протестовать, создавая боли и дискомфорт. Вот человек и идёт на поводу у самого себя, попадая в рабство к своему телу. За то, чтобы обеспечить себе комфорт, он начинает нарушать нормы, освобождая себя от всех обязательств. Что же мы видим с другой стороны? Человек, пытающийся соблюдать всё правила, вынужден больше работать, заботиться о других. И на собственную шкурку остается меньше времени. Так он попадает под влияние тех самых норм, уже не имея полной свободы. Зато если он заботится о других, значит, найдется кто-то ещё, кто, придерживаясь данных правил, позаботится о нём. Или не найдётся? Так что же лучше — твоё добро или моё зло? Ничего. Они совершенно равны. Получается, ты ничем не лучше или светлее меня. Правда — это забавно, Сергей? Но что в таком случае тьма и свет? Много думал над этим, и, отбросив всю мишуру, понял: тьма — это отсутствие света. А свет — всего лишь свет.

— Может быть, я не лучше тебя, Эрик, но я хотя бы пытаюсь стать добрее. Принести кому-нибудь радость. А ты медленно спускаешься вниз. Рано или поздно ты поймёшь, что нельзя просто сидеть и философствовать. Твои выводы не принесут никому пользы. Нужно что-то делать — только тогда ты сможешь доказать свою правоту. Сила... хитрость, подлость — это все замечательно, особенно когда есть хорошо подвешенный язык. Но без них ты ничто, хоть и отказываешься это признать. А у меня есть только эта смешная кличка «спаситель» — и мне достаточно одной улыбки, чтобы ребёнок перестал плакать и улыбнулся в ответ. Мои друзья не предадут меня, не станут бросать камни. Ты просто ничего не знаешь о дружбе, боишься её, из-за этого опошляешь. Иногда мне жаль тебя, мастер.

— Конечно, я забыл, что ты долго общался с этим слепцом, и он научил тебя говорить. Так вдохновенно, красиво... Bravo, Серег! — он первый раз назвал меня этим уродливым придуманным именем.

— Я открою тебе один секрет: множественная вселенная стоит на многих законах и не терпит исключений, вот самый жестокий из них: если ты что-то забираешь, то должен предложить что-то взамен или же сам заменить собой утрату... Зло нельзя уничтожить полностью. Кто-то все равно займет его место. У него будет другое лицо, но это будет все равно зло. Альтернатив нет. Когда-нибудь ты сам это поймешь, без чужой помощи. Но сделать ничего не успеешь. Тебе меня жаль, Сергей: ведь я такой монстр — не знаю ни

любви, ни дружбы. Несмотря на то, что ты мой враг, я пожелаю тебе только одну вещь, иномирец Сергей, — никогда не разочароваться в этих двух вещах. Ведь именно разочарование ломает таких как ты, превращая милых мальчиков в бездушных монстров.

— Повернись, — последовал тихий приказ.

Пустая мисочка с мазью падает на пол. В руках мастера знакомый кинжал. Синие глаза смотрят все с тем же сочувствием. Он безумен, и его безумие отвратительно. Сталь выписывает на коже красным цветом причудливые узоры.

Больно.

— Может, мне сломать тебе пальцы? Нет, — он мечтательно вздыхает, — хочу, чтобы ты сам их себе сломал, начни с мизинца, — подчиняющий импульс.

Ничего. Друзья скоро придут. Они не оставят меня...

Я верю.

Сейчас:

Смешанный лес встретил нас прохладой и той свежестью, которую встречаешь только в летнем лесу. Можно сравнить с поездкой загород, куда-нибудь далеко от пыльной столицы, поближе к большому лесу. Четыре часа полудрёмы в машине, а потом выходишь на свежий воздух, и он сбивает с ног своей легкостью. Тропа оказалась достаточно широкой и протоптанной, чтобы идти именно по ней, не приминая высокую траву и редкие цветы.

Впереди, постоянно оборачиваясь, шел Далик. Он смотрел на меня с опаской и сомнением. А в прошлой жизни сразу же завязалась беседа. Нет, не так... я все время о чём-то спрашивал, перебивал на полуслове, чтобы уточнить детали и снова спрашивал. Крутил головой по сторонам, отбегал смотреть странные деревья и рвал цветы. Шутил так отчаянно, что чуть не сорвал голос от смеха над своими же собственными шутками. Просто боялся: чужого мира, своих непонятных проводников, свалившейся на плечи ответственности, сбывшейся сказки. И это новое молчание угнетало моих спутников, которые представляли свою надежду совсем по-другому.

— Возможно, не поздно извиниться и всё исправить? — Бездна взяла меня под руку, прижавшись к плечу, и замурлыкала какой-то мотив.

После того раза на крыше у нас состоялся сложный разговор. Я даже заставил себя повысить голос, чтобы она поняла — меня нужно посвящать в свои планы, чтобы я не испортил их своим незнанием. Сложно сказать, кто кого в чём ещё винил, но с того дня я самостоятельно научился возводить барьеры между своим сознанием и разумной частью пустоты. Бездна обижалась на свою нерадивую игрушку и подбрасывала далёкие счастливые воспоминания, чтобы как-то сгладить свою вину.

Впрочем, барьеры я стал возводить не только из-за этого. Всего лишь чтобы обезопасить некоторую часть своих мыслей и памяти. Недавний разговор заставил меня по-другому посмотреть на свою проблему. Так изменить угол зрения, что Бездне об этом знать было не желательно.

— Смеёшься... извиниться. Сейчас с одного порыва я снова стану добрым и беззаботным подростком, ко мне вернётся душа, любовь, дружба и радость, а когда меня опять поволокут на казнь — не буду плакать, ведь нужно уметь прощать!

— Нужно учиться на своих ошибках...

— А что делаю я?

— Устраиваешь удобнее грабли, чтобы снова красиво на них наступить. Я не могу не согласиться с твоим надзирателем — не стоит искать сложных и запутанных решений, когда ответы давно известны. Учись видеть, а не смотреть.

— Знаешь, я устал от нравоучений. Дайте существовать именно так, как хочется мне, а не так, как правильнее или лучше. На этот раз, если я совершу ошибку — это будет только моя вина, а не чья-то блестяще сыгранная партия.

— И как ты только не устал сам все решать? Неужели не хочется уйти на второй план, позволив чужим головам болеть о судьбах мира?

— Устал. Но когда-нибудь позже.

— Как скажешь, Серег. Только смотри — не сделай хуже. Свои ошибки совершать куда больнее. И исправлять их непросто.

От разговора нас отвлек недовольный голосок Ларин. Она шла за мной, пытаясь разговорить моего надзирателя.

— Лорд Девеан? — молодая женщина нахмурила бровки, рассматривая его снизу вверх.

Надзиратель шел за мной по тропе, не обращая никакого внимания на Лирье. Он заранее предупредил, что согласен подыгрывать мне, но больше от него требовать не стоит. Как угодно. Сказать несколько слов несложно. Даже не странно. И память, словно могильная плита, под которой покоится моя жизнь. Не больно...

— Он не ответит, леди. Но, если вам удастся принудить Девеана к беседе, то ответ вам не понравится. Он не любит смешанную кровь, — я усмехнулся. — Если хотите, расскажу: Девеан нечеловек, а его возможности нет желания раскрывать ни у него самого, ни у меня.

Ларин охнула и, словно стесняясь, замолчала. Тут же остановился Далик, готовый защищать свою любимую. Ларин всегда стыдилась того, что она незаконнорожденная. Более того, жена графа Лирье утонула через два дня после того, как родила дочь от безродного слуги. Уж почему его сиятельство принял девочку и даже дал ей своё имя, никто не знал, но вряд ли можно было причинить более сильную боль, чем напомнить Ларин о том, что она полукровка, убившая свою мать.

— Милорд, я бы вас попросил, — сложно вспомнить, когда видел бывшего друга по-настоящему рассерженным. Чаще он просто делал вид, что недоволен. Даже Руину не удавалось вывести его из равновесия, которое было отличительной чертой молодого герцога Эрье — второго претендента на трон после своего отца, племянника Адриана Завоевателя. Но сейчас он был на грани.

— Разве есть что-то оскорбительное в правде? Нечистую кровь можно почувствовать или заметить. Если вам это неприятно, я воздержусь, и более не буду напоминать леди Лирье о её происхождении.

— Хорошо.

Далик кивнул, неприязненно сощурился. Как же — лорд-спаситель, заботящийся о чистоте крови. Ведь они представляли меня обычным пареньком без аристократических предрассудков. Этого им и так хватает, взять семью Эрье: и то, что граф признал Ларин своей дочерью и давал за ней титул, земли и богатое приданное, не делало полукровку в глазах родителей Далика достойной парой их сыну. В прошлой жизни они смогли пожениться только после смерти старших Эрье и указа о разрешении брака, в которых супруги могли быть из разных сословий, с разным положением и любой чистотой крови. А как по-другому? — всё для себя... пусть и прикрываясь всеобщим благом.

— Зря ты так!

Совершенно неожиданно, когда прошло более двадцати минут после того инцидента, ко мне приблизилась новая Ирэн. Смотрела девочка на меня широко распахнутыми глазами и улыбалась — снова слишком знакомо и совсем не так, как она должна была улыбаться.

Память теперь не могла прорваться в самый неподходящий момент, и я посмотрел на маленькую девочку. Тринадцать-четырнадцать лет разве большой возраст? Это в нашем развращенном мире считается нормой закрутить роман, который легко может завершиться постелью. Но всё равно что-то внутри просило меня прикоснуться к красиво очерченным губам, чтобы окончательно убедиться — это другая Ирэн, или же, наоборот, понять — моя, родная. Нет... не моя, глупости всякие в голову лезут из-за этого воздуха. Нужно всего лишь укрепить барьер.

А если...

— Почему зря?

— Разве есть разница, какая у человека кровь? Главное ведь душа... Ларин она хорошая, добрая. Не надо её обижать. И Далик...

— Тоже хороший?

— Да, он иногда бывает грубоватым, но все равно брат добрый, — Ирэн улыбнулась, — а вот ты странный. Я спасителя совсем-совсем иначе представляла, — призналась она.

Как же страшно, когда вот таким милым существам приходится в один день взрослеть и делать выбор. Когда, не зная жизни, приходится входить в её худшую часть, не посмотрев ничего, кроме короткого детства. Когда наивность с треском ломается о реальность... страшно.

— Как же? — ухмыляюсь, протягивая ей руку. Она осторожно касается моей ладони своими тоненькими пальчиками, — я живой, вот даже чувствуешь — тёплый. Говорить умею. Как же иначе можно представлять?

— Я думала, спаситель весёлый, открытый... другой, в общем. А зачем тебе такие длинные волосы? — как всегда неожиданно она перевела разговор, ткнув пальчиком в мою косу, которую я для того, чтобы она ни за что не цеплялась, перекинул через плечо.

Открытый... весёлый... — ты просто опоздала на целую жизнь. Но это не страшно. Ведь я теперь и не спаситель. Просто об этом пока знаем только я и Девеан.

— Мне нравится. Неудобств особых не доставляют, зато оригинально, — я улыбнулся, и девочка отвела взгляд, чтобы не вглядываться в Бездну.

— А вот я постриглась — родители долго ругались, а теперь все говорят, что на мальчика похожа. Они раньше длинные были... — совсем как у тебя. А теперь вот чуть-чуть ниже плеч опустились: обратно отращиваю, — к нашему разговору прислушивались все. Ларин и Далик с надеждой, что может быть не все потерянно, и им ещё удастся поладить со странным спасителем. Девеан со скукой на лице.

— Не похожа. Так может сказать только слепой или завистник.

Ирэн улыбнулась, а в глубине глаз засверкали искры счастья.

Это слишком просто. Идти рядом с ней, держать за руку, смотреть в её глаза, улыбаться, разговаривать... Как же хорошо быть бездушным монстром — не чувствовать ничего: ни радости, ни боли.

Глава 2.2 Знакомство с памятью

Всё, что любим и покоим.
Всё, что дорого и мило
в суете -

Лишь разведка перед боем,
что бы смерть нас подманила
к западне...

Хорхе Манрике

— Милорд, если вы устали, мы можем сделать привал, — вопрос Далика отвлек меня от размышлений, — идти ещё примерно два часа, и будет лучше несколько минут передохнуть, — продолжал он, — как раз вон там отличная поляна.

— Как угодно, — согласился я.

Только нехорошо, что придётся идти к этой поляне, приминая сочную траву. Я нагнулся, проведя ладонью по тонким и очень острым стеблям. Здесь, рядом с точкой перехода, каждый камешек и лист были пропитаны магией. Дикой, с трудом поддающейся контролю.

— Если леди устали, отдых будет лучшим выходом, — я кивнул девушкам.

Ларин тут же отвернулась, она считала себя воином и не терпела, если кто-то предполагал в ней слабость. Воин... смешно. Да, в храме слепой пряжи молодых жриц учили сражаться, и одну из спутниц спасителя просто не могли не подготовить к возможным схваткам. Со своей тонкой шпагой Ларин обращалась прекрасно. Только её заученные выпады и переходы годились разве что для чинных дуэлей аристократов, а не настоящего боя.

А вот Ирэн восприняла новость об отдыхе с радостью, сразу побежав к просвету между красными стволами, внезапно остановилась, привстав на цыпочки, обернулась, махнула рукой и снова побежала.

Девеан только нахмурился.

— Знаешь, я не подумал, что ты превратишь обычную месь в какой-то фарс, — недовольно прошептал он, когда Далик отошел на достаточное расстояние.

— Обычная месь, — я посмаковал это словосочетание и скривился, — кажется, я становлюсь похожим на Эрика, но то, что ты предлагаешь — это слишком пошло и некрасиво. Просто. Нужно уметь причинять боль. Куда нам спешить? Лучше уж оттянуть момент, когда на меня наденут рабский ошейник.

— Ты всё равно ничего не почувствуешь, а даже если и сможешь — это не принесёт тебе ни удовольствия, ни удовлетворения. И, как ты сказал, «рабский ошейник» — откуда такие сравнения? — не заставит почувствовать себя униженным. Ты уже понял, что ощущения к тебе возвращаются, но другими.

— Да... — соврал я, следуя указаниям Бездны, — у них отчетливый привкус безумия. Такие и творцы?

— Возможно. Нужно уметь остановиться на грани, превратить жизнь в танец. Прости, что говорю так, подобные речи мне не свойственны, но бывают вещи, которые нельзя объяснить по-другому, — надзиратель совсем как мальчишка поджал губы: такое странное выражение, словно он неудачно скопировал его.

— Я понимаю. Что ж, посмотрим, как раскинет карты безумная госпожа.

Лучи Тол-тарисс плясали на резных листьях, словно капли воды стекая по широким стволам, и исчезали в густом переплетенье трав. Белая звезда медленно опускалась к горизонту, забирая собой дневное тепло — ночи в этом мире холодные, но ясные и красивые. Рилл-ано только-только подбиралась к зениту, равнодушно смотря из невероятной космической дали на маленький мир. Её красно-блёклые лучи только к ночи окутают деревья пугающими коконами лёгкого света. Кто умеет слушать — услышит, как тихо шепчутся травы. Они нежно касаются моих ступней, тут же распрямляя свои стебли, чувствуют силу. Роса появится через четыре часа, когда округлый бок белой звезды исчезнет за тонкой линией горизонта. Будет приятно пройтись по мокрому зелёному ковру, пока он не застыл крошечными кристалликами льда. Травы шепчутся — они знают всё. Это место пропитано не только магией, но и знанием. Это не тайны будущего, или грехи прошлых лет — что-то куда более важное. Они не скажут.

Просто шепчутся.

Далик, представляя себя рыцарем какой-нибудь сказки, галантно расстелил на траве свой плащ, чтобы леди могли присесть и расслабить уставшие ноги. Посмотрел на меня, синие глаза внимательно изучили моё лицо, перевел взгляд и удивленно вздохнул. Я обернулся: действительно, есть чему удивиться: вот следы Девеана — из-за его массы травецвет втоптан в черную плодородную землю, вот легкие следы Ирэн — травинки медленно начинали распрямляться под живительными лучами заходящей Тол-тарисс. Вон отпечатки подошв Далика и Ларин. А моих нет. Трава чувствует, что я не желаю ей зла. Ничего не желаю, просто не собираюсь мять её.

— Милорд, может быть вам тоже стоит присесть? — уточнил Далик на всякий случай, отводя взгляд. Не боится, просто не хочет ещё раз видеть Бездну в глазах своего спасителя. К этому ещё нужно привыкнуть. Хотя бы попытаться успеть...

Я посмотрел на плащ. Ирэн тут же поддвинулась и похлопала ладонью по мягкой ткани. Улыбка, которая так и не хотела покидать её личико, стала ещё шире, заставив веснушки окружить сияющие глаза полукругом. Задумчиво перебросил трость из руки в руку. На самом деле, она была сделана специально. Универсальный проводник помогал стабилизировать силу во многих мирах, делая её применение проще и безопаснее. Недаром в некоторых реальностях для колдовства используются браслеты, кольца, посохи, какие-либо ещё предметы. Также можно было уравновесить пустоту, замаскировав под обычную силу. Теперь, когда надзиратель был со мной постоянно, следовало действовать осторожнее в несколько раз, чтобы не испортить игру. К тому же в трости был спрятан кинжал — на всякий случай. Здесь найдётся достаточно желающих ударить спасителя в спину, а Бездна, как не красуется, не даёт нужных гарантий.

— Не хочешь? — это необычно: к божеству на «ты». Но она всегда так обращалась ко мне в отличие от остальных спутников. Тем потребовалась не одна неделя, чтобы

осмелиться обратиться к своей надежде так фамильярно.

Я всё-таки сел рядом с ней, заметив, как улыбнулся мой надзиратель. Почему-то он не верил, что я смогу перебороть прошлого себя, что тот Сергей всё равно вернётся, не смотря ни на что. Если бы это было возможно...

Но я знаю, что не вернётся, не захочет. Но пусть Девеан думает по-другому, смотря на него, я тоже смогу немного поверить в это.

Вдохнул больше воздуха, закрыл глаза. В этом мире, можно почувствовать заход солнца: не увидеть, что стемнело, или посмотреть на часы. Именно почувствовать кожей и сердцем, что белая звезда скрылась за тонкой линией горизонта. Словно что-то уходит вместе с ней из мира, а потом с рассветом возвращается. В прошлой жизни я долго не мог к этому привыкнуть, всегда подготавливался — задерживал дыхание и закрывал глаза. До первого заката ещё четыре часа, но я уже знаю, что ничего не почувствую.

— Будешь? — пришлось открыть глаза и повернуться к Ирэн. Девочка протягивала мне флягу с водой.

— Спасибо, — не стал добавлять «леди», чтобы выделить её хоть немного. В конце концов, она ни в чём не виновата. И не предавала меня. Здесь только мой... страх? — возможно ряд ассоциаций. Что-то сдвинулось в моей психике, и теперь я смотрю на худенькую девчонку совсем по-другому. И думаю... Отвратительные мысли, словно я собираюсь убить и её тоже. Нет. Нельзя. Даже у монстра должно остаться хоть что-то — какие-то рамки.

Надзиратель неожиданно дернул головой.

— За нами кто-то наблюдает...

Возле точки перехода водятся дивные создания, которых привлекает растворенная в воздухе сила. В прошлой жизни мы вышли из портала на день позже — сомнения и сборы заняли достаточно много времени. Здесь было раннее утро, и ночная прохлада, которая заставляла зверей забиваться глубже в тёплые норы, лишь чуть-чуть отступила под яркими лучами белой звезды. Мы шли куда быстрее, я почти бежал по тропе навстречу новому миру, желая успеть рассмотреть всё, что только попадалось нам на пути. Моя душа рвалась вперёд к приключениям. Единственным живым существом, кроме моих проводников, с которым я тут встретился, была большая темная птица, она несколько минут наблюдала за нами с нижней ветки дерева, а потом, тяжело поднявшись, улетела.

Спрашивать, уверен ли Девеан в том, что за нами кто-то наблюдает, я не стал — глупо. Надзиратель не станет говорить просто так, если не уверен в своих словах.

— Где?

— Справа, мне не видно.

Я изобразил на лице удивление. Ему не видно? Однако озвучить мысли я не успел. Кусты зашуршали, и на поляну, мягко ступая большими лапами по травоцвету, вышел большой зверь. Короткая светлая шерсть, острые уши, тонкий нервно стегаящий из стороны в сторону хвост. Зверь принюхался к людям, безошибочно определив главную для себя угрозу. Мой надзиратель пригнулся, оскалился. Не замечал, что у него клыки, словно у зверя. Когда он повернулся ко мне, я пожал плечами.

— Как угодно...

Если он хочет схватки, не буду мешать. Погасив свечение, обхватившее мою трость, я приготовился смотреть интересное представление.

Зверь глухо зарычал и исчез, слившись с окружающим миром. Теперь понятно, почему

Девеан его не заметил. Странно... оказывается, даже у животных есть понятия о чести, ведь нас предупредили о нападении. А вот люди, которые так гордятся моралью и разумом — превосходством над зверьём, бывают лишены хоть каких-либо представлений о честности. Далик, не думая, достал раскладной лук — в этом он мастер, хотя высший свет умение метко стрелять почему-то не ценил.

— Не стоит, милорд. Вы же не хотите оскорбить Девеана, усомнившись в его силе и возможностях? — легкое движение тростью, и парень выпустил лук, обжегшись.

— Если ему понадобится чья-либо помощь, мы это обязательно поймём. Наслаждайтесь представлением, господа.

— Но это неправильно! — Ирэн сжала маленькие кулачки.

— Почему же? Думаю, Девеан имеет право развлечься, если ему хочется...

— Развлечься, — эхом повторила Ларин, заморожено наблюдая за поединком моего надзирателя с невидимым противником.

Искусство всегда останется самим собой, даже если это искусство убивать. Оно будет притягивать восторженные взгляды и поклонников. Пользоваться спросом, и находить последователей.

Это был удивительный бой, где каждое движение становилось смертельным ударом, который противник должен был успеть заблокировать или избежать. Иначе неинтересно, что за радость? — покончить с соперником, даже не размявшись? Всё-таки полезно было бы узнать прошлое моего надзирателя. Кем он был? Откуда? Нельзя научиться танцевать со смертью, только родиться с даром и развить его. Девеан сам казался зверем. Вот он легко мазнул скрюченными пальцами с удлинившимися когтями по пустоте, в стороны брызнули капли светлой крови, и его противник стал видимым. Зверь резко хлестнул хвостом, оставив на рубашке Девеана длинный косой разрез. Мощные челюсти сомкнулись на воздухе, где секунду назад была шея мужчины. Надзиратель пригнулся, проскальзывая под брюхом зверя и, отыскав за секунду какую-то точку, резко ударил. Зверь взвизгнул, но вместо того, чтобы отпрыгнуть в сторону, со всей силы ударил лапой, наискосок прочерчивая на лице Девеана тонкие царапины — тому не хватило доли мгновений, чтобы увернуться.

Рядом охнула Ларин, зажав ротик маленькой ладошкой. Далик сжал кулаки, видимо от досады, что нельзя вмешаться. А Ирэн не нашла ничего лучше, чем вцепиться мне в руку. Пришлось ненадолго отвлечься от схватки и посмотреть на испуганную девочку.

— Успокойся, с ним ничего не случится, — я прикоснулся своей ладонью к её пальчикам, — нужно что-нибудь куда сильнее, чтобы убить или покалечить Девеана.

Зверь глухо зарычал, когда противники разошлись, снова оценивая друг друга. На лице моего надзирателя царила странная улыбка. Он прыгнул первым, пригнулся, изменив и движение, и скорость. Это решило все. Противник почти увернулся, но мужчина оказался слишком близко. Девушки вскрикнули, когда Девеан, не думая, свернул зверю голову. Хвост конвульсивно дёрнулся, чуть не задев расслабившегося мужчину.

Я поднялся на ноги и медленно подошёл к надзирателю.

— Bravo! — провёл тростью над телом животного, забирая остатки его боли и беспокойства, — кто ещё из нас устраивает театр. Обустроюсь в замке Эрика, найду себе такого, если будет время. Он смог тебя поцарапать...

Девеан усмехнулся, стерев пальцами кровь со щек: под тонкой красной плёнкой была чистая без единого шрама кожа.

Рядом встал Далик, с опаской поглядывая на огромную тушу зверя, походившего на

кошку — отличаясь от семейства кошачьих только удлиненной формой морды. Далик не услышал весь наш разговор, но обрывок о настрое завести подобного хищника в доме, кажется, достиг его ушей.

— Этого агрессивного зверя? Милорд, на вашем месте я бы побеспокоился о своем здоровье и благополучии окружающих, — в глазах бывшего друга был вызов — он не мог долго терпеть выходки мальчишки, пусть и спасителя. Столкнувшись с Бездной, Далик отвел взгляд и почтительно поклонился. Только вот очень хорошо знакомый мне прищур никуда не исчез.

— К счастью, милорд, вы не на моём месте. И зверь не был агрессивным: где-то по близости его логово, он беспокоился за свою семью, поэтому и предупредил о своем нападении. Иногда звери бывают куда приятнее людей, — я усмехнулся, кажется, эта усмешка намертво прилипнет к моему лицу, и без неё я сам себя не узнаю.

— Но тогда зачем? Мы могли бы просто уйти! — Ирэн подбежала и опустилась на колени рядом с телом. Провела рукой по светлому меху, — Развлечение? Это, по-вашему, развлечение? У вас нет души? — Она вскочила на ноги.

А вот это запрещенный приём.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять — Ирэн обращается вовсе не ко мне, а к Девеану. Наоборот, девочка встала рядом со мной, словно надеялась, что я защищу её от этого огромного бессердечного монстра.

Смешно...

— На охоте тоже убивают беззащитных и ни в чём неповинных лисиц и зайцев. Для развлечения. Но вы, леди, не бросаетесь на охотников. Или же оплакиваете каждую белку? — похоже, Девеан нашёл это обвинение весьма забавным. Он провёл рукой по рубашке, убирая уродливый разрез на ткани.

Ирэн беспомощно взглянула на брата, но тот уже отвернулся и поднимал с земли свой плащ, Ларин судьба зверя оказалась безразлична. Я же притронулся к худому плечу, укрытому тонкой курткой.

— Не стоит просто так обвинять человека в бездушности. Это очень страшное оскорбление. Особенно для твоего мира, — снова провёл тростью над телом зверя, и оно медленно истаяло, оставив только пятно измятой травы и взрытой земли.

Мои проводники не смогли сдержать возгласов изумления. Одно дело верить кому-то на слово, что именно вот этот тощий подросток и есть их спаситель. Другое дело увидеть, что он действительно наделён непростой силой.

— Да, простите мою несдержанность, — иногда Ирэн умеет быть безупречной: и тон, и взгляд, даже жесты. Но потом все это разбивает одна её улыбка, — просто он чересчур красивый. Жаль его, не стоило убивать, особенно ради развлечения.

— Ничего страшного, леди. Возможно, вы правы, но я слишком давно не... впрочем, неважно. Нам пора, — Девеан кивнув девочке, направился прочь с поляны, следом за Даликом и все время оборачивающейся на надзирателя Ларин. Следом, вдохнув, ушла Ирэн, каким-то образом сумев почувствовать, что мне нужно чуть-чуть побыть здесь одному.

Закрыв глаза, прислушиваясь к шепоту листвы. Она плакала по убитому зверю, но не испытывала к убийце никакой ненависти. Природа не умеет ненавидеть. Все, что она делает — это проявление любви к своим созданиям. Пусть иногда это оборачивается катастрофами, природа не желает никому смерти или зла, она знает, что всему отмерен свой срок. А мы так не умеем. Иначе бы просто не придумали это слово — «месть». Я извинился за смерть,

почувствовав, как легко коснулся щеки луч Тол-тарисс. С нежностью очертил контур лица. Попытался согреть меня.

— Ты ведь помнишь? Ещё помнишь?

— Помню? Что я ещё должен помнить? Неужели не хватает пыток Эрика? Боли? Унижения? Смерти?

— Свет... ты же был счастлив. Пусть немного, но был. Неужели ты этого не помнишь?

— Нет, не помню, — быстрым шагом, чуть прихрамывая, направился прочь с поляны следом за своими проводниками. Мне не нужно тепло и утешение. Я не хочу снова почувствовать боль. Без неё проще.

Травецвет всё также распрямлялся, протягивая тонкие стебли навстречу уходящей звезде. За моей спиной медленно затягивалось свежей зеленью место гибели зверя, земля выравнивалась, украшая себя нежными белыми цветами — дарами тихой госпожи.

Травы тихо шептали вслед...

«Помнишь...»

Когда-то:

— Как красиво! — запрокидываю голову вверх, думая, что ещё немного и так закружусь, что упаду.

Но, правда, здесь так красиво! Каждый шаг сбиваюсь, пытаюсь разглядеть всё-всё-всё. Право слово — эти чертовы приключения стоили того, чтобы всё-таки добраться до старшего княжества. Жаль только Ферл не увидит этого. Перед глазами появилось лицо друга. Или знакомого? Что мы пробывали в одном отряде — три недели, может меньше. Но всё равно чувство вины преследует меня. Помню же, с каким вдохновением он про старший народ рассказывал: главная мечта жизни — самому увидеть. А потом под стрелу попал... Ну чтобы она мне сделала? Видел же — в плечо метили. Зачем полез? Эх...

— Серег, хватит хмуриться! А то я не успеваю уследить за сменой твоих настроений. Как так можно? — Ларин ободряюще хлопнула меня по плечу и подмигнула, — чтобы ты там не вспомнил — грустить будешь позже. А пока наслаждайся — первый раз в княжестве всегда наполнен счастьем и волшебством, не упusti их.

— Хорошо, постараюсь.

Снова смотрю вверх. Исполинские деревья возносятся в невообразимые выси. Правильные прямые стволы, кажется, не смогут обхватить и двадцать человек, взявшись за руки. Широкие ветви отсюда кажутся тоненькими линиями — на самом деле на одной такой можно свободно поставить целую деревню. Под ногами, низкая, словно подстриженная трава. Тихо. Косые лунные лучи превращают лес в декорации к странной сказке.

— А что, они в деревьях живут? — никак не могу удержать своё любопытство. Интересно, а они действительно такие красивые? А девушки? Видимо, все мысли тут же проступают большими буквами на моём лбу и Ирэн недовольно фыркает.

— Откуда ты только набрался такой глупости? Ещё бы предположил, что они дикари какие-нибудь. Нет, на самых больших ветках, которые ближе всего к Тол-тарисс, у них устроены убежища, на случай, если Эрик найдёт силу, что пробьёт защиту. Но живут они в домах... как все нормальные, разумные существа, — усмехнулся Далик, кутаясь в высокий ворот.

Красиво, но холодно, всё-таки не стоило соваться в лес до белой зари. Ирэн вон уже

носом хлюпает, а я пытаюсь не стучать зубами очень уж громко. То, что для людей этого мира тёплая одежда, для меня кусок тоненькой ткани.

— Нормальные? Тогда почему мы уже месяц портим себе спины в частности и здоровье в целом и вынуждены спать на земле? Думаете, эти ваши одеяла спасают? Как я только не заработал себе с такими ночёвками воспаление легких! — для наглядности я закашлялся.

Друзья, словно долго-долго репетировали, одинаково хмыкнули, по-доброму так. Ну что поделаешь, если им попался такой изнеженный спаситель? Только пытаться сделать из него что-нибудь пристойное, чтобы при виде горного тролля не дал дёру, а просто с гордостью отступил на заранее подготовленные позиции. Рука привычно дернулась проверить меч — никак не привыкну таскать эту железную дубину. Первые дни невозможно было даже нормально ходить, меч задевал за всё, что только можно, и пытался меня по ноге ударить как можно больнее — так чтобы равновесие потерял. Сейчас я немного привык, он почти не мешает, и из-за этого постоянно дергаюсь — не потерял ли? Что уж говорить: про то, чтобы в случае опасности выхватить меч, я вообще не думаю. А то отсеку себе ногу или руку. Лучше уж действительно дёру дать, или противнику с ноги в печень заехать, благо хоть это умею неплохо делать, спасибо тебе, самбо!

— А если этот ваш князь не подтвердит, что я спаситель? Вы меня домой отпустите?

— Конечно! Ты же не виноват, что произошла ошибка. Мы дадим тебе антидот к зелью... — откликнулся Далик, — но лично я уверен, что мы не ошиблись. Ты, конечно, большими способностями не обладаешь, но потенциал есть.

В душе шевельнулся червячок сомнения. Так просто? Дадут антидот и даже не сотрут память? А смогу ли я жить нормально после всего, что тут узнал и увидел? Снова ходить в институт, бегать за девчонками, которые на меня и смотреть-то не хотят. Стоп! Получается, лучше бегать за тёмным мастером, что спит и видит, как меня прирежет? Смотреть, как друзья под стрелы ради моей жизни подставляются? Сложный выбор. Не могу я наслаждаться волшебством княжества, когда в голову такие мысли лезут.

Впрочем, похоже, мы уже пришли.

— Приветствуем молодого посланника другого мира. Мы проводим вас короткой тропой. Князь ждёт, — из-за ствола дерева тенями появились два молодых мужчины. Ну как молодых? На вид им и тридцати не дашь, а сколько они действительно на свете живут...

Странная штука — любопытство! Стоило мне только увидеть новые диковинки, как тяжёлые мысли тут же покинули голову. Представители старшего народа были странными. В смысле, что девушки, по таким наверняка с ума сходят — даже привередливые барышни с Земли не устояли бы, только, на мой взгляд, красивыми их было назвать очень сложно.

А ещё я бы с удовольствием обозвал их эльфами — уж очень они оказались похожи именно на остроухих жителей сказочных книг.

Карикатурные какие-то и одинаковые — братья близнецы? Серебристые плащи скреплены на правых плечах, капюшоны сняты, разглядывай — сколько влезет. Статные, выше меня на целую голову, поверх тонких туник кольчуги из маленьких колечек. И как только в сосульки в такой одежде не превратились? — вот что значит «старшая раса». Штаны заправлены в высокие сапоги с острыми чуть загнутыми носами. На поясах мечи в одинаковых светлых ножнах. Один держит в руках небольшой складной лук.

Перевёл взгляд на лица мужчин: правильная овальная форма, каждая черточка прорисована точно-точно, словно с сантиметром отмеряли. Огромные глаза ярко-голубого цвета. Наверное, именно глаза навевали на мысль о карикатурности: слишком большие для

утонченных лиц. Золотистые длинные волосы собраны у висков в тонкие косички и скреплены сзади, чтобы открыть длинные уши: маленькая мочка и вытянутый сантиметров на десять хрящ.

Я провёл рукой по своей непослушной шевелюре, она у меня за этот поход прилично отросла, уже уши перекрывает, но такая длина, мне кажется неприемлемой. К тому же какие-то они были ненастоящие, слишком ухоженные: ни одного пятнышка, ни на плащах, ни на сапогах, ни складочки на одеждах или потёртости на ножнах. Чистые лица с одинаково-кукольными выражениями вежливого интереса. Ни морщин, ни синяков под глазами, ни уж тем более какого-нибудь красного пятнышка прыща — словно в фотошопе обработали.

В общем, новые проводники мне категорически не понравились. Идеальные, искусственные. Так и хотелось отодвинуть это двухмерное картонное изображение, которое неизвестный идиот поставил среди леса. А может, мне просто было завидно... Спорить не стану.

— Прошу вас, тропа уже открыта, — я вздрогнул.

Пока я разглядывал диковинки, друзья успели сгрудиться вокруг того мужчины, который держал в руках лук, а второй протягивал мне руку.

— Что-то не так, посланник? — в его глазах по-прежнему был вежливый интерес и никаких посторонних эмоций, — не волнуйтесь, это совсем не опасно.

Надеюсь, от стыда у меня не вспыхнули щеки — только подумать! — они решили, что я трушу. А что? И, правда, боюсь.

— Иди, Серег, мы прибудем в княжество через несколько дней, иди — это важно.

Ларин ободряюще мне улыбнулась. Ну что ж, раз подруга говорит, не буду задерживать нового проводника. Каким бы подозрительным он мне не казался. Я поправил чуть сползшую лямку ранца, ещё секунду боролся со своими сомнениями, после чего сжал протянутую руку. Или это мне ладонь сжали, чтобы не вырвался? Откуда только у проводника такая сила — вцепился так, что синяки наверняка останутся.

Вкруг туман, густой тёмно-серый и странное ощущение полёта в никуда, давно забытое чувство из сновидений, когда кажется, что куда-то падаешь и рывком себя выдираешь в реальность. А ещё тепло. Даже странно его ощущать, после того мороза, который в лесу пробирался к самым костям.

— Простите, посланник, но если вы сойдете с тропы...

— Умру? — перебил его. Страх куда-то делся, слишком уж нереальным казалось всё вокруг. Да ещё и «эльф» этот, рядом с которым я казался себе каким-то ущербным. И за руку меня держит, словно ребёнка. Никуда я не денусь, чай не совсем дурак — вырваться.

— Нет...

— Просто вы смертны, — через мгновение, словно немного сомневаясь в том, что нужно что-то ещё говорить, продолжил мужчина, — и не стоит проверять, как на вас скажется отход от тропы. Не отпускайте мою руку, посланник.

— Тогда не ломайте мне кисть! И откуда ещё одна кличка? Сначала «спаситель», теперь «посланник»...

Могу поспорить, что он улыбнулся.

— Пока Видящий князь не подтвердит, что вы способны убить мастера, я не вправе назвать вас лордом-спасителем.

Чувство падения начало постепенно сходиться на «нет».

— Я не хочу никого убивать, даже если этот кто-то плохой человек.

— Мастер не человек — он преемник безумной госпожи. Рано или поздно вам придётся убить. И тут уже неважно, плохой он или хороший.

— Или убьют меня?

— Нет, вы сами себя убьёте, из-за чувства вины, что пока вы боролись с сомнениями, остальные погибли. Мы пришли, посланник. Вас проводят к князю.

Туман отступил, я только-только собрался посмотреть на странного проводника, который решил сказать такое...

Чувство вины? Убить себя?

Повернулся, но за спиной никого не было, только рассеивался жидкий туман — тропа была опять закрыта. Я стоял посреди холла светлого здания. Могло показаться, что оно было создано из огромного драгоценного камня, который легко светился. А может, действительно из камня? Стены с тонкими красными прожилками, под ногами тот же камень, впереди вырезанная немного несимметричная лестница и никаких украшений. Здание было и без того выглядело гармонично. Я с трудом оторвался от разглядывания стен, заметив, что в холле нахожусь уже не один.

По лестнице спускался ещё один «эльф». От первых двух он отличался разве что платиновым цветом волос, которые схватывал простой обруч и тем, что вместо туники и штанов на нем был белый бесформенный балахон. Кроме того, мужчина был босиком.

— Я рад приветствовать посланника. Прошу вас разуться, после чего проследовать за мной в приёмный покой.

Под внимательным взглядом мужчину я стянул себя грязные, порядком потрёпанные кроссовки, после чего смутился и снял носки, глубже запихнув их в обувь. Камень под ногами оказался тёплым и неожиданно мягким. Я потоптался на месте, привыкая к странному ощущению. Потом мужчина кивнул на мой ранец и сказал, что вещи всего лишь перенесут в выделенную мне комнату и волноваться не стоит.

— Пойдёмте, посланник.

Сейчас:

Да... то время, что я провёл в старшем княжестве, наверное, можно смело отнести к самым счастливым дням моей прошлой жизни. После того, как князь подтвердил, что я и есть долгожданный спаситель, всё стало как-то светлее и лучше — по крайней мере, на несколько месяцев. Тогда казалось, что долг куда-то испарился до лучших времён и страх тоже исчез. Впервые мне было не в тягость учиться. А по вечерам Шарисс рассказывал удивительные легенды и сказки, а я слушал, раскрыв рот, как маленький ребёнок. И именно там я заработал эту странную привычку ходить босиком.

Действительно помню... даже странно. Неожиданно найти в памяти один светлый день, когда я ещё верил, что всё обязательно будет хорошо.

— Как интересно. Оказывается, достаточно вспомнить крошечный момент прошлой жизни, который был светлым и ты уже готов отступить? — Бездну видимо очень забавляло всё происходящее.

— Отступить? Нет, отступать мне не куда, но вот корректировать планы...

— Смешно... Как же любопытно за тобой наблюдать. Ты так и не вырос, даже не

поумнел. По-прежнему, как наивный мальчишка из прошлой жизни бежишь туда, куда помянут, думая, что решаешь всё сам. Если неожиданно вспомнишь ваши посиделки у костра и признания в вечной дружбе — простишь предателей? Память — штука хитрая, может остановить руку с кинжалом за миг до удара. Только вот нужно ли это тебе?

— Не остановит. Одно дело вспомнить, другое дело почувствовать. Конечно, в моей жизни хватало замечательных моментов, что дома, что здесь. Глупо это отрицать. Только вот плохого оказалось настолько больше, что чаша весов однозначно склонилась в эту сторону. Я не передумаю и не остановлюсь, и корректировки это совсем не то, о чем ты подумала.

— И снова ты за старое: «почувствовать». Бедненький спаситель лишился души и страдает. Ты жалок, Серег. Я уже говорила это тебе? Ты становишься лицемером. Говоришь одно, делаешь другое, думаешь при этом третье.

— У меня есть время это исправить. И да, я давно собирался предложить перестать вести разговоры. Не желательно, чтобы Девеан это почувствовал. На Земле он присматривал за мной не так внимательно, как сейчас. Он ждёт ошибки. Договорились?

— Ошибаешься, вот времени у тебя и нет. Впрочем, договорились. Я не стану больше ничего говорить. Ты поймёшь всё сам, что я хочу сказать, или куда тебя направить. Раз уж не хочешь прислушиваться. И если память для тебя так важна, что каждый осколок заставляет задумываться над «корректировками», — тут Тьма усмехнулась, — вспомни и это... в прошлый раз ты чуть-чуть забыл досмотреть.

Когда-то:

Как же больно.

Сознание выхватывает происходящее урывками, то погружаясь в тёмные воды беспомыслия, то выталкивая меня в реальность. В голове шумит от магического воздействия, иногда я ненавижу одну из немногих своих особенностей — сопротивление чужому воздействию. Эрик слишком силён, он рывком преодолевает тонкие барьеры этого сопротивления и всё равно подчиняет моё сознание. И от этого только больнее.

Мастер наклоняется надо мной, вглядываясь в перекошенное болью лицо. Уголки его губ слегка опущены, на лбу появилась тоненькая морщинка недовольства, а брови смешно, по-детски нахмурены.

— Это неинтересно, — вздыхает он.

Влажной тряпкой стирает с подбородка уже засохшую кровь — я очень сильно прикусил губу, а то бы зубы сломал, так их сжимать.

— Нет... совсем не интересно, — повторяет он, печально кивая своим мыслям, — ты даже не закричал, Сергей. Не понимаю. Зачем сдерживаться? Ну, подумаешь, покажешь свою слабость — ты и так слаб, горе-спаситель. Гордо терпишь, взглядом меня прожигая, словно ещё пытаешься сопротивляться. Глупо... ты не сможешь оказаться сильнее меня. Не уступишь?

Качаю головой. Сам не знаю, почему — помню, в детстве на даче с велосипеда упаду, так что коленки в кровь, полдня потом реву, раздражая бабушку и Лёшу. А здесь терплю, через себя переступаю. Действительно, зачем? И так всего сломали, а это словно какой-то последний порог, словно, если сейчас не закричу — останется надежда всё исправить.

Эрик опять вздыхает.

— Вот упрямец, — он дотрагивается своей ледяной рукой до моей кисти — от пальцев уже ничего не осталось: все изломаны, как только можно. Руку обжигает до плеча и кости быстро и неправильно начинают срастаться. Даже не хочу смотреть, как теперь выглядят мои пальцы. Лечение не даёт облегчения, самое страшное начинается только сейчас.

Мастер внимательно изучает работу. Добавляет обезболивающего импульса, чтобы исправить плохо сросшийся мизинец. Опять любитесь результатом и улыбается.

— Хорошо. Давай, попробуем еще? — синие глаза довольно щурятся, — может, хоть на этот раз ты не станешь молчать? Право, меня это начинает забавлять. Начни с безымянного пальца, пожалуйста.

Снова подчиняющий импульс.

И опять, и опять...

Сколько же я смогу выдержать? Когда же друзья спасут меня?

Если спасут.

Глава 2.3 Первый раунд

Мы галопом до упада

мчимся в даль легко и резво,

без преград.

И на всём скаку в засаду...

повернуть бы, да отрезан

путь назад...

Хорхе Манрике

Сейчас:

Два тощих босоногих мальчика с удивлением смотрели на вышедших из леса людей. Или нелюдей? Старший брат тут же заметил знакомую фигуру лорда Далика и тихонько охнул, быстро поняв, кого ведут за собой проводники.

— Беги в деревню, а то закат скоро! — он слегка встряхнул младшего братца, который замерев, смотрел на тонкую фигуру, что была одета в такой непривычный для деревни цвет — белый.

Ребёнок косо взглянул на парня, нахмурил бровки, вспомнив, что действительно, закат уже близко, а взрослые его не похвалят, если гости задержатся на улице с уходом Беянки. Вздохнул, что брат останется тут с лордами, а ему опять бегать и всех звать, но ничего — вот он вырастет и будет Леку гонять, хотя сестричке сначала ходить придётся научиться, маленькая ещё. И, ещё раз кинув взгляд на приближающихся людей, мальчик со всех сил побежал к мелькающим впереди крышам деревенских домиков. Вон дымок выше прочих поднимается — дом старосты, там господа собрались им и надо сказать, что лорды вышли. Острые камешки на дороге больно кололи маленькие ступни, но к этому лесу по-другому приближаться нельзя. Только вот лордов сила пропустила, но у них и дела там серьёзные были. Им можно. А он про свои ботинки забыл, они в кустах и остались.

Далик с улыбкой смотрел, как паренёк, которого из деревни поставили за лесом наблюдать, ожидал, вытянувшись по струнке, пока они к нему подойдут.

— Ну как, сторож, всё ли спокойно было? — весело спросил он, наблюдая, как округляются глаза мальчишки, уставившись на тех, кто стоял за спиной Далика.

— Да, лорд. Тут до этого соседские дети стояли, мы с ними четверть хода Беянки поменялись. Я брата послал предупредить, что вы вышли, — старательно отрапортовал

паренёк, продолжая, не отрываясь смотреть на лорда Сергея — возможного спасителя их мира, — пойдёмте, господа, а то закат скоро.

Паренёк переступил с ноги на ногу и, дождавшись кивка, направился в сторону селения, пред этим захватив из кустов свою обувь и дырявые ботинки младшего мальчика. Проводников-то лес пропустил так, без церемоний, подтвердив, что намеренья чисты, а миссия важна.

Обычным людям в лес можно вступать лишь с чистыми ногами — добрая земля не запачкает, только если человек душой чист. А иных и вовсе не пустит. Нет, не убьёт, но и шагу ступить не даст. Хотя, — припомнил Далик, случалось такое, что лес не пропускал любопытствующих особ несколько раз, потом сдавался, но человек больше из его чащи не возвращался. Отсюда у них возникли пословицы: «Три ступни лучшим мылом, а земля грязь разглядит» и «один раз завернули — второй не суйся». Впрочем, как и все остальные изречения подходили они не только к этому лесу и другим точкам перехода, а ещё и активно использовались в повседневной жизни всего материка. Но никто не забывал, что пошли они именно из таких лесов, вырастающих вокруг порталов в другие миры и точек переходов, которые маги пока не могли подчинить законам их реальности.

Пропустив своих спутников вперёд, молодой мужчина ещё раз оценивающе оглядел юношу, от которого зависела судьба его дома и дорогих Далику людей. Возможно, было неправильно рассматривать Сергея с точки зрения, сможет ли он выполнить свою миссию или нет — ведь слабак им был не нужен... Слабак — какое ужасное слово, как и сами эти мысли о нужности спасителя. В конце концов, лорд Сергей не виноват, что именно на него пал выбор слепой госпожи, и вовсе не обязан им был ничего доказывать. Более того, он и вовсе не должен рисковать свое жизнью ради чужих людей этого мира. И у Далика не было никаких прав требовать от парня чудес и стойкости.

Но только... стоило ему вспомнить про свою семью, любимую, других людей... ведь для них этот мир был родным: им больше некуда пойти и не у кого просить помощи. И их жизни зависели от тощего подростка с завышенным самомнением, который с каждой секундой нравился Далику все меньше и меньше. Нет, такому не то, что жизнь не доверишь — столовый нож подержать не дашь, а то в спину ударит. Что-то было в пустых глазах Сергея такое, что заставляло мужчину отворачиваться не в испуге, а с трудом удерживая гримасу отвращения. На некрасивом бледном лице был виден отпечаток дна, на которое падает человек лишенный морали и светлых чувств. Отпечаток разложения личности.

И ему они собираются доверить свой родной мир? Судьбы дорогих людей? Тихая госпожа, да оказывается тёмный мастер ещё не худшее из зол! Они допустили роковую ошибку, проведя этого человека... только человека ли? — в свой мир.

А может быть, это ему только кажется? Может волнения, надежда, непонимание, столкновение с новым... и последние дни, наполненные напряжением, ожиданием и страхом, всего лишь заставили разыгаться его воображение? Далик представлял спасителя по-другому и теперь пытался найти оправдание тому, что все оказалось совсем не так, как он надеялся.

Мало ли что успел пережить лорд Сергей? Какой была его семья и прошлое? Что у него — оторванного от привычной реальности мальчишки, заброшенного в непонятный чуждый и опасный мир, творилось на душе. И этот Девеан, больше похожий на цепного пса — сторожа, нежели обычного слугу...

Нет, Далик не должен думать плохо о Сергее, ему просто стоит попытаться лучше

узнать его, стать ему другом, научить, показать. А там может быть и из-за этой уродливой маски проглянет лицо доброго весёлого парня? И не придётся думать о том, что цена спасения их мира не важна... Да, если так случится можно будет прогнать эти мысли, ведь иногда дружба стоит куда дороже.

И пока он верит в это.

Далик покачал головой. Странные мысли... может это лес? Он так влияет на людей? Вот и Ларин, кажется, вздохнула свободнее, стоило им только выйти обратно — на лице женщины появилась улыбка. Его сестра сорвала с края дороги чахлую ромашку и теперь медленно обрывала лепестки, совершенно не смотря себе под ноги. И тоже улыбалась — так тепло, как умела улыбаться лишь она. Только этот странный нечеловек спутник спасителя, никак не показал, что почувствовал выход из магической зоны точки перехода — он один, так как даже лорд Сергей изменился.

Да... путь это и было почти незаметно. После того, как они только вышли из портала, выражение его лица можно было с натяжкой назвать растерянным — парень то и дело кривился, застыл, отводил глаза, задумывался над чем-то настолько, что не слышал, когда его окликали, постоянно пожимал плечами. И украдкой, думая, что больше никто не видит, дотрагивался тонкими пальцами до левой стороны груди, словно пытался унять боль. Нет... не так — это сначала Далик подумал о боли, но чем больше наблюдал за спасителем, тем чаще к нему начали закрадываться мысли о совсем другом сравнении, от которого он чувствовал озноб и слабость в теле: Сергей дотрагивался до груди так, будто проверял, бьётся ли у него сердце...

Но стоило им приблизиться к границе, как в нем что-то изменилось — за мгновение... секунду. Но заметил это почему-то только Далик: лицо Сергея затвердело, пустота взгляда перестала быть гнилой и мёртвой, в ней появилось что-то чуждое... хищное. Расчётливое. Теперь в этой пустоте читалось, что приговор вынесен и обжалованию не подлежит.

Кому? За что?

Что же всё-таки происходит? И если князь действительно ошибся...

Наверное, в первое путешествие меня больше всего потрясла религия этого мира. Когда слушаешь: тихая госпожа, безумная, слепая... так и не всегда задумываешься — кто именно стоит за каждым из этих красивых обозначений. А потом, когда простой на первый взгляд вопрос срывает с языка, понимаешь, что иногда паучиха так запутывает тонкие шелковые нити, так сплетает узоры, что лучше не вмешиваться — порвёшь. Только вот порой и понять оказывается слишком сложно.

Я зябко поежился, думая о том, что было бы неплохо к бесчувствию внутреннему добавить и физическое. Всё-таки переиграл я с одеждой: помнил про быстрые перепады температур, но решил, что лучше достигнуть нужного эффекта и померзнуть, чем кутаться в тёплый свитер, сверкая покрасневшим кончиком носа.

Тол-тарисс опустилась до уровня крыш небольшого селения. Умостила на деревянных досках, словно планируя задержаться на удобном месте дольше. Блеклый вечерний свет растекался по покатым неровным крышам. Тонкие лучи стекали по доскам, оставляя светящиеся следы, путались в пышных кронах садовых деревьев с мясистыми листьями и маленькими горькими плодами, которые замечательно укрепляли здоровье. Хрупкие стрелы

лучей пронизывали листву насквозь, и казалось, что растения светятся изнутри. Лучи путались в высокой траве, обрисовывали тонким контуром домики с низкими мутными оконцами, неровно стесанными брёвнами стен и красивыми резными ставнями, превращая их в небольшие, волшебные замки. Не смотря на то, что селение выглядело небогато, приходило понимание: здесь живут люди, для которых главное богатство — душевное.

Где-то тихо поскрипывали качели. Слышался детский смех. За невысоким заборчиком паслись несколько коз и тощая корова. Большой старый пес лениво поприветствовал нас взмахом хвоста и коротко пролаял, словно сообщая остальным о нашем приходе.

Религия... почему-то сейчас я часто возвращался мыслями к такому странному расположению фигур на доске.

Итак, три госпожи. Обозначений «богини» нет. Это неудивительно, часто создавая миры, творцы перенимают названия соседних реальностей и своих прошлых творений, но всему есть предел. Здесь можно было заметить одно из немногих исключений, когда создатель всё-таки почувствовал, что хватит лепить одни и те же куличики.

Слепая госпожа, безумная госпожа, тихая госпожа — три основы... камня, на которых и стоит любой мир: судьба, жизнь и смерть. Человек рождается, проходит отмеренный ему путь и уходит за грань, чтобы вернуться снова, но уже другим. Вечный замкнутый круг, который не сможет разорвать никто. И больше нет никаких второстепенных божков, пророчеств, книг и прочей чепухи. Точнее не так — есть посредники слепой госпожи и безумной — старший князь и тёмный мастер.

Тогда должен возникнуть вопрос: ведь если жизнь — безумная госпожа, то...

Да, хотя мне самому до сих пор сложно понять логику жителей этого мира. Но для них жизнь: тёмная сторона монеты... Препятствие полное боли, сомнений, ошибок, непонимания, потерь, которое нужно суметь преодолеть всеми силами. Иногда её называют Зверем, так обозначая безумие. Смерть, наоборот, олицетворяет долгожданный покой. Судьбе же отведена роль грани: пути от безумия жизни, когда нарушаются нормы морали ради минутной прихоти, к покою — знанию и миру.

Смерти не нужен представитель — она не требует, не воюет, не навязывает свои правила, не выполняет грязную работу чужими руками. Но приходит тихая госпожа только к тем, кто прошёл свой путь от и до, ни разу не сорвавшись и не свернув с дороги раньше срока.

Это рассказал мне Шарисс в один из последних дней своей жизни. Пламя толстых тёмных свечей металось, словно хотело сбежать. Вечные свечи, которые горели уже не одно тысячелетие, таяли, плача воском, словно чувствовали, что скоро дивный город оденется в траур.

Князь как обычно сидел в одном из мягких кресел библиотеки, повернув голову к окну, словно любовался башенками и переходами Старшего города, на который опускался холодный вечер, и в комнатах медленно зажигался свет. А я устроился на ковре около камина. Лежал на животе, смешно болтая ногами и перелистывая толстую старую книгу. И совершенно неожиданно задал этот вопрос: почему? Почему именно так и никак иначе? А потом долго слушал его рассказ об этих основах, о том, что не стоит менять судьбу и торопить события.

Когда-то:

— Тогда почему я здесь? Зачем тебе дан этот... дар: смотреть судьбы, если ты ничего не можешь изменить?

— Зато я могу исполнить предназначенное. Видишь ли, Сергей, иногда слепая госпожа завязывает в один узелок такие нити, что без посторонней помощи встретиться и переплестись судьбами их обладателям невозможно. Не зря ее зовут слепой — она не видит ни расстояния, ни времени, ни преград. И иногда чья-то жизнь ломается только потому, что рядом не оказалось того, кто помог бы сломать преграду.

— Значит, ты увидел, что я должен прийти? Знаешь, чем все закончится? Что со мной будет потом? — я вскочил на ноги.

Какая глупость! Даже если князь знает, он не расскажет. Но его лицо не умеет скрывать эмоции, и если мне удастся их прочесть...

— Какой ты смешной, — улыбнулся Шарисс, — подойди ко мне, — и когда я выполнил его просьбу, сказал, — дай мне руку, Сергей.

Его ладонь была холодной и какой-то игрушечной, словно я держал за руку фарфоровую куклу. И я ощущал его слепой взгляд даже через черную плотную повязку. Шарисс смотрел на меня и улыбался, так странно, что хотелось сорвать дурацкую полоску ткани — в его улыбке чудилось что-то лживое. Неправильное. Я помотал головой, спеша убедить себя, что это только воображение: князь не стал бы меня обманывать.

— Люди чаще всего из всех народов сбиваются со своего пути: эти тропинки не доступны взгляду моей госпожи, а значит и мне — ведь тогда их разумами завладевает безумие. Ложь, убийства, грехи: они меняют дороги. Но есть те, кому соткано убить и не измениться. Таков и твой путь, не бойся. Конечно, я видел и знаю, что тебя ждет, если не сойдешь с дороги. И что уготовано Ирэн, Далику, Эрику... всех, кроме себя самого. Напрасны попытки найти на моем лице желанные ответы. Ты замечательный друг, Сергей, но я видел столько судеб, и уже не могу относиться к тому, что вижу, как ты себе представляешь. Это удивительный спектакль! Поверь, у тебя будет необычная судьба. И этого достаточно. Живи, любуйся миром, чувствуй его, а судьба... Она решит, когда напомнить о себе.

— Ты ведь считаешь, что она главнее жизни и смерти? Хотя люди почитают тихую госпожу: говорят, что все судьбы ведут в ее объятия, и нет такой жизни, которая бы не закончилась покоем. Именно поэтому ей не нужен проводник. А Эрик... слуги мастера считают каждую жизнь бесценным даром, какого достойны лишь лучшие. Знаешь, с первым его утверждением я полностью согласен. Я уже видел смерти и не считаю их выходом. У нас в мире по-другому учат, очень похоже на мастера.

— Нет, не считаю. Все сестры равны: среди них нет слабых или лучших, играет роль только наш выбор. Но существует другая сила. Она выше их, хотя и зависит от каждой из сестер. Есть во множественной вселенной то, над чем не властны даже творцы. Ему нельзя приказывать, его нельзя подчинить. Правда, говорят, что живет в невообразимой дали кто-то, кого оно может послушать: замедлить или ускорить свое течение. Может, врут, я не знаю. Слышал: «Время рассудит»? Как бы ты ни жил, какую бы ни встретил смерть, по какому бы пути ни шел... время будет тебе судьей. Если слепая госпожа ребро, жизнь темная сторона, а смерть сторона покоя, то время — третья сторона монеты, которую ты когда-нибудь протянешь паромщику, чтобы он переправил тебя на тот берег к любимым людям. Но оно не любит поклонения. Ты все узнаешь, Сергей. Сам. Именно тогда, когда придет твое время.

Поверь так интереснее: самому делать следующий шаг, выбрать нужный поворот.

Сейчас:

Он знал...

Получается — князь всё знал. Это так просто!

Теперь, когда у меня появилось время не только переживать худшие часы жизни, я, наконец, смог все ещё раз проанализировать. Шарисс сказал, что он видит лишь те дороги, которые свивает для человека слепая пряжа. И тихая госпожа приходит лишь в том случае, когда человек проходит свой путь именно так, как и было вышито тонкими шелковыми нитями.

Князь видел всё, что ожидало меня, но ничего не сделал.

Не предупредил.

— Я всегда хотел посмотреть, какого цвета его глаза, — пробормотал я вслух, понимая, что улыбаюсь своим мыслям. Жестоким отвратительным мыслям, которые раньше не находили в пустоте отклика, но теперь, когда граница была преодолена...

Ирэн, услышав обрывок моей фразы, непонимающе нахмурилась, бросив ромашку с оборванными лепестками под ноги. Далик, который шел позади, что-то тихо говорил Ларин, кажется, они обсуждали ужин. А вот Девеан кивнул мне. Улыбка у него была нехорошая, так мог ухмыляться хищник, к месту засады которого неосторожно-близко подошла глупая добыча.

Нас уже ждали.

От дверей большого дома, старательно удерживая себя от того, чтобы не сбиться со спокойного шага на бег, к нам приближались два человека: маг Ферл и Тина — слегка прихрамывающая глава пятой гильдии, уже немолодая женщина с обезображенным шрамами лицом. Пепельные волосы, в которых больше седины, чем цвета, заплетены в косу и переброшены через плечо, темные глаза прищурены, рука в толстой кожаной перчатке сжимает рукоять меча, вторая отведена за спину, чтобы в любой момент выхватить короткий нож, смазанный ядом. Подобных ей людей жизнь с ранних лет приучает не доверять никому — даже собственной тени.

Пятая гильдия за глаза называлась несуществующей и формально все, кто имел к ней хоть косвенное отношение, были вне закона. Но если вам нужно было нанять убийцу, пятая гильдия могла предоставить специалистов самых разных профилей этого дела. Надежно, быстро, качественно. И лучшей из лучших убийц дорого заплатили за охрану спасителя.

Молодой маг с копной соломенных волос широко и открыто улыбался. Он первым не выдержал и побежал на встречу. Я вовремя отступил за Девеана, чтобы не быть заключенным в крепкие объятия. В первый раз всё произошло именно так.

Ферл остановился, поняв мои намеренья не оказаться раздавленным двухметровым гигантом с простодушным лицом ребёнка.

— Здравствуйте! — он развёл руками, словно показывая, что все это без злого умысла.

— Доброго вечера.

— Милорд, представляю вам ещё двух проводников, — вмешался Далик.

Как раз и Тина подошла к нам, презрительно разглядывая меня. Представления о том, как должен выглядеть спаситель, у неё было весьма простое: могуч, огромен и донельзя

крут. Но она всё равно отчаянно защищала меня до последнего своего вздоха, не веря, что я смогу убить Эрика.

— Да, я знаю... третья гильдия, старший исполнитель, двустихийник, Ферл — второе посвящение. И глава несуществующей гильдии — леди Тина. Это мой слуга и защитник — Девеан. Моё же имя — Сергей.

Наверное, не стоило смотреть им в глаза, пугая пустотой. Но как только слова отзвучали, всех куда больше заинтересовал смысл произнесённого, а не взгляд.

— Ты знаешь? Ты действительно он, спаситель?

— Подхожу ли я на роль вашего спасителя — скажет только Видящий.

— Вы хоть знаете, милорд, с какой стороны за меч берутся? — проворчала женщина.

Остальные проводники одинаково закашлялись от непочтительного обращения к лорд-спасителю. Ведь по условию они должны были с меня пылинки сдувать, однако, искренность Тины была куда лучше фальшивых улыбок. Очень качественных улыбок, ведь я до сих пор не смог почувствовать фальши, будто проводники улыбались мне искренне.

— Примерно представляю, — согласился я, — в моём мире это оружие давно вышло из моды, разве что если купить для коллекции. На мой взгляд, магия более эффективна в нападении и защите.

— Но держать щит вечно невозможно, — Тина ухмыльнулась, от чего безобразные толстые шрамы натянулись, превращая лицо в уродливую маску.

— Это не обязательно... — ответил, зная, что последует за этим.

Остальные даже не уловили мгновения, когда глава несуществующей гильдии направила отравленный кинжал мне в живот. Разве что Далик, но он успел отойти на несколько шагов к дому — слишком далеко для того, чтобы что-то исправить за считанные секунды. Наверное, многим знакомо ощущение беспомощности: ваза уже упала с полки, но ещё не разбилась, но вы отчетливо знаете, что не успеете её подхватить. Сейчас Далик испытывал то же самое.

Я не предпринимал ничего. Время замедлилось так, что казалось смогу несколько раз обойти по кругу женщину прежде, чем кинжал преодолеет расстояние в несколько сантиметров: по-настоящему доля секунды, не больше. Пустота сжалась в пружину, готовая развернуться и перехватить оружие, угрожающее её носителю. Но я не думал отходить с линии удара или ставить блок. Я ждал, когда же время снова ускорит свой бег.

Девеан перехватил кинжал: решил, что не стоит портить хорошую одежду. Мужчина негрубо сжал кисть Тины и забрал кинжал, не встретив никакого сопротивления. Внимательно изучив лезвие, он принялся, определяя яд, и отдал оружие обратно.

— Не стоит искать сложных путей, уважаемая Тина. Особенно, когда есть более легкие, но ничуть не менее действенные. А иногда и вовсе не нужно выбирать — все выходы могут пригодиться.

Проводники смотрели только на Девеана, кажется, у них успело сложиться весьма странное мнение о моём наблюдателе. Страх, неожиданные догадки, интерес... Игра становится всё забавнее. Кажется, я придумал, как ещё немного запутать их, чтобы подвести к нужному повороту.

Тина наклонила голову, разглядывая меня из-под неровно обрезанных прядей чёлки. Глубоко посаженные глаза с крошечной точкой зрачка что-то пытались отыскать на моём лице. И пустота совсем не пугала женщину.

Ирэн, попытавшись исправить ситуацию, попросила как можно скорее пройти в дом —

Тол-тарисс почти полностью скрылась за линией горизонта, оставив кусочек белого бока над чуть вогнутой чертой, чтобы дать нам ещё немного времени. Подсвеченные снизу ослепительно-белым цветом густые облака, сверху облачались в пурпурные тона, разделяя небосвод на две неравные части. Лучи младшей сестры — Рилл-ано, словно тонкие струйки крови, стекали по облакам к земле, прочерчивая вдали тонкую нить уходящей дороги. Казалось, что неширокий тракт за несколько секунд превратился в тот самый путь за грань, куда тихая госпожа уводит тех, чей срок вышел. Уводит в свет, где их ждёт тихий плеск реки и сгорбленная фигура паромщика, закутанная в серый плащ.

Через пару дней по этой дороге направимся и мы. Только над головой будет светить белая звезда и от прекрасной иллюзии не останется даже следа. Глубоко вдохнув уже холодный воздух, я прошёл за рассыпающимся в извинениях магом. Потом обернулся, зная, что Тина хочет что-то добавить.

— А если бы твой слуга не успел?

Я заметил, как напряглась спина Далика и Ирэн замедлила шаг, стараясь расслышать мой ответ. Покачал головой:

— Вы бы не причинили мне вреда, успев остановить руку. Впрочем, даже если бы не успели, меня всё равно это бы не убило...

Когда-то:

Деревенька оказалась на удивление уютной.

Мы вошли в неё, когда рассвет только-только начал окрашивать простые крыши блеклыми лучами. Условная граница — низкая плетень, в которой зияли дыры, оставила позади себя другую жизнь.

В первом же дворе нас лениво обляял большой пес со свалывшейся шерстью. Остальные собаки поддержали его сонной перекличкой и замолкли, словно сообщив хозяевам о появлении в селении чужаков, исполнили свой долг. Также лениво в чьём-то хлеву промычала корова.

Деревня лишь начинала просыпаться, не подозревая, что судьба пригнала на окраину земель тех, из-за кого через несколько лет король прикажет спалить здесь всё, включая людей. Нет, она даже радовалась, что покосивший домик деда Карда, который умер той зимой, снова наполнится жизнью. А глядя на молодую пару, можно говорить, что и до детского смеха недолго будет. Да и пригожие они... — хмурый парнишка с двумя небольшими котомками на спине, и ладная рыжая девушка, которая одной рукой пугливо цепляется за спутника, а другой держит в поводу хромающую лошадь. Приживутся. Видно по ним, что и выдержки хватит и упрямства. Да и, похоже, некуда им больше идти. И хорошо, они только украсят дружную семью, которой было это селение.

Деревня радовалась, расцветая, перед неожиданными, но уже любимыми гостями.

Староста появился на крыльце через десять минут. Бодрый, немолодой мужчина. Воин — по стати видно. Он оглядел вставших перед незапертой калиткой подростков единственным оставшимся глазом, усмехнулся:

— Совсем к нам? Или проездом?

Парнишка промолчал, продолжая смотреть перед собой. Уж не блаженный ли часом? Девушка ещё сильнее вцепилась в его руку, но звонко ответила мужчине.

— Совсем. Возьмёте?

Голосок у неё был замечательный. Под вечер в кругу односельчан одно удовольствие такой слушать, чтобы песни выводил задушевные. Только взгляд загнанный, как у волчицы. Явно собирается до последнего защищать паренька. Вон как глазёнки из стороны в сторону смотрят, словно нападения ожидает.

— А проблем с вами не будет? — уточнил староста.

— Нет.

Тут только парнишка и отмер, словно проснулся. Криво улыбнулся.

— Может и будут, да только мы постараемся, чтобы вас они не коснулись. Каждый за собой своё приводит... — правильно ответил он.

Сразу видно, несладко ему пришлось. Вон в волосах первая седина видна, а больше двадцати не дашь. И черты лица жесткие, затвердевшие... Жалко парня. Неужто, война его поломала? Или чего похуже. Главное, чтобы девчонка за него также держаться продолжила. Тогда точно вытянет.

— У конца деревни домик есть. Старый, конечно, но подправить можно. Вы там пока располагайтесь. Да, чтобы в полдень сюда пришли, ко мне. Всем селом будем знакомиться, и решать, как вам на первое время помочь, пока сами не разберётесь. Договорились?

— Да! Спасибо! — девушка, робко улыбнувшись, поклонилась мужчине. Парнишка только головой кивнул.

Староста проводил взглядом парочку — хорошо смотрятся. Она его вон как тянет, что-то шепчет. Сама не оставит, а уж там прошлое отпустит. Обоих. Уж по себе знает. Его-то Анигья вытащила. Вот и девчонка справиться, если действительно любит.

— Я же говорила — хорошая деревня, — Ирэн сжимала мою ладонь так, будто боялась, что я сейчас вырвусь и убегу. Зачем? Некуда мне бежать. И не хочу.

— Да, хорошая, — согласился я. — Родная, только ты сама говори, ладно? Не надо мне...

— Ладно, — девушка прижалась к моему плечу, когда мы остановились, разглядывая тот дом, который должен был стать нашим жилищем, — как думаешь, приживёмся?

И кто из нас кого поддерживает?

— Приживёмся, родная. Пойдём.

И мы смогли прижиться. Даже не смотря на то, что в деревне я заработал репутацию толи молчуна, толи раскаявшегося слуги мастера, а толи и вовсе блаженного. Кто-то меня жалел, старался помочь, кому-то не оставалось до меня никакого дела. Но ненавистников и лицемеров не видел — все было написано на лицах людей, легко читалось в глазах и улыбках. И как же это согревало разодранную душу.

Дни снова потекли неспешной рекой.

Утро сменялось днём, день ночью, ночь утром. Лето отступало под натиском осени. Как-то таинственно и незаметно, никому не говоря, начала желтеть листва. Просто однажды утром под ноги упал первый бледно-жёлтый с грязными пятнами лист. Потом, ночью по кое-как залатанной крыше прошуршал маленький дождик, и тем, кто его слышал, стало ясно — наступила осень.

Подкралась на мягких лапах и закружилась листопадом, танцуя солнечными бликами на окошках домов и мутных стеклах небольшого святилища тихой госпожи. Она искрилась в

улыбках маленьких детей, которые с каким-то завораживающим упоением игрались с кучами ароматной листвы.

Я мог до одури смотреть на танец листьев и слушать прощальные крики улетающих птиц, но только всё равно не мог наглядеться. Я проверял силки в лесу, принося домой мелкую живность. Долго гулял меж морщинистых стволов огромных деревьев, собирал удивительно большие вкусные ягоды.

А листья всё падали под ноги селян, смешиваясь со склизкой грязью. Дожди усиливались, ясные дни угасали. Неделя уходила за неделей.

Осень умирала.

В порыве вдохновенья я как-то сравнил её с раненым воином, который лёжа в луже своей крови, спокойно смотрит на врага — зиму. Воин не кричит попусту проклятья, не захлебывается ужасом, вызывая отвращение, не читает мораль о добре, добиваясь слезливой жалости. А небеса оплакивают осень. И, сливаясь с криком последней птицы, она умирает, чтобы вновь воскреснуть в блеске золотых листьев, и снова уходит, сраженная зимой.

Чтобы однажды привести в хороводе листопада сотню суровых гвардейцев с коротким и очень простым приказом короля Далика первого — «уничтожить всех»...

Сейчас:

Далик проснулся незадолго до восхода, как он надеялся, первым. Оставалось достаточно времени, чтобы привести в порядок мысли, потренироваться на заднем дворе, освежиться ведром ледяной воды, после чего позавтракать. Именно таким был распорядок каждого его утра после совета, когда сказали, что одним из проводников должен стать именно наследник его рода. Выпало Далику, больше никто из его семьи не смог вытянуть карту воина. Все правильно: воин, убийца, маг, служительница слепой пряжи и случайная душа — вот нужный расклад для безопасности спасителя. Далика начали готовить, чтобы он смог выполнить возложенный на него долг. Сначала изнеженный аристократ проклинал тот день, когда радовался, что выбрали именно его. Потом впал в безразличие, механически выполняя все требования преподавателей. Теперь привык настолько, что получал удовольствие от ранних тренировок и запретов.

Жители селения досматривали последние сны. В мире Далика было принято подниматься только через час после восхода Белянки — так в простонародье называли Тол-тарисс. Всё равно времени на хлопоты и отдых оставалось достаточно. Дни были долгими, и не менее длинными — ночи.

Молодой мужчина быстро прошёл по коридору мимо комнат своих спутников, прислушиваясь к сонной тишине. Спустился на первый этаж, стараясь не наступать на скрипучие половицы. Поежился, представляя, какой холод ждёт его снаружи и, улыбнувшись, вышел на крыльцо.

Под льняную рубаху сразу заползли щупальца утреннего ветра, проверяющего крепость раннего гостя нового дня. Ночной туман, нехотя распадаясь на клоки, проводил его до внутреннего двора, намочив штаны и заставив подумать о том, что в следующие разы проще поупражняться в нижнем зале. Сейчас важнее было сбереечь своё здоровье, чтобы в любой момент быть готовым вступить схватку, защищая спасителя. И физической форме Далика ближайшие дни вряд ли будет что-то угрожать. В конце концов, тренировки под крышей ничуть не хуже, чем на ледяном рассветном ветре.

Только вот небольшой пяточок заднего двора уже оказался занят. Услышав чужие голоса, Далик не думая прижался спиной к покрытой изморозью стене дома и крадучись подобрался к углу. Выглянул.

На широком бревне сидел лорд Сергей: тощий, болезненный, с этой нелепой растрепанной косой. Сейчас он казался обычным ребёнком: чересчур широкая и грубая рубаха для ночного сна лишь добавляла ему хрупкости.

— Я не хочу учиться драться! Зачем меня надо было будить так рано? — воскликнул Сергей, обхватывая себя руками за плечи в безуспешной попытке согреться, — почему нельзя нормально выспаться?

— Не желаю, чтобы остальные видели твой позор, когда ты эту железку даже поднять не сможешь, — презрительно выплюнул слуга...

Впрочем, теперь Далик засомневался, что громила был именно слугой.

— Я не собираюсь её поднимать.

Мальчик попробовал вскочить с места, но был немедленно схвачен за плечо. Мужчина увидел, как спаситель болезненно охнул, и на глазах выступили злые слезы — видимо Девеан сжал слишком сильно.

— Ты будешь делать то, что скажу я, — спокойно разъяснил он, — не разочаровывай меня ещё сильнее, иначе...

— Иначе что? — воскликнул Сергей, Далик даже испугался, что своим криком он перебудит остальных спутников, — боишься, что в следующий раз не успеешь перехватить чей-нибудь кинжал, не хватит сил? Так не страшно — я лучше сдохну! И...

Договорить он не успел — Девеан ударил мальчика по лицу, заставив замолчать и осесть на землю. Далик увидел, как Сергей схватился за покрасневшую щеку, поднял взгляд на мужчину и осторожно слизнул выступившую из разбитой губы кровь.

— Ты и так мне уже подчиняешься. Разве не замечательный спектакль мы успели разыграть? Ну а сдохнуть, мой друг, ты всегда успеешь.

Он резко дернул подростка за волосы, поднимая на ноги.

— Накричался? Доволен? Бери меч и не заставляй меня причинять тебе боль. А тс скоро остальные проснутся...

Мальчик ещё раз всхлипнул, но послушно взял протянутый Девеаном одноручный меч. Ухватился на рукоять двумя руками, видимо, ему было действительно тяжело...

Далик осознал, что надо срочно что-то делать: вмешаться? Разбудить всех? Подождать и потом расспросить обо всем самого Сергея? Подняться наверх и опустошить графин с холодной водой. Если действовать необдуманно, можно сделать только хуже.

Но что же, бездна его возьми, происходит?

Глава 2.4 Когда ответы не нужны

Молитвы, да пророческие сны
Отсрочат подведение итога.

Да, это трудно — быть самим собой...

Но, коль молитва не дошла до Бога,

То вдруг ее услышал тот — другой?

Андрей Белянин

— Бездна!

Дождавшись, когда Далик отойдёт на достаточное расстояние, я брезгливо отбросил меч. Дотронулся до губы, которая никак не хотела заживать. Пустота затаилась под пристальным взглядом надзирателя и не спешила меня лечить. Слизнул выступившую кровь.

— Ты не мог бить не так сильно? Кажется, я не просил себя калечить.

Девеан только развел руками.

— Извини, как там? — «не удержался» — соблазн был велик.

— Дать мне пощечину, как истерящей девчонке?

— Истерящей тряпке, — поправил меня надзиратель, — которую ты очень успешно из себя изобразил. Только зачем? Нет, мне понравилось, я даже не прочь повторить на бис. Но объясни, к чему этот цирк?

— Захотелось, — огрызнулся я, ежась от ледяного ветра.

— Лжец, — усмехнулся мужчина и опять протянул мне меч. Кажется, температура, стремящаяся к нулю, его ничуть не трогала, и чувствовал себя Девеан комфортно. — Бери, сказал «а», придётся и «б» говорить. Всё равно, раз ты решил поиграть в спасителя — они возьмутся за твою боевую подготовку.

Я покачал головой, разглядывая тусклое лезвие грубой работы, провел по нему ладонью, несколько раз крутанул его, проверяя баланс. Кивнул.

— Им нужно сделать выбор: идти дальше, слепо доверяя старой паучихе, или же попытаться самим разобраться в происходящем. В любом случае игра в спасителя продлится только несколько дней. Каждому по делам его, от того, что они выберут, зависит, как умрут. А сомнения... — они разъедают кровь и разум. Было необходимо, чтобы вера в спасителя пошатнулась...

— Мне не зачем учиться драться, — добавил я.

Надзиратель выглядел, откровенно говоря, удивлённым, он сощурил глаза и неожиданно атаковал.

Я мог увернуться, чтобы не портить его меч или применить пустоту, но иногда слова стоит подкреплять действием. Возможно даже эффектным действием, в чём-то театральным. Я напряг плохо натренированное тело до предела, попытавшись почувствовать

оружие: для этого не нужно иметь душу, даже наоборот. В несколько секунд меч Девеана осыпался к ногам мужчины ровными обломками. Я стоял за спиной надзирателя, приставив острое к его левой лопатке.

— Недооценил я тебя. Не обольщайся, больше такого не повторится.

Конечно, в следующий раз я воспользуюсь пустотой. И конечно, не стану объяснять, откуда у меня это умение. Я ведь никогда не мог обращаться с оружием. Даже сейчас не умею. Но вот Эрик всегда был превосходным мечником. Здесь, в моей груди, его часть. Вот и все секреты. Его знания — это мои знания. Абсурд, но сейчас во мне находятся те воспоминания и умения мастера, которые он ещё не скоро получит, если конечно, успеет получить. Как же всё-таки интересны парадоксы времени.

Вспомнив об одном вопросе, я обратился к надзирателю.

— У творцов есть целая академия, которая изучает временные парадоксы. Не так ли?

Не удивившись смене темы, Девеан послушно ответил.

— Отдельной академии нет. Она одна — по изучению, систематизации, созданию миров и налаживанию между ними контактов. А в ней, кроме всего прочего, есть два отдела — один создаёт временные парадоксы, а другой их изучает. Для этого выделен целый ареал в междумирье, где можно проводить эксперименты. Он наглухо запечатан и, чтобы получить к нему доступ, нужно приложить нечеловеческие усилия. Перед каждым целенаправленным вмешательством во время и пространство отдельного мира изменения моделируют и анализируют в этих отделах. Малейший промах в расчётах, и грани захлопнутся. Наступит конец. Есть такой закон... во множественной вселенной их предостаточно, но этот один из самых интересных. Парадокс не может возникнуть просто так, только создаться извне. Но по теории вероятностей, если произошёл один парадокс, возможность того, что именно здесь и сейчас случится второй — никем не санкционированный — появляется.

— Но тогда почему меня так просто отправили в прошлое? Изменили столько всего и так необдуманно — из-за капризного ребёнка. Что, если я сделаю что-то неправильно?

Девеан грустно улыбнулся, явно раздумывая, что мне ответить: соврать или же просто не сказать всей правды.

— Сергей, это сложно. Возможно, потом, когда ты узнаешь творцов, поймёшь, что все они разные. Каждый олицетворяет индивидуальную силу. Ты не найдёшь среди них даже похожих. А Пресветлая мать другая... она не относится к поколению творцов, единственная в своём роде. После неё творцы нужного уровня перестали появляться. Последняя и самая могущественная, в ней одной соединяются индивидуальности всех — кто-то называет это эффект тени. Тени подстраиваются под своих обладателей, могут менять формы. Кто-то называет: принцип отражения, будто она может лишь копировать то, что видит, а потом в своём сознании увиденное и запечатленное преломляет и изменять. Её сила не поддаётся классификации. Она распространяется даже на время. Нет, Алевтина не управляет им: глупец или самоубийца тот, кто решит, что может заставить эту силу считаться с собой. Алив умеет говорить с ним, и оно слушает. Как тогда, когда ты случайно повернул год. Ошибки ведь всегда случаются, даже запрограммированная машина может допустить просчёт — пусть минимальный, но просчёт. Сколько раз вселенная уже стояла на грани. Алив останавливала подобное не единожды. Она Великая — не станет её, не станет никого. Она может позволить себе все что угодно, пока время готово слушать. Повезло, что именно она нашла тебя. Или не повезло — это с какой стороны посмотреть.

— А с какой стороны не посмотри, всё равно получается криво. Всесилие на то и

всесилие, чтобы не быть односторонним или иметь одно лицо и обозначение. Так что либо творцы не всесильны, либо ты не умеешь красиво врать. Пойдём обратно, скоро проснутся остальные и мне хочется избежать вопросов.

— Как скажешь...

Когда-то:

— Как ты думаешь, есть жизнь после смерти?

Даже не вопрос, скорее размышление вслух. Ирэн сидела на деревянном подоконнике и смотрела куда-то в ночь, позволяя скупым лучам ночной звезды, освещать её лицо потусторонним светом. Это короткое время, когда две другие сестры уже скрылись, и редкого света третьей хватало только на то, чтобы укрывать мир мертвенно-белым одеялом. Ажурным узором лучи падали на стекающие огнём кудри, очерчивали резкую линию плеч, фигуру в потрёпанной рубашке, обрисовавшийся живот.

Я, оторвавшись от того, что в будущем должно было стать детской игрушкой, с волнением осмотрел её.

— Родная, что-то случилось?

— Нет, что ты, — Ирэн отвернулась от окна, хотя в глазах по-прежнему отражались звёзды, — мне просто интересно. Или ты собираешься жить вечно?

Чуть лукавая улыбка, такая родная, такая совершенная. Пальчики перебирали тонкую цепочку с небольшим янтарным кулоном — мой подарок.

— Конечно, не собираюсь, ведь это так скучно. Нет, Ирэн, не хотел бы я жить вечно... — помотал головой, отгоняя странные мысли.

— Я тоже, — она улыбнулась, снова возвращаясь к созерцанию ночи, — а это значит, что когда-нибудь мы умрём. Я не боюсь смерти, просто как-то странно осознавать, что в один момент меня не станет. Сотрутся незаконченные дела. А для других всё продолжится или только начнётся, и все эти люди даже не будут подозревать о том, что меня не стало. Забвения — вот чего я боюсь. Того, что в один момент всё, что было важным для меня, станет ненужным. Меня забудут. Ведь что-то же должно остаться?

— Конечно! Останется душа. Смерть — не конец, — говорить стало невыносимо сложно, и смотреть в глаза Ирэн, в которых стояли слёзы, — ты же знаешь это, родная Мы обязательно встретимся на том берегу, куда переправит нас паромщик. Я узнаю тебя, чтобы не сделало с нами время. И на тебе будет этот янтарный кулон. И не важно, что здесь нас рано или поздно забудут. Важно, что там будут ждать Шарисс, Тина, Ферл... все, даже Эрик.

Улыбка вышла кривая, но искренняя.

— Да уж, — Ирэн тоже выдавила улыбку, — и там всё начнётся сначала? Жизнь? Работа? Или безделье до нового перерождения?

— Извини, но этого я уже не знаю. Кажется, тебе пора спать.

— Да, конечно, сейчас пойду. Красивая ночь: тихая, звездная. Жаль, что ты не любишь созерцание — посидели бы вместе, посмотрели на небо... — она мечтательно закрыла глаза, но, вздохнув и осторожно придерживая живот, слезла с подоконника и потихоньку пошла в комнату. Остановилась у маленького порожка.

— А все души остаются?

— Все.

И тогда я в это верил...

Сейчас:

Следующий разговор с Девеаном состоялся только после обеда. Может, надзиратель не хотел со мной пересекаться, опасаясь очередных щекотливых вопросов. А может, это я сам не хотел слышать ответы, так как вопросы уже сами по себе получались сложными и... страшными. Моя повреждённая психика теперь выстраивала совсем другую картину вселенной, нежели чем раньше.

Как, оказывается, интересно узнать, что, по сути, мы никому не нужны. Да, я уже давно знал это, но ещё раз услышанное подтверждение тем словам ассоциировалось с печалью: Единый создал игрушки для своих жестоких детей и ушел, заточил себя, чтобы не нести ответственности за свои поступки... — слишком по-людски сбежал. И его не заботит то, что нас ломают, стравливают, уничтожают, дают и изменяют имена, придумывают сюжеты и жизни. Именно играют, отламывая куклам головы, чтобы посмотреть, что такого интересного может быть в пластмассовом теле. И нет ничего странного в том, что этим детям тысячи лет, и сами они себя детьми не считают.

Раскачиваясь на скрипящих старых качелях, я с неожиданной ассоциацией отвращения подумал о том, на что согласился. Исполнять приказы этих безумцев, которые называют себя творцами. Что может придумать их извращенная фантазия? Быть слугой Бездны куда спокойнее, она хотя бы не пытается изображать, что поступает во благо. Проще.

Но я не лучше них?

Они ведь ещё пытаются говорить что-то про долг, предназначение... — вот их слабость, куда надо бить, чтобы освободить себя от глупого бремени. Чтобы, наконец, стать свободным.

Сейчас я готов заплатить цену, которую требует время.

Остальных не было видно, мои проводники предпочитали проводить время под крышей. Далик после того, как долго меня рассматривал за завтраком, ушёл в свою комнату. Тина просыпаться не собиралась, используя свободное время с толком, чтобы потом внутренних резервов организма хватило на максимальное количество непредвиденных обстоятельств. Ларин решила быть рядом с Даликом, моментально почувствовав, что её любимого что-то беспокоит.

Одна только Ирэн устроилась на невысокой лавочке расположенной поблизости от качелей. В руках девочки был небольшой блокнот, она рисовала. Я помнил об этом увлечении из прошлого, но никак не мог найти в обрывках воспоминаний хоть один рисунок. Она всё время прятала их от меня, а потом... Потом разом стало не до этого. Изредка Ирэн поднимала на меня глаза и почти тут же, боясь встретиться взглядами, возвращалась к делу.

Простые люди занимались повседневной работой, большая часть жителей ушла в поле, в основном молодые женщины. С десятков мужчин ладили на окраине селения новый дом — весть о чьей-то скорой свадьбе. Даже дети старались быть полезными родителям, словно забыв, что эта пора принадлежит играм и веселью. Вот недавний знакомый мальчишка помогает отцу — пока тот колет дрова, он перетаскивает готовые полешки и ровно укладывает их. Белая звезда чинно шествует по небосводу, радуя всех нежарким полуднем и ярким небом с большими громадами быстро меняющих форму облаков. Кажется, что все

ветра устремились ввысь, играть с этим облаками, забыв про землю — здесь безветренно, и мясистые листья деревьев кажутся пластилиновыми игрушками, которые какой-то чужак прилепил к широким раскидистым ветвям.

Всегда любил качели. Не знаю почему, но они успокаивали меня. И этот тихий скрип, и удивительное ощущение полёта, и спокойствие, словно два невысоких столба, к которым приделаны качели, отделяют меня от всего мира. И память молчит...

Я даже не заметил, когда ко мне подошёл Девеан. Только что мое уединение ничто не нарушало, и тут за спиной возникла тень надзирателя. Даже не поворачиваясь, я мог с уверенностью заявить, что мужчина сверлит мою спину тяжелым взглядом, а губы его кривятся в усмешке.

— Не могу сопоставить несколько фактов в логическую цепочку, — начал он, видимо ожидая какой-то определённой реакции.

— И что тебе мешает?

— Ты... с утра я отвечал на твои вопросы, а теперь хочу услышать ответы на свои.

— Задавай, возможно, я даже не стану врать.

Девеан проигнорировал последнюю фразу, прямо подмечающую, что надзиратель не был честным со мной, и откровенничать я не собираюсь. Он с минуту раздумывал, что хочет узнать первым, после чего спросил.

— Почему ты поставил вопрос: не зачем тебя предали, а когда они это сделали?

Покачал головой.

— А какая разница? Даже навскидку можно назвать множество причин, и неважно — предали меня из-за трона, личной неприязни, или потому, что им всего лишь нечего было делать. Факт останется фактом: они предали. Но вот вопрос, когда... я ведь, как мне казалось, умел неплохо чувствовать фальшь, и друзья были искренними. Мы много говорили, смеялись, шутили, не раз друг другу жизни спасали, мечтали, делились сомнениями. И сейчас я точно знаю, что ни Ларин, ни Далик не думают о предательстве — новый я скорее интересен им, но никаких подозрений или отвращения не вызываю. Сначала думал найти этот переломный момент, когда они посмотрят на меня по-другому. Поставил что-то вроде порога — не могу их убить, пока они не переступят его. Тот спектакль с утра был проверкой. Я вызвал сомнения... — они всегда выступают первым шагом на пути предательства. Но теперь уже ничто неважно. Я не буду ждать. Чем скорее этот раунд завершится, тем лучше. Понимаешь?

— Почему же не понимаю? — удивился Девеан, — все более чем прозрачно. Ты боишься, что ошибся, Серег. И хочешь скорее завершить самую грязную работу, чтобы не узнать правды.

— Я не могу испытывать страха. Нет никакой правды, только игра.

— Больше и вопросов нет, на остальные я в состоянии дать ответы самостоятельно.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как усмехнуться — уходя от качелей, Девеан негромко, но так, чтобы я слышал, прошептал:

— И я не хочу знать, почему в этом случае ты подталкиваешь их к предательству, будто сам не веришь себе... — остальную часть фразы мужчина не стал договаривать, скрывшись за дверью дома.

— И хорошо, что не хочешь, некоторые ответы не стоит произносить вслух, даже если знаешь их, — прошептал я, обращаясь к себе самому.

Я спрыгнул с качелей и приблизился к Ирэн. Девочка прижала небольшой блокнот к

груди, во взгляде перемешались опаска и ожидание. Янтарный кулон ярко блеснул в лучах Белой звезды. Какая же она светлая и солнечная: и смешные веснушки, и чуть вздёрнутый нос, и рыжие волосы. И сама девочка казалась оплетённой лучами звезды, как защитным коконом... — оберегающим от меня. Привыкшие за много лет глаза заболели от невыносимо яркого света души хрупкой девочки.

— Привет, — я постарался улыбнуться и прикрыл глаза, чтобы не пугать её пустотой, — ты рисуешь? — устроился рядом с Ирэн на лавочке.

— Немного... — девочка смотрела на меня во все глаза, — я училась сама и потому...

— И поэтому стесняешься своего дара?

— Неправда! Почему ты так думаешь?

Психология останется психологией и в другом мире. Даже с небольшими знаниями в этой области можно добиться от человека нужной тебе реакции и направить. Особенно, если ты хорошо его знаешь...

— Потому что, если я попрошу показать твой рисунок, ты смутишься и попытаешься перевести тему, а потом будешь долго отговариваться тем, что он ещё не закончен, и это всего лишь черновик, а рисуешь ты на самом деле лучше...

Ирэн действительно смутилась, постаравшись скрыть пятна румянца на щеках, наклонив голову, чтобы волосы, упав вперёд обрезанными прядями, скрыли её лицо. Совсем ещё ребёнок, которого до последнего не желали брать в это страшное путешествие — ведь она оказалась совершенно не подготовлена. Но слепая пряха рассудила, и остальным пришлось подчиниться. Именно поэтому её всегда опекали, как только было возможно. Даже Тина, считающая, что человеку нужно избавляться от наивности как можно раньше, старалась по мере своих сил укрывать девочку от сложностей пути. И всё только ради того, чтобы конец удалось оттянуть на целых десять лет... Сколько мне тогда было? Двадцать семь? Тридцать? Может меньше. А Ирэн? И что дали эти года? Ничего. Сколько бы кто ни говорил, но повзрослеть нам так и не удалось — не позволили. Разве что я многое понял. Но так и остался пареньком-неумехой.

— Вот... — девочка, протянула мне блокнот, так бережно, словно он был сделан из чего-то невероятно-хрупкого, — только прошу, не смейся...

— Не стану.

Почему-то я вовсе не удивился, когда на тонкой страничке увидел изображение себя на качелях. Похоже, разве что взгляд живой, а так и пропорции соблюдены, и качели словно вот-вот придут в движение, и даже какие-то мелкие детали прорисованы. Ещё раз посмотрев на рисунок, я повернулся обратно к Ирэн. Она сидела, теребя тонкую цепочку, словно собиралась её порвать, но не решалась, закусив нижнюю губку и странно наморщив носик, готовая расплакаться в любой момент.

— Даже не знаю, что сказать. Если похвалю — это не будет выглядеть так, будто у меня мания величия? — фразы давались просто.

— Нет — не будет! Тебе правда нравится?

— Да, ты изумительно передала движение.

Я начал перелистывать блокнот. Вот схематично изображенный Девеан. Сидит в пол оборота и непонятно чему хмурится, рисунок явно незакончен, линии резкие, грубоватые. Впрочем, как и сам надзиратель. Вот улыбающаяся Ларин. Следом картинка, изображающая наш парк. И...

Я сглотнул, увидев следующий портрет. Даже не сразу понял, почему так сдавило горло.

Но когда взгляделся в лицо молодого мужчины, узнал себя. Того, прежнего, который никак не мог заставить себя радоваться балу. Даже половинка маски была изображена точь-в-точь, с досконально повторённым узором, уж я-то его хорошо запомнил.

— Кто это? — голос прозвучал ровно, привычно без единой эмоции.

— Это? — девочка заглянула мне через плечо, пытаясь понять, о каком из рисунков идёт речь, — извини. Это... я так себе спасителя представляла. Ты только ничего не подумай, пожалуйста.

— А что я должен подумать? И извиняться не за что... — взгляд, улыбка... кулон, которого пока у Ирэн никак не могло быть.

— Мне сон приснился, такой глупый, будто я на балу в честь освобождения танцую вот с этим мужчиной. И точно знаю, что он спаситель. Вот и нарисовала, как запомнила.

— Да, сны часто не совпадают с реальностью, — подсказал я, — только почему, если тебе снился праздник, у него в глазах такая тоска?

Ирэн только плечами пожала, с грустью смотря на свой рисунок — не нужно было быть гением, чтобы понять — она мечтала именно о таком спасителе. Или нет? И к грусти примешивались безнадежность и горечь. Ведь иногда сны, напротив, наперекор всем ожиданиям в реальности повторяются.

...Мы обязательно встретимся на том берегу, куда переправит нас паромщик. Я узнаю тебя, чтобы не сделало с нами время.

Прости, родная.

Я еще раз сказал Ирэн, что рисунки замечательные и быстрым шагом направился к концу селения, где должен был находиться старый полуразвалившийся сарай. Надо было о многом подумать. И многое решить. Просто именно там, в прошлой жизни, через двадцать минут я должен был первый раз встретиться с Эриком...

Когда-то:

— Ирэн, я не псих! Пойми, я не сошёл с ума! — зажал ладонью рот и с отчаяньем посмотрел на жену.

Странные припадки начались не так давно. Сначала Ирэн заметила разговоры во сне. Потом меня стали преследовать видения. Словно я был Эриком. Воспоминания, наполненные насилием, жестокостью и болью. Советы его служителей, многие из которых были мертвы, а другие медленно подышали в Бездне. Но я точно знал, что это не галлюцинации. Всё было по-настоящему, но только в прошлом.

Потом началось это: неконтролируемые выбросы магической энергии, непонятное желание убивать. В какие-то мгновения кто-то другой завладевал моим разумом. Я ломал всё, что мог, кричал что-то невнятное, пугая соседей — они даже ходили жаловаться старосте, наносил себе повреждения, но пока, спасибо тихой госпоже, не трогал Ирэн.

Слабость, постоянная головная боль, плохой сон и мучавшие кошмары и видения. За месяц стал похож на мертвеца, но категорически отказывался сходить хотя бы к сельской лекарке — старенькой женщине, которая проживала за два дома от нас.

— Пойми, родная, я не сумасшедший. Пожалуйста, поверь.

Крики постепенно перешли в шепот.

— Это всё война, потери... Или ещё что-то. Не знаю, но я нормален. Да, это всё война... только она одна виновата.

— Серег, пойми, я верю тебе, но это с каждым разом становится всё сильнее. Я боюсь, потому что пару раз казалось, что в эти мгновения вижу Зверя в твоих глазах. Я не знаю, что останавливает тебя, иногда воображение слишком явно рисует мне, как твои пальцы тянутся к моему горлу. Правда, боюсь.

— Ирэн, родная, милая, что ты говоришь? Я никогда не смогу причинить тебе боль, — отчаяние заполняет всё моё сознание. Проблески Зверя. Бездна, спаси нас! Но этого не может быть, — у тебя есть амулет, ты, если что, сможешь защититься...

Глухо и безжизненно. Теперь страх прокрался и в моё сердце.

— Пойми, что и я не смогу причинить тебе боль! — Ирэн покачала головой и истерично рассмеялась, — мы говорим, как в каком-то глупом романе. Боюсь, что ты меня не трогаешь только из-за ребёнка, — она осторожно дотронулась до большого живота и неожиданно улыбнулась — видимо, малыш толкнулся, почувствовав тёплые ладони своей мамы.

Закрыл глаза. Как же всё это надоело. Если это роман, то надеюсь, он скоро закончится. Устал видеть, как Ирэн переживает, как мы загниваем в этом разваливающемся доме. И что осталось от нашей любви? Такие глупые фразы. Не знаю, наверное, мы просто привыкли быть вместе. Время, как всегда, обыграло нас. И мы не шепчем друг другу заветные слова не потому, что любовь не требует подтверждений — просто они могут отозваться пустотой. Боимся признать, что от нашей любви остался только не рождённый ребёнок. А может быть, это просто лето: дождливое и безрадостное виновато во всём. И на самом деле любовь ещё жива. Хотя, что для нас это слово означает?

— Ирэн, ты уверена, что видела? — такая неуверенная надежда. Родная, пожалуйста, солги! Не говори правду, я не хочу её слышать. Не выдержу.

— Прости, Серег, но это правда, — женщина, закусив губу, отвернулась.

— Но этого не может быть! — сорвался на крик. — Не может! Понимаешь? Я уничтожил его! Исполнил своё предназначение! Всё, как говорил Шарисс...

— Послушай, Шарисс мёртв. И теперь его слова не стоят ничего. Посмотри на нас и скажи, если бы он это видел, разве не предупредил бы? Не попытался найти другой путь?

— Зачем ты меня мучаешь... — во мне что-то сломалось.

— Я не мучаю тебя, — она устало опустилась в кресло, бережно придерживая руками живот, — лишь пытаюсь найти объяснение тому, что происходит. Пожалуйста, Серег, давай сходим к Мирис, все-таки она лекарь. Вдруг твоему состоянию есть другое разумное объяснение? Просто послушаем, что она скажет...

— Хорошо! Но я не псих, — в который раз повторил эту фразу, словно пытаюсь убедить в этом себя самого.

Ирэн, прости, родная, я хотел как лучше. Чтобы оказалось чуть-чуть больше счастья. Чтобы всем было хорошо. Пусть эти фразы выглядят такими глупыми — теперь я это понимаю, но разве они неправильны? Мир во всем мире? — но все не могут быть счастливы. Свобода для одного — это рабство другого. Мальчишеское стремление всё переделать под себя, построить такой мир, чтобы в нём можно было жить. С тобой, родная. Что плохого в этом желании? Только в новом мире не нашлось для меня места. Но я не хотел, чтобы ты тоже страдала. Правда, не хотел... Кажется, здесь в этой крошечной деревне у нас всё только-только начинало налаживаться, а теперь снова рушились иллюзии.

Как же боюсь того, что ты всё-таки окажешься права...

Сейчас:

Я не помнил, как в прошлой жизни оказался в этом небольшом сарайчике. Наверное, к нему привело обычное любопытство — не больше. Гулял по узкой улочке, с интересом рассматривая дома, и увидев полуразвалившееся, никому ненужное строение, решил заглянуть...

А там встретился со своим кошмаром, который безошибочно почувствовал, где меня можно найти так, чтобы не пересечься с остальными проводниками. Тогда мастер хотел всего лишь познакомиться — это заняло минуту и всего несколько фраз, но вполне хватило, чтобы поселить в сердце липкий страх перед мальчишкой-ровесником с добрым взглядом безумца.

Сейчас же на встречу я шел целенаправленно, лишь изредка поглядывая на другие дома, чтобы создать хоть какую-то иллюзию прогулки. Даже пустота внутри напряглась, поднимаясь волной странного предвкушения, предчувствуя новый виток игры... нет не так, до этого было вступление, сейчас же предстояло разыграть первую партию. И от её результатов зависело очень многое.

В новом мире и времени сарай казался ещё более жалким. Я долго удивлялся ещё тогда, почему жители деревни забросили его, не используя и не снося. Ведь это нерационально. Потом кто-то из деревенских подростков рассказал, что связаны с этим местом какие-то плохие воспоминания и тёмная история, и из-за этого его все боятся. Но если сарай убрать — поселившееся в нём проклятие вырвется на свободу.

Не стану спорить — в жизни, впрочем, как и в смерти, случаются разные вещи...

Эрик ждал меня.

Он поднялся на встречу с наколдованного стула, который смотрелся настолько нелепо под прогнившей крышей, пропускающей звездные лучи, и покосившимися стенами, что я остановился у двери, дотронувшись рукой до шершавого косяка, даже не смотря на то, что в секунды магия развеялась. Белая звезда била в спину ярким светом, окутывая меня легкой вуалью и густым черным цветом вырисовывая на досках пола четкий контур тени.

Темный мастер улыбался — просто и искренне, как умел улыбаться только он. Наклонил голову набок, рассматривая меня, слегка прищурившись от ярких лучей. Чуть склонился, приложил ладонь к сердцу — по этикету именно так полагалось встречать равного себе по силе.

— Здравствуй, лорд-спаситель... Я не мог не поприветствовать тебя в нашем прекрасном мире... Моё имя...

Договорить он не успел. Мне хватило всего доли секунды, чтобы переместиться к нему за спину, прижав к горлу Эрика лезвие кинжала, который до этого момента был спрятан в трости. Слегка нажал, чувствуя, как набухает капля крови, скатываясь по коже на воротник его белоснежной рубашки.

— Здравствуй, Эрик, тебе не нужно представляться... — прошептал я, — меня же ты всегда предпочитал называть по данному при рождении имени — Сергей, но сейчас можешь ограничиться «господином» или «милордом».

— Что ж... — кажется, мастер усмехнулся, — пожалуй, я выберу другой вариант.

Он резко шагнул вперёд, прямо на лезвие. Однако вместо стали его горло повстречалось с пустотой. Отдернув кинжал, я спокойно подождал, когда Эрик повернётся в мою сторону. После чего, встретившись взглядом с тёмно-синими глазами, протянул ему оружие.

— Не думал, что ты так стремишься свидеться с тихой госпожой.

Мастер покачал головой.

— Я не стремлюсь. Если бы хотел меня убить, не стал бы говорить про то, как мне следует тебя называть. Хотя, теперь вижу, что ты сказал это специально, Сергей... — он нарочно назвал меня именно так, — как интересно! Эти олухи притащили бездушного безумца... Кажется, им не терпится поближе познакомиться с Бездной. Неужели слепец в кои-то веки ошибся?

Как я и думал, Эрик вцепился в новую игрушку всеми руками, даже обошёл кругом и дотронулся до моего плеча, словно проверяя — настоящий ли я. Особенно интересно выглядело неопишное восхищение на его лице. Восхищение маленького ребёнка, который неожиданно узнал, что магия действительно существует. Восхищение жестокого, сумасшедшего ребёнка, который понял, что этой магией можно не только зажигать звёзды, но и уничтожать целые вселенные. Мучить, убивать, экспериментировать с живым материалом.

— Я давно исследовал феномен Бездны и возможность искусственного существования. Ведь это такие перспективы! Но, к сожалению, все экспериментальные образцы не жили дольше двух месяцев. И кроме подвижности зрачков ничего больше восстановить не удавалось. Ответ, мы ведь уже встречались? — ты ведь сам это сказал. Сказал специально. Когда?

Прежде, чем ответить я долго вглядывался в лицо своего кошмара. Вспоминал... — боль, страх, страдания. Пытался ассоциировать их. Сколько же я из-за него потерял. Теперь я не чувствую боли. Криво усмехнулся, решив, что сказать...

Глава 2.5 Все просто

Что мы узнали? Как пахнут сгоревшие травы,
Как останавливать кровь и стрелять на бегу,
Как нелегко быть всегда убедительно-правым,
Старых друзей оставляя на том берегу...
Андрей Белянин

— Успокойся, прошу. Что бы ты ни видел, сначала все стоит хорошо обдумать и проанализировать, — Ларин убрала темно-рыжую прядь со лба Далика, улыбнулась. — Ты уже давно не глупый мальчишка, чтобы бросаться в неизвестность только из-за непонятого разговора.

— Иногда промедление убивает... — молодой мужчина поднялся с кровати и, подойдя к небольшому столику, налил в стакан немного воды. Выпил, потом продолжил: — Меня преследует навязчивое ощущение, что Сергей знает куда больше, чем говорит, и то, что я увидел утром — всего лишь спектакль. Но зачем?

Он помассировал пальцами виски, словно надеясь найти нужные мысли.

— Подойди и спроси, — Ларин покачала головой, — лучше просто поговорить, чем ходить кругами и выстраивать из мыслей странные конструкции, которые разрушатся от одного ответа. Что он может знать? Зачем ему играть с нами? Это глупо... он жил в своём мире — мы в своём. Потом пути пересеклись, сплетаемые слепой пряжей в одну прочную нить. Как она скажет — так и будет. Далик, прошу, не пытайся делать что-то сам. Так может оказаться ещё хуже. Пока никто не совершил непоправимого — поговори, попытайся выяснить, что не так. Чтобы мы не прошли мимо нужного поворота.

— Ты всегда была верной служительницей пряжи, Ларин. Я так не могу, не буду. Тихая госпожа рассудит, а время заберёт своё. Я не стану подходить и спрашивать только потому, что они разыграли ту сцену, зная — я пойму её поддельность. Это интересно, любимая. Это очень и очень интересно.

— Ну и глупый, — улыбнулась молодая женщина, поднимаясь следом за Даликом с постели и забирая со стула смятую одежду, — и всё-таки подумай над моими словами. Ты прав — промедление убивает, надо только понять, что в данной ситуации будет этим промедлением и на кого направлен удар.

Дверь мягко закрылась за ней, и в комнате сразу стало как-то пусто. На какую-то секунду мужчине показалось, что закрылась навсегда, превратившись в глухую стену, и он не сможет выбраться к Ларин.

Никогда.

Ни догнать, ни повернуть время вспять, ни прикоснуться. Он уже свернул не на ту тропку...

Когда-то:

«...Вся наша жизнь построена на иллюзиях. На наших мечтах, надеждах. Мы ставим себе призрачные, порой недостижимые цели, но всё равно продолжаем к ним идти,

переступая пороги, пока хватает сил. Принимаем желаемое за действительное. А в конце, горько плачем, когда мечты не совпадают с реальностью, жизнь подставляет подножку, и мы падаем на острые камни, сдирая в кровь руки, лишь чуть-чуть не дойдя до цели. А то, к чему так стремились, обращается искусным миражем.

Но слёзы высыхают. Память человека милосердна. Разочарование закрывают собой новые радости и дела. Кровь смывается, царапины и синяки заживают. И человек снова встаёт, отряхивается от пыли и беззаботно оглядывается по сторонам. Только для того, чтобы увидеть новую цель. Сомнения быстро уходят, ведь желаемое снова видится близким и реальным — только протяни руку, дотронься, возьми. И снова начинается долгий путь.

Возможно, в этот раз надежда сбудется. Запланированные дела красиво вплетутся в узор судьбы — такой ровный и правильный. Но люди не умеют довольствоваться полученным. Неважно, сколько пройдёт времени, чтобы радость успокоилась, а эйфория погасла под грузом новых забот и проблем. И человек снова начинает строить планы. На день, неделю, годы. Всё выглядит таким логичным и точным. Надо лишь хотеть, верить — и всё получится.

Сначала возникают мелкие неточности, но человек не обращает на них внимания. Зачем? Ведь всё уже спланировано, просчитано. Потом появляются проблемы. Их можно обойти, решить, постараться избежать встречи с ними. Но только до определённой поры.

Жизнь чаще всего ломает уверенных людей — она не принимает их. Да — смелых, да — несколько безрассудных. Но уверенность порождает слабость. Слабость — страх. За ними приходит отчаянье. А время не любит спешки. Тихий размеренный бой часов, лениво ползущая по циферблату стрелка — равнодушие к тому, что было, что происходит, что случится — ведь это ничто по сравнению с вечностью. Ему неприятны крики потерявшихся людей, пытающихся вырваться на свободу из липкой паутины минут.

Для кого-то самый верный шаг — довериться течению времени. И человек, убаюканный мерным плеском волн, не заметит, как тихий ручеёк его жизни вольётся в тёмные воды Стикса, даруя покой и забвение.

Наверное, покой — это именно то, к чему мы стремимся. Проходя через жизнь, полную споров, громких новостей и шума машин, мы в конце понимаем, что просто стремились к тишине. И легкий шепот волн реки забвения становится лучшей наградой за дела и ошибки.

А новые люди, заняв опустевшие места, снова начнут строить свои иллюзии на мечтах и желаниях. И так же, как другие, будут принимать желаемое за действительное, стараясь перекричать соседа или занять лучшее место в жизни. И горько плакать, чуть-чуть не дотянув до такой близкой и реальной цели...»

— Эй! Ты все ещё пишешь? — голос Ирэн донёсся откуда-то с улицы. Звонкий, такой счастливый, — иди сюда! Такой закат грех пропустить...

— Да, родная, конечно. Я как раз поставил точку, — в который раз пожалев, что никто кроме меня никогда не сможет прочитать эти строки, я захлопнул крошечную книжечку, которую чудом выпросил у старосты. — Уже иду.

Я одним глотком допил остывший отвар, который для меня готовила старая лекарка — он чуть-чуть, но всё-таки спасал от приступов и видений. Иногда мне даже казалось, что они начинают блекнуть.

Встав из-за стола, я посмотрел, всё ли в порядке с дочкой. Малышка спокойно спала, сжимая в кулачке небольшую куклу, которую я сделал для неё сам. Возможно, всё не так уж и плохо, и даже на осколках прошлых надежд можно построить что-то хорошее. Мысль была тёплой и очень приятно грела сердце, позволяя надеяться, что раз жизнь медленно, но всё-

таки начала налаживаться. Может быть все ещё будет хорошо.

Будущее показало, что падать на осколки прошлого оказалось намного больше...

Сейчас:

Девеан успел вовремя укрыться иллюзией тени, чтобы прошедшая мимо предательница не заметила его. Сейчас от молодой женщины отчетливо пахло смертью. Словно Ларин уже одной ногой была в могиле. Надзиратель несколько шагов прошёл за ней по коридору, пытаясь почувствовать её будущее, но нет — тоненькая ниточка, отливающая серебром, тянулась вдоль дороги, по которой им предстояло проехать через несколько дней, потом делала странную петлю и, завязываясь узлом, терялась в наплывающем тумане неопределённости. Но интереснее всего было то, что Ларин, похоже, знала об этом, и сейчас, обняв подушку, тихо заплакала, ненавидя себя за то, что стала верной служительницей слепой госпожи и во всем полагалась на неё, говоря — выведет, укажет. Нет, не указала, не помогла её любимому выбрать правильный путь.

А значит, что основы этого мира вот-вот дрогнут, искривляя его время и пространство, и уже ничего не будет так, как было.

Но стоит ли говорить об этом Сергею? Или же...

В задумчивости Девеан остановился в конце коридора, не зная, какой же выход выбрать уже ему. И тут раздавшаяся из-за неплотно прикрытой двери песня заставила его забыть дышать. Сердце пропустило удар, и снова забилось глухо-глухо.

Горький ветер обид обжигает лицо,

И взведен уж курок и намечены цели...

Он был друг, он был враг, а теперь все равно -

Эту новую жизнь мы узнать не успели.

Лед в глазах обожжет, мрамор кожи пленит;

Кто любил, тот поймет и быть может, простит.

Ты ведь тоже любил. Впрочем, мне не понять -

Как по крови идти, как опять умирать...

Удар, ещё удар... сердце билось привычно и ровно. Сознание отказывалось воспринимать песню... её смысл, всё время, стараясь зацепиться за незамысловатый мотив, и заставить тело сделать всего два небольших шага, чтобы достичь лестницы и спуститься на первый этаж. Удар... песня продолжалась. Тонкий, плохо поставленный голос срывался на высоких нотах, но продолжал отдавать свою боль, вкладывая её в простую мелодию.

Догорает закат, взгляд уносится вдаль.

И зачем говорить, если ты не услышишь?

Я накину на плечи уставшие шаль,

Ты, увы, не живешь, хоть пока что и дышишь...

— Создатель Единый... — протолкнул через силу Девеан, схватившись за голову. Он не успел притупить свои чувства, после того, как пытался уловить будущее Ларин, и теперь каждая клетка его тела пропиталась чужой болью.

Он снова оказался в том чертовом зале его родного замка мальчишкой, которому было тесно в маленьком и смешном мире. Пытался объяснить семье, что не бросает их, что ему просто хочется посмотреть множественную вселенную и научиться... Что он их очень любит. Нет. Они не слушали, для них он превратился в предателя. В ушах звенели обвинения

брата и оскорбления сестры. Память хранила слезы в глазах мамы и тихую фразу отца, которого он первый раз в жизни видел по-настоящему серьёзным: «я недооценил свою кровь». Причем была кровь, когда Девеана всего лишь тянуло к знаниям? Вот и закончилась сказка в беззаботном маленьком мире. А уже потом по глупости была дана эта клятва Алевтине, которая оказалась безмерно счастлива заполучить такую игрушку, понимая, какую боль доставит его родителям знание, что их сын превратился в послушного слугу творца.

Что он хотел доказать? И кому? Себе... Будь прокляты его стремления. Теперь всё, что от них осталось — не подчиняться никому, разорвать цепь договора.

Может, поэтому с каждым днём его настрой против наглого эгоистичного мальчишки истончался, превращаясь в понимание?

— Будь и ты проклята, Алив... — прошептал мужчина, пытаясь восстановить щиты и заточить память в сознании, — хотя бы за то, что можешь влиять на время...

Дверь тихо скрипнула. На пороге комнаты замерла Ирэн, на шее тускло блестел янтарный кулон.

— Ты хорошо умеешь притворяться, — заметил Девеан.

— Может быть потому, что у меня было время научиться играть и лгать? — слабо улыбнулась девочка, — я помню все, но больше ничего нет: ни навыков, умений. Я итак многое отдала за эту возможность помнить, но хотя бы душа осталась. Поможешь?

— Хочешь быть с ним?

— Да...

— Даже не смотря на то, во что он превратился?

Девочка неопределенно повела головой, словно показывая, что такой вопрос можно было бы не задавать. Девеан поймал себя на мысли, что хочет провести рукой по рыжим волосам, обнять, успокоить. Какая глупость! Это не поможет склеить разбитой судьбы. Кто же эта женщина, заточенная в теле ребёнка, что она пошла за любимым в другую жизнь, не смотря ни на что?

— Больно видеть его таким... — призналась она.

— Надеешься спасти? Вытянуть?

— Может быть. Но скорее последовать за ним... вниз, чтобы ему больше никогда не было одиноко, это мой долг, — теперь улыбка была горькой, — все куда проще — это падение будет очень долгим.

— Я помогу тебе, — поклонился надзиратель.

— Спасибо. Только не говори ему. Я ещё смогу какое-то время играть, а потом, — девочка, смело шагнула вперёд, дотронулась до щеки мужчины и скрылась в комнате, теперь уже плотно прикрыв дверь.

Спуская по лестнице, Девеан продолжал слышать высокий срывающийся голос.

Лед в глазах обожжет, мрамор кожи пленит...

Сердце верит и ждёт, и принять не велит:

Что ты можешь убить, что друг может предать.

Я умею любить, научись же прощать...

— Знаешь, Эрик, — я протянул руку, ожидая, когда мастер вложит в неё кинжал, — я всегда мечтал... отрезать тебе палец.

И резко дернул на себя лезвие, чтобы Эрик не успел отвести руку. Получилось некрасиво — красные брызги попали мне на рубашку.

— Бездна! — мастер всё-таки отскочил в сторону, зажимая здоровой ладонью, обезображенную руку, — ты хоть представляешь, сколько времени уйдёт на регенерацию?

Я растянул губы в кривой усмешке...

— Да, Эрик, прекрасно представляю. А кроме этого я знаю, как ты дорожишь своими руками. Ведь без четких движений пальцами твоя сила уменьшится вдвое... Я знаю о тебе очень и очень многое. Хочешь, расскажу? Твоя мать была фанатичкой — поклонялась безумной госпоже. Она убила твоего отца, который пытался помешать, ей принести в жертву недавно рождённого сына. А потом ты убил её — сестра Жизнь защитила тебя, избрав своим представителем. Нового мастера воспитывал старый слуга, который дал тебе это имя... Эрик, а ведь этот старик — единственное существо, жизнью которого ты дорожишь. Но он смертен... и очень далеко от тебя — легкий импульс, и усталая душа отправиться в светлые чертоги тихой госпожи. Ты боишься узнать, что тот, кто воспитал тебя, давно мертв — это твой страх. Ты просыпаешься в плену липких от пота простыней из-за ужаса. Боишься — если узнаешь о смерти старика, ничто тебя не остановит от падения в бездну. А ещё ты боишься темноты... Своего города: огромного, пустого. Боишься одиночества, потому что в нем прячется безумие. Оно подбирается, уже протянуло свои щупальца к твоему сердцу, к твоей душе. У тебя есть душа, Эрик? У меня нет. И знаешь, только теперь я понимаю — как это прекрасно. Ты боишься, тебе больно... И это тот, кто наводит ужас на целый мир?

Я впивался взглядом в потемневшие глаза мастера, жадно заглатывая вместе с воздухом его страх. Расширившиеся на всю радужку зрачки выдавали Эрика. Теперь он чувствовал... Ощущал тот обжигающий холод Бездны, который окружал меня. Холод, которого он боялся до безумия — который ждал его... участь, уготованная каждому мастеру. Неизбежная и отвратительная. Этот страх он впитал в себя с первыми крохами новой силы, что бережно вливалась в новую игрушку безумный творец.

— Боишься... — повторил я, — даже не представляешь, как долго я мечтал о твоей смерти. Представлял, что ты будешь умирать долго и мучительно, каждой секундой агонии расплачиваясь за то, что ты сделал.

Провёл кончиком лезвия на его щеке тонкую царапину.

— Кто ты? — мастер отступил, словно надеясь, что тени помогут ему. Нет, они лишь лишили его последнего выхода, отрезав все пути.

— Ты не слуга Бездны...

— Почему же?

— Она в тебе... внутри, — шептал он, — ты сам — Бездна. Что тебе нужно?

— Всего лишь отомстить.

— Мне? Спасти этот мир?

Я расхохотался.

— Причём тут мир? Если будет необходимо — я отдам его Бездне, преподнесу, как драгоценный дар, со всеми жителями. Нет, только моё прошлое. Ведь за все нужно платить — просто иногда приходится долго ждать возможности забрать то, что принадлежит тебе по праву. Да... Эрик, я действительно мечтал о том дне, когда тебя убью. И он уже давно прошёл. Возможно, это не достаточная плата, но у тебя ещё будет шанс отдать свой долг. Скажи, тёмный мастер, что ты хочешь? О чём мечтаешь? Только попроси...

Эрик сглотнул, тихо прошептал:

— Если я скажу да — подарю свою душу Бездне...

— Но она останется с тобой. Хотя, поверь, без неё тебе было бы куда проще. Так что ты ответишь мне?

— Я согласен служить тебе просто так, не хочу заключать сделку с Бездной, в которой буду иметь выгоду. Боюсь, подобная глупость по стоимости окажется куда больше того, что я могу попросить взамен, — тёмный мастер опустился на колени и склонил голову. Нет уже, не тёмный мастер, не кошмар моей прошлой жизни... — теперь всего лишь покорный чужой воле слуга. Моей воле...

Эрик улыбнулся.

— Но я повторю вопрос — кто ты? И почему я должен тебя знать?

Сам рассказ не занял много времени — его и так было немного, чтобы отвлечься на пояснения. Зачем? Мастер спросил меня: встречались ли мы раньше. Я ответил ему — да, в прошлой жизни. И да, — я вернулся потому, что мне ещё не отдали все долги. Сказать это оказалось просто. Даже слишком. После чего я добавил немного подробностей.

Мастер не мог причинить какой-либо вред, не было никаких лазеек. А мне как воздух необходим надёжный слуга — свежий взгляд на старые проблемы, которые было бы неплохо не просто решить, но и сделать это изящно. Девеан, кого бы он ни играл, оставался псом Алевтины, и я подозревал, что каждый мой шаг, решение, вывод — тут же доводились до её сведенья. Возможно, надзиратель должен был направлять меня. Я во многом уступаю творцу, и уверен, если она захочет манипулировать мной — я не смогу сразу осознать этого.

Вопрос в том — захочет ли? То, что я успел узнать о ней, говорило в пользу того, что Пресветлой матери куда интереснее играть с куклами, когда те знают о своем настоящем положении.

— Теперь ты мстишь, господин?

Эрик уже поднялся с колен, смотря на меня совсем по-другому. Новое слово давалось ему с заметным трудом, заставляя запинаться и упрямо хмуриться.

Иногда смерть не становится достойной наградой врагу. Ведь не зря говорят: каждому своё. Если человек не боится смерти, его наказывают жизнью. Если он привык повелевать — ставят на колени. Мастер как никто гордился своим положением, не признавая над собой никого, кроме безумной госпожи. Ему пришлось пересмотреть свои взгляды. Ведь теперь он знал, что может быть что-то куда хуже смерти — Бездна, которая может в любую секунду вырваться на свободу, стоит мне чуть-чуть ослабить контроль.

— Мне не остаётся ничего другого, Эрик. Если я перестану ставить перед собой цели и двигаться к ним — все потеряет смысл. Я остановлюсь и не смогу сделать ни единого шага — не захочу. Но я заключил договор и больше не принадлежу себе. А значит, пока есть время, могу успеть сделать хоть что-то, что в моём сознании будет ассоциироваться с удовольствием. Одно дело родиться без души — тогда мир будет восприниматься совсем иначе и никаких альтернатив не станет. И совсем другое, когда её отбирают насильно. Человек, ослепший в результате глупой случайности, всё равно где-то там, в темноте продолжает видеть яркие картинки: солнце, дом, лица любимых людей. Так и я помню, что значит слово — «чувствовать»... — сознание продолжает работать на ассоциациях, анализируя происходящее.

— Тогда я ещё больше не понимаю, зачем тебе это... — покачал головой Эрик, — ты говоришь, что был спасителем, что убил меня. Если не смотреть тебе в глаза, то рядом со мной стоит безумно уставший мальчик — обычный, смертный человек. Если ты помнишь,

если ассоциируешь, то не проще ли отвернуться и уйти? Этот мир принёс тебе только боль, так не бреди память, путешествуй по другим мирам — они все открыты для тебя. Зачем вместо того, чтобы попытаться что-то исправить, ты делаешь всё, чтобы сорваться с последней ступени в Бездну? Ты странный, господин.

— Обычный смертный мальчик давно мертв. Они убили его... Теперь есть только монстр, которому не нужны ни другие миры, ни забвение, ни прощение. Да, когда-то я мечтал о смерти. И умер. Я давно мёртв, и мне больше нечего терять. Сначала я расплачусь с этим миром, а потом примусь за тех, что решили, что Бездну можно сковать договором. А ты, Эрик, поможешь мне в этом...

— Буду рад, господин, — по-детски счастливо улыбнулся тёмный мастер.

— В таком случае мне пора, пока остальные не хватились своего лорда-спасителя... — я уже повернулся к двери, как меня догнал ещё один недоуменный вопрос мастера.

— Ответь, зачем ты путешествуешь с ними, если собираешься убить? Это игра?

Да, я ожидал этого вопроса и хорошо, что появился повод на него ответить...

Когда-то:

Если сначала изменения практически не были заметны, то сейчас...

Впрочем, неконтролируемые приступы и кошмары прекратились. О том, что во мне находилась часть тёмного мастера, теперь ничто не напоминало. Иногда я подолгу размышлял, что же заставило его успокоиться. В какие-то моменты я был готов поверить, что через некоторое время продолжительных припадков Эрик смог бы перехватить управление над моим сознанием — ведь у него замечательно получалось манипулировать людьми.

Очень часто я видел во снах воспоминания из его детства. И в них тёмноволосый синеглазый мальчик вовсе не был чудовищем. Он страстно любил читать, мечтал о настоящей дружбе и так странно и пугающе знакомо боялся темноты. Он бродил по пыльным коридорам громадного города, подолгу сидел на большом пирсе, ненавидел царящий в его обители холод. Изредка в воспоминаниях проскальзывали мысли о мести этому миру, который обрёк его на становление мастером — подарил Бездне, не оставив выбора. Но даже я понимал, что это была необходимая мера, по-другому выжить было бы просто невозможно. А что ещё мог делать слабый ребёнок, как не цепляться за такую странную, жестокую жизнь? Именно поэтому он был так беззаветно предан безумной госпоже — это всё, что у него оставалось, и на что он мог надеяться, не согласившись следовать за толпой.

И пусть время давно стёрло следы этого мальчика, оставив только кровожадного монстра, его воспоминания лучше всего показывали, что нельзя родиться злом — им можно только стать, когда остаётся всего одна дорога: длинная-длинная лестница вниз. Пусть даже спуск на дно может доставлять истинно-восхитительное удовольствие от чужой боли.

Могло показаться, что Эрик искушает меня. Переманивает на свою сторону, пытается завладеть моим разумом окончательно. Но ничего не происходило. Дни сменялись днями. Каждый раз, когда я смотрел на свою дочь, мне казалось, что даже если бы мне и предложили что-то изменить, я всё равно оставил нашу жизнь с Ирэн такой, какой она медленно текла в тихой деревушке.

Первое сомнение закралось в моё сердце, когда Эллин исполнилось полгода. Я с улыбкой глядел, как Ирэн кормит нашу дочь, и вдруг знакомый тихий голос вкрадчиво прошептал над самым ухом: «А вашу ли?». Я только рассмеялся. Ирэн не могла мне изменить... да и с кем? Подобная мысль даже развеселила меня.

«А она и не изменяла тебе...» — усмехнулся голос в моём сознании. Казалось, тот, кто говорил, встал за моим левым плечом. «Не забывай, что ты не один находишься в этом смертном теле. И то, что тёмный мастер проявил себя недавно, ничего не значит. Он всегда был в тебе... Ещё до вашей встречи нити ваших судеб были переплетены слепой госпожой в единое полотно... Не забывай это, Серег. Вы — одно...».

После мной овладело безумие. В сознании раненой птицей билась лишь одна мысль. Что, если он использовал меня? Может, ему просто нужен был преемник? Именно поэтому он не трогал Ирэн во время беременности, а теперь спокойно позволял растить дочь?

Его дочь...

И тихий смех на грани сознания: «Я всегда был тут... в тебе. Мы — одно...»

Я начал пить, пытаюсь хоть как-то заглушить эти мысли. Стал реже приходить домой, больше времени гуляя по лесу, и ничего не делал, словно небольшое хозяйство, которое нам удалось завести, могло позаботиться о себе само.

Не мог больше смотреть на Эллин. Казалось, что в её глазах вот-вот тоже появится след Зверя, промелькнут на миг красные отблески, а беззубая счастливая улыбка превратится в гримасу злого торжества. Ирэн начала волноваться. Она все чаще и чаще молчала. Только смотрела. А по ночам — плакала.

Тот день, когда она всё-таки решила затронуть тему, врезался мне в память раскаленным добела осколком разбившейся надежды. Оставил след, который не смогла стереть даже пустота.

За окном тихо плакал ноябрь. И деревья, слишком рано потерявшие в этом году листву, казались прорисованными тушью линиями на фоне нескончаемого потока воды. Деревенка превратилась в рисунок, автор которого ушёл, забыв его закончить. Контуров деревянных домиков еле-еле проступали сквозь эту серую пелену, чуть освещаемыми пятнами бледного, тонущего в дожде, света. Капли отбивали по крыше усыпляющую мелодию осени.

И снова накатывали упругими волнами боли проклятые воспоминания.

— Серег, пожалуйста, расскажи, что случилось. Я вижу, что что-то произошло. Думаю, надо выговориться, — Ирэн виновато улыбнулась.

Теперь она всегда улыбалась именно так, словно считала себя виновницей всех наших бед: жалкого существования от дня ко дню, моих редких появлений в нашем доме, этой глухой тоски, которая давно властвовала в наших сердцах, заменив собой нежность, страсть, мечты.

Последнее время мы говорили друг с другом всё меньше и меньше. Любовь, итак едва теплившаяся до рождения дочери, умерла вместе с первыми дождями. Оставалась привязанность и эта тяжесть чувства вины. Словно мы сами были виноваты в смерти нашей любви. А может, и правда были. Да, нас накрепко связывала вместе не только дочь, но и прошлое, и, в общем-то, мы не собирались расставаться, но все остальное растворилось в боли. И возникшая неловкость застывала в воздухе глупыми вопросами.

— Ирэн, это очень трудно объяснить. Я знаю, ты сейчас скажешь, что надо попробовать. И...

— Если не захочешь — не скажу, — это было произнесено так тихо и робко, что я

невольно зажмурился.

— Мне страшно, родная. За Эллин. Я боюсь, что это не мой ребёнок, — увидев, как моя милая Ирэн собирается что-то сказать, поспешно добавил: — нет, не измена. Я боюсь, что это его ребёнок — мастера. Мне по-настоящему страшно, когда начинаю об этом думать. Он здесь, — я прикоснулся к виску и дернул головой, словно меня ударило электрическим разрядом. Криво улыбнулся: — В моем разуме.

— Тогда не думай, — Ирэн ласково взъерошила мне волосы, — здесь уже ничего исправить нельзя. И если тебя это успокоит, теперь ты — это и есть он. А он это ты... Мы узнали это, Серег. Узнали, поняли и пережили. Ты никогда не станешь тёмным мастером, сколько бы этот ублюдок не пытался достать тебя из пределов тихой госпожи.

— Ты так говоришь, будто тебе всё равно! — закричал я, вскакивая с места. Почему она не понимает? Или просто пытается поддержать меня? Я хотел извиниться, как следующие слова Ирэн резанули ножом...

— Мне и правда всё равно, Сергей! Это моя дочь, и я не отвернусь от нее, будь её отец хоть слугой Бездны!

Я закрыл глаза, собираясь с мыслями.

— Вот значит, с кем ты меня сравниваешь. Впрочем, ты сама была с ним, Эриком. Я ведь тогда кинулся защищать тебя, когда попал в ловушку. Быть может, ты знала всё и просто ждала? Сама участвовала в этом спектакле?

Ирэн, дёрнувшись как от пощечины, поднялась на ноги и отступила назад, когда я сделал шаг в её сторону. Сознание начало мутнеть, уступая место вырывающейся на волю силе. Злоба и отчаянье гасили последние крохи разума, которые ещё пытались спасти положение, взяв силу под контроль.

Нет, поздно.

Последнее, что я смог запомнить, как схватил со стола нож.

Ирэн с ужасом смотрела, как искажаются черты её любимого, выпуская на свет что-то звериное.

— Ты не Серег. Ты...

Мужчина равнодушно повёл плечами. И вышел за дверь, в дождь.

Женщина, тихо всхлипнув, осела на пол, но уже через несколько мгновений, взяв себя в руки, проверила, что Эллин крепко спит и, схватив с гвоздя тонкий плащ, выбежала на улицу под косые струи ливня вслед за тем, кем стал Серег. Его надо было остановить любой ценой.

И она, конечно же, не заметила, что не закрыла в спешке входную дверь...

Сейчас:

— В двух лигах по дороге от деревни через день обоснуется небольшая разбойничья шайка. Будут ждать торговый караван из Тирра... Человек шесть — не больше. И так случится, что когда мы остановимся на один из привалов, Ларин отлучится в кусты, потом решит чуть-чуть отойти от нашей группы, найдя замечательную полянку. Совпадения в жизни происходят с завидной регулярностью, и иногда их можно использовать. В прошлой жизни мы успели спасти её лишь чудом. Я спохватился... Понимаешь, Эрик? Я. Совершенно неожиданно спросил у Далика, почему Ларин никак не возвращается... — скажи я это на минуту позже, они бы её убили.

Мастер наклонил голову.

— Да, случайности просто нужно уметь замечать. Я не ошибусь, если предположу, что в этот раз ты спохватишься чуть позже нужного времени?

— Нет, не ошибёшься. Одно дело просто перерезать ей глотку самому, но это будет совсем не то. Каждому по делам его, Эрик. Ларин ничего не сделала, когда меня выводили из зала, обвиняли в предательстве. Когда вытаскивали душу. Нет, она просто смотрела. Я отвечу ей тем же: иногда бездействие оказывается куда страшнее, чем сложные ловушки и многоходовые игры. Я оставил им выбор: положиться на старую паучину или попытаться что-то изменить. Они выбрали. После этого я начну действовать открыто...

Только договорив последнее слово, я понял, что, увлекшись мыслями о том, что должно было произойти вот-вот, невольно выдал себя. Совсем чуть-чуть не проследив за своим тоном, позволил Эрику найти ответ на ещё один вопрос. Чем мастер и сумел воспользоваться.

— Но без души человек не сможет насладиться своим триумфом.

— Нет, человек не сможет насладиться триумфом без ощущения удовольствия. Душа не имеет особого значения — она может только остановить в шаге от намеченной цели. Но это будет нашим маленьким секретом, не правда ли?

И Девеану совсем не обязательно знать, что я смог обойти те блоки, что он так заботливо научил меня ставить. Они ошиблись... — творцы допустили просчет, упустив одну незначительную деталь, сущую мелочь. И Бездна ошиблась, когда стерла те проснувшиеся чувства, поспешив и не вывернув моё сознание наизнанку. А может быть помогло то, что я сам до некоторого времени не подозревал об этом...

Они лишили меня души, забыв про маленькую часть личности тёмного мастера — крохотный клочок. Память, навыки, жажда. Только подумайте, что может передать человек в момент своей смерти: ни любовь, ни милосердие, ни свет — только ненависть, безумие... Желание отомстить, последним рывком забрать врага с собой и испытать злое счастье от этой победы.

Это во мне... новая часть моей личности. То, что может заменить душу. И, Единый, ничто не спасет этот мир, если я смогу полностью контролировать этот небольшой подарок прошлого. Надеюсь, Алив будет приятно удивлена, когда поймёт, с кем заключила договор.

Когда-то:

— Серег! Серег, тихая госпожа, даже что же с тобой?

Знакомый голос был полон отчаянья.

Я с трудом открыл глаза. Надо мной склонилась Ирэн, лицо белое как мел, губы дрожат, в глазах слёзы.

— Что случилось? — я с удивлением осознал, что лежу на куче прелых листьев под раскидистым деревом. Сквозь искореженные голые ветви на лицо падают капли дождя, а все тело сковывает пронзительный холод... — родная, ответь.

— Ты не помнишь? — женщина помогла мне встать и отряхнуться от налипших на одежду и волосы листьев, не слушая протестов, отдала свой тонкий плащ.

— Нет, помню только, как проснулся утром, и у меня так сильно болела голова... Ещё, кажется, со мной говорил кто-то, шептал... Нет, не помню. Какой-то туман, — покачал головой, осторожно ступая за Ирэн по размягченной дождём земле и гниющим листьям.

Ирэн всхлипнула.

— Было так страшно, Серег... Ужасно. Мы поссорились, а потом тобой что-то завладело, ты забрал нож и ушёл. Я сразу побежала следом. И нашла здесь, в лесу... — её голос сорвался.

Я горько вздохнул, попросил прощения, легко коснувшись её щеки поцелуем. Хорошо я не успел уйти очень далеко, добравшись только до опушки — всего десять минут быстрым шагом. Но Ирэн рассказала, что на поиски ушло достаточно времени, хотя она и проходила по этому месту несколько раз. Возможно, я боролся с собой, не пуская тёмного мастера к дому, а потом, исчерпав все силы, потерял сознание.

Кто знает? Сомнений, что это был именно Эрик не оставалось.

Зайдя в деревню, я понял, что что-то не так. Казалось, что все исчезло — не лаяли собаки, затих ветер, люди затаились по домам, ощущая надвигающуюся угрозу. Наша хибарка стояла на окраине, и первые дома тонули в мареве дождя... Только вот между косыми струями мне почему-то чудилось движение теней. И привкус смерти.

Широкая дубовая дверь в дом была открыта, и в воздухе пахло затаившейся болью. Несколько мгновений мы мялись на пороге. Ирэн судорожно вздохнула. И я, не выдержав этого чувства ожидания, рывком распахнул жалобно скрипнувшую дверь.

В прихожей стоял густой запах крови.

Это было невыносимо — смотреть на маленькое беззащитное тельце нашей дочери, которое уже оставила жизнь. Распахнутые в лёгком недоумении глаза, странная улыбка, маленькая ручка сжимает игрушку — цепочку Ирэн, словно боясь её потерять. И страшная рана. В тот момент я понял, что такое настоящая боль. Ни тюрьма, ни казнь не были даже сотой частью того, что я ощущал в этот момент. Разрывающая сердце, дробящая разум боль. Безысходность, отчаянная попытка проснуться.

Но не было ни слёз, ни крика, ничего. Только эта нечеловеческая боль, капелька янтаря, застывшая в детской ладони, и рыдающая над тихо поскрипывающей колыбелькой Ирэн.

...В деревню въезжали всадники: личные гвардейцы его величества короля всех людей Далика первого. Они везли с собой смерть.

Глава 2.6 Принцип невмешательства

Как странно, право, черное на белом?

И в этом все. Все грани и цвета,

И жизнь, и смерть... Безвыходно

И — смело!

И нет спасенья с плоскости листа...

Андрей Белянин

Сейчас:

Лошадей у моих спутников не оказалось, а в деревне нашлась лишь пара старых кобыл, никак не пригодных для верховой езды. Как и в прошлой жизни, проводники подготовились к небольшому путешествию плохо, показав всю свою некомпетентность. Возможно, когда перед тобой стоит великая цель спасти целый мир, так сложно сосредоточиться на мелочах. Не могу сказать, о чем они думали в тот момент, когда, согласившись на лёгкую переброску круга магистров, не уточнили, что коней переправить не удастся. Может, понадеялись на то, что два дневных перехода до Тирра просто преодолеть пешком. Может, вообще не думали под впечатлением от оказанной им чести. Впрочем, в задачи Тины пункт «думать» не входил: главе пятой гильдии платили исключительно за то, чтобы со спасителем ничего не случилось. Ферл мог идти без усталости несколько дней, не заботясь об отдыхе или пище — метаболизм магов сильно отличался от привычного обмена веществ людей. Ирэн... нет, уж кто точно не был виновен в этой глупой промашке, так она. А между Даликом и Ларин, стоило нам на следующее утро покинуть селение, завязался спор.

Они эффектно жестикулировали, поминая местных фольклорных персонажей вперемешку с Бездной, обсуждали умственные способности друг друга, то и дело срываясь на крик. Кажется, в прошлый раз я улыбался, наблюдая за ними, так же как сейчас добродушно ухмылялся маг. Может быть, это действительно смотрелось забавно — даже Тина морщилась скорее по привычке. Смущенный и оправдывающийся Далик и раскрасневшаяся Ларин — такие привычные образы.

Но сейчас их спор утомлял до головокружения и неприятной сухости во рту.

Пыльная дорога тянулась вперёд через поле с пожухлой серой травой к полосе леса, больше похожего на причудливый кустарник. Я знал, что через несколько часов мы приблизимся достаточно, для того чтобы разглядеть густой перелесок, с двух сторон охватывающий широкую полосу дороги. Идеальное место: как для небольшого отдыха, так и для засады...

Белая звезда, успевшая подняться от горизонта, быстро разгоняла ночной холод, нагревая воздух и неприятно сдавливая виски своим жаром. Скованная внутри меня Бездна рвалась наружу — окружить своего носителя коконом прохлады, убрать физический дискомфорт. Но я не мог позволить другим почувствовать близость пустоты. Сейчас, когда до одного из узловых ходов в моей игре оставалось совсем чуть-чуть, было бы большой глупостью открыть себя. Нет, ради того, что я задумал, стоило немного потерпеть. Благо,

мои спутники чувствовали себя ничуть не лучше. Ирэн уже давно тихо хныкала, глава гильдии через каждые несколько минут прикладывалась к большой фляге.

Да, они были обычными людьми, но ведь и моё тело принадлежало смертному. Я мог сделать так, чтобы не чувствовать боль, но убрать влияние температуры было под силу лишь Бездне. Рубашка неприятно липла к телу. Проведя ладонью по лицу, я стер выступившие капли пота.

— Хотя чёрный и притягивает солнечный цвет, на белой ткани пятна смотрятся некрасивее, — тихо подметил мой надзиратель. Он смотрел на меня, слегка прищурившись, словно заново изучал вверенный ему объект — будто узнал что-то новое, что заставляло его проводить некоторую переоценку приоритетов.

— Твари не ходят в белом, — отозвался строчкой из песни — того репертуара, что я слушал в этот год.

— Неважно в чём ходят твари — от окраса суть зверя не измениться, важно, что у тебя на спине расплзается большое пятно, и это выглядит отвратительно, — поморщился Девеан.

— И что с того? — я прикрыл глаза, — жара — не холод.

— Совсем недавно ты стремился показать себя в лучшем свете. Сейчас говоришь, что всё равно.

— Так получается. Теперь мне некуда бежать, — и уже громче я спросил, обернувшись к остальным: — Скажите, от ваших споров жара спадёт? Если нет, тогда замолчите.

Далик бросил в мою сторону быстрый взгляд.

— Приносим свои извинения, милорд. Но возможность свернуть на привал появится только к полудню. Этот досадный просчет с лошадьми мы решим в первом же городе, но не хотелось бы более двух вечеров провести под открытым небом. Боюсь, что холод ночной звезды может оказаться для вас непривычным.

— Жар Белой звезды также весьма утомляет. Неужели у вас нет ни одного заклинания, чтобы сделать вокруг небольшое пространство с нормальной температурой? — рациональнее было именно спросить, а не колдовать самому, используя иллюзию крохотного дара, которую создавала практичная Бездна.

Физический дискомфорт не был страшен, выпустив пустоту я смогу вообще отказаться от физических ощущений, но именно сейчас нужно говорить, спрашивать, делать... чтобы удар действительно причинил им боль. Они ведь почти привыкли ко мне: такому странному спасителю. Уже верят, что я могу подарить им победу и потом быстро уйти со сцены.

Люди вообще ко всему быстро приспосабливаются: и к хорошему, и к плохому. К хорошему, конечно, охотнее, но всё равно остаются способными выжить в поистине ужасных условиях. Достаточно гибкое сознание позволяет с минимальными потерями подстраиваться, а также просчитывать варианты того, как удобнее всего можно устроиться в новом мире. Человек такая тварь, что всегда стремится к выживанию, даже не задумываясь над тем, что будет делать потом, когда схлынет адреналин и разум спросит: не проще ли было просто сдаться, а не обрекать себя на долгую агонию? Этому миру не сравниться с Землей по психологическому воздействию на подсознание общественности, но всё-таки люди во всех мирах мало чем отличаются друг от друга — ещё немного и эта небольшая компания перестанет воспринимать меня по-другому, убрав из памяти те представления о спасителе, которые они строили до встречи.

— Импульс, что ли? — не понял Ферл.

— Да, импульс, чтобы охладить воздух, — согласился я с магом.

Ферл убрал прилипшие ко лбу мокрые пряди волос. Задумался.

— Да... можно. Только это сложно, — кивнул он.

— Объясни мне, я постараюсь создать этот... импульс, — если положить в основу заклинания поддельный дар, то никто не заметит вмешательства Бездны.

До перелеска мы добрались спокойно: без разговоров и расспросов. Даже споры Ларин и Далика утихли. Лишь изредка я ловил на себе задумчивые взгляды надзирателя. Надо сказать ассоциативный ряд, начавшись с опаски, дошёл до подозрений о том, что Девеан мог узнать что-то касающееся меня... — нечто очень важное. И теперь думал: стоит ли сразу сообщить об изменениях на игровом поле своей госпоже, или же... просто понаблюдать за тем, что должно было вот-вот произойти. Сознание подсказывало, что меня мог бы устроить тот вариант, где мужчина сам объяснял свои сомнения, а ещё лучше предлагал разрешить их совместно.

И когда Тол-тарисс достигла своего пика на выцветшем небосводе, грозя разрушить хрупкий полог прохлады, окутывающий небольшую компанию, которая пробиралась по дороге, мы, наконец, дошли до густой тени ветвистых деревьев с плотной листвой. Углубляться в перелесок не стали. Немного прошли по кромке свежего сумрака, следуя легкому изгибу тракта, и лишь после этого свернули на крошечную поляну, по ободу которой проложил себе путь холодный ручей.

Под ногами приятно пружинил мох, вытаскивая из памяти кадры прошлой жизни, когда мы с родителями и братом выбирались на нашу маленькую покосившуюся дачу вблизи елового леса.

Тина предложила освежить в воде одежду, после чего быстро просушить её импульсом теплого воздуха, а также ополоснуться и самим, смыв пот. Предложение было здравым: у ночных хищников этого мира был превосходный нюх, и они очень любили сладковатое людское мясо, находя его по запаху, когда потный от дневной жары человек устраивался на ночёвку в тихом перелеске. Каждый ребёнок с первых годов жизни запоминал, что чистоплотность могла спасти ему жизнь.

Все согласились. Тина, кажется, женщиной себя не считала и спокойно скинула с себя верхнюю одежду, оставшись в одной нижней рубаше, Ирэн тоже не стеснялась, вызвав ассоциацию удивления. В прошлой жизни девочка была куда более скованной. Только Ларин громко сказала, что она не будет раздеваться при мужчинах, и скрылась за кустами.

Всё повторялось. Почти точь-в-точь. На мелкие огрехи внимания обращать не стоило. Они не смогут изменить давно выверенный ход событий.

Наверное, это должно было вызывать иллюзии каких-то ощущений. Но разум отстраненно отсчитывал оставшиеся минуты, и никаких ассоциаций в сознании не появлялось. Наоборот, было внутри что-то сродни усталости. Словно я приехал на вокзал слишком рано и оказался вынужден провести время в томительном ожидании, сидя в паршивом кафе. И в момент, когда состав медленно подъезжал к перрону, я испытывал ту знакомую многим пустоту, когда тревога и тянущее ощущение ожидания уже отступили, но новые эмоции им на смену ещё не успели придти.

Несколько коротких мгновений, в которые человек чувствует себя тряпичной куклой.

Но секунды проходили, а ассоциаций по-прежнему не возникало, разум продолжал отрешённо отсчитывать минуты.

Далик развёл огонь, достав из заплечного мешка припасы, которые дали нам с собой

жители селения. Протянул мне мягкую булочку — хлеб этого мира был чуть-чуть горьковатым с неприятным послевкусием, но в тоже время оказался намного сытнее земных буханок. Ирэн, съев свою порцию и извинившись, отлучилась в высокий кустарник. Тина завела спокойный разговор с Девеаном, надзиратель отвечал охотно. Ферл подогревал на огне маленькие кусочки мяса. Далик смотрел на танец пламени.

И в какой-то момент внутри порвалась ещё одна тонкая цепь, связывающая меня с прошлым и сдерживающая Бездну. Даже нет, не порвалась — растворилась, позволяя Зверю ещё на миллиметр приблизиться к свободе.

Что ж, кажется, пора спросить, куда пропала Ларин. Но, опережая меня на какую-то долю секунды, из кустов вынырнула, отряхиваясь от колючек, Ирэн.

— Ой! А Ларин так и не вернулась? Странно... — девочка, посмотрев на меня, слегка наклонила голову и снова повернулась к вскочившему на ноги Далику.

И тут я понял, что улыбаюсь.

Возможно, в первый раз за все моё существование без души я действительно улыбался — совершенно искренне и нормально, зная, что где-то совсем близко от нашей поляны захлебывается кровью красивая молодая женщина, которая всего лишь мечтала спасти свой мир.

И ещё верила, что друзья успеют её спасти.

...Город был разным.

По утрам — спокойным. Белая звезда лениво карабкалась по акварельному небосклону, с ленцой очерчивая строгие контуры башен, играя лучами, которые запутывались в витражных окнах, оживляя их, словно иллюстрации к сказкам. Свет, пробивающийся сквозь слои ватных облаков, заливал главный зал, балкон, жилые комнаты и стирал пугающие тени. Он растекался патокой по всему городу, в безуспешной попытке согреть древние каменные стены, и становилось совсем не страшно.

Мальчик выходил на северный пирс, устраивался на самом краешке, смешно болтая ногами, и наблюдал за океаном. Ему нравилось это делать. После того, как надоедало исследовать длинные, укутанные паутиной коридоры или играть с тенями в пустом тренировочном зале, он приходил сюда, чтобы, наблюдая за ледяными водами и не думать ни о чем. Иногда океан хмурился. Высокие серые волны окутывали пенными брызгами щеки мальчика, одежда быстро намокала, а злой ветер словно специально бил ему в спину, надеясь сбросить в объятия вод. Мальчик не чувствовал холода, но всё равно нехотя поднимался, сутулясь и шаркая, уходил обратно в город. В главный зал. Он устраивался напротив странного узора на полу и ждал, что вот-вот он сработает, и сквозь лёгкую мерцающую пелену сюда придут. За ним. Мечтал, что он станет кому-то нужным.

Но вот Белая звезда добиралась до какой-то невидимой точки, и небо становилось густым-густым, словно акварель заменили гуашью. Несколько минут ничего не происходило, но звезда ускоряла свой ход, спеша уйти за тонкую полосу горизонта. Её младшая сестра освещала башни и подсвечивала витражи пугающим красным цветом. Мальчик подходил к узору, дотрагивался до тонких холодных линий, проводил ладонью по шершавому камню, словно прося поторопиться. Ему не хотелось оставаться в городе на ночь. На ещё одну холодную, страшную ночь.

Но никто не приходил. Спокойствие города было мертвым.

Днём город становился тревожным. Свет в зале мигал, то замирая испуганной птицей, то продолжая агонизировать. Внизу метался океан, словно прося защиты у башен. В ревё его волн мальчик слышал крики, обрывающиеся на тревожно-высоких нотах, невнятные мольбы, плач. Мальчик обхватывал голову руками, чтобы не слышать этих звуков, запирал двери, боясь, что наступающая темнота откроет их и заберёт его. Что он просто растворится в ней. Он продолжал ждать, когда же за ним придут. Ведь случилась ошибка! Взрослые просто спешили уйти, а он прятался от темноты под кроватью. И вот-вот узор на полу заработает, он услышит весёлые голоса вернувшихся взрослых. Его поднимут на руки, извинятся за то, что так долго не приходили. Его снова будут окружать друзья.

Друзья...

Он так и не понял, что же обозначает это слово... Поддержка? Теплота? Но он всегда был один, в этом большом городе. И единственное тепло, которое мальчик знал — своё прерывистое дыхание, когда он пытался согреть озябшие ладони, если темнота подбиралась совсем близко. У него не было друзей...

За тревогой города скрывалось то же мертвое спокойствие.

Вечером город зажигал сотни волшебных огней, чтобы мальчику не было так страшно. Но он всё равно боялся липкой, словно перебродившее варенье, темноты, что подкрадывалась к нему снаружи. У неё был отчетливый привкус безумия. Она звала его, манила. Темнота все наступала, заставляя его сжиматься в маленький комочек под гротескным каменным тронem.

В этой темноте обитал кто-то злой. У него было бледное странное лицо, тонкие искривлённые в усмешке губы и глубоко запавшие страшные глаза. От него пахло болью и кровью — чужой болью, и чужой кровью... Мальчик боялся его, боялся, что, подойдя к зеркалу в одной из пустующих комнат, увидит в отражении эти безумные глаза.

Ночью город охватывал шторм. Косые струи холодного дождя вперемешку с липким снегом заливали пол, подбираясь к каменному узору. Океан долбил в основы башен, словно желая их сломать. И там, снаружи, что-то боролось с темнотой. И проигрывало, завывая, выбивая в комнатах и залах тонкие стекла, кидалось пригоршнями ледяной воды в витражные окна.

Сквозь шторм из провалов окон на мальчика продолжало равнодушно смотреть мертвое спокойствие.

Темнота завладевала всем городом. Подползала, подкрадывалась, танцевала на стенах и потолках, смеялась, шептала мальчику, что за ним никто не придёт. Мальчик не верил. Он знал, что ночь пройдет, если он будет сидеть, крепко-крепко зажмутив глаза, не поддаваясь тьме. Что завтра ленивая Белая звезда снова будет карабкаться по небосклону, отряхиваясь миллионами ярких лучей...

Знал, что завтра всё равно никто не придёт...

Что он снова будет бродить по пустым коридорам, боясь отражения в пыльных, кривых зеркалах. Что ему снова будет мерещиться запах крови и тёмные пятна на его ладонях. Что он снова будет пытаться вспомнить что-то очень важное. А двуличный лживый город снова будет менять маски, преследуя его по пятам одиночеством. Мальчик опять пойдёт на пирс. Он будет кричать Ледяному океану, что ни в чем не виноват, что ему одиноко и страшно. Океан ответит мальчику равнодушной россыпью брызг, которые заглушат тихий смех мертвого города.

...- Эрик?

Он вздрогнул, пытаясь вырваться из холодных объятий памяти. Обернулся на голос, сквозь пелену, заполнившую его сознание, узнав ту, которая пыталась себя выдать за его госпожу. Он узнал бы её лишенный зрения, слуха... всего. Ведь кислый привкус безумия, которое ядом просачивалось под кожу, нельзя было перепутать ни с чем другим.

А от этой женщины пахло совсем иначе.

Но слишком заманчивая цена помогала ему закрывать глаза, шепча «моя госпожа»...

— С тобой всё в порядке, — уточнила женщина, проходя в комнату мастера, — да?

— Простите, госпожа, да, — он наклонил голову, в знак уважения. Ведь это естественно — подчинять тех, кто слабее, и подчиняться, если находится кто-то могущественнее тебя.

За окном паутиной переходов и башен раскинулся огромный город-замок: владения многих поколений тёмных мастеров... Царство холода и отчаянья. Его тюрьма... ведь Эрик так не любил холод, пусть почти не чувствовал его. Иногда мастер представлял, что после его проигрыша — смерти, темные пугающие залы наполнятся шумом и разговорами. Приедут сотни магов и исследователей, они будут изучать лабиринты переходов и коридоров, совсем не боясь этой странной тьмы. Твари безумной госпожи будут уничтожены, и все станет хорошо. На верхнем балконе поставят столы и скамейки, чтобы было, где отдыхать после сложных рабочих дней вместе с друзьями. Пустые комнаты наконец-то обретут жильцов, и для одиночества просто не останется места.

Но Эрик так не хотел умирать...

Алевтина покачала головой, смотря на растерянного мастера.

— Память... — эти стены умеют напоминать о том, что более всего мечтаешь забыть. Я понимаю, — творец кивнула, присаживаясь на широкую двуспальную кровать с высоким плотным пологом, огляделась, словно была в этой комнате первый раз, — скажи, Эрик, тебе нужно что-то ещё? Свобода от безумия не столь большая плата за то, что ты и так согласился бы сделать. Поверь, некоторые запрашивали цену в десятки раз выше, и я соглашалась на поставленные условия.

Эрик покачал головой. Сейчас, когда липкая плёнка безумия действительно растворилась, мир воспринимался абсолютно по-другому. Не столь контрастно, не так ярко и просто. Он казался чужим, враждебным. Исчезла и удивительная легкость, появились сомнения. Но всё-таки теперь он чувствовал свою жизнь, индивидуальность. И ощущение цельной, собственной личности, а не осколков безумной госпожи, стоило того, чтобы по-новому взглянуть на мир.

— Я спросил то, что было важным, госпожа. Для меня это равноценный обмен. Все равно я согласился слишком просто. Это может вызвать подозрения.

— Нет, Эрик, не может. Серег сам не знает, что ему нужно, чего ему могло бы захотеться. Прихоть... он не помнит, что такое гордость или сомнения. Если бы он встретил того, кто доказал свою силу — легко бы принял его власть, как и согласился на сделку со мной. Другое дело, что он уверен в своём всеисиие... — значит, воспринял ту простоту, с которой ты согласился служить ему, как должное. Все правильно... Так что ты хочешь, мой мастер?

— Благодарю, госпожа, но не стоит.

Да... эта женщина не была его госпожой, и хоть он честно выполнял условия сделки, не собирался рассказывать творцу о небольшом секрете, что раскрыл ему Серег. Зачем? Так

наблюдать за их игрой будет лишь интереснее.

— Забавно... — усмехнулась женщина, — я ведь вижу твоё будущее, и знаю, что могу предложить тебе нечто куда более ценное и желанное. Другая жизнь — другая игра, новый мир, имя, роль... — новые правила. Семья, друзья, почёт, возможно — любовь.

— Такое бывает только в сказках.

— Именно сказку я и собираюсь тебе предложить. Не забывай, кто я, мастер. Мне подвластно многое. Очень и очень многое. Волшебный замок, знатный род, светлая сила, красавица жена и два очаровательных сына... хочешь такую жизнь? Это есть в твоём будущем, но развилка, за которой эта реальность действительно превратится в сказку, слишком близка... — всего несколько шагов. И нужно решать сейчас, — она растянула ярко-накрашенные губы в соблазнительной улыбке, внимательно наблюдая за выражением лица тёмного мастера.

Эрик нахмурился. Он умел чувствовать ложь и знал, что творец не солгала. Значит, она действительно видела это и могла дать ему новый мир — жизнь, дом, семью: то, чего у тёмного мастера не могло быть изначально. Никогда. Ни при каких условиях. Эрик был создан для разрушения, но никак не созидания. Возможно? Вдруг Алевтине действительно подвластно изменить это?

Но в то же время мастер замечательно чувствовал оттенки и ударения, под которыми прятались истинная сущность красивых слов. Рыжая, удивительно красивая женщина с пустым взглядом уже давно не была человеком, вот только маленькая запинка выдала её.

— Что же не так будет с этими детьми? И какова цена сказки?

— А вот это, мой милый мастер, я расскажу тебе после того, как мы заключим новую сделку...

Ларин не успела понять, что отошла слишком далеко от небольшой поляны, на которой остановилась их компания. Казалось, она только скрылась за кустами, чтобы, пройдя чуть-чуть вверх по течению ручья, смыть с себя усталость, и вот уже девушка остановилась рядом с плотным деревом, пытаясь вспомнить, как пришла сюда. И куда «сюда»?

В какой-то момент, когда Ларин собиралась начать купание — что-то мелькнуло среди густых ветвей, и она решила посмотреть на это. И вот коварная тропа оборвалась у толстых корней дерева на небольшой поляне: точной копии той, где они недавно расположились. Ларин нахмурилась, надеясь, что всё-таки вспомнит, с какой стороны вышла сюда. Но... может быть, это слепая госпожа привела её, указав путь? Значит, она должна быть здесь...

Но зачем?

Она переступила с ноги на ногу и ещё раз огляделась по сторонам. Возможно, ей стоит остаться здесь, чтобы дожидаться следующего знака своей госпожи? Всё, что не происходит, как тонкая нить жизнь не путается, не изгибается: все не просто так — это необходимо для какого-то замысла пряжи. Человек просто не видит того, что доступно слепой госпоже. На то она и слепая — ей безразличны декорации и оболочки — только суть, которую можно лишь почувствовать, но никак не увидеть. Шелковые нити, которые вплетаются в узор этого мира, сливаясь с другими судьбами и жизнями — и если для того, чтобы сохранить всё полотно, нужно убрать крошечный узелок, пряжа ни на мгновение не задумается, чью жизнь обрывает в этот момент. Ей безразлично это.

Может быть, Ларин ошиблась, когда посвятила свою жизнь слепой госпоже. Видимо, это было нужно её душе, чтобы успокоиться, что-то понять лишь на краткий миг. Куда проще жить, думая, что каждый твой шаг был предопределён давным-давно, и никакой ошибки ты не совершил. Ведь, по сути — слепо подчинялся чужой воле, а не сам делал выбор, который привёл к этому провалу... — это ещё одна причина, почему пряху называют именно слепой госпожой.

И как было просто в это верить Ларин! Только вот этот долг... миссия вместо того, чтобы укрепить её веру, стала подтачивать уверенность в том, что госпожа знает, что она делает. Нет. Такого не могло быть, чтобы это существо, которое им приходилось называть спасителем, действительно оказалось единственной надеждой их мира.

Все, что нес в себе этот подросток — разрушение. Абсолютный конец...

Всему...

Ларин покачала головой. Как ей хотелось ошибиться! Чтобы эти странные мысли так и остались мыслями, а предчувствия не оправдались. Но каждый раз, когда она смотрела в серую пустоту глаз мальчишки, пересиливая свой страх, видела, что за этим скрывается что-то ещё. Зверь... Бездна.

Неужели именно это необходимо слепой госпоже?

Чужих шагов она не слышала. Повернулась в другую сторону и натолкнулась на оценивающий взгляд. Плохонький одноручный меч совершенно недвусмысленно был направлен ей в живот.

— Кто? — мужчина наклонил голову на бок.

— Ларин... — она совершенно не представляла, что можно было ответить. Рассказать? Но вдруг это слуги тёмного мастера нашли их? Позвать на помощь? Если она ушла слишком далеко и её никто не услышит... Неужели пряха вывела Ларин на эту поляну только, чтобы верная служительница так глупо погибла от руки разбойника?

Нервно оглянувшись, Ларин поняла, что они со странным мужчиной на поляне не одни. И взгляды остальных разбойников, заставили девушку нервно сглотнуть.

— Очень приятно, — насмешливо протянул мужчина, — только под вопросом «кто» я подразумевал вовсе не имя...

— Я служительница тихой госпожи... мой долг...

— Служительница? Странно, что подобная цаца могла забыть в этой глуши? Не врешь, девочка? Вы там только и можете просто сидеть и ждать, пока тихая не придёт за душой. Сдаётся, сочиняешь... Нехорошо.

— Какая вам разница? — на смену страху пришла злость.

Возможно, виной этому стало то, что Ларин случайно сама себе напомнила о долге. О предназначении свыше, которое так повышает самооценку, когда проводишь слишком чёткую линию между собой и остальными людьми — недостойными этой ноши. А она достойна... — значит, все не закончится так глупо. Этот человек даже не подозревает о том, что она одна из сопровождающих спасителя, одна из избранных пряхой, направленная госпожой для того, чтобы спасти их мир. И этого мужика, и его людей, пусть они и недостойны спасения. Но...

Видимо, что-то промелькнуло в её взгляде, и мужчина совершенно неожиданно улыбнулся.

— Действительно? Да, знак вижу, под рубашку убери, Белянка сглазит. Какое мое дело? Подумаешь, забралась симпатичная девчонка в эту глухомань. Что-то про долг лепечет. На

подручную мастера вроде не похожа — уже ладно. Среди людей моей профессии сличается плохой приметой причинять вред дочерям старой паучихи, — Ларин заметно передёрнуло от этого оскорбления её госпожи. Так пряху называли те, кто поклонялись тихой деве... — Да... считается, что лучше отпустить служительницу судьбы, иначе продашь душу Бездне. В любом случае, что сможешь сделать? Привести каких-нибудь друзей? Приводи... — он медленно опустил меч.

А после спокойно скрылся за деревьями, словно и не смотрел так, будто уже вспарывал живот случайной гостье этого леса. И остальные ушли — также тихо и спокойно. Как-то неправильно.

Или наоборот?

Может быть, слепая госпожа показала Ларин, что сомнения девушки глупы и надуманны. Что все подозрения беспочвенны? Всего лишь переволновалась, вот и мерещится теперь за каждым кустом Зверь. Девушка покачала головой, думая, что просто перечитала старых легенд и сказок. Даже у тёмного мастера не получится удерживать Бездну. Никто не сможет и управлять ею, не то, что запереть в своём теле... — это смешно, ведь пустота разъедает плоть за долю секунды. Сказки это, что наступит день, когда придёт слуга, который сможет стать проводником, и Бездна пожрёт их мир.

Нет... Три сестры не допустят этого. Даже безумная госпожа должна понимать, что Зверя никто не сможет ни убить, ни пленить. Даже сбежать не удастся. И если существует возможность того, что смертная плоть сможет стать вместилищем Бездны, они не допустят его прихода в их мир.

Ларин улыбнулась. Глупая она, глупая девчонка, придумавшая себе невесть что, а вот госпожа показала, что не стоит переживать. Нет, совершенно не стоит. Всё неслучайно. Ларин огляделась по сторонам и с неожиданной легкостью увидела ту крошечную тропку, которая вывела её на это странное место. Пора было возвращаться, пока её не хватились и не кинулись на поиски. Ларин не хотелось, чтобы кто-то натолкнулся на разбойников... Ведь в этом случае большая вероятность, что кто-нибудь пострадает. И девушка совершенно не желала зла: ни друзьям, ни кому другому. Ведь не тронули её...

В какой момент всё изменилось, Ларин так и не поняла... Её душа, окрыленная тем, что показала девушке слепая пряха, металась внутри грудной клетки, вызывая тот радостный трепет, заставляющий сердце сжиматься в ожидании чего-то волшебного, радостного.

— Ирэн? — Ларин успела удивиться, когда прямо перед ней словно из воздуха появилась рыжая девочка.

Руки Ирэн дрожали, с такой силой сжимая небольшой кинжал, что могло показаться — ещё немного и на прочной рукояти останутся следы тонких пальчиков. Девочка до крови прикусила нижнюю губу и теперь осторожно слизывала маленьким язычком выступившие солончатые капли.

— Нет, — прошептала она. Только-только начавшая оформляться грудь нервно вздымалась. — Они должны были убить тебя... сейчас... должны. Это ведь просто? Как и было нужно... ему. Но они нет... так нельзя, нельзя. Как он сказал — так и должно случиться. Теперь я, чтобы он был доволен. Нет, не почувствует, но сказал...

— Ирэн? Что с тобой? — Ларин, не понимала, что творится с Ирэн. Какой-то припадок? Побелевшие губы девочки продолжали шептать бессмыслицу, но сама Ирэн, преодолевая себя, продолжала делать маленькие шаги.

Шепот прервался.

— Ты виновата, — отчётливо и громко произнесла Ирэн.

И взгляд стал осмысленным. Таким, что Ларин отшатнулась от той нечеловеческой боли, которая отразилась в обычно тёплых, синих глазах. Теперь девочка успокоилась. Даже улыбнулась.

— Я не прощу тебя, Ларин. Но если бы он сказал — отпустила, смогла бы забыть. Не раз пряха рассудила так...

Полу-всхлип, больше похожий на истерический смешок, оборвал её фразу, а в следующий момент маленький кинжал вонзился в грудь Ларин. Ирэн с секунду вглядывалась в сузившиеся зрачки девушки и, выдернув оружие, отступила на шаг.

Больно не было. Только как-то странно. Ларин посмотрела на испачканные в красном ладони, не понимая, почему вдруг стало так невыносимо сложно дышать. И Ирэн... — маленькая звёздочка, словно ещё одна сестрёнка Белой звезды, только земная... добрая, ясная: всегда казалось, что хрупкую фигурку девочки опутывает кокон света. Ирэн убила её только что, убила Ларин. Нет. Такого просто не могло быть. Это сон, какой-то странный кошмар, который никак не может закончиться.

Возможно, ей просто мерещится всё? Ведь боли нет... — только холод.

Ларин опустила на землю, продолжая разглядывать окровавленные ладони.

— За что?

— Ты не вспомнишь, — голос Ирэн донесся из невообразимой дали, будто женщина накрыла голову подушкой, — никогда не вспомнишь. Не сможешь. А я помню. У Эллин были голубенькие глазки, казалось, что в них отражается небо. Такая крохотная: пальчики с прозрачными ноготками, маленькие ножки — обе ступни уместались на одной моей ладони. Она так замечательно улыбалась — моя доченька. Нет, Ларин ты никогда не вспомнишь... А я живу с этим. Живу, вспоминая её личико, её голосок. Нашу семью, которую у меня отняли. Знаешь, как это, Ларин? — смотреть на тебя, мечтая убить: зубами порвать глотку. Улыбаться и говорить всякие глупости, помня... Нет, ты не знаешь, как жить, когда у тебя отняли самое дорогое. Разбили, растоптали, сожгли. Но я терпела. Научилась наступать себе на горло. Но даже смертью ты не искупишь того, что сделала с нами, с нашими жизнями. Во что превратила нас, его... — ты тоже была там, смотрела, но ничего не сделала. И теперь ты умираешь, Ларин. Как же я счастлива подарить твою смерть своему любимому. Ты спросила за что? За мою семью, Ларин. За мою доченьку...

— Далик... Далик! — Ларин закричала. Кричала, ничего не понимая, но чувствуя, что нужно что-то делать. Сказать... — Далик! — в груди что-то захрипело, а во рту появился привкус крови. Как же невыносимо страшно было слушать этот голос. О чём? О чём она говорит? За что...

— Далик...

Ирэн пугливо обернулась. Так не должно было быть. Если кто-то услышит... Нет, она не подведёт его. В этот раз не подведёт. Бездна, всего лишь нужно заткнуть ей глотку!

Ещё один удар перебил Ларин горло. Тонкие руки женщины судорожно попытались зажать рану, остановить кровь. Она больше не кричала, но почему-то продолжала жить, словно чья-то воля удерживала Ларин на земле, не отпуская её душу.

— Тварь, — девочка выронила кинжал, который забрала у Девеана, и зажала ладонями рот, чтобы не закричать самой. Бездна! Почему Ирэн не казнили вместе с ним? Почему не забрали и её душу... Нашарив на груди янтарный кулон, девочка провела пальцем по тёплому камню, напоминая себе, зачем она здесь, — не прощу... — повторила она как

заклятье, и вслепую нашарив на мокрой от крови траве оружие, отступила с поляны.

Бегом! Обратно! Не думать, не чувствовать. Улыбаться.

Сполоснуть руки в ручье и стать той самой девочкой, которой она притворялась столько лет. Быстрее...

А душа пусть молчит.

Ларин лежала на спине, смаргивая большие слезы. Сверху на неё смотрела Белая звезда. Молодая женщина думала, что, наверное, и в правду совершила что-то настолько ужасное, что добрая звёздочка Ирэн убила её. Она просто не понимала последних слов... Эллин? Дочка? Нет... даже к лучшему, что она не помнит. Ларин не хотела причинять зла девочке, только сделать этот мир лучше, чтобы не осталось зла. Но если причинила... надо заплатить. Попросить прощения за эту боль, которую она увидела в глазах Ирэн, пусть её бы и не простили.

Страшно... Ларин все силилась сделать ещё один вздох, казалось надо всего лишь дождаться Далика и любимый спасет её. А можно просто проснуться? Или хотя бы вспомнить...

Тол-тарисс так знакомо равнодушно наблюдала за исполнением приговора.

Боли не было.

Глава 2.7 Сказки тихой госпожи

Замшелые камни когда-то известных могил
Откроют все тайны умеющим слушать и ждать,
О тех, кто когда-то боролся, страдал и любил,
И, видимо, тоже совсем не хотел умирать.
Андрей Белянин

Когда мы нашли Ларин, она ещё дышала, жила. Наверное, несколько секунд она была счастлива, что мы всё-таки успели... — женщина так странно и неправильно улыбнулась, словно не просто смирилась со смертью, но и ждала её.

Нет!

Вскинувшаяся Бездна едва не сломала защитные барьеры. Так не должно было быть, но Зверь внутри меня против всех законов и догм желал ощутить её боль, увидеть страх, отчаянье... — наконец-то узнать вкус мести, к которой я столь долго шёл. Нет, так просто Ларин от меня не получит покоя... Они лишили меня его и шанса на перерождение, и я не подарю им эту возможность. Крошечная трещина прошла по контуру барьера, и тонкое щупальце пустоты обвило душу девушки, готовившуюся раствориться в глубоком небе. Теперь она никогда не сможет вернуться, встретиться с дорогими ей людьми.

Я усмехнулся, когда душа отчаянно дернулась, пытаюсь вырваться. Теперь я ощущал ту боль, что причиняли ей обжигающие прикосновения пустоты. Смятение, мольба, страх — все это смешалось в крошечном комочке света, который я всё сильнее сдавливал в объятиях Бездны. Прощай, Ларин. Щупальце сжалось, растворяя душу предательницы в абсолютном Ничто. Ни надежд, ни следов.

С оглушительным треском лопались барьеры, удерживающие пустоту внутри меня, но никто этого не замечал. И я никак не мог заставить себя восстановить их.

— Кажется, она умерла, — спокойно констатировал Девеан, обращаясь к Далику, который, словно ребёнка укачивал на руках тело Ларин, продолжая шептать какую-то чепуху про то, что все будет хорошо, просто отлично... не может не быть.

— Ты меня услышал? — уточнил надзиратель у мужчины.

Ирэн всхлипнула, зажимая руками лицо.

— Да... — продолжил Девеан, — кто-то славно поработал. Перестань ты её трясти, только кровью сильнее запачкаешься, — брезгливо поморщился он, словно действительно находил этот момент неприятным.

— Замолчи! — неожиданно крикнула на Девеана Тина, опускаясь рядом с Даликом на колени и почти нежно разжимая его руки.

— Надо же мне было хоть как-то привести вас в чувство? Ненавижу истерики.

Вот теперь Далик пришёл в себя. Отпустив тело любимой, он вскочил на ноги, обнажив меч. Плюнул Девеану под ноги.

— Бессердечная мразь, как ты смеешь?!

— Смею. Нет, всё-таки забавная работа. Сразу видно, что делал дилетант, кто так горло режет? Только траву пачкать, хотя ей только польза... — продолжил Девеан, словно нарочно

выводил Далика из себя.

— По праву крови вызываю тебя... — но закончить фразу вызова на дуэль ему не дали.

— Я ведь убью тебя, мальчик... — улыбнулся надзиратель.

Барьеры не восстанавливались. Почувствовав вкус свободы — чужой боли, эмоций и чувств: таких отчаянных и изумительно сладких, — Бездна не собиралась возвращаться назад в неудобное смертное тело, в тюрьму плоти и памяти. Она требовала ещё душ, смерти, разрушения — того, что я должен был ей дать за возможность пользоваться пустотой. И я вынужден был подчиниться Бездне, ломая игру, проигрывая целый раунд.

Проигрывая всю партию... сражение — той мести, которую я так тщательно выстраивал в уме, не будет. Придется все закончить просто и быстро, чтобы за одним проигрышем я не упустил последнюю возможность выиграть войну.

Что ж, сыграем в фарс.

— Нет, Девеан, даже не надейся, — я сделал несколько шагов вперёд, обходя Далика по неширокой дуге, — ты его не убьёшь — это только моя привилегия... Не так ли?

— Да, будет нечестно отнимать у тебя игрушку, — надзиратель развёл руками, кажется, новый поворот только обрадовал Девеана. Надзиратель успел устать от непонятных правил, которые все время менялись. Ему хотелось скорее закончить с этой скучной работой.

— Итак, Далик, ответь мне: что ты чувствуешь, потеряв любимую женщину? Может быть, облегчение? Нет... И даже не равнодушие. Позволь я угадаю? Тебе больно, Далик. Да Боль пожирает тебя изнутри. И это замечательно.

В следующую секунду Бездна перехватила кинжал Тины, направленный мне в спину. Глава пятой гильдии не стала спрашивать, что здесь происходит, быстро сориентировавшись на месте.

Такой спаситель ей был не нужен.

— Я, кажется, сказал, что у тебя не получится меня убить? — уточнил я, не поворачиваясь к женщине, продолжая рассматривать заострившееся, помертвевшее лицо Далика.

Мой надзиратель всё понял без слов: предатель застыл на месте, не в силах сдвинуться ни на шаг, оружие выпало из ослабевших пальцев, тонкие нити чужой воли прочно сковывали его тело. Девеан, не ослабляя ментальное давление, кивнул, что можно начинать развлечение. Теперь Далик мог только наблюдать.

Спустя секунду Бездна, удерживающая кинжал в нескольких сантиметрах от моей левой лопатки, растворило оружие так же, как совсем недавно уничтожила душу Ларин. Отступив на шаг и пригнувшись, я пропустил над головой обездвигивающий импульс Ферла, который наконец-то смог преодолеть оцепенение, подключившись к схватке, но пока не решался пытаться меня убить. Я позволил части тёмного мастера внутри себя поставить ещё один барьер на пути почти вырвавшейся на свободу Бездны. Подожди ещё чуть-чуть, милая. Ведь так игра будет куда интереснее, правда?

Когда-то давно князь учил меня чувствовать приближающуюся опасность. Я до сих пор помню странный танец слепца, когда он уворачивался от точных ударов оружия. Сейчас чувства были мне не нужны, расплескавшаяся вокруг сила загодя предупреждала о импульсах мага или движениях наёмницы. Пока я просто уклонялся, позволяя им думать, что вот-вот они смогут меня достать. Переместился к телу Ларин и, наклонившись, провел рукой по ране на горле и зачерпнул немного пустоты, смешивая её с кровью женщины.

— Думаю, тело ей уже не нужно... — я подул на ладонь, сдувая обжигающие капли

обратно на землю. Наверное, это было красиво: серые языки пламени быстро растворяли тело Ларин, обращая его в пепел и полностью стирая из реальности.

Бездна умеет быть эффективной.

Один из металлических ножей Тины аккуратно срезал у виска седую прядь. Шаг назад, наклон, разворот. Ещё один шаг, ловлю смертельный импульс.

Улыбнулся...

Да... теперь я мог улыбаться. Тёмный сгусток сущности мастера во мне вместе с этим поединком переставал быть чуждым, причудливо вплетаясь в узор Бездны. Жажда, месть, непонятное удовольствие и ощущение этого танца. Я чуть сжал заклинание Ферла, позволяя ему впитаться в ладони и ощущая тепло чужой силы, покачал головой, словно предлагая магу осознать до конца, что он не может причинить мне вреда. И как только в глазах парня отразилось понимание, сменяющееся страхом, я переместился ему за спину.

— За ошибки одного платят все, — прошептал я, вонзая тонкий кинжал между шейными позвонками и растворяя душу мага в пустоте.

Потом я повернулся к Тине... Прости, такова жизнь. В прошлом ты защитила меня ценой своей жизни, в настоящем я сам убью тебя. Просто потому, что так интереснее. С лезвия на траву упало несколько бордовых капель, смешиваясь с тонкими ручейками оставшейся на траве крови Ларин, которые ещё не успели впитаться в землю. Лицо Тины было перекошено гримасой отвращения. Сейчас женщина прекрасно понимала, кто перед ней стоит, но не боялась. Наверное, она просто не могла испытывать этого чувства.

— Хочешь, я дам тебе ещё одну попытку убить меня?

Она покачала головой.

— Как угодно. Наверное, мне должно быть жаль, что все закончилось так быстро... снова не так, как я планировал. Вы с Ферлом, в общем-то, заплатили свою часть ещё в прошлой жизни, но нужно сделать завершающий штрих, чтобы закончить картину.

Ещё одно смазанное движение и кинжал легко вошёл в грудь Тины. Нет, так получится слишком просто. Провёл лезвием чуть вверх, расширяя рану, пустота услужливо проследила за тем, чтобы ни одна липкая капля крови не испачкала мою одежду или лицо. Оскалившаяся в предвкушении Бездна получила ещё одну душу.

Ещё до того, как тело наёмницы завершило короткое падение на заботливо распахнувшую свои объятия землю, Девеан отпустил сознание Далика, освобождая мужчину от невидимых пут и возвращая ему волю. Тот сглотнул, обведя бессмысленным взглядом небольшую поляну.

Безжизненные тела мага и наёмницы, пепельная трава там, где совсем недавно лежала Ларин... правильный треугольник с вершиной из доказательства величия Бездны, перемешавшаяся кровь, улыбающийся Девеан и спокойная Ирэн...

Девочка уже убрала руки от лица. Она просто смотрела. Так, будто пыталась запечатлеть в памяти каждую частичку окружающей её действительности. И на секунду в её синих глазах мелькнуло отражение моего безумия.

Далик опустился на колени, вглядываясь в застывшие лица друзей.

— Как ощущение? — спросил, подходя к нему. — Нравится?

Я опустился рядом с мужчиной на корточки и попытался изобразить вежливый интерес. Он сглотнул и перевёл на меня взгляд, встретившись с холодом Бездны, вздрогнул.

— Почему? — с трудом выдавил он.

Покачал головой. Сколько раз я продумывал ответ на этот вопрос, проигрывая разные

варианты обстановок и условий, при которых услышу эти слова. Длинные пафосные речи, обвинения, вкрадчивый шепот, рассказывающий о прошлом...

Нет.

— Просто так, — я пожал плечами, поднимаясь на ноги. — Знаешь, Далик, с моей стороны было бы слишком гуманно отпустить тебя сейчас. Но я это сделаю. Только для того, чтобы дать тебе время добраться до родового поместья. Если я не ошибаюсь, отсюда примерно недели две, да? Советую поспешить... Как раз успеешь к концу представления. Ты ведь любишь свою семью...

Мужчина вздрогнул, мертвый взгляд обрел какое-то подобие осмысленности. Ведь у него ещё оставалось, что терять. Несколько секунд Далик тяжело дышал, пытаясь понять смысл этих слов. Потом вцепился мне в ногу.

— Не трогай их! Убей меня сразу!

Какая затёртая, знакомая фраза. Самопожертвование, как это глупо.

— Обязательно, но как-нибудь позже, — высвободив штанину из его пальцев, и стерев тёмные отметины с ослепительно белой ткани, я заботливо похлопал Далика по плечу.

— Приберись тут, Девеан, надеюсь, сможешь понять, где меня найти.

После чего переместился прочь с поляны.

Игра продолжалась, но для начала необходимо было переставить фигуры на доске.

Когда-то:

— Далик! Будь ты проклят! Слышишь?

Я ворвался на заседание старшего совета, чуть не вышибив двери. Скорость и запрещённые знания решили все. Я приставил к горлу короля простой нож с деревянной рукоятью — такой найдёте в любом деревенском доме.

Далик часто задышал, стараясь отодвинуться от плохо заточенного лезвия. Знал, что если потребуется, я вцеплюсь ему в плотку зубами, но живым не отпущу. Но смотрел он совершенно непонимающе, словно пытаюсь вспомнить, кто я такой. Не менее ошарашенные гвардейцы взяли меня в плотное кольцо. Однако упирающийся прямо в шею короля нож мешал им скрутить меня на месте.

— Скажи, Далик, что я тебе сделал? За что ты так со мной? Просто скажи, за что? — ещё чуть-чуть, и сорвал бы себе голосовые связки.

Казалось, что я наблюдаю за происходящим со стороны. Худой грязный мужчина с безумными вытаращенными глазами, и мой бывший друг, одетый с иголки.

Не выдержав, я расхохотался.

— Тебе не хватило того, что ты лишил меня всего, изгнав? Тебе не хватило, что ты обобрал меня до нитки? Тебе не хватило того, что я подыхаю, как последняя псина, не имея права даже на лекарственные импульсы? Решил забрать у меня последнее? Забрал... ну что, рад?

— Серег? — казалось, что Далик опомнился только сейчас... — что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь понять, что с тобой случилось. Где мой друг? Куда ты его дел? Кто ты? — окончательно отчаявшись, я вцепился в короля, начав его трясти, словно надеялся, что из-за пазухи подделки выпадет настоящий Далик.

Гвардейцы, не растерявшись, отволокли меня на расстояние от венценосной особы.

— Ты убил её! — истошно завопил я, забившись в крепких руках. — Почему?

На лице всех присутствующих проступило такое удивление, будто я сказал, что являюсь темным мастером.

— Вы обвиняете его величество в убийстве? — осторожно спросил какой-то маленький пухлый человечек с лентой министра через плечо.

— Да, он убил мою дочь. Только он! — снова закричал я. — Больше никому! Ты предатель, убийца!

Даже гвардейцы в испуге от меня отпрянули. Неужели они согласятся выслушать? Не мог поверить в это счастье. Наконец-то справедливость восторжествует, как тогда, когда я убил мастера. Мысли захлестывали — они были громоздкими, словно не моими. Я оправил грязный плащ и оглядел зал.

— Да, я лорд-спаситель Серег, заявляю, что король Далик первый — предатель.

Казалось, что мой голос слышно во всем дворце, что сейчас все услышат правду.

— Он изгнал меня из своих земель, чтобы вернуть мастера, а теперь убил мою дочь, дабы ускорить процесс... — нет! Об этом нельзя говорить! Молчи, Серег!

— Процесс? О чём вы? — также осторожно поинтересовались из-за спины. Взгляд Далика стал подозрительным, он сощурил глаза, пристально вглядываясь в моё лицо.

— Серег, почему ты с иллюзией маски? — голос больше напоминал змеиное шипение. Мягкий, хриловатый... у того Далика, которого я знал, не могло быть такого голоса. Значит, это не он! Друг никогда бы не предал меня.

Тем временем король, плавным движением создав импульс, обращающий чужие чары, нацелил его на меня.

— Ты не хочешь иллюзию снять?

Не знаю, что заклинило в моём больном мозгу, но простейший безобидный импульс я воспринял... Не знаю, но показалось мне в тот момент невесть что. Сила пробила барьер, который медленно истончался год за годом.

— Сдохни! — импульс остановки сердца помчался напрямиком в короля.

На какую-то секунду мне показалось, что уже вижу, как он падает на мраморный пол зала, и как стекленеют его глаза. И что вместе с этим исчезают все проблемы и печали. Что сейчас все снова станет прекрасно...

Нет. Какой-то молодой гвардеец успел собой закрыть его величество. Ещё одна секунда и мощным заклятьем меня отшвырнуло к противоположной стене, больно в неё впечатав.

— Снимите с него иллюзию!

Ещё один импульс и вот от меня отшатнулись, как от прокаженного. Хотя можно считать, что я таковым и являлся. Красный цвет — печать Зверя. Сжавшись в комочек и баюкая вывихнутое плечо, я растерянно смотрел, как появившееся в глазах присутствующих советников отвращение и непонимание быстро сменялось животным страхом. Только на лице Далика было написано торжество, смешанное с... сожалением? Впрочем, последнее мгновенно исчезло, не оставив ни следа.

— Что ж, теперь всё понятно. Итак, господа, мы можем видеть, что все обвинения этого человека, — брезгливый кивок в мою сторону, — были ложными. И как раз лорд Серег оказался на стороне мастера и безумной госпожи. Возможно, он сам убил свою дочь...

— Захлопни пасть! — я попробовал снова кинуться на короля, но меня скрутили и обездвижили импульсом.

— В Бездну его.

— Но, ваше величество, как же? Он же... не лучше ли сразу же казнить? — рядом с ним

возник смутно знакомый, статный молодой мужчина, наверное, мой ровесник.

— Нет, всё-таки это сам спаситель, — Далик покачал головой, бросив на меня ещё один разочарованный взгляд, — бывший герой... Кто же мог знать, что он сломается и решит всех предать? Известите мою сестру, что у неё больше нет мужа. Возможно, Ирэн всё-таки сможет образумиться.

Было невыносимо больно смотреть на лучшего друга, хотя он же меня давно предал. Неужели я до сих пор не мог это осознать?

— С вашего позволения, я сам поеду к Ирэн.

— Хорошо, отправляйтесь сейчас же, — Далик направился к выходу, — на сегодня я отменяю все совещания и приёмы, такое потрясение, — в голосе прорезалась откровенная насмешка, — проверьте, чтобы к вечеру об этом досадном инциденте знали все — общественность должна понять, что спасителя у них больше нет. А я пройду в покои.

— Конечно, ваше величество, — мужчина почтительно поклонился Далику и подмигнул мне.

Дик, теперь я вспомнил бывшего жениха своей любимой...

Сейчас:

Ирэн захлебывалась слезами, прижавшись к груди Девеана. Они сидели здесь же, на поляне. Надзиратель уже успел «прибраться», а Далик просто ушел. Ещё несколько минут, после исчезновения Серега, девушка держалась, успев сказать брату, что вполне довольна свершившимся действием, после чего послала его в Бездну.

И Далик ушел, не оборачиваясь, кажется, повредившись рассудком. Несколько мгновений Ирэн и Девеан ещё слышали редкие истеричные смешки, после чего наступила пугающая тишина. И, не выдержав, девочка расплакалась. Она тихо глотала слёзы, боясь даже всхлипнуть, а надзиратель не знал, можно ли что-то сказать, чтобы хоть чуть-чуть успокоить её. Просто обнял, пытаясь показать, что она не одна, как-то разделить боль девушки, которая душила её столько лет.

— Бездна, какая же я глупая... — тонкие пальчики с силой сжимали черную ткань рубашки, — зачем, зачем я это сделала? Это было как затмение, казалось, что так будет правильнее. Понимаешь? Только ради неё — Эллин. А ему все равно... Он не любил меня. Уже тогда, в прошлом, он считал, что ничего не было — думал, что раз ему в тягость наша жизнь, то и для меня она должна быть испытанием. А я боролась! Верила.

Девеан осторожно погладил девушку по голове, перебирая мягкие-мягкие рыжие пряди. Мужчина плохо представлял, что нужно отвечать... и нужно ли?

— Убила... — прошептала она, — я ведь никогда никого не убивала. Даже не думала об этом. Скажи, неужели я так много хотела?

— Ты сделала то, что посчитала нужным. Не мне тебя судить... И сама себя не суди, и так желающих наберётся достаточно, — отозвался Девеан, — прости, если задел, когда говорил про мастерство убийцы.

— Оказывается, ты умеешь извиняться... — мужчина не видел лица Ирэн, но, кажется, она улыбнулась.

— Все умеют, просто некоторые пытаются скрыть это. Не жалею о своём выборе.

— Нет, я не жалею. Ни о том, что пошла за ним, ни что убила Ларин... Но, Бездна! Как же я устала: бороться, ждать, надеяться. Устала, — повторила девочка.

С силой сжала в ладони каплю янтаря, и дальше заговорила ровно, словно это помогло ей успокоиться.

— Там покой, Девеан, — вздохнула она, — ещё несколько мгновений, пока тихая госпожа закрывала мне глаза, было больно, а потом всё исчезло. Больше не грызло изнутри чувство отчаянья, отступили страх и грусть, не стало этого треклятого долга... Странное ощущение защищенности и любви, когда ты знаешь, что очень-очень нужен кому-то доброму и сильному — вот что было в том покое. Не знаю, может быть, именно так чувствует себя ребёнок в материнской утробе? — а потом плачет, лишаясь этого чувства. Там была Эллин, были те, кого отобрало у меня время. И Серег тоже должен был вот-вот присоединиться — я знала это. Вот только что же пошло не так? Он ведь, наверное, думает, что ему всё дозволено, потому что душа где-то там, в покое, счастлива в кругу нашей маленькой семьи. Но нет. Душа не спаслась — она исчезла, просто растворилась в пустоте — все чувства, желания: ничего не осталось. Его уже нет, действительно нет, а он не понимает этого, играет словами...

Ирэн тихо всхлипнула, смахнула тыльной стороной руки капли слёз.

— Я помню тот холод, который разрушил мой покой, когда Серега не стало. Страшное осознание произошедшей катастрофы. Ощущение, что у меня самой вырвали кусок души... Боль. Только боль. Тогда я и взмолилась, чтобы время вернуло мне то, что отняло, или же отпустило меня к нему. А Эллин осталась в покое тихой госпожи. Голубые глазки, точки веснушек, улыбка... — когда-нибудь она переродится и будет называть мамой другую женщину. Пусть. Какая из меня мать? Не уберегла её... — в другой жизни она будет счастлива. Время согласилось, ответило. Оно сказала, что выполнит мою просьбу, и будет неважно: выдержу я или пожалею о выборе — ничего уже не вернуть. Вот и вся история.

Несколько минут они просто молчали.

— Скажи, — постарался отвлечь девушку Девеан, — почему никто ничего не заподозрил в тебе? Столько лет ты жила рядом с этими людьми и ничем не выдала своей ненависти, своего возраста? Сложно оставаться ребёнком, пережив столько боли. И невозможно улыбаться тем, кого мечтаешь убить.

Он провёл ладонью по спине Ирэн, чувствуя, как дрожь оставляет тело девочки.

— Нет, всё гораздо проще, — она покачала головой. — Воспоминания возвращались постепенно: снами, отрывками, видениями, образами. Ночными кошмарами. И я медленно вспоминала. Так притворяться было куда проще. Иногда мне даже казалось, что это обычные страхи: все сон и ничего не было. Всё ждала, когда снова увижу его — спасителя. Смешно, но надеялась: вдруг это окажется совсем другой человек? Только никак не могла понять: действительно ли хочу, чтобы та жизнь оказалась сном.

Ирэн помолчала, потом потерлась щекой о жесткую ткань рубашки.

— Спасибо тебе, Девеан, — она осторожно обняла его за шею. И улыбнулась.

Губы у Ирэн были мягкими и тёплыми. Она осторожно коснулась ими уголка рта мужчины, взглядом стараясь что-то отыскать в тёмных глазах надзирателя. А потом снова поцеловала. Так отчаянно сильно впиваясь в губы Девеана, словно хотела причинить боль. Ещё мгновение он отвечал на этот поцелуй, обнимая её, желая укрыть от всего мира крошечное солнышко, а потом резко отстранился.

— Мне не нужны краденые чувства, — бросил Девеан, поднимаясь на ноги, — это неприятно — знать, что на месте меня ты представляешь Серега. Даже оскорбительно.

Он успел встревожиться, что из-за грубого тона Ирэн может стать только хуже. Но

девочка, наоборот, пришла в себя. Криво улыбнулась.

— Прости, — она тоже поднялась с вытоптанной травы, отряхивая одежду. — Наверное, мне нужно было понять, что хоть у кого-то в этом мире остались эмоции и чувства... нормальные.

— У тебя, — Девеан прошёлся по поляне, проверяя, не оставил ли какие-то следы. Подумал, что нужно будет вернуться на ту полянку, где они остановились — разобраться с вещами.

— Нет, — Ирэн покачала головой. — Я не продержусь... Если слишком долго стоять на краю Бездны, рано или поздно сделаешь шаг вперёд.

Надзиратель нахмурился, поворачиваясь к девочке.

— Неужели ты не поняла, что у него вообще нет эмоций или чувств? Даже если ты исказишь своё восприятие, то не сможешь стать такой же, как он.

Ответом ему стал смех. И если хорошо прислушаться, можно было заметить первые нотки подкрадывающегося безумия...

— Нет, Девеан, это ты никак не можешь понять, что Серег смог вернуть себе часть ощущений... Неужели не заметил этого во время схватки? Только каких? Явно не хороших. И не превратит ли это его в нечто ещё более жестокое, чем есть сейчас?

Но мужчина не стал дослушивать до конца. Девочка успела разглядеть, как лицо Девеана исказила непонятная гримаса: ужас? осознание? обречённость? И надзиратель исчез с лёгким хлопком, оставив её одну.

Ирэн встряхнула головой, чтобы обрезанные рыжие пряди огнём растеклись по плечам, прищурилась и, посмотрев куда-то вверх, уточнила:

— Вот теперь всё правильно?

— Да, родная, ты все сделала правильно...

Девочка повернулась к появившемуся за её спиной Сергею и улыбнулась.

Когда-то:

Ржавая дверь со страшным скрипом открылась, заставив меня поморщиться от неприятного слуху скрежета. Микель кивнул и пропустил в камеру посетителя.

— Здравствуй, как ты?

Бледное лицо. Нет, даже не лицо, а маска — кость, обтянутая белой кожей, которую вспарывали ранние морщины. Вокруг глаз, давно потерявших последние искры жизни, залегли глубокие тени. Губы искривила грустная улыбка. Время и боль сделали Ирэн некрасивой, настолько, насколько это было возможно. Хотя что-то в ней оставалось от прежней себя — тень весёлой девушки. Впрочем, это ещё больше уродовало её.

— Так же, как полгода назад.

Не думаю, что выгляжу лучше, но, господа, я в тюрьме. А вот моя милая жена на свободе. И даже более того: семья обещала её простить и разрешить вернуться. А всего-то надо забыть бывшего героя. Только ослиное упрямство заставляло Ирэн раз за разом отказываться от предложенных ей благ и продолжать навещать меня. Зачем?

Наверное, я скот. Даже спорить не буду. Но мне противна стоящая передо мной женщина. Её сутулые плечи, худые руки с маленькими запястьями и тонкими пальцами. Её грязно-рыжие волосы, которые больше напоминают паклю. Её взгляд, где не осталось той всеобъемлющей любви — только её иллюзия.

— Я нашла документы об аресте. Мне только осталось их показать людям. Только не знаю, кому доверять. Может быть, Марису? Но, Серег, я обязательно справлюсь, верь мне! — она резко шагнула ко мне, желая обнять или просто прикоснуться, но я брезгливо отступил назад.

— Выброси и забудь. Забудь и всё. Точка, — мне пришлось закрыть глаза, чтобы Ирэн не увидела, как в них медленно возвращается жизнь.

— Глупости, неужели ты думаешь, что я тебе поверю, мастер? Говоришь, чтобы оставить его здесь? Но Серег хочет на свободу!

Она походила на сумасшедшую, но в то же время... Эрик всегда здесь — в моём разуме. Только сейчас я это я. И прошу тебя, Ирэн, не трогать ничего, не изменять мою жизнь. Пожалуйста...

— Нет, не надо, прошу... нет, оставь меня, — вместе с тихим всхлипом наружу прорвались эмоции.

— Ты не понимаешь? Ты действительно не понимаешь? Я опасен! Я... я... у меня нет ничего за этими стенами, там будет только хуже. Привык. Я уже привык здесь. И Бездна... почти не чувствую её. Только голоса, но это неважно. Ирэн, милая моя, родная, я могу встать на колени. Я могу сделать что угодно. Но не хочу возвращаться. Только не это... пожалуйста.

Она тихо рассмеялась.

— Бездна, Серег, ты говоришь, словно сумасшедший! Конечно же, ты хочешь стать свободным! Это всё он — мастер, он заставляет тебя так думать. И у тебя есть я. И наша любовь! Не бойся, скоро всё закончится.

Неужели она не понимает? Не видит? Я уже давно сошел с ума.

— Нет, — воздуха катастрофически не хватало, но старался говорить как можно чётче, — всё, что я прошу — это убраться отсюда в Бездну. Вон! Я не люблю тебя. Ты мне противна. Пожалуйста, убирайся. Я же тебя возненавижу. Ирэн, я — это он, и на свободе мы станем убивать, станем новым мастером, нет — смертью. Да, я стану смертью. Я слышу его голос, он шепчет мне, как приятно убивать, нет, не убивать — мучить. Пытать. Ты хочешь попробовать? Тоже хочешь ощутить вкус крови? Вместе навсегда?

Безумный смех вывел Ирэн из оцепенения, и женщина с испуганным вскриком кинулась к двери.

— Нет! Никогда! Потому что я больше не люблю тебя! Ты отвратительна! Убирайся, и если хочешь, чтобы здесь воцарился ад — освободи меня! И смотри, как я уничтожаю всё, что тебе дорого.

Дверь давно захлопнулась, и эхо моего крика перестало терзать слух болью. Я сидел, прислонившись к стене. Горло нещадно саднило — я сорвал себе голос, опять. Сил оставалось только на тихий шепот.

— Не приходи сюда, я прошу. И прости. Ты, наверное, не поймёшь, но мне больно снова становиться человеком. Каждый раз, когда ты приходишь, я начинаю чувствовать, вспоминать. Ненавижу тебя, Ирэн, за то, что ты заставляешь меня любить. Без чувств существовать спокойнее. Эрик был прав — это непозволительная слабость. Или это говорил я? Знаешь, Ирэн, я уже не могу понять, что во мне от Эрика, а что — от меня самого. И мне больно, я не хочу быть спасителем. Не хочу быть мессией, слугой света. Он выжег во мне все хорошее. Жить в пустоте спокойнее. Она такая мягкая... я проиграл. Я всё-таки проиграл... Только не приходи.

А взгляд медленно мертвел. Так спокойнее...

Если бы только не эти голоса.

Сейчас:

Я сидел на парапете восточной башни. Не обращая внимания на прикосновения ледяного ветра, я жадно глотал холодный воздух — здесь, в землях Эрика всегда царила зима.

А рядом со мной сидела Смерть.

— Простудишься, — тихая госпожа покачала головой, — даже носитель Бездны может заболеть насморком. Правда, это смешно?

Странно слышать это от неё, я даже собрался что-то сказать в ответ, но... промолчал, продолжая смотреть в заполненное вязкими грязно-белыми тучами небо, словно надеясь увидеть ответы на свои вопросы. Паршиво, и как-то слишком спокойно. Неправильно. Сознание пыталось найти ассоциацию — как это: «смешно»? Нет, не помню. Разговор, легкость, потом идея... и такой подъём, всплеск — смешно?

Помню отчаянье — это как взять нож и с силой полоснуть себя по руке. И жажда, когда смотришь на тёмные капли, стекающие по запястью. Кап-кап. И гнев... Нет, всё-таки ещё есть ассоциации. Остались. Это часть Эрика — она пока поддерживает меня. Но Бездны подступает, стирая во мне все.

Барьеры уже не восстановить.

Я отомстил, но внутри пусто. И холодно. Или это снаружи ледяной ветер? Не знаю. Наверное, через подобное проходили многие. Долгий путь к цели, отсчитывание дней и шагов, утомительно-предвкушающее ожидание, планы... А потом делаешь следующий шаг и неожиданно понимаешь, что цель уже осталась позади. Дни, недели, может целые годы укладываются в несколько минут. И вместо радости наступает опустошение.

Я слишком долго этого ждал, и в последний момент, когда пришлось сломать план, перегорел.

Радости...

Нет, не было даже того, что я смог получить из частички личности Эрика. Только холод Бездны и белые хлопья снега.

— Это был щедрый дар. Только ответ: зачем? — тихая госпожа тоже подняла заплаканные глаза к небу, позволяя большим снежинкам падать на её бледное лицо, смешиваясь с красными каплями слёз.

Красиво.

— А ты не знаешь? — неужели я должен опять всё объяснять?

— Нет. Её нить оборвалась только из-за твоего вмешательства. Ты стёр такую красивую жизнь, Серег.

Не могу понять, что прозвучало в голосе Смерти: сожаление или жалость?

— Моего? Ты шутишь? Её должны были убить. Я всего лишь не вмешался.

— Зачем ты врёшь, Серег? Даже про себя не говоришь это. Её бы не убили — вот правда. Впрочем, кажется, я понимаю, но не обвиняю тебя. Мне опять хочется спросить: за что? — оторвавшись от созерцания неба, тихая госпожа закрыла глаза, как-то тихо, по-детски вздохнув. И зябко передёрнула открытыми морозу плечиками.

Я какое-то время, молча, обдумывал ответ. Каждое слово.

— Это мсть. Я отплатил тем же. Ларин — равнодушием. А у Далика отнял то, что и он у меня в прошлой жизни. Боль пойдёт ему на пользу, а когда я убью остальных членов его семьи, с долгами будет покончено. По-крайней мере, с их большей частью.

— И Ирэн тоже будет среди «остальных членов семьи»?

— Я ещё не решил, обещал защищать её... Но ведь защита бывает разной, не так ли? Можно защитить и от жизни. Да, это смешно.

Ледяной ветер, проникая под тонкую шёлковую рубашку, впивался в кожу острыми иглами, причиняя боль — хоть какие-то ощущения. Я попросил Бездну не лишать меня этого.

— И это всё? Только из-за мести? Не смеши, ты мог придумать что-то более изящное.

Да, у меня богатая фантазия — в прошлой жизни я гордился ею. Но решил остановиться на этом варианте.

— Каждому своё. Так будет лучше. Какая разница: убил бы её я или кто-то другой. Чем эта мсть хуже дугой? Ничем. Обыкновенная плата за боль, за унижение. За сломанную жизнь. За предательство.

Я вздрогнул, когда Смерть неожиданно громко и искренне засмеялась.

— Скажи, а ты не думал, что они могли тебя и не предавать?

— Глупость.

— Нет, Сергей, это не глупость. Ты просто заиклился на одной идее и отказался посмотреть по сторонам. Итак, — тихая госпожа повернулась ко мне. — Сейчас я расскажу тебе две сказки... К сожалению, они грустные, и ни в одной нет счастливого конца... Но ты послушай, вдруг сможешь услышать что-то знакомое?

Смерть задумалась, смешно вытянув губы трубочкой.

— Да, начну с этой. Её тебе будет проще понять. Любой мир состоит из двух составляющих, концентрация которых должна пребывать в относительном равенстве. Это обусловлено законами множественной вселенной... И ни творцам, ни кому либо ещё этого не изменить. Свет, тьма, зло или добро... — названий много. Но они должны пребывать в равновесии. Мир, в котором основы нарушены — обречен. Зло нельзя изжить навсегда, уничтожить полностью. Кто-то все равно займет его место, желает он того или нет. У него будет другое лицо, новые задачи и приоритеты, но это будет все равно зло. Альтернатив нет. Если ты что-то забираешь, то должен предложить подходящую замену или же собой восполнить утрату... — ещё одна основа. Неоспоримая истина. Но ведь каждый считает, что сможет найти свою правду? Никто не решится написать свод законов единого творца, ведь на каждого праведника найдётся свой змей. И вот в одном маленьком красивом мире люди страдали вовсе не от абстрактного зла. У него было лицо и воплощение, оно убивало их родных и причиняло боль. И люди так устали, что перестали слушать доводы разума и заповеди своих богов. Кто осмелится обвинить их в том, что они просто устали бояться засыпать и хоронить своих детей? Они придумали, как казалось, идеальный способ обмануть законы вселенной. Навсегда изжить зло... Все очень просто. Они выдумали для себя спасителя и нашли его — того, кто смог бы взять на себя ответственность за их души и жизни, кто не принадлежал их миру и поэтому имел право вмешаться в основы. Маленький наивный мальчик, который смог победить. И он, конечно же, не знал, что множественная вселенная принимает лишь равноценный обмен: забрав что-либо у неё, нужно что-то отдать... Но что мог предложить случайный спаситель кроме себя самого? Отобрав у мира одну из опор, по закону мальчик сам должен был ей стать. Вся сила досталась ему. Именно

этого и ждали жители мира. Прежде чем спаситель научится обращаться с этой силой, они обвинили его в предательстве и приговорили к смерти. Недавние друзья отдали его Бездне — изначальному Ничто. И вроде бы все хорошо: зло растворилось в пустоте и больше не сможет возродиться. Счастливый конец. Но жители мира сами забыли о законе равновесия. Зло нельзя уничтожить. предав друга, лишаешься права на прощение. Мир, предавший своего спасителя — обречен, ведь теперь он сам становится злом... Раковая опухоль на теле вселенной, Бездна, пожирающая саму себя. Желая избавиться от боли, замечательный волшебный мир вынес себе смертельный приговор.

Покачал головой.

— Я знаю эту сказку, тихая госпожа. И ничего нового я не услышал. Тогда зачем?

Смерть улыбнулась.

— Да, эту сказку ты знаешь как никто другой. Но вот другая сторона монеты. Послушай, храбрый спаситель, вторую историю... Просто представь: ни Далик, ни Ларин никогда тебя не предавали, а наоборот, пытались до последнего спасти твою жалкую шкуру. Какая мелочь! Вспомни, как ты убил Эрика. Меч в сердце и всё? Нет. Князь ведь рассказывал тебе: убийство ломает душу. Но когда после казни твоя душа рванула ввысь, она была целой. Ведь так? Ты не обратил на это внимания? Нет? Дурак, самый настоящий дурак... В тот момент, когда ты убил мастера, раскол всё-таки произошел. Только сломалась не твоя душа, а та часть, что успела перейти в тебя от Эрика. Действительно, смешно. И без того крошечный кусочек разделился пополам и, не имея опоры, проскользнул в человека, который находился ближе всего. Вспомни: кто это был в том зале? Да, правильно, Далик. Он так бежал к тебе на помощь, так боялся за своего друга. И как раз успел к концу схватки. Остальные ещё оставались там, за тяжелыми створчатыми дверьми, а он уже спешил по лестнице к тебе.

Тихая госпожа смахнула с карниза налипший снег.

— А ещё Далик никогда не мог противиться чужому магическому воздействию. Но всё-таки сила воли у него была. Уже через два дня он понял, что что-то не так. Но можно ли было что-то сделать? Часть Эрика оказалась слишком маленькой. И, скажем так, на полноценный захват разума Далика её явно не хватило бы. За то команда «Убить лорда-спасителя» стала главной. Как ты сказал, Серег: всего лишь месть мастера своему убийце. Но друг желал тебя спасти. Выиграть время. Хотя бы меньше вспоминать о тебе. Ведь желанием Эрика было если не убить, то превратить твою жизнь в ад. Такое уютное Инферно, где бы нашлось место для двоих: тебя и боли. Пока ты восстанавливался, находясь под бдительным присмотром врачей, все было замечательно. То, что ещё оставалось от Далика, нашло один выход. Слабость мастера — власть. Он медленно плёл интриги, чтобы трон достался ему — ведь тебе корона не нужна была и даром. Все довольны, да? Оставалась сущая мелочь: убрать тебя с глаз, чтобы случайно не причинить вреда. Жаль, психика Далика перестала выдерживать напряжения, дав первые трещины. Именно поэтому он не отправил тебя в родной мир, а изгнал. А дальше... да, было трудно, но жизнь начала налаживаться. Или я не права? Всё сломало то, что никто не мог предвидеть. Твой разум тоже дал слабину, позволяя второй части Эрика действовать, подарив ему свободу. О, тут конечно, об тебя можно было легко сломать зубы. Но это если мастер решил бы идти напрямую. А если аккуратно, создавая иллюзию, что до тех или иных выводов ты дошёл сам? Серег, ты же давно понял, как тобой легко манипулировать! Да... Далик сорвался первым, отправив гвардейцев, но действительно последней каплей стало убийство Эллина. Ты ворвался к Далику, обвиняя всех и вся, и попытался устранить короля. Я же говорила, что

единственный выход спасти тебя — изолировать. Ты можешь сколько угодно говорить, что лучше бы умер. Оставь пафос для кого-нибудь другого. Пойми, там уже не было твоего друга, но и мастер не одержал окончательную победу. Эрик так и не смог полностью подчинить Далика. Только всё, что осталось от доброго друга: одна мысль, идея — «спасти Серега», и не важно, как именно.

Неожиданно Смерть опять рассмеялась — звонкий смех взлетел ввысь наполненную белыми, большими хлопьями.

— Если бы ты хоть чуть-чуть подумал, то понял, что ни Далик, ни Ларин, ни гвардейцы не имеют никакого отношения к убийству Эллин. Ты сам убил свою дочь, Серег. Помнишь тот разговор перед рассветом в камере в ожидании казни? Ты просто не успел услышать ответ, который все это время хранился в твоём подсознании. Очень удобно закрыть память на прочный засов и выбросить ключ. Но это уже неважно. Тебя заключили в камеру. Год, два... три. Можно сойти с ума настолько, что будешь казаться совершенно нормальным. И тут снова вмешался случай. Слепая сестра любит играть больше остальных, вот только, не всегда может осознать последствия раньше, чем переплетёт нити. На этот раз судьба явилась в лице Ирэн. Ведь для неё единственным смыслом осталось твоё освобождение. Ты сам понимаешь, что этот выход был неприемлемым. Хуже нового тёмного мастера мог оказаться только обезумивший спаситель. А ещё оставался Далик, который не мог позволить этого. Думаешь, что всё закончилось бы банальным убийством? Нет, все зашло слишком далеко. «Благими намереньями...» — эта фраза подходит идеально. Он бы всеми силами постарался достать из тебя последний осколок Эрика. Или наоборот, вернуть тот, что попал в него. Череду болезненных опытов — вот, что тебя ожидало. И когда Ирэн до твоего освобождения оставалось несколько шагов, Далик понял, что придётся кем-то из вас пожертвовать. Кого он выбрал — ты знаешь. Вот только убийство сработало как детонатор, прости, что употребляю термины твоего мира. Что ж, думаю, можно оборвать мою сказку. Или ты хочешь услышать продолжение этой занимательной истории?

Я покачал головой, отвечая, что продолжение не нужно.

— В твоей сказке есть большая нестыковка: Ларин? Почему предала она?

Тихая госпожа пожалала острыми плечиками:

— Сейчас придумаю... скажем сильно-концентрированное любовное зелье. Бедная девочка всё видела и понимала, только ничего не могла сделать. Если бы ты знал, как она была счастлива в момент своей смерти! А остальные? Обыкновенный дар убеждения. Правда, всё оказалось слишком просто? Никаких заговоров, тайн. Каких-то скрытых смыслов. Серег, только представь, что тебя никто никогда не предавал. Что тогда?

Я пожал плечами и зябко поёжился. Мысли... А никаких мыслей и не было. Холодно. Да и задержался я. Наверное, меня Эрик разыскивает. Кажется, я думал нанести визит вежливости старшему князю. Дела, дела... одни дела. Рубашка промокла насквозь, и телу было неуютно. Пойти, переодеться? Я слез с парапета, отряхнувшись от нетающего снега. Потянулся и, для приличия вздохнув, повернулся к Смерти:

— Это правда? То, что ты рассказала? В каждой из сказок прозвучал осколок истины.

— Я не отвечу, Серег... Хотя... ладно, чуть-чуть открою правду: ты действительно убил свою дочь. Вспомни ещё раз, Эллин уже была мертва, когда гвардейцы только въезжали в деревню. Но куда проще было считать, что её жизнь оборвала чужая рука. В остальном считай, что эти сказки — мои выдумки. Или вероятности из сотни реальностей — ты ведь уже такие видел. Что ещё могло произойти на самом деле? Предали тебя они или нет, я не

знаю. А может и знаю. Скажи, мой ответ что-нибудь изменит?

— Нет. Не изменит. Ты ведь давно планировала этот разговор? Выжидала нужного момента, чтобы рассказать эту историю — как ты сказала? — занимательную сказку.

Тихая госпожа попробовала что-то ответить, но я её перебил.

— Не надо сказок. Хватит. И правды не надо. Уже не важно. Я сыт по горло вашим благом. Или это специально, чтобы я раскаялся? О да, сейчас пойду и всех прощу, воскрешу, снова стану спасителем и уничтожу тёмного мастера. Так? Милая, ты забыла — теперь я не умею прощать. Ты опоздала со своей сказкой ровно на одну жизнь. Теперь перед тобой стоит монстр. И совершенно неважно, предали меня или нет. Этот мир в любом случае захлебнётся собственной кровью.

Развернувшись, я направился к лестнице. Как там сказала Смерть? Уютный ад, где найдётся место для боли и этого мира. Да, я создам его.

— Серег, кем ты стал? — тихий, робкий голос.

Страх...

Неужели это говорит Смерть?

— Тем, кого из меня хотели сделать: судьба, жизнь, случай, ты... Скоро я освобожу Бездну, и её ничто не остановит.

Больше не оборачиваясь, начал спуск, не успев расслышать последнюю фразу Смерти.

Тихая госпожа вздохнула, смотря вслед слуге Бездны.

— Тебе не позволят, Серег...

Глава 2.8 Страшный Суд

Вы видели траур на свадебном платье?
Вы пили шампанское "За упокой"?
Вы рвали в отчаянье с шеи распятыё?
Тогда и не спорьте, прошу вас, со мной...
Минеева Мария

Город пал к полудню...

Леилья вот уже как третье столетие была торговой столицей людского королевства. Полноводная река, давшая название городу, словно пояс с драгоценностями охватывала весь материк, а затем терялась в Ледяном океане. И сложно было отыскать в мире такое место, где встречалось бы столько разных культур и народов, где говорили на сотнях языков и наречий, но понимали друг друга. Любой товар, малейшая прихоть: от запрещённого порошка-дурмана до меднокожих наложниц с другого материка. Изумительное оружие, тонкие ткани, благовония, странные люди, отравленное лезвие в бок... — в Леильи можно было найти все. Огромной сетью улочек раскинулась она, нежно обхватывая речной изгиб.

А ещё Леилья отличалась высокими крепостными стенами, большим воинским гарнизоном, славившимся особым мастерством и выучкой, и отрядом лучших магов, каждый из которых стоил сотни воинов. Торговая столица надёжно защищала свои богатства и с суши, и с воды.

Но тварям безумной госпожи было все равно... Тёмная масса осадила город всего за несколько дней, и если бы оставалась хоть одна лазейка, защитники давно бежали от этого ужаса. Словно какой-то сумасшедший купец решил устроить под высокими белокаменными стенами выставку уродцев. Двухголовые монстры с птичьими клювами, покрытые чешуёй, огромные черные псы на шести лапах, змеевидные чудовища с крыльями и ядовитыми жалами на хвостах... Смерд гниения. Если не страх, то нечеловеческое отвращение, доводящее до рвоты. Безумие... даже самое извращенное создание не могло породить это. Только Бездна. И ощущая её дыхание, люди сходили с ума, превращаясь в бесполезные куски мяса.

Никто не мог ничего сделать. На место одной убитой твари приходила другая. Они могли ждать вечность, пока город тонет в отчаянье и кошмарах. Пока, поддаваясь панике, недавние друзья режут друг друга, надеясь найти успокоение в чертогах тихой госпожи.

Но на пятый день оставшиеся маги, выпив черной смерти, открыли ворота.

Леилья пала. Твари Бездны уничтожали всех, чуя людской страх даже в самых надёжных убежищах. И шли дальше...

Не война, абсолютное уничтожение.

Но им некуда было спешить, их господин мог позволить себе растянуть агонию.

— Приветствую, Шарисс.

В большом овальном зеркале отразилась небольшая гостиная, выполненная в светлых тонах. Мягкие кресла с небольшими подушками, ворсистый ковёр, идеальный порядок, шкафы из редкого белого дерева: могло показаться, что вся комната, от стен и потолков до вещей, покрыта тонкой пленкой изморози.

В прошлой жизни мне не нравилась эта слепая красота, теперь она ассоциировалась только с холодом, снова проникающим внутрь — в сердце, в кости... Но сейчас холод не мог причинить боли. Резкий порыв ветра ворвался с той стороны в комнату, заставив огонь в камине нервно дернуться из стороны в сторону, а полупрозрачные занавеси вздуться пузырями. Секунда и наваждение исчезло. Снова растеклось тонкое тепло, которое еле-еле поднимало температуру, не в силах согреть старые каменные стены и затаившуюся по углам память.

— Здравствуй, спаситель.

Сидящий в одном из кресел князь отложил на круглый столик большую книгу с объемным текстом, сделанным специально, чтобы чуткие пальцы Видящего могли различать знаки. Её плотный красный переплёт оказался единственным цветным пятном в белоснежном покое, словно кровавый след. Даже повязка на глазах князя поменяла привычный черный окрас на бесцветный — знак печали и покоя. Шарисс медленно повернул голову на звук моего голоса, смотря мимо зеркала. На губах Видящего появилась осторожная, доброжелательная улыбка.

— Сейчас ты скажешь, что ждал меня, не так ли? — я отпил чуть-чуть горячего чая с ягодным привкусом, пытаюсь согреться. В замке Эрика всегда царил холод. Совсем другой холод, нежели чем снаружи. Тот мороз был живым, колким... разве что ветер, приходящий с Ледяного океана, отдавал привкусом тлена...

— Да, ждал, — слепец вздохнул, — знал, что обязательно наведишь меня. Ты ведь не согласишься, если я скажу, что это было необходимо для мира? Может быть для всей вселенной... Жаль, я не могу показать тебе того, что вижу.

— Почему же не поверю? — постарался изобразить удивление, отыскав ассоциацию среди пыльных полок воспоминаний, — поверю, если убедительно согласишься. Знаешь ли, ещё с прошлой жизни у меня сохранилась глупая привычка верить всему, что красиво говорят... Правда эта вера ничего не изменит...

Шарисс кивнул.

— Ты поймешь, спаситель. Обязательно поймешь. Как всегда в последний миг, чтобы ничего не успеть исправить, но знание придёт. Оно уже сейчас витает возле тебя. Да, я знал, что тебе потребуется поговорить со мной, но не смог увидеть: о чём? Тебе больше не нужны ответы, извинения, слова... Тогда зачем?

— Я хотел спросить, что ты чувствовал, отправляя наивного мальчишку на убой? Как это: видеть всё? Неужели тебя не мучили кошмары того, чему ты шаг за шагом позволял случиться? Неужели служение старой пряже настолько важно, что ты согласился довести ту игру до конца?

— Что я чувствовал... — эхом повторил князь, — на это сложно ответить. Ведь для этого я и родился — помогать исполнять предначертанные события. Кажется, я уже говорил это когда-то давно тому мальчику, но он, к сожалению, не запомнил это. Сергей, хоть ты и изменился, всё равно продолжаешь оценивать окружающий мир с позиции человеческого подростка. Абсурд: палач с сознанием обиженного ребёнка. Воистину слепая госпожа любит неожиданные повороты! Да... ты ведь и сам знаешь, что игра далека от завершения. Она

продлиться даже после моей смерти. И после твоего ухода, спаситель, она не остановиться. Но нет, мне не снились кошмары — только свобода.

— Свобода для одного — рабство остальных.

— Совсем не обязательно. Это тоже человеческая логика. Свобода для всех возможна, просто тот единственный выход очень сложно найти, — князь повернул голову ещё чуть-чуть. Теперь могло показаться, что он смотрит мне прямо в глаза. Будто его направляла сама паучиха, спеша убедиться, что игра действительно продолжается, и она не ошиблась в своих расчётах.

— Я попытаюсь, — отпил ещё чуть-чуть чая, — можете начинать готовиться к войне. Люди долго не протянут, Андриан уже несколько раз пробовал начинать переговоры. Скоро слуги мастера попробуют на прочность защиту вашего леса. Но это после того, как я завершу дела на человеческих землях, там ещё осталось, где развернуться. Так что время есть... Хотя и затягивать я не собираюсь... Да, князь, знай, когда мы увидимся в следующий раз — я сорву с тебя эту чертову повязку, чтобы посмотреть в глаза старой пряхе. И даже смогу почувствовать удовольствие, обрекая тебя на смерть. Как ты когда-то обрек меня.

— Только ты остался жить, спаситель...

— Ошибаешься. Ответ ещё на один вопрос: почему ты продолжаешь называть меня спасителем даже теперь, зная, что я делаю, кем стал? Это лицемерно и некрасиво.

— Ты спаситель, Сергей. Это твоя сущность — она останется такой, в кого ты не превратишься, кем не попытаешься быть. Но, кажется, я уже сказал, что ты обязательно всё поймёшь...

— Пойму, и может быть против твоих слов успею что-то исправить. До встречи.

Связь оборвалась резко, разбив зеркало. Я не стал его восстанавливать, рассматривая свое отражение, исказившееся в мутных осколках. Они медленно, словно в замедленной съёмке, падали на каменный пол, сверкая в тусклом свете камина, как драгоценности.

— Значит, всё-таки война, а не истребление? — Эрик, вышел из тени, отряхивая с плеч начавший таять снег. Последнее время он так же пристрастился проводить время на открытых площадках башен города. — Моя госпожа будет рада.

— Значит, война... — согласился, поднимаясь из кресла, — но не гарантирую, что твоя госпожа будет рада этой задумке.

— Нет, игрушка, не будет... Игра закончена, мальчики.

Услышав звонкий голос, я наклонил голову, чтобы никто не заметил моей странной усмешки. Алевтина сидела в том самом кресле, с которого я поднялся несколько секунд назад. Сейчас творец не выглядела хрупкой девочкой. Молодая женщина, сознание услужливо подсказало, что кроме всего прочего — женщина ослепительно красивая. Разве что этот бездушный взгляд, который портил все очарование и вызывал у меня ассоциацию с отвращением. Алевтина вообще ассоциировалась у меня с редкой и ядовитой змеей.

— Что тебя привело в эту скромную обитель, госпожа? — последнее слово далось без запинки и внутренних сомнений. Разве что постарался добавить немного иронии. Право слово, у Бездны не может быть господ... — только слуги. Но вот догадывается ли об этом сама творец?

Я подал знак Эрику.

И мастер растворился в наплывающих тенях. Не зря же мы с Эриком трудились над пустотными щитами последние недели с тех пор, как Ирэн сыграла свою роль, «случайно» открыв Девеану моя тайну. Ничего удивительного... я не мог не ощутить, что с девочкой

что-то не так, ведь с самого начала я ассоциировал её как свою Ирэн — взрослую женщину, узнавшую боль. И этот запах отчаянья я не смог бы перепутать ни с чем иным. Понять, что я не единственный помню прошлую жизнь, было уже несложно. А дальше оставалось только играть свои роли.

Стоящий за спинкой кресла надзиратель, различив более не скрываемые эмоции, только сильнее нахмурился, сверля меня тяжёлым взглядом.

— Ты и привёл, Сергей... — Алевтина лицемерно вздохнула, — Девеан принёс тревожные вести, и мне больно видеть подтверждение им.

— Каменное сердце не может болеть, госпожа.

— Если бы это было правдой... — Алив пристально всматривалась в меня, словно надеялась отыскать чертовски важные ответы, — мне действительно больно, Сергей, что ты так бездарно использовал данный тебе шанс. Я ожидала других результатов, но вместо благородного мстителя, изучающего данные ему силы, вижу наглого щенка, убивающего невинных людей. И этот щенок, проигнорировав щедрые дары, призвал то, что было заперто поколением нечеловеческой ценой...

— Сколько пафоса! Ты сама дала мне свободу действий, госпожа. И я распорядился ей так, как посчитал нужным.

Творец покачала головой, повернувшись к Девеану.

— Кажется, я просила тебя проследить, чтобы эмоции не нашли лазейку раньше нужного времени? — в её интонациях прозвучало точно отмеренное раздражение.

— Простите, Великая, — с презрением произнес Девеан последнее слово.

Кажется, Алевтина коллекционирует диковинки, не задумываясь о том, что когда-нибудь одна из них всадит отравленный Бездной нож в сердце творцу или, скорее, в спину.

— О наказании мы поговорим позже. А ты, Сергей, собирайся. Свобода действий закончилась, раз ты решил поиграть с тем, что не понимаешь. Предателям ты отомстил, так что свои условия сделки я выполнила, — женщина поднялась из кресла, оправляя короткое светлое платье и зябко ежась от прикосновений игл холода, — ярываю договор...

Струна лопнула. И совершенно неожиданно я понял, что мне по-настоящему хочется рассмеяться: двух слов хватило, чтобы уничтожить последний барьер, поставленный самой Алевтиной, о котором я даже не подозревал. Слияние с чужой сущностью состоялось. Кажется, творец сама не поняла, какой подарок сделала мне.

— Да, Сергей, — женщина расценила мою гримасу по-своему, — нужно всегда слушать условия, а не слепо соглашаться... я ведь сказала, что у меня будет право остановить тебя? Твои действия ставят существование этого мира под угрозу, а значит...

— Это значит, что ты, госпожа, разорвала бы договор в любом случае, отыскав какую-нибудь ошибку... — малейшую угрозу в моих действиях. Очень удобно: заключать подобные договоры. Но я понимаю, игрушка, подобная мне, большая редкость и должна храниться под стеклянным колпаком и контролироваться любыми способами. Ты показала то, насколько я действительно тебе нужен. Ведь кроме контроля, коллекционеры ужасно опасаются повредить дорогую вещь. Напрасно ты выдала этот досадный страх, я не пойду с тобой, госпожа, — последнее слово выделил нарочно.

Развернувшись, я вышел из комнаты и, вступив в первую тень, переместился в большой зал. Можно сказать, отступил на заранее заготовленные позиции. Эрик уже ждал меня. Он сидел на последней ступеньке лестницы, разглядывая начерченную на полу правильную геометрическую фигуру. Её грани тускло мигали в полумраке громады, вытесанной в скале,

которой и являлась главная башня замка-города. Тьма казалась осязаемой, живой. Она с предвкушением ожидала того, что вот-вот должно было произойти.

Эрик провел последнюю линию и положил рядом с собой кисточку, испачканную бордовой краской. Мастер не был ни капли расстроен тем, что война всех со всеми откладывалась на неопределённый срок. Новый персонаж занял его внимание полностью и интересовал куда сильнее старшего народа и грязных людских городов.

— Скажи, ты уверен в том, что собираешься сделать? — он поднял на меня глаза.

— Абсолютно. А что, против?

— Просто я считаю, что это может получиться некрасиво, — мастер поднялся на ноги и быстро обошел свое творение, — слишком быстро... Всего несколько недель, как ты расправился с проводниками, и все это время ничего не происходило... Мы разговаривали, наблюдали за уничтожением очередного города, разговаривали... Ещё эта девчонка. И опять рассказы. Холод. Этого времени словно уже нет. И не было. Оно выпало из общей канвы. Странно.

— Может быть, это и к лучшему. Что-то должно оставаться только внутри тебя. Что-то скучно-обыденное, важное только для самого человека. Я постараюсь, чтобы все вышло именно так, как надо, мастер. Не стоит растягивать то, что можешь не довести до конца. Случиться может многое...

— О да, многое! — Алевтина выглядела рассерженной. Чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы гримаса недовольства не портила кукольного личика великого творца. — Например, сейчас случится вот что: ты извинишься за свою последнюю фразу, после чего пойдёшь за мной. Я говорила, что люблю строптивые игрушки, но, кажется, забыла добавить, что всё равно им следует знать своё место. Второй раз просить не буду. Идём...

Девеан покачал головой. Кажется, надзиратель уже жалел о секундном порыве. Впрочем, что только не делают существа, обладающие недостатком души, подчиняясь коротким вспышкам эмоций. Сколько глупости, сколько ошибок. Боль, которую они причиняют в первую очередь себе и своим близким. Ты ведь волнуешься об Ирэн, да, Девеан?

Мужчина отвел взгляд.

— Ты много чего забыла добавить и сказать, госпожа, — я улыбнулся Алевтине, — но сейчас ответы уже не нужны, опоздала... и заблуждаешься, если думаешь, что сможешь отнять моё право мести. Иди в Бездну, Великая.

Не дослушав, творец ударила. Без предупреждения, подготовки, каких-либо пассов или слов. В мгновения сформированная силовая волна, накрыла меня с головой и... исчезла в пустоте, не причинив вреда. Я глубоко вдохнул, ощущая, как Бездна, получившая пищу, ворочается в груди, предупреждая о том, что ещё немного, и я перестану её контролировать. Потерпи чуть-чуть, ещё не все гости в сборе. Нужно ещё подождать.

— Что теперь?

— Интерес-сно, — прошипела женщина, щурясь от удовольствия, — теперь мы поиграем, моя драгоценная кукла...

Меж её скрюченных пальцев замелькали разряды молний. Черты лица творца поплыли, словно в секунды Алевтина сменяла сотни и тысячи масок. Да, ей действительно было интересно. За несколько секунд от концентрации силы творца воздух нагрелся в зале настолько, что даже Бездна не смогла продолжать поддерживать комфортную для физического тела среду внутри барьера.

А вот остальным пришлось туго. Ворвавшуюся в зал Ирэн прикрыл Девеан, вокруг Эрика кружился хоровод снежинок. Я продолжал неподвижно стоять на одном месте, наблюдая за танцем Алевтины. Огонь, молнии, воздух — чистая не сформированная сила, творец методично била по кокону пустоты, стараясь нащупать слабые места. Женщина мгновенно перемещалась с места на место, то приближаясь ко мне, то возникая в конце зала. Изучала игрушку, стараясь рассмотреть во всех подробностях, запечатлеть в памяти до последнего штриха, найти ошибку в моих расчетах, крошечную трещину. Но пустота была идеальна.

В какой-то момент глаза творца полыхнули желтым цветом, растворив точки зрачков в расплавленном золоте. И на мгновение мне показалось, что за спиной женщины сформировалась чья-то призрачная фигура. Она осторожно обняла Алевтину за плечи... и в этот момент на меня обрушилась такая сила, что я почти услышал, как трещит барьер, продавливаясь под натиском невиданной мощи творца. Пришлось поднять руки на уровень лица, скрестив их — так было удобнее удерживать кокон, который оплавлялся в яростных языках пламени.

Бездна, словно копируя привидевшуюся мне тень, сформировав образ уже знакомой женщины, прижалась ко мне со спины. Ледяное дыхание коснулась затылка, тонкие пальчики пробежались вдоль позвоночника, легкими нажатиями снимая напряжение.

— Держись, носитель. Ты пока ещё нужен. Так и будешь стоять? Ну же...

И тогда я резко развёл руками, освобождая пустоту. Не волна, не сила... — абсолютное Ничто, приняв форму Зверя, вырвалось из меня, растворяя окружающую действительность. Девеан с рыком, прижав к себе вскрикнувшую от ужаса девочку, переместился за спину своей госпоже. По разлившемуся в зале запаху крови я понял, что пустота успела задеть надзирателя. Эрик, также защищенный Бездной, приглушенно засмеялся, представляя, что должно было вот-вот случиться.

Только Алевтина даже не моргнула. Фигура за её спиной прикрыла женщине лицо, но сквозь призрачные ладони я видел прищуренные нечеловеческие глаза, в которых застыло непонятное торжество. Словно Алевтина не понимала, что через секунду её не станет. Бездна прикоснулась к творцу и подобно воде омыла её, растворяя одежду, но более ничего не трогая. Не причиняя вреда.

И Ничто исчезло...

Алевтина переступила с ноги на ногу, словно первый раз в жизни ощущая свою наготу. Тусклый свет зала превращал женщину в дивную скульптуру, которую не могли создать руки человека.

— Они близко, — шепнула на ухо Бездна, растворяясь в тенях.

Но укрепить щиты я не успел.

— Однако, рыжая, ты умеешь развлекаться... — раздавшийся голос был спокойным, даже усталым.

Они медленно появлялись из воздуха, замирая в нескольких шагах от обнаженной Алевтины. Молодые мужчины и женщины, одетые с иголки. Красивые, словно кукольные, поддельные лица, идеальные фигуры, одинаково пустые глаза.

Только одна из них посмела выйти вперёд Великой, она отличалась от остальных творцов так же, как волчица отличается от брехливых дворняг. Именно эта женщина заговорила с Алив, искривив уродливое лицо в гримасе интереса. И спокойный, живой голос

никак не подходил безобразной внешности творца. Глубоко запавшие глаза с тёмными кругами, тонкие губы, шрам, пересекающий левую бровь, свисающие паклей волосы, рваная одежда, подчеркивающая дистрофическую худобу. И глаза — не пустые, как у остальных, а безумные. Сила этой женщины была родственна Бездне.

Алевтина улыбнулась, сделала легкое движение ладонью, создавая из воздуха полупрозрачную зелёную ткань, укрывшую её тело ниспадающей тонкими складками туникой.

— Да, Убийца, в отличие от тебя, я умею... — согласилась она, и тихая фраза была похожа на странно-знакомую отговорку школьницы, которая, не зная, как можно выиграть спор, признаёт поражение, пытаясь одновременно и подколоть соперницу и показать свою «взрослость» отказом от полемики.

— Но это не повод освобождать Хаос, — из ряда творцов выступил незнакомый мне мужчина, — твоя игрушка нарушила правило, ты должна уничтожить её, — и с легким промедлением, словно вспомнив, что они не одни, добавил: — Великая...

— Уничтожить? — лицемерно удивилась безумная женщина, медленно приближаясь ко мне. Она хромала, с трудом заставляя переступать подламывающиеся ноги. — Не наигравшись? Ксанрд, ты слишком суров, этот милый мальчик не сможет причинить вреда... Вечно нашей рыжей врушке достаются лучшие игрушки... — притворно вздохнула она, проводя по барьеру пустоты длинным ногтём.

Моё сознание странно отрешилось от всего, словно утратив своё внутреннее «я», происходящее никак не анализировалось или оценивалось, только воспринималось на уровне зрения и слуха, тут же стираясь из памяти.

— Мы не можем проигнорировать Бездну, которая в любой момент может вырваться на свободу в сердце вселенной, — казалось, что это был голос не кого-то одного, а всех творцов, ставших в один миг чем-то единым, цельным. Голос доносился из невообразимой дали и был наполнен странной печалью и всеобъемлющим пониманием.

Алевтина наклонила голову, позволяя пышным кудрям закрыть её лицо, чтобы никто не увидел отразившихся на нем эмоций.

— Это моя игрушка и я контролирую её. Никто не посмеет сломать... — плечи творца мелко подрагивали, будто бы от смеха, — у вас просто не получится...

— Решение принято, Великая. Поколение выбрало... — лишенный эмоциональной окраски голос, более похожий на быстрый импульс, впечатывающий слова в сознание, но никак не передающий их звуком.

— Вето!

— Поколение выбрало... — эхо, — Хаос не должен прорваться в мир.

Как же просто эти творцы распоряжались чужими жизнями и судьбами. Наверное, они уже перестали понимать, что играют с настоящими людьми, а не куклами. Может, в психике этих подростков что-то сломалось, а может они уже были такими.

Я наклонил голову. Что нам делать, милая? Бездна ухмыльнулась, она прекрасно знала весь сценарий этой странной пьесы. Продолжим? Алевтина встретилась со мной взглядом и кивнула, словно согласившись с этими мыслями.

— В таком случае исполняйте приговор сами, — повернувшись ко мне спиной, приказала она другим творцам.

Переместившись в конец зала к Девеану, который все ещё закрывал собой Ирэн, Алевтина замерла, скрестив руки под грудью. Лицо женщины стало непроницаемой маской,

будто в этот момент её сознание унеслось куда-то далеко-далеко, за грани множественной вселенной. Меня уже окружили. Пятеро творцов, заключив в правильную окружность контур нашего с Эриком изобретения, хмуро вглядывались в моё лицо, будто бы не хотели нападать первыми. Выжидали подходящий момент. И тихо прощупывали барьер пустоты, который надёжно оберегал меня. Тонкие щупы их силы испуганно сжимались, приближаясь к холоду Бездны.

Я повернулся к Алевтине. Прежде чем начать завершающую часть этого спектакля, необходимо было что-то сказать. Несколько слов... — все действующие лица заняли свои места, зрители замерли в ожидании развязки...

— Госпожа, ты отобрала у меня то, ради чего я и согласился на сделку. Думаешь, мне хватит нескольких смертей? Считаешь, это равноценный обмен? Нет, госпожа... Ты поступила нечестно. А это значит, что я сам возьму то, что мне причитается. Силой.

Пафосно, конечно. Но хоть что-то.

Бездна чуть приподняла меня над тёмным мраморным полом, перенося из реальности в пустоту междумирья. Нечеловеческий холод. Ничто, нигде, никогда... И только внизу среди абсолютной пустоты, оберегаемая тонким коконом силы какого-то творца, сияла крошечная искра реальности. И ещё... ещё... — то тут, то там вспыхивали в сером Ничто зернышки миров. Рассыпанные по множественной вселенной и связанные между собой, словно драгоценные бусины на дорогом многоярусном ожерелье. Одни то пылали яростным красным светом, то угасали, напоминая угли костра, другие наполняли пространство умиротворяющим спокойствием фиолетово-синих тонов, третьи были похожи на миниатюрные вселенные — гроздь жемчужин, нанизанных на тончайшие нити силы в целые системы реальностей. Чернильными кляксами расплзались черные дыры проходов...

Они думали, что я пытался сбежать, спрятаться... Даже отсюда мне были видны странные улыбки вечных детей, считающих, что пришло время для великой охоты. Творцы планировали новую, занимательную погоню, в которой в роли жертвы должен был выступать я. Их желания, страсть, жажда чужой боли сплетались в поток отвратительной уверенности в своей безнаказанности, в своём абсолютном всеисии. Они не видели во мне угрозы... Этим детям хотелось просто развлечься. Отнять у Алевтины новую игрушку, хоть в чем-то показать своё превосходство — так стая шакалов кидается на льва, стоит только тому проявить секундную слабость.

Что ж... Как пожелаете, господа.

Я закрыл глаза, пытаюсь ощутить окружающее меня ничто. Пустоту. Сердце билось ровно-ровно, внутри кокона заботливая Бездна продолжала создавать так необходимый смертному телу воздух. Всё просто. Сейчас, когда она перестанет нуждаться в проводнике, меня должно не стать...

— Я отпускаю тебя, — кажется, даже не сказал это — просто подумал.

Тонким щупальцем пустоты Бездна потянулась к переливающейся всеми цветами защитной оболочке мира. Нет, милая, так не получится... Смотри, я оставил для тебя узкий канал того плетения, которое нарисовал Эрик. По-другому ты не сможешь ворваться в этот мир. Проявить себя по настоящему, а не показывать те фокусы, что я разыгрывал до этого. Одно дело, когда сила убивает, другое, когда она стирает реальность, не оставляя ничего...

И Бездна послушала меня. Вместо того, чтобы, получив свободу и прорвав смертную оболочку, сдерживающую её, кинуться пожирать столь щедро предложенный ей мир, она добровольно признала меня своим проводником. Почувствовав, предложила разделить месть

вместе с ней: вопреки всем планам, продолжить существование, доведя дело до конца.

— У нас ещё много не законченных дел, чтобы расстаться просто так. Да?

Творцы не поняли, что произошло, когда первое щупальце, проникнув в реальность, растеклось по мраморному полу, растворяя его. За ним следующее, ещё одно, ещё. Пустота размывала тонкий канал связи, сильнее расширяя проход в уже обречённый мир. Кажется, кто-то из творцов закричал, приказывая укрепить щиты, но было уже поздно. Уверенность в своем всеисилии снова сыграла злую шутку.

Новые и новые щупальца, вырываясь из моего сердца, окружали сферу мира, продавливая её, все сильнее истончая сияющую оболочку. Тонкие нити пустоты, превращаясь в плотные потоки, накрывали собой мир. И все исчезало. Бездна словно ластиком скупыми движениями стирала карандашные линии неудачного наброска. Бережно водя по исчерканному листу реальности, она легко удаляла лишние детали. Леса, реки, пыльные дороги, дома... Реальность серела, растворяясь в нахлынувшей пустоте. Я видел, как бесцветным песком рассыпались города, укрытые волной силы, как отчаянно метались точки людей, превращаясь в размытые контуры и стираясь из памяти слепой госпожи. Мольбы, крики, люди не понимали, за что их наказывают и неистово молились своим господам о прощении.

Пустота обрывала слова.

Потом я ощутил сопротивление. Творцы, сбросив маски, пытались достать меня, дотянуться, спасти хоть что-то, заключая ещё живые кусочки мира в маленькие подобия сфер, но пустоту, прорвавшую последние заслоны, это не могло остановить. Она сдавливала, сминала, словно картон силовые барьеры, уничтожая все.

Я видел, как, замерев на пороге своего дома, Далик смотрит на приближающееся Ничто. Ладонь касается тонких перил, увитых диким виноградом, а он улыбается. Изгнанник Руин, не обращая внимания на мечущихся людей, допивает вино из только что подобранной бутылки... — в этом мире мы так и не успели пересечься с некогда высокомерным полукровкой. Лица — сотни знакомых лиц, перекошенных ужасом, уже отмеченных тихой госпожой. Я смотрел, как Бездна размывает города, забирая всех: мужчин, женщин, детей. Стирает надежды, слёзы, воспоминания, боль. Каждая ниточка, каждая волна Бездны была мной. Я сам был Бездной. Мертвенно-белый Девеан, обнимающий Ирэн в попытке выдернуть девочку из агонизирующего мира. Мальчик, прижавшийся к матери. В отчаянье вскрывающий себе горло мужчина. Пытающиеся что-то исправить творцы. Мертвый старик, которого затоптала мечущаяся толпа. Алевтина, равнодушно наблюдающая за страшным судом.

Разделившись на миллиарды частей, я сам стирал из памяти вселенной этот мир, заглядывая в глаза умирающим людям, забирая из души. И в тот момент, когда последняя волна накрыла светлый лес, я услышал смех старшего князя. Он знал, что так будет. Всегда знал. Проживая тысячи жизней, сплетая нити вероятностей, повторяя одно и то же и проходя весь путь, шаг за шагом шел к этому дню. И искреннее радовался, что он, наконец, настал...

Ещё одна правда из сказок тихой госпожи. Предавший мир недостойн существования — он превращается в опухоль на теле множественной вселенной, которую необходимо устранить любой ценой. Все эти люди оказались обречены многие жизни назад, предав того, что спас их. Не делом, не мыслью... — слепой верой и бездушием. Теперь это обратилось против них, превращая в пыль, развеивая в Хаосе.

А слепец, с рождения обречённый на служение старой пряхе, всего лишь хотел свободы.

От обречённого мира, от своей судьбы. Абсолютной свободы, которую нельзя получить, умерев, лишь исчезнув... И князь сделал все возможное, чтобы обрести эту свободу. Провёл блестящую партию, обманув саму прядильщицу судеб, сделал так, что случилось невозможное — он заключил Бездну в смертное тело. Тысячная доля процента? Но он добился своего, уничтожив обречённый мир и получив то, к чему так страстно стремился.

Захлёбываясь счастливым смехом, князь сорвал с себя белую повязку, заглянув мне в глаза. И в тот момент, когда Бездна встретилась со Знанием, я почти понял... Но пустота отступала, оставляя за собой Ничто. Ни пыли, ни праха, ни памяти, словно маленький мир никогда не существовал. Никогда не рождалась Ларин. Далик не обвинял меня в предательстве. Ирэн не плакала над телом нашей дочери. И тот невзрачный маленький человечек никогда не спрашивал у сломленного узника о его последних словах. Бездна снова свернулась в моей груди уютным комочком, как будто и не вырывалась на свободу.

И почему-то совсем не было больно...

— Теперь всё закончилось? — обернувшись, я увидел ту самую безобразную женщину. Она не участвовала в суете, переместившись в междумирье сразу за мной. И, кажется, успела искреннее насладиться короткой агонией реальности. Творец была близко-близко ко мне, но не пыталась напасть. Она наблюдала за другими хранителями, которые успели в последние мгновения бросить умирающий мир. Сейчас они больше всего напоминали детей: растерянных, испуганных, которым нестерпимо хотелось заплакать и позвать маму.

— Да, — согласился, — теперь всё закончилось.

— И ты доволен? — насмешливо спросила творец, кружа около барьера пустоты.

— Не знаю... — я ответил честно — не видел смысла во лжи.

— Но если всё закончилось, почему ты ещё здесь?

— Уже нет...

Повинуясь легкому движению руки, барьер исчез, растворяя опору, выдавливая из легких последние глотки воздуха. Бездна не успела отреагировать, как вмиг собравшиеся творцы атаковали меня, снова став один целым. Только сердце продолжало биться так же ровно, ушла потребность в воздухе, а смертельная для человеческого тела пустота казалась дивным вином. И вся мощь всемогущих детей творца растворилась, соприкоснувшись со мной. Женщина расхохоталась. Ей вторил звонкий смех Алевтины. Над кем они смеялись? Над своим поколением? Или надо мной?

— Нельзя уничтожить то, что не существует. Сергей, ты не умрешь — тебя уже нет. Неужели ты так и не понял, что это не просто красивое выражение? Это действительность. Там, где ты стоишь — пустота... Нельзя стать Бездной, можно только отдать себя ей, слиться с ней... Когда-то уже происходило похожее, тогда нам удалось одержать победу. Нужно всего лишь немного времени.

— Тогда, что дальше?

— Небольшая подлость, — просто призналась Алевтина так, будто сообщила погоду на завтра, — я решила подстраховаться и перетянула себе козырь. Твой мастер изменил последний знак. Секундное воздействие. Да.

Безумная женщина отступила на шаг, позволяя Алив приблизиться ко мне.

— Сладких снов, мой мальчик... и до скорой встречи на твоей казни.

Её глаза снова полыхнули расплавленным золотом. Тонкие пальчики дотронулись до моей груди. Тень, что стояла за спиной творца, сформировав силуэт мужчины, прошептала несколько слов, которые я не успел разобрать...

— Бессмысленно... — Ирэн подняла голову и попыталась улыбнуться. Мертвая улыбка на восковом лице-маске. — Все-таки время сказало правильно... — мне не стоило просить об этом, о новой жизни. Зачем? Скажи, Девеан, что я пыталась изменить? Что? Думала, что знаю ответ, но я ошиблась...

Надзиратель осторожно коснулся плеча Ирэн, не в силах придумать, что можно сказать, как успокоить.

— Я надеялась, что что-то можно будет исправить. Хотя бы просто быть рядом с ним: видеть его, прикасаться к нему, отдать часть своей души — нам бы вполне хватило её: одной на двоих. Но ему это было не нужно... не нужна душа. Теперь мне кажется, что он именно к этому и шел всю жизнь... — все свои жизни. Этого и добивался; просто не мог признаться даже себе. Я ведь это понимала, чувствовала — только верить не хотела. Всё надеялась, что может быть каким-то чудом смогу его удержать. Но мне не дали даже попробовать. Крошечный клочок времени... смешно, он не позволил приблизиться к себе. Я ошиблась, не стоило возвращаться в жизнь. Там, в безвременье, мне не было бы так больно.

— Я уже говорил, что не могу судить тебя и объяснять, что правильно, а что нет. Ты сделала свой выбор, потому что любишь... — заметил Девеан, — и он любил, просто забыл об этом.

— Нет, Девеан! — Ирэн неожиданно рассмеялась: отчаянно и страшно. — Он не любил... Никогда не любил. Может быть, чувствовал привязанность или симпатию, или же Серег по-настоящему верил, что любит меня. Заставил себя поверить в это, забыв, что ему просто некуда было пойти, некому рассказать о своей боли, а рядом оказалась я — до беспомощности влюблённая в спасителя девочка. Наверное, он смог внушить себе, что это лучший выход: дом, семья, та, которая пожалеет и поймет, а любовь — это не обязательное условие. А потом его стало все тяготить. Так, что он решил за двоих, даже не спросив меня. Подумал, что я тоже больше ничего не чувствую. Ещё в том мире... Бездна, Девеан, он уже тогда стремился избавиться от чувств — вырвать их с корнем. Я помню... помню... все помню.

Она обхватила свои колени худыми руками, повторяя и повторяя это слово: «помню». Девеан сидел рядом, рассматривая свои ладони. Он умел убивать, сражаться, делать это красиво, чтобы угодить публике и своей госпоже. Он даже научился подчиняться. Но сидеть и слушать тихие слова о прошлом — было выше его сил.

— И я не люблю, — Ирэн снова улыбнулась, теперь уже искренне. — Я поняла это Девеан, когда посмотрела в глаза Ничто. Осознала, что не смогу последовать за ним в Бездну. Я шла к ней все это время, уговаривая себя, что вдвоем падать на дно будет проще — не так больно, что должна это сделать — это мой путь, судьба: быть с Серегом всегда. Я поклялась... в болезни, в безумии. Но сейчас, когда остался последний шаг, поняла, что не сделаю этого. Нет, я не боюсь, просто не хочу. Хватит. Он ведь собирался убить меня. И неважно, что в тот момент Серег даже не думал о маленькой глупой девочке Ирэн, сосредоточившись на уничтожении целого мира. Можно понять, но принять — нет. В прошлом я держалась за привычную жизнь, Девеан. Думала, если всё время повторять себе, что это сложный период, проблемы, давящее небо: я поверю и снова смогу полюбить. Так же, как и Серег, пыталась себя убедить, что ещё могу чувствовать. Повторяла и повторяла,

что дочь поможет нам снова сблизиться. Но нельзя вернуть то, чего не было. А Серега... он понял это намного быстрее. Он видел то, что не замечала я. Теперь он научился видеть и понимать. Зачем ты спас меня?

Мужчина промолчал, продолжая разглядывать свои руки. Что может сделать обычная игрушка? Слишком мало, даже несмотря на то, что родители вместе с жизнью подарили Девеану достаточно силы... Но Алив умела быть предусмотрительной, запечатав их большую часть и оставив надзирателю лишь то, без чего он бы превратился в бесполезную сломанную вещь.

...Тогда он уже вырвался из умирающего мира — творец не забыла про своего слугу, переместив его в междумирье в защитный кокон. Она даже спасла тёмного мастера. А Ирэн осталась там, внизу. И спокойно смотрела на пустоту, которая растворяла окружающую действительность. Никто не скажет, каких усилий стоило Девеану вытянуть Ирэн. Может, это неистовая молитва Единому творцу, а не его жалким подобиям? Мужчина плохо запомнил тот миг, разве что раздирающая тело боль отрезвила его, оставив уверенность, что сейчас сам Девеан провалится в умирающий мир. Но потом пришла странная лёгкость, а Ирэн тихо всхлипывала в его объятиях.

Печать, сковывающая его силы и заставляющая подчиняться Алевтине, исчезла. Но вот об этом Девеан решил молчать.

Пока...

— Скажи, он ведь умер, да? Она убила Серега? Теперь я могу просто жить: без страха и боли. Я отдала все долги? Как же боюсь, что он вернётся...

Девеан, наконец, смог пересилить себя и взглянуть в глаза девушке. Надежда, недоверие, тоска, страх. Возраст. Теперь Ирэн не пряталась, не пыталась играть. Из юной девочки на надзирателя смотрела взрослая женщина, пережившая слишком много и поседевшая до срока. И это было страшно.

— Ты никому ничего не должна, и никогда не была.

Тонкие пальчики дотронулись до щеки Девеана, прочертили линию до шеи, вернулись к губам.

— Я уже говорил, что не стоит этого делать. Мне неприятно...

— Что я представляю на твоём месте другого мужчину? — подсказала Ирэн, — Забудь, Девеан... прошу, забудь. И я забуду.

И почему-то он так и не смог найти причину, чтобы и в этот раз прервать поцелуй. Может быть, надзиратель совершал ошибку, но Бездна! — как он устал бежать от нормальной жизни, прошлого... пришла пора остановиться, чтобы не упустить хоть кусочек любви.

И отказываться от рыжего счастья он не собирался.

Сверху клубилась нечто, похожее на тьму, но другое. Не та густота, не тот благородный оттенок, словно подкрашенный туман. Он начинался высоко-высоко надо моей головой, полностью скрывая потолок зала, если тот, конечно, был. Под спиной чувствовались холодные жесткие камни, пахло снегом — как зимой, когда выходишь в метель и ощущаешь странную ледяную свежесть.

Я очнулся в тот момент, осознав, что они ничего не могут со мной сделать. Одно дело

заточить в междумирье невоплощенную пустоту. Теоретически это было возможно. Творцы уже сталкивались с Бездной. Но совсем другое дело пересечься с её воплощением. Пока Ничто сковано внутри сердца своего носителя, слуга представляет собой обычное смертное тело: порежешь палец — закапает кровь, от удара появится синяк. Ему необходима пища, вода, воздух... Но если упустить мгновение: позволить разорвать цепи, может случиться непоправимое. Да... кажется, я говорил — один шанс из тысячи, даже из миллиона: вместо того, чтобы уничтожить своего носителя, Бездна отразит его и примет. Но Алевтина сама уничтожила последний барьер, который сковывал пустоту у моего сердца. Вы ведь слышали фразу: когда ты смотришь в Бездну, она смотри в тебя? Все просто. От человека останется лишь оболочка... — внутри больше не бьётся сердце, не работают другие внутренние органы — их больше нет, только пустота: миниатюрная Бездна — канал, который связывает её с межреальностью, где и обитает Ничто.

Совсем недавно меня ещё можно было просто убить, как любого другого человека. Я ощущал физический дискомфорт, температуру, мог пораниться. Но Великая мать допустила ошибку.

Кто я теперь?

Ни мальчик Серёжа из мира Земли, ни лорд-спаситель Серег, никто.

Пустое место. Пятно на полу можно вымыть, сор смести, жвачку отскоблить, можно даже заменить паркет, перестелить ковер, поставить на это место стул. Но стул останется стулом, и когда вы его уберете, там по-прежнему будет пустое место.

И творцы ничего не могли со мной сделать.

Я лежал в правильном круге метра четыре в диаметре, начертанном густой кровью. Они не связали мне руки, не попытались обездвижить как-либо ещё. Просто бросили, как сломанную куклу под пресс — вот только механизм сломался в последний момент. И никто не знал, что же нужно делать.

Кроме меня.

— Ты хорошо поработал... — Бездна наконец-то заметила, что я пришел в себя. Она сидела рядом и, улыбаясь, наблюдала за попытками творцов. Раз от раза, — глупцы. Они притащили тебя на Землю. Именно туда, куда нам и нужно было попасть. Ну что, повторим конец света для этого мира?

Она верила в свою абсолютную победу. И была права. Разве что, немного подстраховываясь, пока я не исполню её желание, продолжала держать вокруг своей игрушки тонкий пустотный кокон.

— Не хочу сюрпризов, подобных тому, что устроил твой тёмный мастер. Это чуть не стало финалом! Только подумать, упустить такую мелочь — последний штрих. Хорошо, что она опять ошиблась. Ну же?

— Подожди. Ты ждала столько тысячелетий, неужели пара минут что-нибудь решат?

Я медленно поднялся на ноги, огляделся. Огромная площадка также круглая. Что-то подсказывало мне, что круг был не просто правильным, а идеальным до последнего миллиметра. С одной стороны площадка заканчивалась странной завесой, состоящей из искрящейся и переливающейся всевозможными цветами массы. На её поверхности то вздувались вот-вот готовые лопнуть, но не лопающиеся плотные пузыри, то образовывались впадины, то в смешении красок мелькали гигантские лица, пристально рассматривающие меня.

Встретившись взглядом с пустыми провалами глазниц, заполненных красным светом, я

поспешил отвернуться к другой стороне. Оставшуюся часть площадки окружали огромные колонны, соединённые на высоте десятка метров изогнутыми дугами. И изморозь. Она покрывала колонны, пол, обрываясь в нескольких шагах от искрящейся завесы. А за колоннами клубился все тот же тёмный туман, оставляющий ощущение того, что зал бесконечен.

Творцы стояли около завесы. Злые лица со следами отчаянья. Они смотрели на меня так, как загнанная дичь смотрит на хищника, думали, что сейчас им придётся сражаться за собственные шкуры, разве что та странная безумная женщина стояла в стороне от остальных и криво улыбалась. И среди творцов не было Алевтины. Пресветлая мать опаздывала на казнь. Значит, время ещё было.

Я создал тонкую нить пустоты, осторожно пробивая себе путь в Земную реальность. Здесь защита была совсем иной. Творцы постарались на славу, оберегая свой дом. Словно дорогой подарок, который оборачивают в несколько слоев яркой бумаги, они завернули драгоценный мир в сотни барьеров.

Нужное мне существо нашлось быстро. Сидящий за столом библиотеки и уныло разглядывающий огромную стопку книг тридцатилетний мужчина был слишком похож на Девеана. Точнее, надзиратель оказался точной копией библиотечного гостя. Странно, но его облик все время плыл перед глазами, словно я видел не взрослого мужчину, а мальчишку-подростка с непонятными красно-черными волосами.

Однако больше времени не дали. Творцы, решив, что сейчас я начну разрушать их мир, из последних сил ударили по мне. Барьер устоял, но отзвук нечеловеческой мощи всесильных существ, донесся и до Земли, несколько раз потрянув здание, в котором находился мужчина. И он безошибочно почувствовал пустоту.

— Просто не называй его Девеаном, договорились? — попросил я.

Мужчина судорожно кивнул.

Все.

И так ожидаемо именно в этот момент я, на грани, снова услышал знакомый мотив.

— Хочешь, я дам тебе душу?

— Мне не нужна душа, Единый. Спасибо.

Время остановилось. Я видел, как замерла начавшая вырисовываться в воздухе Алевтина, как остановилось движение цветной массы, в одну секунду превратившейся в просто странную стену. Он стоял напротив меня, все тот же странный ребёнок.

— Отказываешься? Но я действительно это могу...

— И именно потому, что я точно откажусь, ты предлагаешь мне ее. Что сейчас стану делать с душой? Нет. Я доведу эту игру до конца. Осталось совсем не много.

— Я знаю. Решил выполнить своё обещание и рассказать конец одной сказки.

— Мне уже рассказали. Даже две.

Единый улыбнулся.

— К этому мы вернёмся чуть позже. Ты в курсе, что только что создал самый забавный парадокс? Переплел две различные ветви реальности, скрепив их временем, которое в одном мире прошло несколько столетий назад, а в другой вероятности пока вообще может не наступить. Он ведь даже не подозревает, кого ему нельзя называть Девеаном.

— В курсе. Теперь время будет вынуждено вырезать этот парадокс и заключить его в отдельную сферу. Девеан рассказал мне немного об этом. Именно то, что мне нужно. Ведь там, где случился один парадокс, появляется вероятность, что и второй сможет произойти

совершенно случайно. Скажем, всесильная сущность не сумеет защитить смертное тело. Я всего лишь создал для этого условия, соблюдая все законы множественной вселенной.

— Не только, мальчик Сергей... не только это, — Единый создатель покачал головой и мечтательно прищурился, — ты только что сам дописал конец этой истории. Посмотри... Этого ещё не случилось, но путь уже сформировался и время послушно заполняет новое русло. Ну же...

И я заглянул. В первый раз за все свои жизни я видел не опостылевшее прошлое, а ещё зыбкое, не определившееся до конца и такое странное будущее...

Мой дом...

Лешина комната. За окном поздняя осень, дождь тихо шелестит по карнизу.

Брат сидел, почти уткнувшись носом в монитор, и что-то читал.

Я встал у него за спиной и увидел строчки знакомого текста. Та книга, которую я оставил ему: моя жизнь. Видимо, он нашел эту папку совсем недавно, и успел дочитать лишь до середины, через каждые десять-двадцать минут, непонимающе спрашивая самого себя вслух: «Когда я успел это написать?!»

Он перевел курсор чуть ниже, и я вчитался в текст, словно заново знакомясь со своим прошлым. На белом вордовском листе оно казалось таким простым и нестрашным.

«И люди смеялись, веря в то, что теперь все будет хорошо.

...Левая щека адски болела — казалось, изящная половинка маски, которая должна была скрывать уродливую рабскую татуировку-шрам, была усыпана острыми иглами, беспощадно впивающимися в кожу. Рука на перевязи и плотно перебинтованный бок также оптимизма не добавляли. Что уж вспоминать о спине, которую целых два часа до бала натирали мазями, чтобы ещё не зажившие раны от пыток позволили мне поучаствовать в этом празднике. Хотя... какой праздник? — для остальных — да, бесспорно. Но только не для меня... просто сделал работу — очень грязную и гнусную работу. А как ещё можно назвать заказное убийство? И что, что «заказали» тёмного мастера, сославшись на пророчество и неисчислимы несчастия, что он приносил этому миру. Как убийство не назови — суть останется прежней. Да и где были мои brave друзья и защитники, пока два месяца меня резали на ленточки... нет, не стоит вспоминать все это. Хватит. И так тошно.

Признаю. Я обиделся на друзей, что все это мне пришлось пройти одному. И трон мне не нужен. На совете, который должен состояться после бала, так и скажу. Пусть уж лучше Далик правит, а мы с Ирэн возьмём антидот и ко мне домой, к родителям и братишке. Как же я по ним скучаю! Только вот полечусь и сразу на Землю, ну их, эти спасательные миссии, лучше снова учиться пойду.

— Эй! — Ирэн выскочила, словно из мраморного пола в круговерти золотых блесков, осыпающихся с потолка. В руках девушка держала два бокала с игристым белым вином, один она подала мне — пей! — это прозвучало, как приказ. — Тебе просто необходимо расслабиться.

— Два месяца «расслаблялся» — куда уж больше.

Всё равно пить мне пока нельзя. Старенький лекарь несколько раз повторил, что алкоголь плохо сочетается с теми настоями, которыми он меня отпаивал. Так что, осмотревшись, я ухватил пробегающего мимо слугу здоровой рукой и поставил бокал к нему на поднос. Мальчишка приглушенно пискнул, разглядев, кто оторвал его от работы и поспешно поклонился. Захотелось громко и грязно выругаться...

— Серег! Послушай меня. Мы устали от похорон. Всё устали — не только ты. Так дай людям развеяться, у нас слишком давно не было повода для праздника. Так что не ворчи, пожалуйста.

Красавица... какая же она красавица. И умница. Всегда говорит правильно — точно в цель бьёт. И в этом платье Ирэн так очаровательно выглядит.

— Хорошо, — обхватив рукой за тонкую талию, скованную синим шёлком, я закружил Ирэн, скользя по начищенному полу. Девушка звонко рассмеялась и утянула меня в круг танцующих. Пары уважительно расступились, оставляя нам самое лучшее место в центре зала, а музыканты, собравшись, заиграли очередной вальс.

— Ты выйдешь за меня? — нагнувшись к её маленькому ушку, прошептал я. Каждый достоин своего клочка тепла и света, а у меня моё персональное солнышко — Ирэн.

— Да! — ответ не замедлил себя ждать ни на секунду.

Боль кольнула где-то под сердцем, и на секунду счастье ушло. В конце зала, прислонивший к колонне стоял Эрик и улыбался, а потом поклонился, и вот танцующая пара скрыла его от моих глаз — секунда, видение растворилось.

— Серег? — встав на цыпочки, девушка легко прикоснулась своими губами к моим, словно и не поцелуй...

— Извини, больно... — как легко врать. — Всё в порядке, если хочешь — ещё один танец я продержусь.

— Ну, уж нет! — Ирэн замерла, сложив изящные ручки на маленькой аккуратной груди, — пойдём, присядем — отдохнёшь чуть-чуть. Нужно, чтобы к свадьбе ты был абсолютно здоров!

— Обещаю...

И снова укол боли. словно отзываясь на него, двери распахнулись, и в залу чинно промаршировал десяток гвардейцев. Я даже не удивился, когда капитан направился в мою сторону. Перед ним почтительно расходились люди, в глазах аристократов зажигался огонёк интереса: что новенького из сплетен подбросит им лорд-спаситель на этот раз?

— Господин Серег? — уточник широкоплечий мужчина в новенькой форме.

— Он самый, — я снял маску, почтительно поклонился, только вот улыбка вышла кривая из-за рабской татуировки, которая сковывала левую половину лица, — что-то случилось, капитан Лесте? — припомнил я род гвардейца.

— Мне очень неудобно перед вами, милорд, но совет просит вас немедленно явиться в малую залу для уточнения нескольких вопросов...

Но почему они прислали целых десять гвардейцев всего лишь для «уточнения нескольких вопросов»?

— Хорошо, конечно же, я пройду с вами. Но что за вопросы, нельзя ли узнать? — на всякий случай спросил я. Готовым надо быть ко всему, вплоть до появления нового тёмного мастера. Бездна! Но всё-таки причём здесь охрана?

Капитан замялся ещё больше, похоже, он предпочитал объяснить все за дверями, а не на публике, однако моё упрямство...

— Милорд... все надеются, что это досадное недоразумение, но вас... вас обвиняют в предательстве!

Что? Ирэн больно вцепилась в ещё незажившую руку, по залу волнами расходился пораженный шепот. Нет, такого просто не может быть... просто очередная шутка Далика, черт его задери! Лесте сделал шаг, чтобы взять меня под руку и вывести из зала. Сработал

рефлекс... глупый рефлекс, который появился в плену у Эрика и от которого никак не мог избавиться — одно движение и карточный домик рассыпался. Именно таким властным движением меня вытягивал из камеры Масиб, когда мастер разрешал ему развлекаться с пленником. Я сделал шаг назад, пригнувшись, словно приготовившись к прыжку.

— Я сам!

Стоящие рядом люди в ужасе попятились от своего спасителя — в серых всегда непроницаемых глазах на секунду мелькнул багровый отблеск безумия...»

Девеан давно спал, а Ирэн лежала, подтянув острые коленки к животу, и рассматривала пятнышко на простыни, слушала спокойное дыхание надзирателя, мяла в маленьких ручках край одеяла, словно хотела порвать ткань. Снова соврала... Бездна, как же ей надоели эта непонятная игра, эта странная роль.

Как же ей надоело врать!

Ещё немного и все измениться. Можно будет скинуть с себя маску, улыбнуться и просто жить. Если конечно, память не помешает. Она сделала всё именно так, как он ей сказал. Правильно? Больно...

А в сознании пестрой круговертью слова.

...- Вот теперь всё правильно?

— Да, родная, ты всё сделала верно. Скоро он приведет Алевтину. Должен привести. А та наверняка успела как-то подстраховаться, наверное, через Эрика. Что случилось, родная? Вот, возьми платок, вытри слезы. Я не передумаю, не пущу тебя... Не надо. Зачем тебе идти за мной в Бездну? Там холодно и нет ничего, кроме пустоты. Тебе дали второй шанс, родная, используй его. Живи.

— Нет... Не хочу. Что я буду делать? Что скажу?

— Соврешь, родная. Мы все уже давно привыкли врать и играть. А Девеан, он надежный. Он спасет тебя, а если нет — там тоже будет пустота. Не бойся ее. Скажи, что устала. Ты ведь устала, да? Вот видишь — это правда. Скажи, что больше не любишь меня, никогда не любила. Зачем мне твоя любовь? Я ничего не чувствую, а если ты пойдешь за мной, тоже разучишься и потеряешь смысл. Не надо. Скажи, что не хочешь идти за мной, что передумала. Соври, что боишься безумия. Да, я тоже всем лгу, даже себе. Это очень просто. Каждый раз получается все лучше и лучше. Девеан поверит, тебе невозможно не верить. А еще скажи, что забудешь меня. Упрямая. Не мотай головой, забудешь. Все забудут. Только не называй свою дочь Эллин, хорошо? Не плачь... Пойдем. Надо подготовиться к последнему раунду.

Пойдем, родная. У нас ещё осталось немного времени...

Ирэн уткнулась носом в подушку, укусив её угол, чтобы не закричать. Но как же Серег был прав! Она до смерти боялась безумия и холода пустоты. И так хотела попробовать, как это — жить нормально. Чтобы, засыпая под шум дождя рядом с любимым человеком, не думать о том, чем завтра кормить семью, не просыпаться от собственного крика, путаясь в слишком реальных кошмарах. Чтобы, встречаясь взглядами, не тонуть в чужом отчаянье. А по утрам слышать детский смех.

Теперь у неё будет все это. Кроме него... только маленький кусочек янтаря.

А Серег обязательно добьется своего, выиграет. И у творца, и у Бездны. И от этого знания только сильнее хотелось кричать.

Когда-нибудь:

...Я не успел дочитать конец. Изображение поплыло, раздался хлопок открывающегося окна и вежливый кашель. Алеша вскочил на ноги, схватив со стола ножницы. Но нападать странный гость не собирался. На подоконнике сидел тот самый странный мужчина из библиотеки, сейчас он выглядел именно так, как в видении — мальчишка со смешными разноцветными волосами. Сложно было поверить, что это странное существо — будущий отец Девеана...

— Привет! — гость аккуратно сложил большие черные крылья и спустился в комнату, — прости, что так, но времени у меня не много. Решил должок отдать. Раз уж тётушка проговорила, надо хоть кому-нибудь причинить добро. Ты как?

— Кто ты? — голос обрата охрип, а Леша беспомощно выставил перед собой бесполезные ножницы.

— Неважно, — парень одним движением приблизился к Алёше и дотронулся до его лба, — всего лишь возвращаю потерянную память. Прощай! — и, помахав рукой, гость выпрыгнул из окна, в падении раскрывая полотна крыльев.

Но брат уже не обращал на него внимания, он рухнул на пол, сжимая голову руками.

— Это было по-настоящему... эта книга... Сережа, обманул. Боже, что же делать?

Изображение снова поплыло, но я успел увидеть, как брат, словно получив неслышимый ответ на свой вопрос, кинулся обратно к компьютеру, принявшись удалять фрагменты текста.

...И снова комната. И за окном опять осень, только ранняя — год прошел. И брат изменился: похудел, осунулся. Взгляд изменился — холодный, жесткий. Леша прошел в комнату, неся в руках красиво упакованную посылку, сел на кровать. Несколько минут он просто смотрел в одну точку, словно собирался с мыслями или пытался побороть что-то внутри себя. Потом порвал пакет, достав лежащие в нем книги. Подойдя к нему, я сел рядом, смотря, как Леша бережно перелистывает сероватые страницы. На последнюю упало несколько слез, и брат тут же отвернулся, злясь на самого себя за постыдную слабость.

Я же смотрел только на последнюю строчку:

«И люди смеялись, веря в то, что теперь все будет хорошо»...

Дальше текста не было.

Сейчас:

— И не нужно, — улыбнулся Единый.

Вокруг меня снова оказался зал, замершие творцы, Бездна. Будущее ещё не произошло, но я знал, что будет именно так.

— Сказки должны заканчиваться словами: «и жили они долго и счастливо», на то они сказки. Не стоит переворачивать страницы и спрашивать, что же стало дальше... Нужно закрыть книгу и верить, что все было хорошо. Ты ведь знал, что так получится?

— Надеюсь, что мне удастся провести собственную игру. Они не относились ко мне серьёзно: интересная игрушка, вот и все, что видели во мне. Безвольная, бездушная.

Ошиблись, в который раз...

Единый покачал головой.

— Я знал, что ты откажешься от души... но даже если бы ты и согласился, я не смог бы вернуть тебе твою душу, новую, быть может. Ты так умело игрался словами, и пафосными фразами, но так ничего и не понял. Хочешь я скажу тебе, почему ты не испытывал страха и так легко играл свою роль? Ты был уверен, что твоя душа осталась неприкосновенной и эта грязь не запятнает ее. А Ирэн так и не решилась сказать, что этой души нет. Ты умрешь, мальчик Сергей. И от тебя не останется ничего, так же как от того маленького мира, что ты разрушил. Тебя забудут. Творцы сделают все, чтобы вычеркнуть эту досадную ошибку из всех воспоминаний.

Я вздохнул, не став уточнять, что все понял давно... Если им приятнее думать о моих заблуждениях — так тому и быть. Эта маленькая вечность подходила к концу. Вот-вот Единый создатель извинится, и время снова вернет своему ходу резкость и неотвратимость.

— Книги хватит, спасибо. Знаешь, мне совсем не страшно. Прощай, Единый...

— Прощай, мальчик Сергей.

Бездна встрепенулась, словно смогла уловить, что пропустила что-то очень важное. Но я ничего ей не сказал, наблюдая, как в зале появляется Алевтина. Она сменила тунику на простые джинсы и мужскую рубашу, будто пришла не на казнь носителя Бездны, а на встречу хороших друзей. В руке женщина держала чуть светящийся нож, даже из своего круга я чувствовал, что он пропитан силой времени.

— Как мы любили и как умирали... — прошептал я запомнившуюся строчку.

Творец тем временем начала свою речь. Наверное, это нужно было сказать, хотя все оказалось понятно и без слов.

— Тебя нет, но когда-то где-то ты существовал. Я ещё раз сотру твою жизнь. И ты по-настоящему превратишься в осколок пустоты, Сергей. Так надо. Это была очень плохая игра, прости. Ты приговариваешься к полному развоплощению.

— Дура, — презрительно выплюнула Бездна, — всего-то надо чуть уплотнить барьер и нож превратить в пыль. Хорошо, подождем, пока она не поймет, что этим нас не возьмешь, и приступай к разрушению Земли.

— Как скажешь, — согласился я.

И в этот момент Пресветлая Алевтина отчаянно метнула нож.

Жестокие дети, которые были готовы до последнего защищать свой дом. Всего лишь дети... Я видел это в зелёных глазах Аливы — они более не были пустыми, в них читалась живая, настоящая тоска. Творец сама не верила, что у нее получится, но решила попытаться... Ведь потом им бы пришлось решать, чью жизнь отдать ради моей смерти.

Не стоит, Великая, это слишком большая цена. Хватит одного гроша.

И пока Бездна не успела сделать хоть что-нибудь, я быстро прочертил на барьере небольшую трещину. Как раз напротив горла.

Чтобы наверняка.

И ещё успел увидеть ярость проигравшей Бездны и искреннюю, благодарную улыбку творца.

А потом меня не стало.

Конец

